ISSN 2587-6953

ТАМБОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEOPHILOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2021

ТОМ 7 | № 27

ISSN 2587-6953
9 772587 695009 21027 >

ISSN 2587-6953

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

Главный редактор
д. филол. н., проф. А.С. Щербак
(г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор
чл.-корр. РАН, д. филол. н. С.А. Мызников
(г. Москва, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:
д. филол. н., проф. К.М. Абишева
(г. Нур-Султан, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Р. Гольдт
(г. Майнц, Федеративная Республика Германия)
д. филол. н., проф. М.В. Горбаневский
(г. Москва, Российская Федерация)
д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. С.В. Кезина
(г. Пенза, Российская Федерация)
д. философии, доц. Дж. Куртис
(г. Оксфорд, Великобритания)
д. филол. н., ассист. проф. Ю. Накано
(г. Киото, Япония)
д. филол. н., доц. О.Н. Новикова
(г. Уфа, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. О.Ю. Осьмухина
(г. Саранск, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Полякова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Л.А. Пронина
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.В. Рацибурская
(г. Н. Новгород, Российская Федерация)
д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг
(г. Пенза, Российская Федерация)
к. филол. н. Цявень Сунь
(г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. В.И. Супрун
(г. Волгоград, Российская Федерация)
д. пед. н., проф. П.В. Сысоев
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. З.К. Темиргазина
(г. Павлодар, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Г.Н. Трофимова
(г. Москва, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. А.Б. Туманова
(г. Алматы, Республика Казахстан)
д. филол. н., проф. Л.А. Фурс
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Л.Е. Хворова
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Чжан Цзе
(г. Нанкин, Китайская Народная Республика)
д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин
(г. Тамбов, Российская Федерация)
д. филол. н., проф. Ю.М. Шемчук
(г. Москва, Российская Федерация)

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2021
© Журнал «Неофилология», 2021

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2021
Т. 7, № 27

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЁТСЯ С МАРТА 2015 Г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России (распоряжение от 12 февраля 2019 г. № 21-р), по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки); 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки); 10.02.01 – Русский язык (филологические науки); 10.02.04 – Германские языки (филологические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)
Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 367

РУССКИЙ ЯЗЫК

Шаховский В.И. Экология коммуникативной дистрибуции слова 369
Барышникова Г.В. Языковые аттрактивы корпоративного сайта 377
Тугушева А.В., Пискунова С.В. Классификация текстовых единиц с семантикой обращений в системе русского языка 384
Веселова Е.Г. Христианские культовые сооружения и их народно-разговорные номинации (на материале текстов Е.В. Честнякова и живых поунженских говоров) 393

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Адрес редакции и издателя:
392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Ответственный секретарь И.В. Ильина
Редакторы:
М.А. Сенина, М.И. Филатова
Редактор английских текстов
В.В. Клочихин
Компьютерное макетирование
Т.Ю. Молчановой
Дизайн обложки Т.О. Прокофьевой
Администратор сайта М.И. Филатова

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440
Эл. почта: ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html (на русском языке); http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html (на английском языке)

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Тираж 1000 экз. Заказ № 21127
Подписано в печать 20.05.2021
Дата выхода в свет 03.06.2021

Формат А4 (60×84 1/8)
Гарнитура «Times New Roman»
Печать на ризографе
Печ. л. 23,0. Усл. печ. л. 22,3
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»
Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования:
Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. 184 с.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

16+

ОНОМАСТИКА

Врублевская О.В. Коннотативные макротопонимы: динамический аспект 402
Беляева М.Ю. Ломка ономастических стереотипов в онлайн-играх телефонного формата (на примере игры «Верховный Мандарин») 412
Королёва И.А. Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского пограничья 425
Беляев А.Н. Немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии 434

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дубова М.А. Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» 444
Горобцов Е.В., Митчелл П.Д. Особенности перевода статей СМИ о COVID-19 на китайском языке в лингвопрагматическом аспекте 453
Идзибагандова У.И. Представления о счастье в мировоззренческих картинах русского и дагестанского народов 460

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Глазкова М.М. Функциональность приёмов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия» 467
Старостина С.А. Современные писательские блоги в литературном, научном и образовательном пространстве 475

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ружицкий И.В. ‘Страх’ и ‘смех’ Ф.М. Достоевского 483
Копырюлин С.В. Образно-мотивная структура сборника поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича «Из пепла» 495
Цзинь Лили. Проблемы исторической памяти и её сохранения, ответственности, всепрощения. От романа «Тишина» к повести «Родственники» Ю.В. Бондарева 503
Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г. Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке 512

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Доник К.В. Из Карай-Салтыково в Вяжли: письма Г.Ф. и Н.А. Петрово-Соловово к Баратынским 522
Вэн Цзятун. Слово *жемчуг* в русской поэзии и его китайские корни 536

ХРОНИКА 545

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 547

ISSN 2587-6953

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).
The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

Editor-in-Chief
Doctor of Philology, Professor A.S. Shcherbak (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor
Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology S.A. Myznikov (Moscow, Russian Federation)

Editorial Board:
Doctor of Philology, Professor K.M. Abisheva (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Mainz, Federal Republic of Germany)
Doctor of Philology, Professor M.V. Gorbanevskiy (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor S.V. Kezina (Penza, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Oxford, Great Britain)
Doctor of Philology, Assistant Professor Y. Nakano (Kyoto, Japan)
Doctor of Philology, Associate Professor O.N. Novikova (Ufa, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor O.Y. Osmukhina (Saransk, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg (Penza, Russian Federation)
Candidate of Philology Jiawen Sun (Tianjin, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor V.I. Suprun (Volgograd, Russian Federation)
Doctor of Pedagogy, Professor P.V. Sysoyev (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Z.K. Temirgazina (Pavlodar, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor G.N. Trofimova (Moscow, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor A.B. Tumanova (Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Philology, Professor L.A. Furs (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor L.E. Khvorova (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Zhang Jie (Nanjing, People's Republic of China)
Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin (Tambov, Russian Federation)
Doctor of Philology, Professor Y.M. Shemchuk (Moscow, Russian Federation)

© FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University", 2021
© The journal "Neophilology", 2021

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

NEOPHILOLOGY

2021
Vol. 7, No. 27

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

PUBLISHED SINCE MARCH 2015
ISSUED 4 TIMES A YEAR

The journal is on the "official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science" by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (the decree of Ministry of Science and Higher Education of Russia of February 12, 2019, no. 21-p), on the following fields of science: 10.01.01 – Russian literature (philological sciences); 10.01.08 – Theory of literature. Textology (philological sciences); 10.02.01 – Russian language (philological sciences); 10.02.04 – Germanic languages (philological sciences); 24.00.01 – Theory and history of culture (culturology)
Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library "eLIBRARY.RU", Electronic Library "CyberLeninka"

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE

Shakhovskiy V.I. Ecology of communicative word distribution 369
Baryshnikova G.V. Language attractions of the corporate website 377
Tugusheva A.V., Piskunova S.V. Classification of text units with the semantics of references in Russian language system 384
Veselova E.G. Christian religious constructions and their folk and colloquial naming (in the texts by E.V. Chestnyakov and current patois of the Unzha area) 393

Founder:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Derzhavin Tambov State University" (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher's:
FSBEI of HE
"Derzhavin Tambov State University"

Editorial Office and Publisher address:
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Executive Editor I.V. Ilyina
Editors:
M.A. Senina, M.I. Filatova
English texts editor
V.V. Klochikhin
Computer layout
T.Y. Molchanova
Cover design T.O. Prokofeva
Web-site administrator M.I. Filatova

Editors telephone: (4752)-72-34-34 add 0440
E-mail: ilina@tsutmb.ru
Web-site: http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html (In Russian); http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html (In English)

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Tirazh 1000 ekz. Zakaz № 21127
Podpisano v pechat' 20.05.2021
Release date 03.06.2021

Format A4 (60×84 1/8)
Garnitura «Times New Roman»
Pechat' na rizografe
Pech. l. 23,0. Usl. pech. l. 22,3
Free price

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House "Derzhavinskiy" of FSBEI of HE "Derzhavin Tambov State University".
190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation
E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Subscription index in the catalogue LLC "Ural-Press" is 80303
Distribution territory:
Russian Federation, foreign countries

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

For citation:
Neophilology. 2021. Vol. 7, no. 27. 184 p.
ISSN 2587-6953
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27

Content of the journal is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ONOMASTICS

Vrublevskaya O.V. Connotative macrotoponyms: dynamic aspect 402
Belyaeva M.Y. Breaking of onomastic stereotypes in online games of the telephone format (on the example of the game "Supreme Mandarin") 412
Koroleva I.A. Regional toponymy: toponymic system commonality of the Smolensk-Vitebsk borderland 425
Belyaev A.N. German-Slavic toponymic contacts in East Germany 434

LANGUAGE STUDIES

Dubova M.A. The concept of "Mental activity" as a component of the hero's linguistic personality in the novel by I.A. Bunin's "Life of Arseniev" 444
Gorobtsov E.V., Mitchell P.J. Translation features of media articles about COVID-19 in Chinese in the linguo-pragmatic aspect 453
Idzibagandova U.I. Understanding of happiness in Russian and Dagestan worldview images 460

LITERATURE STUDIES

Glazkova M.M. The functionality of comic techniques in the novel "The Days of Savely" by Grigory Sluzhitel 467
Starostina S.A. Modern writing blogs in the literary, scientific, and educational space 475

RUSSIAN LITERATURE

Ruzhitsky I.V. 'Fear' and 'laughter' of F.M. Dostoevsky 483
Kopyryulin S.V. Gallipoli poet N.V. Stanyukovich's collection "From the ashes": image-motive structure 495
Jin Lili. Problems of historical memory and its preservation, responsibility, forgiveness. From the novel "Silence" to the story "Relatives" by Y.V. Bondarev 503
Elepova M.Y., Kabanova N.G. Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of the Hedgehog and the Bear 512

CULTUROLOGY

Donik K.V. Karay-Saltykovo in Vyazhli: letters to G.F. and N.A. Petrovo-Solovovo to Baratynsky 522
Weng Jiatong. The word *pearl* in Russian poetry and its Chinese roots 536

CHRONICLE 545

RULES FOR THE AUTHORS 547

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.373.2+81.371
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376

Экология коммуникативной дистрибуции слова

Виктор Иванович ШАХОВСКИЙ
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 27
✉ shakhovsky2007@yandex.ru

Аннотация. Предлагается расширительное понимание лингвистического термина дистрибуция. Перечисляются её возможные конструкты в различных коммуникативных актах и коммуникативно-смысловых ситуациях в аспекте новой лингвистической парадигмы – «Эмотивная лингвоэкология». Выделяются несколько конструктов дистрибуции коммуникативного взаимодействия говорящих. Каждый тип конструктов иллюстрируется примерами из истории и современности жизни русского языка, а также художественной автобиографической литературы, педагогических притч и интернет-ресурсов. Обосновывается, что современная эпоха характеризуется наличием креатем, эмоционализацией и экспрессивизацией социума, о чём свидетельствует экология общения. Утверждается, что одной из основных задач современной мировой лингвистики является обуздание человеческих эмоций языком, его лингвопластикой и переориентация всех видов общения на позитивный вектор. Для рассмотрения языковых фактов предлагается нетривиальный подход к пониманию терминопонятия лингвистической дистрибуции, а именно – расширительное её понимание: окружение слова справа–слева (контактная/дисконтактная/дистантная), акция, ситуация, событие, конфессия, культура, социальная среда, микро-, макроконтекст, контекст главы/раздела, части книги, вертикальный контекст всей книги, вертикальный контекст всех текстов одного автора, вертикальный контекст всех книг всех авторов, конкретная культура всех авторов художественных и нехудожественных произведений – глобальный мега-контекст какого-либо глобального слова / глобальной семантической универсалии.

Ключевые слова: дистрибуция, слово, семантическое расширение терминологического понятия, эмотивная лингвоэкология, коммуникология

Для цитирования: *Шаховский В.И.* Экология коммуникативной дистрибуции слова // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 369-376. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376

Ecology of communicative word distribution

Victor I. SHAKHOVSKIY
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 V.I. Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
✉ shakhovsky2007@yandex.ru

Abstract. We offer an extended understanding of the linguistic term distribution. We list its possible constructs in various communicative acts and communicative-semantic situations in the aspect of a new linguistic paradigm – "Emotive linguoecology". We distinguish several constructs for the distribution of the communicative interaction of speakers. Each type of construct is illustrated with examples from the history and modern life of the Russian language, as well as fiction autobiographical literature, pedagogical parables and Internet resources. We substantiate that the modern era is characterized by the presence of createme, emotionalization and expressivization of society, as evidenced by the ecology of communication. We argue that one of the main tasks of modern world linguistics is to curb human emotions with language, its linguoplastics and reorientation of all types of communication to a positive vector. To consider linguistic facts, we propose a non-trivial approach to understanding the term concept of linguistic distribution, namely, its extended understanding: word position from right to left (contact / discount / distant), action, situation, event, confession, culture, social environment, micro-, macrocontext, chapter / section context, book parts, vertical context of the entire book, vertical context of all texts of one author , the vertical context of all books by all authors, the specific culture of all authors of fictional and non-fictional works - the global mega-context of some global word / global semantic universum.

Keywords: distribution, word, semantic extension of terminological concept, emotive linguoecology, communicology

For citation: Shakhovskiy V.I. Ekologiya kommunikativnoy distributsii slova [Ecology of communicative word distribution]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 369-376. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-369-376 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Проблемой, которой ни лингвоэкология, ни эмотивная лингвоэкология ещё не занимались, является пересмотр термина понятия «дистрибуция». В традиционном подходе под дистрибуцией понимается окружение слова справа и слева, то есть микроконтекст. Для понимания экологического портрета коммуникативной личности мне представляется необходимым расширить понимание дистрибуции. С этой целью рассмотрим несколько случаев расширительного понимания функционально-смысловой нагрузки дистрибуции. Напомню, в связи с этим термином в методике лингвистических исследований широко известны метод дистрибутивного анализа и метод субституции [1].

Приведу примерный перечь конструктов, формирующих дистрибуции новой коммуникативной реальности.

Л.Н. Толстой считал, что основным назначением художественной литературы является воспитание человека и, прежде всего, воспитание своих эмоций. Я думаю, что он имел в виду воспитание чистых эмоций, то есть экологичных. И их воспитание через слово.

Другим фактором, влияющим на смысловую конкретизацию/трансформацию, является дистрибуция слова и его конситуация, задающие соответственно экологичность/неэкологичность общения. Дистрибуция может быть как вербальной, так и акциональной, а также образной. Так, например, две фотографии лица одного и того же человека, но

на разных фонах воспринимаются по-разному одним и тем же человеком. Сравните: фото лица на фоне цветущей вишни и фото того же лица на фоне гроба [2, с. 152-155]. Примером специфической вербальной дистрибуции (дистантной) является ремарка М. Жванецкого: «Как *жаль*, что вы, *наконец*, уходите». Начало высказывания говорит о сожалении (*жаль*), а вставка слова *наконец* меняет смысл слова *жаль* на обратный. Результатом такой дистрибуции является реверсия смысла, приводящая к эффекту обманутого ожидания.

Напомню, что слово в словаре и слово в речи, то есть в конситуации в вербальной, акциональной, образной, культурной дистрибуциях – не одно и то же. Вот почему современные словари не могут быть достаточно объективными для обучения экологичной коммуникации, и коммунологи давно перед лексикографами ставят задачу создания ситуативных словарей. Прообразом таких словарей являются, например, экологические словари [3; 4]. Это объясняется тем, что речевое слово в многочисленных конситуациях и дистрибуциях выкристаллизовывает свои коммуникативные смыслы, правильное, адекватное использование которых улучшает взаимопонимание людей и их мироощущений. А грустный факт современной коммуникации заключается в том, что люди не всегда правильно понимают друг друга и порой неадекватно воспринимают окружающий их мир (сбитый фокус восприятия). Именно поэтому новая научная парадигма «Лингвоэкология» является своевременным ответом на очередной вызов социума [5].

Приведу примеры, когда конструктом дистрибуции является определённая временная эпоха, меняющая смысловое содержание и ассоциации, связанные с ключевым словом.

Имя *Горбачёв* в разных политических и временных ситуациях, как дистрибутивных конструктах, трансформировало своё смысловое содержание/коннотации/ассоциации и, соответственно, его экологию. Ср.: *Горбачёв и Берлинская стена.* Эта дистрибуция породила концептуальный неологизм *Горби*, выражающий симпатию и любовь немцев к Горбачёву. С его именем так же связаны такие акциональные события-дист-рибуции: *перестройка, новое мышление, ветер перемен,* которые в начале этих процессов, опять-таки как дистрибутивных конструктов, имели позитивно-экологичный смысл, а в конце его деятельности, как провал и мена экологичного знака на негативный: *терроростройка*, *узкостройка, катастройка* и др. Следующий дистрибутивный конструкт – посадка М. Руста на Красной площади, которая обозначала позор для министерства обороны и ПВО СССР и тоже была ударом по имени Горбачёва. Завершением дистрибуций имени *Горбачёв* явилась ситуативная дистрибуция *«развал СССР».* В итоге, имя *Горбачёва* вошло в историю, как ассиметричный дуализм экологичности vs неэкологичности.

С именем Сталина, например, связаны такие дистрибуции: *индустриализация, коллективизация, ДнепроГЭС, репрессии 1938 г., ВОВ* (неудачное начало и победоносное завершение: *Нюрнбергский процесс, Ялтинская конференция*), *смерть Сталина*, *1956 г.* (*разоблачение культа личности*), *сталинопад, ренессанс имени и его памятников, война памятников*. Всё это разные дискурсивные ситуации, акции, вербалии, гештальты, как полиэкологиченые дистрибуции многополярной экологии этого имени.

Особый интерес, по моему мнению, представляют многочисленные дистрибуции слова *чёрный*, которые отображают так называемый экологический маятник по очень длинной градуальной шкале от позитива, через градуированный ноль (включающий смешанную, диффузную экологичность), к наиболее подробно градуированному негативу, отражающему дробную сегментацию неэкологичных конкретизаторов семантико-мистического и магического признака черноты. Вот, наверное, почему человеческой психике трудно держаться всегда только на позитивно-экологической волне коммуникации. В начале перечня вербально-дистрибутивных конструктов позитивной экологичности слова *чёрный,* назову только слово *золото (нефть), глаза* (да и то только в лирических песнях, а в народных традициях чёрные глаза, якобы, могут сглазить, то есть навести на человека беду/несчастье). К сожалению, других примеров позитивности слова *чёрный* мне не попалось. К нулевой экологичности, а видимо, и к непонятной, смешанной отнесу дистрибуции: *пятница; квадрат; карта* (все

три дистрибуции имеют смешанный семантический эффект, и ноль, и плюс, и минус). Третий сегмент градуальной шкалы семантического дифференциала черноты представляет его наиболее дробную конкретизацию семантико-мистического и магического признака слова чёрный: *лебеди (качество этого признака зависит от степени черноты и размера лебедя); кот/кошка; моль; роза; дыра; день; юмор; PR; день календаря; полосы; планета; список; магия/маг; нож (Шотланд.); рынок; шар; снег; ночь; метка; флаг (Весёлый Роджер); цвет; лицо; рот; душа; зависть; слово; полицейские/полковники; маклеры/риэлторы/нотариусы; люди (чернь); беда/горе/неприятность; смерть; чёрная метка белого молока; «Чёрная женщина»* (роман Н. Греча) и др. Получается, что в языковом поле наблюдается явное доминирование неэкологичных дистрибуций определённых слов, как изначально коммуникативно заряженных единиц, сопряжённых с негативными эмоциями, переживаниями. В данном случае слово *чёрный* является конструктом, провоцирующим все дистрибуции негативно-экологического смысла. Этот случай – явный пример асимметрии дуализма: негатив vs позитив.

Среди концептуальных новообразований, связанных с научно-техническим прогрессом и, особенно, с цифровизацией/кибернизацией: *хакеры, киберы, дрон, микробот*; *облако, облачное хранилище* и др., следует назвать ещё один дистрибутивный конструкт экологичности/неэкологичности слова – научно-технические достижения в эпоху цифровизации (подробнее см.: [6; 7]). Тем самым подчеркну ещё раз, что в понятие «дистрибуция» входит не только вербальное окружение слова (его микроконтекст), но и макроконтекст и ситуации/ассоциации/культуры/конфессии/гендер/эпоха/события/факты и мн. др.

Приведу пример макроконтекста в качестве дистрибутивного конструкта – автобиографическое повествование А.А. Ширвиндта «Опережая некролог». Заголовок книги, в такой дистрибуции, вызывает смешанные эмоции по типу эффекта обманутого ожидания: некролог, вроде бы, опередить невозможно, если не знать заявления М. Твена: «Слухи о моей смерти явно преувеличены». Эффект такого названия книги фасцинативен и интригующий. Предвосхищение негатива опровергается вертикальным контекстом книги, как макродистрибуции слова *некролог:* стилистика, интонация, фонация, просодия, как конституенты дистрибуции заглавного слова *некролог*, а также язык тела – мимику, жестику, кинетику автора книги, которые читатель ментально реконструирует в своём воображении, если он видел А.А. Ширвиндта на сцене или в кино. Книга написана очень душевно, очень тепло и радостно, без всякого страха перед неизбежным будущим. Тот факт, что А.А. Ширвиндт упомянул такое огромное количество величайших и знаковых для XX века людей настоящего искусства, и о каждом из них нашёл необыкновенно тёплые и справедливые, порой ироничные слова, говорит о его глубинной доброте и ещё более глубоком и не досягаемом для многих, даже его современников, таланте, который тоже можно отнести к конструкту дистрибуции слова *некролог*. Языковая карта всех экологичных слов (эпитетов, сравнений, метафор и других стилей) в этой книге формирует красочные, действующие и незабываемые образы. Эти образы неповторимых талантов вызывают позитивное, чувственное реагирование у читателя этой книги. Она своим контекстом является образцом глобальной дистрибуции, меняющей экологию восприятия негативного феномена *некролог.* Книга написана так о каждом артисте-современнике А.А. Ширвиндта, что всплывает ментальный образ не только его собственной личности, но и многих его сценических и телевизионных действий и образов, каждый из которых, в свою очередь, можно считать конструктами дистрибуции анализируемого здесь слова [8]. В вертикальном контексте книги А.А. Ширвиндт приводит не только слова хвалебные о своих коллегах по цеху, но и их добрые о нём. Эти слова высказаны А.А. Ширвиндту публично, в переписке, в дарственных надписях и в личных беседах, воспроизведённых в книге. Таким образом, А.А. Ширвиндт как бы выслушал при жизни всё то, что его друзья и коллеги могли бы сказать на его похоронах. Мы знаем, что при прощании с ушедшим от нас человеком высказываются всегда добрые слова, иногда с некоторым «перехлёстом приукрашивания».

Избежать этого – в этом и заключается необычность замысла книги А.А. Ширвиндта, а сам такой приём является конструктом дистрибуции слова *некролог*, что расширяет его смысловое содержание в макроконтексте книги. Данный пример представляет собой образец хорошей речи, значит позитивный, то есть экологичный, поскольку к тексту А.А. Ширвиндта применим список позитивных характеристик человека [9].

Ещё одним примером иного конструкта позитивной дистрибуции является ситуация необычного педагогического приёма, которая также расширяет понимание лингвистической дистрибуции. И переносит его на педагогическую (воспитательную) деятельность.

«Однажды молодой человек узнал в прохожем своего учителя из младших классов. Он подошёл к старику и спросил: «Вы меня не помните? Я был вашим учеником.

– Да, я помню тебя третьеклассником. И чем ты занимаешься сейчас?

– Я преподаю.

– Что же привело тебя к этому выбору?

– Не что, а кто. Вы.

– Каким же образом я вдохновил тебя на нашу профессию?

– Потому что Вы так повлияли на меня, что мне тоже захотелось иметь юных учеников.

– Позволь мне полюбопытствовать, в чём же выразилось моё влияние?

– Вы на самом деле не помните? Разрешите мне освежить это в Вашей памяти.

Однажды мой одноклассник пришёл в класс с красивыми часами на руке, которые ему подарили родители. Он их снял и положил в ящик парты. Я всегда мечтал иметь такие часы. Я не удержался и решил забрать их из его парты. Вскоре тот мальчик подошёл к Вам в слезах и пожаловался на кражу. Вы обвели нас всех взглядом и сказали: «Тот, кто забрал часы, принадлежащие этому мальчику, пожалуйста, верните их». Мне стало очень стыдно, но мне не хотелось расставаться с часами, так что я не признался. Вы направились к двери, заперли её и велели нам всем выстроиться вдоль стены, предупредив: «Я должен проверить все ваши карманы при одном условии, что вы все закроете глаза». Мы послушались, и я почувствовал, что это был самый постыдный момент в моей недолгой жизни. Вы двигались от ученика к ученику, от кармана к карману. Когда Вы достали часы из моего кармана, Вы продолжали двигаться до конца ряда. Затем Вы сказали: «Дети, всё в порядке. Вы можете открыть глаза и вернуться к своим партам».

Вы вернули часы владельцу и не произнесли больше ни одного слова по поводу этого инцидента. Так в тот день Вы спасли мою честь и мою душу. Вы не запятнали меня как вора, лгуна, никудышного ребёнка. Вы даже не удосужились поговорить со мной об этом эпизоде. Со временем я понял почему. Потому что, как истинный учитель, Вы не захотели запятнать достоинство юного, ещё не сформировавшегося ученика. Поэтому я стал педагогом.

Оба замолкли под впечатлением этой истории. Затем молодой педагог спросил:

– Раз Вы меня узнали сегодня, не вспомнили ли Вы меня в том эпизоде?

Старый учитель ответил:

– Дело в том, что я обследовал карманы тоже с закрытыми глазами» [10].

Тактичный педагогический поступок как воспитательный приём не позволил семантике слова *вор* отравить атмосферу учебного класса и коммуникативных взаимодействий школьников друг с другом и с их учителем.

Кибернетические инновации сформировали новую реальность/нормальность, новую этику, взаимодействие людей как коммуникативных, так и акциональных. Но и в этой новой реальности зло не перестаёт быть злом, добро не перестаёт быть добром. Заметно усиливается дуализм асимметрии добра и зла, что заметно в более частотном доминировании негативной лексики и проявлении негативных черт, названных выше в обиходном, реальном и виртуальном общении [11]. И сама жизнь показывает, что в ней больше горя, чем добра. Речеведы отмечают частичное или полное выпадение из функционирования таких слов, например, как *честь, совесть, добродетель, сопереживание, милосердие, добронравие, эмпатия* и др.

Современная эпоха характеризуется эмоционализацией и экспрессивизацией социума. Отсюда и следующие креатемы: р*азогнать эмоции до предела; кипятить эмоции; накачивать ненавистью; минута ненависти;*

эмоциональные качели; немотивированные эмоции; возгонка ненависти; (не)упорядоченные эмоции; чистые эмоции; организованные эмоции; эмоциональное выгорание / эмоциональное отправление и др. Такие креатемы напоминают *цунами* языка вражды.

Злободневной темой сегодняшнего коммуникативного момента является экология общения, которая запустила в обиход и следующие креатемы: *экопросвещение; гражданская экология; экология сознания, эгоэкология; экочистота помыслов; экопсихогигиена; экологическая матрица; токсичная коммуникативная личность; экологическая нетерпимость; экоэнергетика слов; экокачели* и др. Эти и им подобные концептуальные неологизмы интерпретируются в многочисленных статьях специального сетевого журнала, рассматривающего функционирование языка в новой реальности/нормальности в лингвоэкологическом аспекте[1].

Научно-технический прогресс как элемент дистрибуции, а именно временнАя ситуация, увеличивает и количество и качество зла*: троллинг, булинг, стёб, расчленёнка, абьюз, абьюзер, серийные убийства, групповые самоубийства, нападения учащихся на одноклассников и учителей, юзерство, домашнее/сексуальное насилие, допинговые скандалы, стирание граней моральности, склонение к детскому суициду («группы смерти» в Интернете), педофилия, кибермошенничество, излишнее роскошество; симулякры; мэн-хантинг, хайп, хайпф, хайпожёр; флэшмоб, фэйсмоб; кибератаки/войны/преступления, хакеры, цифровые деньги/биткоины, цифровые/кибер войны* и др.

Получается, что количество типов и видов ситуативных и коммуникативно-акциональных дистрибуций увеличивается, и проблема экологизации речевого взаимодействия членов социума обостряется. Дистрибуции становятся всё более неожиданными: *правильный/неправильный мёд, умный станок, умное голосование; гражданинпоэт, юрийгагарин, медиа пейзаж/фигура/образ; элитный алюминий* и др. (почти во всех приведённых здесь примерах мы наблюдаем неожиданные дистрибуции сочетаемости и орфографию). В связи с этим и возрастает роль лингвистики, в частности – коммуникологии, как отдельной научной парадигмы в изучении речевого поведения коммуникантов во всех видах общения: межперсональном, групповом, институциональном и межконфессиональном/культурном.

Таким образом, в данной статье рассмотрена проблема конструирования различных типов дистрибуций, влияющих на формирование соответствующей экологии коммуникативного акта (позитивной или негативной). В исследовании применён нетривиальный подход к пониманию терминопонятия лингвистической дистрибуции, а именно – расширительное её понимание: окружение слова справа/слева (контактная/дисконтактная/дистантная), акция, ситуация, событие, конфессия, культура, социальная среда, микро-, макроконтекст, контекст главы/раздела, части книги, вертикальный контекст всей книги, вертикальный контекст всех текстов одного автора, вертикальный контекст всех книг всех авторов, конкретная культура всех авторов художественных и нехудожественных произведений – глобальный мега-контекст какого-либо глобального слова / глобальной семантической универсалии.

К перечню дистрибутивных конструктов в статье относится и новая/параллельная/контр/альтернативная реальность/нормальность, как временная эпоха – условие функционирования конкретного языка. Сюда же относятся и новая этика, новая стилистика/риторика, новая мораль, новые ценности, новые стигмы, новая лингвопластика разных типов/видов человеческого общения. Вот почему одно и тоже слово в разных дистрибуциях (ситуациях) может иметь разную экологию, как позитивную, так и негативную.

Учитывая психоэмоциональный тренд современного социума, провоцируемый многочисленными природными, человеческими, научно-техническими вызовами, одним из основных конструктов дистрибуции являются бурлящие в разных социумах эмоции. Поэтому результаты проведённого исследования позволяют утверждать, что одной из основных задач современной мировой лингвистики является обуздание человеческих эмоций языком, его лингвопластикой и переориентация всех видов общения на позитивный вектор.

[1] Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2004–2020.

Список литературы

1. *Шаховский В.И., Шейгал Е.И.* Методика лингвистических исследований. 2-е изд., стер. Волгоград, 2010. 123 с.
2. *Ротенберг В.С.* Слово и образ: проблемы контекста // Вопросы философии. 1980. № 4. С. 152-155.
3. *Сущенко Е.А.* Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. Л.Г. Татарниковой. СПб.: Петрополис, 2011. 424 с.
4. *Сковородников А.П.* Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов. М.: Флинта, 2017. 384 с.
5. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве / науч. ред. В.И. Шаховский; отв. ред. Н.Н. Панченко, редкол.: Я.А. Волкова, А.А. Штеба, Н.И. Коробкина. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. 450 с.
6. *Шаховский В.И.* Бомбардирование культурного кода ЯЗЫКА современной информационной средой // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения. Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия / отв. ред. И.В. Зыкова, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2020. С. 483-500.
7. *Шаховский В.И.* Экология языка и человека в меняющемся социуме // Неофилология. 2020. Т. 6. № 22. С. 217-225. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225.
8. *Ширвиндт А.А.* Опережая некролог. М.: Изд-во «КоЛибри», 2020. 232 с.
9. *Леонтович О.А.* Позитивная личность: коммуникативные особенности и поведенческие характеристики // Известия ВГСПУ: Филологические науки. 2019. С. 178-183.
10. *Амонашвили Ш.* Педагогические притчи (сборник). М.: Амрита, 2014. 40 с.
11. *Шаховский В.И.* Триада экологий – человек, язык, эмоции – в современной коммуникативной практике. Волгоград: Перемена, 2017. 359 с.

References

1. Shakhovskiy V.I., Sheygal E.I. *Metodika lingvisticheskikh issledovaniy* [Linguistic Research Methodology]. Volgograd, 2010, 123 p. (In Russian).
2. Rotenberg V.S. Slovo i obraz: problemy konteksta [Word and image: problems of context]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*, 1980, no. 4, pp. 152-155. (In Russian).
3. Sushchenko E.A. *Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatiy* [Dictionary-Reference Book of Linguo-Ecological Terms and Concepts]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2011, 424 p. (In Russian).
4. Skovorodnikov A.P. *Ekologiya russkogo yazyka. Slovar' lingvoekologicheskikh terminov* [Ecology of the Russian Language. Dictionary of Linguoecological Terms]. Moscow, Flinta Publ., 2017, 384 p. (In Russian).
5. Shakhovskiy V.I. (academ. ed.), Panchenko N.N. (executive ed.). *Emotivnaya lingvoekologiya v sovremennom kommunikativnom prostranstve* [Emotive Linguoecology in the Modern Communicative Space]. Volgograd, Peremena Publ., 2013, 450 p. (In Russian).
6. Shakhovskiy V.I. Bombardirovaniye kul'turnogo koda YAZYKA sovremennoy informatsionnoy sredoy [Bombardment of the cultural code of the LANGUAGE with the modern information environment]. *Yazyk, kul'tura, tvorchestvo: Mirovyye praktiki izucheniya. Sbornik nauchnykh statey k 90-letiyu professora Veroniki Nikolayevny Teliya* [Language, Culture, Creativity: World Study Practices. Collection of Scientific Works Dedicated to the 90th Anniversary of Professor Veronika Nikolaevna Telia]. Moscow, Gnosis Publ., 2020, pp. 483-500. (In Russian).
7. Shakhovskiy V.I. Ekologiya yazyka i cheloveka v menyayushchemsya sotsiume [Language and human ecology in the changing society]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 22, pp. 217-225. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-22-217-225. (In Russian).
8. Shirvindt A.A. *Operezhaya nekrolog* [Ahead of the Necrologue]. Moscow, KoLibri Publ., 2020, 232 p. (In Russian).
9. Leontovich O.A. Pozitivnaya lichnost': kommunikativnyye osobennosti i povedencheskiye kharakteristiki [Positive personality: communication characteristics and behavioral characteristics]. *Izvestiya VGSPU: Filologicheskiye nauki – Ivzestia of the VSPU: Philological Sciences*, 2019, pp. 178-183. (In Russian).
10. Amonashvili S. *Pedagogicheskiye pritchi (sbornik)* [Pedagogical Parables (Collection)]. Moscow, Amrita Publ., 2014, 40 p. (In Russian).
11. Shakhovskiy V.I. *Triada ekologiy – chelovek, yazyk, emotsii – v sovremennoy kommunikativnoy praktike* [The Triad of Ecologies – Human, Language, Emotions – in Modern Communicative Practice]. Volgograd, Peremena Publ., 2017, 359 p. (In Russian).

Информация об авторе

Шаховский Виктор Иванович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, shakhovsky2007@yandex.ru

Вклад в статью: идея, концепция исследования, анализ словарей, научной литературы, написание и редактирование текста статьи.

Статья поступила в редакцию 08.01.2021
Одобрена после рецензирования 22.03.2021
Принята к публикации 25.03.2021

Information about the author

Victor I. Shakhovskiy, Doctor of Philology, Professor, Honoured Science Worker of Russian Federation, Chief Research Worker of Language Studies Department. Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, shakhovsky2007@yandex.ru

Contribution: idea, study conception, dictionaries analysis, scientific literature, manuscript text drafting and editing.

The article was submitted 08.01.2021
Approved after reviewing 22.03.2021
Accepted for publication 25.03.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.42
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-377-383

Языковые аттрактивы корпоративного сайта

Галина Валерьевна БАРЫШНИКОВА
ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
119571, Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, 82
✉ barychnikova@bk.ru

Аннотация. Исследование направлено на выявление роли и определения функции заголовка текстового сообщения корпоративного сайта вуза. Целью работы является рассмотрение и описание языковых особенностей номинации текстов корпоративного сайта не только как одного из основных структурных компонентов его содержательного контента, но и как вербальной единицы, выполняющей аттрактивную функцию для адресата и одновременно позиционирующую функцию вуза на образовательном рынке. Предпринята попытка уточнить определение понятия «языковой аттрактив», его прагматической установки. Заголовки текстов анализируются с точки зрения грамматического разнообразия, лексического наполнения, семантического позиционирования, эмотивного содержания и аргументируют точку зрения о том, что они выступают трансляторами не только информации о деятельностном содержании вуза, но также являются аттрактивами позиционирования вуза в сегменте образовательных учреждений.

Ключевые слова: заголовок, корпоративный сайт, аттрактивная функция, аттрактив, позиционирующая функция, лингвистические средства

Для цитирования: *Барышникова Г.В.* Языковые аттрактивы корпоративного сайта // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 377-383. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-377-383

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-377-383

Language attractions of the corporate website

Galina V. BARYSHNIKOVA
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadskogo Ave., Moscow 119571, Russian Federation
✉ barychnikova@bk.ru

Abstract. The research is aimed at identifying the role and determining the function of the text message header of the university's corporate website. The work purpose is to consider and describe linguistic features of the corporate website texts nomination not only as one of the main structural components of its content, but also as a verbal unit that performs an attractive function for the addressee and at the same time positioning function of the university in the educational market. We attempt to define the notion of "language attraction" and its pragmatic setting. The texts' headlines are analyzed in term of grammatical diversity, lexical content, semantic positioning, emotive content and argue the point of view that they act as translators not only of information about the university's activity content, but also attracts the university positioning in the segment of educational institutions.

Keywords: headline, corporate website, attraction function, attraction, positioning function, linguistic means

For citation: Baryshnikova G.V. Yazykovyye attraktivy korporativnogo sayta [Language attractions of the corporate website]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 377-383. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-377-383 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Осознание необходимости отвечать современному позиционированию организации или учреждения, в том числе образовательного, на огромном пространстве конкурирующего рынка заставляет эти организации искать новые контент-технологии, способствующие их презентации, позиционированию, продвижению и завоеванию все большего числа клиентов. Одной из таких современных цифровых технологий является создание сайта, обеспечивающего связь и коммуникацию с целевой аудиторией. Корпоративный сайт предприятия и образовательной организации в частности создаётся с целью полноценного позиционирования его/её деятельности в Интернете, аккумулируя в себе всю необходимую информацию и коммуникативные средства для репрезентации своего имиджа и продвижения товара и услуг на потребительском рынке.

Исходя из принципов коммуникации, преследующей цель установления контакта между коммуникативными партнерами посредством текста, хотелось бы подчеркнуть важность и первостепенную значимость языкового «дизайна» информационного вебпространства, привлекающего к себе внимание адресата, так как «тексты, создаваемые организацией, выражают те ценностные установки, основываясь на которых и формируется образ компании в целом» [1, с. 174].

Поскольку все типы лингвистических средств, «работающих» на создание имиджа организации, представляется сложным рассмотреть в рамках одной статьи, поэтому приоритетным для нашей работы мы выбрали анализ текстовых заголовков корпоративного сайта Волгоградского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации[1], призванных позиционировать данный вуз и создавать его имидж во внешней среде. Для

[1] Сайт Волгоградского института управления – филиала Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. URL: https://vlgr.ranepa.ru (дата обращения 30.11.2020).

решения данной задачи были использованы дескриптивно-аналитический метод (описание и анализ лингвистических средств-конструктов заголовка) и метод контекстуального анализа (изучение текстового окружения, в котором реализуется значение исследуемой языковой единицы заголовка).

Как правило, любой текст начинает своё представление с заголовка. Заголовок не случайно относят к сильным позициям текста. Как отмечает Ю.В. Богоявленская, он «в сжатой форме отражает содержание статьи, задаёт ей определенную оценочность и позволяет прогнозировать содержание всей публикации. Выступая в качестве предтекста, заголовок призван выполнять разные функции и обеспечивать различные прагматические и стилистические эффекты» [2, с. 36].

Бесспорно, любой текст как коммуникативная единица, включая заголовок, обладает целым спектром функций, выделяющих его на фоне других. Он:

– информирует о содержании передаваемого сообщения;

– проявляет свой фатический зачин, призывая потенциального адресата «включиться» в информационное поле передаваемого сообщения;

– позиционирует точку зрения адресанта;

– элементы заголовка могут создавать прагматический потенциал и преследовать регулятивную функцию в «игре» с коммуникативным потребителем;

– специальные лексико-грамматические и синтаксические категории языка позволяют придать тексту персуазивный оттенок и тем самым влиять на мыслительные процессы адресата;

– эмотивная функция позволяет реципиенту воспринимать эмоциональный фон и тональность автора текста, вложенные в используемые им экспрессивно-образно-оценочные средства языка.

Однако, по нашему мнению, все эти функции репрезентируют свою активность только после «включения» аттрактивной функции. В тексте данный феномен обнаруживает себя в виде аттрактивов – языковых единиц, прагматическая функция которых состоит в привлечении внимания адресата к доминантной смысловой части текста или высказывания и воздействия на чувства адресата. Поэтому заголовок как структурный компонент текста играет особую роль при организации коммуникативного пространства и заставляет обратить внимание читателя на содержательный план сообщения.

Многие лингвисты, разделяя эту точку зрения, называют её рекламной. Так, С.В. Гуськова полагает, что заголовок реализует рекламную функцию как основную [3, с. 59]. Э.А. Лазарева рассматривает заголовок «как первую фразу текста, которая должна привлечь внимание читателя, вызвать его интерес (рекламная функция)»[2]. По нашему мнению, между аттрактивной и рекламной функцией существует тонкое различие, и мы солидарны с точкой зрения Н.И. Сидоровой, что «рекламная функция создаёт предпосылки для возникновения эффекта усиленного ожидания. Чем меньше информативности, тем большую роль начинают играть различные языковые и графические средства» [4, с. 43].

Для адресата характер и тональность всего текста проецируется уже самим заголовком. В этом смысле для создания привлекательных заголовков широко используются возможности того языка, на котором они написаны: ортологические типы наименований, участие экспрессивно-выразительных и эмотивных средств в заголовках, импликативная подача названия текста, наличие квазивопроса и т. д. Однако так как корпоративный сайт представляет собой жанровую разновидность делового дискурса, основная рубрикация сайта представлена краткими заголовками, отражающими суть деятельности организации – вуза: *абитуриенту, дистанционное обучение, об институте, международная деятельность и др*. Их внутритекстовое языковое наполнение выдержано также в чётких правилах оформления содержания официально-делового регистра общения: наличие деловой лексики, клишированность единиц делового дискурса, стандартность изложения, строгая оформленность грамматических структур, отсутствие эмотивной, оценочной лексики и выразительных средств языка. Однако данная система координат становится невозможной при обращении к новостному порталу вуза. Несмотря на то, что все ново-

[2] *Лазарева Э.А.* Заголовок в газете: учеб. пособие по курсу «Стилистика русского языка». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 82 с.

сти, освещаемые в «новостной ленте», носят деловой характер, языковой дизайн заголовка начинает меняться.

Принимая во внимание разработанную М.Я. Блохом теорию диктемной структуры текста, мы можем утверждать, что заголовок – это имя текста, которое выражено своеобразной диктемой, то есть «элементарной единицей тематизации текста, формируемой предложением» [5, с. 178], а «аттрактивную функцию диктемного имени публицистического текста было бы целесообразно считать основополагающей с точки зрения диктемного строя текста» [6, с. 141]. По результатам нашего исследования, чаще всего новостной заголовок выражен эксплицитно либо распространенным словосочетанием с ядерным семантическим фокусом содержания статьи, например, *Дискуссия о патриотизме и дружбе народов; На пути к Олимпу; Новости в английском звучании,* либо полным законченным предложением: *Студенты приняли участие в конгрессе….; Сборная по стрельбе ВИУ РАНХиГС одерживает победу; Будущие управленцы дали клятву на верность профессии* и т. д. Привлекает своё внимание неоднократное употребление в качестве заголовочной части сложного бессоюзного предложения с тема-рематическим членением. В такого рода фразах в теме содержится полюс данного или известного, а рема несёт в себе квинтэссенцию нового, ответ или пояснительную экспликацию: *Как предотвратить конфликт: профессиональные советы от педагогов ГМУ; Банк России и ВИУ: интеграция теории и практики; ВИУ – Сбербанк: сотрудничество в реализации обучающих проектов.*

Нередко авторами новостей используются для номинации текста определённо-личные односоставные предложения, императивные предложения и инфинитивные конструкции. По нашему мнению, они употребляются с имплицитной целью отождествления себя (автора) с общей деятельностью вуза и вовлечения членов корпорации (вуза) в совместный процесс: *Учимся управлению на образах литературных героев; Обсуждаем проблемы теории и практики межкультурной коммуникации.* Сходной цели придерживаются императивные заголовки и инфинитивные предложения с дополнительным включением (призывающим к действию) адресата в участие в корпоративной жизни вуза: *Приглашаем на открытую лекцию; Обещаем: будет интересно; Стать частью перформанса; Сделать мир лучше и добрее.* Некоторые заголовки типа *Проверить юридическую грамотность*, создавая динамику текста, могут парцеллированно коррелировать с самим текстом, так как, являясь одновременно наименованием текста и его первым предложением, невольно «втягивают» и погружают адресата в продолжение текстового континуума. Например,

Проверить юридическую грамотность

Может каждый желающий волгоградец, приняв участие в III Всероссийском правовом (юридическом) диктанте с 3 по 10 декабря 2019 года…

В событийных заголовках сайта также присутствуют парцеллированные номинации, выраженные односоставным номинативным или инфинитивным предложением. По своей структуре такие конструкции являются, как правило, конгруэнтными, они образованы цепочкой одинаковых частей речи (чаще трёх) с возможным, но необязательным распространением. Эти номинативы аккумулируют в себе квинтэссенцию мысли автора текста и выражены чаще всего лексемами обобщающего характера с цепочкой логических связей. Кроме того, они имеют очень высокий прагматический потенциал и являются эффективным способом привлечения внимания реципиента информации: *История. Логика. Умение творчески мыслить; Услышать. Понять. Помочь; Глобализация. Управление. Международное понимание*.

Так как в современных условиях глобализации каждый вуз стремится позиционировать себя на международном рынке, иметь прочные и солидные партнёрские отношения за рубежом и привлекать к себе иностранных студентов, особое место в контент-пространстве сайта занимает присутствие иностранного языка. Безусловно, исходя из вызовов современного образовательного пространства, сайт ВИУ располагает основной презентационной информацией как на русском, так и английском языках. В «новостной ленте» деятельность вуза представлена всеми изучаемыми в институте языками: английским, немецким, французским и латинским.

Использование иностранного языка в заголовочной части текста привлекается либо для информирования о том, что мероприятие прошло на иностранном языке (*Sprechen Sie Deutch в совершенстве; English @ Deutch; Vous parlez français; Hello, Africa!*), либо для придания ему определённой статусности *Meet-up: кадры региона о кадровой политике; Homo ludens. Человек играющий*. Подразумевается, что в заголовок текста попадают широко известные фразы и слова, не требующие, как правило, специального перевода. Для привлечения внимания адресата фразы на иностранном языке достаточно часто контаминируют с русскими: *Summer school: знакомство с волгоградской ТПП, Арбитражным судом и особенностями фрайчайзинга; Второй день Недели юридического факультета: fugit irreparabile tempus.*

Несмотря на соотнесенность содержания текста корпоративного сайта с официальным стилем общения, заголовочная часть текста может иметь эмотивно-образное наименование с привлеченным арсеналом экспрессивно-стилистических средств: *В фонетической* ***битве слились*** *студенты и школьники; Самые* ***ценные*** *вещи в жизни те, что* ***цены*** *не имеют*; *В ожидании* ***чуда*** *и* ***счастливых*** *перемен.* В данном случае эмотивы выражают прагмативно-экспрессивную функцию с намерением воздействовать на адресата, вызывая в нём определённые эмоции.

Один из способов повысить аттракцию текстового заголовка делового регистра и перевести его в разряд эмотивных – использование вопросительных или восклицательных предложений. Несмотря на то, что количество подобных конструкций невелико, они сразу обращают на себя внимание: *Поверь в себя!; Остаёмся в Волгограде!; Знай наших!; Будь в игре! Управляй игрой!; Кто лучше говорит по-французски?; Как пройти собеседование?; Что чувствуешь, когда говоришь о Родине?* Заголовки с вопросительной тональностью привлекают своё внимание ожиданием читателя на получение точечной прицельной информации или подводят его к риторическим размышлениям, а предложения с восклицанием имеют, как минимум, две тесно переплетающиеся коммуникативные задачи: с одной стороны, передача сообщения или побуждение к действию (в зависимости от типа предложения), с другой стороны, выражение эмоционального состояния адресанта и возможная его заинтересованность в происходящем и пристрастность к производимому эффекту и воздействию.

Еще одним экспрессивно-оценочным элементом, нередко появляющимся в рамках заголовка аналитического текста делового дискурса, является прецедентный текст. Введенный в лингвистику Ю.Н. Карауловым [7], этот термин распространяется на все тексты или выражения, созданные однажды как текст с исходным смыслом, известные большинству носителей данного лингвокультурного пространства и часто ими употребляемые в речи. Они, как правило, хранят в свёрнутом виде некий объём информации, в том числе эмоциональной. Для порождения коммуникативного акта такая информация, являясь фоновым знанием для определённой коммуникативной ситуации, должна быть автоматически восстановлена у адресата и совпадать с коммуникативным намерением адресанта. Прецедентные тексты, попадая в номинативную часть его контента, нередко предоставляют широкие возможности для создания языковой игры: *Украсим МИР свежими красками* (речь идёт о возможном участии студентов в разработке дизайна банковской кампусной карты МИР). По нашему мнению, для заголовков характерны три способа применения прецедентных текстов: дословное воспроизведение *А ты готов к труду и обороне?; Знай наших!; Предупреждён – значит вооружён!,* трансформация формы включённых компонентов прецедентного текста, что служит рождению новых смыслов *Красота спасает мир* и трансформация текста с включением инородных компонентов, не затрагивающих семантическое начало прецедентного текста: *Что запросишь, то получишь; Достоевский вам в помощь; Любить нельзя бояться; Что год грядущий нам готовит?».*

Как показал анализ заголовочной части новостного портала сайта, функциональный потенциал заголовка распространяется гораздо шире его основного назначения – кратко обозначить содержательное наполнение следующего за ним текста. Все вышеприведенные примеры, бесспорно, преследовали ещё одну цель по отношению к потенциаль-

ному адресату – привлечь, заинтересовать и удержать его внимание. Однако, помимо указанных функций заголовка (именующей, содержательной и аттрактивной), нам кажется целесообразным выделить ещё одну его функцию – позиционирующую, которая может присутствовать в номинации текста как эксплицитно, так и имплицитно. Такие заголовки, как *ВУЗ – счастливая страна; Лучшие работники образования трудятся в ВИУ РАНХиГС; Мы – команда; Стать частью жизни Академии; Выпускниками РАНХиГС заинтересовался Forbes; Мы сделали правильный выбор* открыто сообщают реципиенту о высоком качестве образования, высокопрофессиональном профессорско-преподавательском составе, тесном сотрудничестве преподавателей и студентов, сплоченной атмосфере коллектива и пробуждают интерес абитуриентов к вузу, а также прогнозируют их желание стать частью этой команды и образовательного учреждения в целом.

Как следует из приведенного анализа, языковое наполнение сайта образовательной организации ВИУ РАНХиГС, обеспечивая непрерывный коммуникативный диалог, успешно реализует все основные функции корпоративного сайта: во-первых, транслирует информацию о деятельностном содержании вуза, во-вторых, реализует аттрактивную функцию, привлекая потенциальных клиентов своей организации – абитуриентов, в-третьих, успешно решает вопрос об эффективном позиционировании вуза в сегменте образовательных учреждений.

Подводя итоги, подчеркнём, что результаты исследования в жанре «языкового дизайна» корпоративных сайтов могут иметь практическую ценность для создания новых корпоративных сайтов или улучшения языковой политики уже существующих, а изучение и компаративный анализ языковых маркеров аттрактивной функции сайта российского вуза и иностранного представляются нам в виде дальнейшей перспективы для исследования.

Список литературы

1. *Паули Ю.С., Короткина Е.С.* Дискурсивные стратегии построения корпоративного нарратива // Сибирский филологический журнал. 2017. № 1. С. 173-183. DOI 10.17223/18137083/58/17
2. *Богоявленская Ю.В.* Парцелляция как средство повышения привлекательности газетного заголовка // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. № 3. С. 35-39.
3. *Гуськова С.В.* Рекламная функция заголовков медиатекстов (на примере материалов журнала «Русский репортер») // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. Тамбов, 2015. № 2 (10). С. 58-65.
4. *Сидорова Н.И.* К вопросу о функциях газетного заголовка (на материале газетных заголовков с многоточием) // Вопросы стилистики русского языка. Самарканд, 1981. С. 37-44.
5. *Блох М.Я*. Теоретические основы грамматики. М.: Высш. шк., 2004. 239 с.
6. *Богданова О.Ю.* Сопоставление функциональных особенностей заглавий художественных произведений и современной публицистики (на англоязычном материале) // Ярославский педагогический вестник. Ярославль, 2012. № 3. Т. 1 (Гуманитарные науки). С. 140-143.
7. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

References

1. Pauli Y.S., Korotkina E.S. Diskursivnyye strategii postroyeniya korporativnogo narrativa [Discourse strategies of building a corporate narrative]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2017, no. 1, pp. 173-183. DOI: 10.17223/18137083/58/17. (In Russian).
2. Bogoyavlenskaya Y.V. Partsellyatsiya kak sredstvo povysheniya privlekatel'nosti gazetnogo zagolovka [Parcellation as a tool increasing a newspaper headline attraction]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 2014, vol. 14, no. 3, pp. 35-39. (In Russian).
3. Guskova S.V. Reklamnaya funktsiya zagolovkov mediatekstov (na primere materialov zhurnala «Russkiy reporter») [Advertising function of titles of media texts (on the example of materials from the magazine

"Russian Reporter")]. *Al'manakh teoreticheskikh i prikladnykh issledovaniy reklamy* [Almanac of Theoretical and Applied Research in Advertising]. Tambov, 2015, no. 2 (10), pp. 58-65. (In Russian).
4. Sidorova N.I. K voprosu o funktsiyakh gazetnogo zagolovka (na materiale gazetnykh zagolovkov s mnogotochiyem) [On the issue of the newspaper headline functions (based on the material of newspaper headlines with ellipsis)]. *Voprosy stilistiki russkogo yazyka* [Issues of Russian Language Stylistics]. Samarkand, 1981, pp. 37-44. (In Russian).
5. Blokh M.Y. *Teoreticheskiye osnovy grammatiki* [Theoretical Foundations of Grammar]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004, 239 p. (In Russian).
6. Bogdanova O.Y. Sopostavleniye funktsional'nykh osobennostey zaglaviy khudozhestvennykh proizvedeniy i sovremennoy publitsistiki (na angloyazychnom materiale) [Comparison of the functional features of fiction titles and headings of modern newspapers (based on the English language)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, Yaroslavl, 2012, no. 3, vol. 1 (Humanities), pp. 140-143. (In Russian).
7. Karaulov Y.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, LKI Publ., 2010, 264 p. (In Russian).

Информация об авторе

Барышникова Галина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Волгоградский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация, barychnikova@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-4823-6453

Вклад в статью: идея, цель, сбор лингвистического материала, анализ данных, обработка полученных результатов, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 02.03.2021
Одобрена после рецензирования 15.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Galina V. Baryshnikova, Candidate of Philology, Associate Professor of Linguistics and Intercultural Communication Department, Volgograd Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation, barychnikova@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-4823-6453

Contribution: idea, purpose, linguistic material acquisition, data analysis, obtained results processing, manuscript drafting and design.

The article was submitted 02.03.2021
Approved after reviewing 15.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.161.1.37
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-384-392

Классификация текстовых единиц с семантикой обращений в системе русского языка

Анастасия Владимировна ТУГУШЕВА ✉,
Светлана Владимировна ПИСКУНОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ nastena.olesik.93@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены основные квалификационные признаки текстовых единиц с семантикой обращения к участникам коммуникативного русского речевого пространства с учётом лексических и грамматических способов выражения. Это позволяет определить их дифференциальные признаки и классификационные типы, отражающие динамику при образовании *обращений* в системе современного русского языка. Особое внимание уделено разным по форме обращениям, которые не только репрезентируют отношение говорящего к объекту речи, характеризуют его, но и усиливают образность и эмоциональность, дают нам представление об авторе как языковой личности. Акцентировано внимание на том, что обращение следует считать языковой универсалией. Оно обслуживает организацию и регуляцию коммуникативных отношений. Выбор определённой формы обращения отражает отношение к собеседнику, обусловленное самыми различными факторами. Именно поэтому обращение является социально важным компонентом диалогической речи. Определены основные параметры семантических, грамматических и функциональных особенностей обращений по материалам лингвистических исследований, а также перспективы научного поиска в данном направлении. Проводился опрос об употреблении определённых форм обращений к незнакомым людям среди студентов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. Были предложены вопросы, связанные с их восприятием наиболее частотных обращений в современном русском языке. Установлено, что в современном русском языке существует проблема при обращении к незнакомому человеку.

Ключевые слова: коммуникация, обращения, текстовая единица, классификация, дифференциальный признак

Для цитирования: *Тугушева А.В., Пискунова С.В.* Классификация текстовых единиц с семантикой обращений в системе русского языка // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 384-392. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-384-392 OPEN ACCESS

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Тугушева А.В., Пискунова С.В., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-384-392

Classification of text units with the semantics of references in Russian language system

Anastasia V. TUGUSHEVA ✉, **Svetlana V. PISKUNOVA**
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ nastena.olesik.93@mail.ru

Abstract. We consider the main qualification features of text units with the semantics of reference to participants in the communicative Russian speech space, taking into account lexical and grammatical ways of expression. This allows us to determine their differential features and classification types, reflecting the dynamics in the formation of *references* in the system of the modern Russian language. We pay special attention to references of different forms, which not only represent the speaker's attitude to the object of speech, characterize it, but also enhance imagery and emotionality, give us an idea of the author as a linguistic person. We emphasize that conversion should be considered a linguistic universal. It serves the organization and regulation of communication relations. The choice of a particular form of reference reflects the attitude towards the interlocutor, conditioned by a variety of factors. That is why conversion is a socially important component of dialogical speech. We determine the main parameters of the semantic, grammatical and functional features of references based on the materials of linguistic research, as well as the prospects for scientific research in this direction. A survey is conducted on the use of certain forms of references strangers among students of the Derzhavin Tambov State University. Questions related to their perception of the most frequent references in the modern Russian language are proposed. We establish that in modern Russian there is a problem when references a stranger.

Keywords: communication, references, text unit, classification, differential feature

For citation: Tugusheva A.V., Piskunova S.V. Klassifikatsiya tekstovykh edinits s semantikoy obrashcheniy v sisteme russkogo yazyka [Classification of text units with the semantics of references in Russian language system]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 384-392. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-384-392 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для понимания речевого сообщения участники коммуникации различными способами обозначают социальные отношения, в структуре которых предполагается использование особых языковых форм. Кроме прямых представлений, когда называются наиболее значимые для общения социальные роли собеседников, существуют косвенные – социально-символические средства демонстрации социального статуса и ролевых репертуаров общающихся.

Речевая практика коммуникантов сохранила и продолжает развивать систему обращения как одного из ведущих компонентов успешного общения, создающего адекватные, благоприятные условия для передачи информации. От качества использования обращений во многом зависит порождение и восприятие диалога.

В качестве единицы языка, размещённой в структуре диалогического текста, *обращение* обладает следующими дифференциальными признаками: семантика, форма, функция. При определении статуса ведущего и часто актуализируемого классификатора следует выделить функцию, что отражено уже в исходном лексическом значении слова-термина. Не случайно в условии отечественного языкознания подчёркивается именно функциональная особенность слов и словосочетаний, организующих человеческое общение [1, с. 118]. При этом неоднократно отмечался независимый характер данных единиц по грамматической форме в структу-

ре предложений, что предполагает позицию особого его члена третьего порядка, то есть не главного или второстепенного, что не позволяет ему оформлять высказывание. Следовательно, *обращение* приобретает функциональное значение текстовой единицы как основного способа организации речевой текстовой формы общения, накопления и передачи информации [2, с. 66-67]. Поэтому обращение современных коммуникантов к диалогическому типу компьютерного текста приобрело особое место в общении, так как одновременно произошла трансформация функции имени отправителя информации при помощи никнейма в сигнал для получателя информации в качестве последующего обращения к собеседнику.

Именно здесь часто наблюдается актуализация эмоциональных эстетических преобразований признаков единиц системы языка. Коммуникативный аспект *обращений* как текстовых единиц приводит к изменению номинативной функции слова: имя → никнейм → сигнал диалога → обращение → диалогический текст. Текстовые единицы отличаются от единиц текста тем, что при порождении речи они не только сохраняют исходное содержание, приобретённое в системе языка, но и получают новое развитие для данной системы. Это обусловлено тем, что взаимодействие единиц текста в новом сочетании способно проявить новое смысловое и функциональное значение. Кроме того, текстовая единица с определённой семантикой может быть выражена любой единицей языка и собственного текста от фонемы до предложения. При этом не всякий компонент способен стать текстовой единицей. Он остаётся фоновым, дополнительным, служебным, грамматически необходимым только отдельному предложению. Одноклассовая грамматическая принадлежность таких слов ограничивает их возможности до тех пор, пока единицей не объединяются в едином семантическом поле текста под влиянием их общей коммуникативной функции [2, с. 68]. Специфика о*бращений* состоит в том, что в структуре предложения и самого текста, как известно, они находятся формально, но своей номинацией, историей смысла, грамматическими и словообразовательными моделями вносят в общую семантику текста дополнительное содержание, характеризующее коммуникантов, речевую ситуацию. *Обращение* как компонент средств общения приобретает роль собственно текста, то есть образует композицию *«текст в тексте».*

В качестве единиц текста *общения* имеют свои квалификационные признаки, среди которых, как уже было сказано, актуализирована функциональная составляющая. Субстантивный способ выражения большинства данных единиц создаёт дополнительную информационную нагрузку, что приводит к наложению смыслов, когда *обращение* как единица общего текста сохраняет своё исходное лексическое значение. Данный процесс требует самостоятельного изучения. Об этом можно судить также по определению *обращения*, в котором названы основные функциональные разновидности, способные стать классификационными семантическими признаками: название лица (реже предмета), собственные имена людей, лиц по степени родства, по положению в обществе, по профессии, занятию, должности, званию, национальному или возрастному признаку, по взаимоотношению людей, а также названия или клички животных; названия предметов или явлений природы; географические названия и т. д. [3, с. 563; 4, с. 150-151].

Грамматическая форма *обращений* по их семантико-грамматическим классам может стать общим дифференциальным признаком, хотя в их числе способны употребляться и междометные слова, а также компоненты других знаковых систем: мимика, жесты, движения, звуки, различные технические сигналы, свет и др.

Дополнительную дифференциацию в системе текстовых единиц обращений придают стилистические особенности различных речевых ситуаций от бытового, официально-делового, научного до художественного общения коммуникантов.

В диалогическом типе современной речи во время диалога-спора, полилога имя собственное коммуниканта может утратить свою прямую функцию призыва к общению. Оно становится сигналом к изменению формы речи от монолога одного собеседника к диалогу, а также других участников от многоголосия, хора, что свойственно многим, например, телевизионным ток-шоу. Здесь имя соб-

ственное становится заместителем ряда глагольных лексем активного действия, императива: *помолчите, дайте сказать, послушайте, перестаньте спорить* и т. п. Так происходит, когда участники перестают слышать других, теряют тему разговора.

К числу наиболее продуктивных вербально-символических средств можно отнести выбор модели общения. Традиционно в качестве *обращений* используются следующие формы имён собственных: 1) по имени (*«Скажи, **Лазарь**, по совести, любишь ты меня? Любишь что ли? Что ж ты молчишь? Поил, кормил, в люди вывел, кажется»* (А. Островский. Свои люди – сочтёмся); 2) по имени отчеству (*«**Андрей Петрович**, – заговорил он, – ты можешь думать обо мне, что тебе угодно. Я даже готов согласиться, что у меня теперь истерика, но я, ей-богу, влюблён в Елену, и Елена тебя любит. Впрочем, я обещал проводить тебя до дому и сдержу своё обещание»* (И. Тургенев. Накануне); 3) по фамилии (*«– Эй вы, **Свидригайлов**! Вам чего тут надо? – крикнул он, сжимая кулаки и смеясь своими запенившимися от злобы губами*» (Ф. Достоевский. Преступление и наказание); *«Я вижу, ты, **Свистунов**, с утра пораньше залил глаза»* (В. Пьецух. Висяк); 4) только по отчеству (*«**Петрович**, тут столь делов... – показывал он своё хозяйство при знакомстве и первых встречах. – Тут работать и работать...»* (Б. Екимов. На хуторе); *«Ты, **Гриныч**, как Змей Горыныч, – восхищённо покачал льняной головой Емеля…»* (Б. Акунин. Статский советник).

Популярно использование в качестве обращения *названия людей по степени родства*: *«**Мама**, я тебе напишу письмо... а потом позвоню... Дай Шуре трубку»* (Р. Солнцев. Старица); *«**Дядя**! – окликнул Олежка»* (В. Маканин. Неадекватен. За кого проголосует маленький мальчик).

В настоящее время лексемы *отец и мать* могут также служить и обращениями при общении с незнакомыми людьми. Например: *«Садись, **мать**!»* (из разговорной речи); *«Отстань, **отец**!»* (из разговорной речи).

В речи молодёжи, что соответственно отражается и в произведениях художественной литературы, можно услышать такие варианты обращения, как *папаша, мамаша, тётя, дедушка, бабушка* и др. [5, с. 287-288]. Обращение такого вида не указывает на родственные связи, а является, как считает Е.А. Айсакова, сигналом фамильярного типа общения[1]. Например: *«На полированной скамейке, как на воде, блеснул блик фонаря проводницы. «**Папаша**, билет есть? – Есть, я предъявлял»* (В. Гроссман. Все течёт).

Такая формула обращения, как *братан*, довольно часто используется по отношению к друзьям, иногда к незнакомым людям, особенно в молодёжной среде [5, с. 285]. Например: *«Ну так бы сразу и сказал, **братан**, – хитро улыбнулся Мусса»* (А. Ростовский. По законам волчьей стаи).

Различны такие формулы обращения, как *браток и братец*. Первая отмечает просторечность говорящего, сигнализируя дружественный тон обращения к собеседнику [6, с. 94]. Например: *«Настиг его и в ухо ему сзади наговаривает: «**Браток**! Я на поднос – за тобой!»* (А. Солженицын. Один день Ивана Денисовича).

Второе обращение – *братец* – применяется значительно чаще в качестве доверительного обращения. Например: *«И как ты, **братец**, можешь туда идти – особенно теперь, когда всё стало ясно?»* (В. Белоусова. Второй выстрел).

Такие обращения, как *тётя, дядя* применяются не только по отношению к родственникам, но и к незнакомым людям, получая добавочные значения. Они используются, по мнению Н.И. Формановской, детьми до 11–12 лет по отношению к взрослым, пока ребёнок не осознаёт себя взрослым и в его речи не появляется иных сигналов привлечения внимания [6, с. 95]. Например: *«**Тёть**, сколько времени?»* (речь на улице); *«**Дядя**, как пройти в парк?»* (речь на улице). Слова *тётя, дядя* используются не только в качестве обращений по отношению к незнакомым людям, но и как просто наименование человека: *«У меня есть знакомый **дядя**, у которого была очень хорошая машина. Несколько лет назад мой папа хотел её купить, но **дядя** отказался её продавать. А вот недавно он продал её очень дешево, так как за все эти годы кузов машины сгнил. Теперь этот **дядя** очень тужит, что не продал её раньше»* (из

[1] *Айсакова Е.А.* Социальная и социокультурная дифференциация обращений в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2008.

школьного сочинения). Школьник, не зная имени человека, употребляет в своём сочинении наименование *дядя*.

На улице можно услышать в обращении слова *дедушка и бабушка* к незнакомым людям пожилого возраста. Например: *«Я как глянул на неё, аж заплакал: «**Дочка**, что с тобой случилось?» «Обожглась, **дедушка**, вот так-то. Хорошо ещё жива осталась»* (А. Иличевский. Ай-Петри).

В свою очередь коммуниканты пожилого возраста, особенно в сельской местности, часто употребляют аналогично слова *дочка, сынок, внучок.* Например: *«**Сынок**, помоги сумку донести» (речь на улице).* В магазине, в городском транспорте часто слышатся обращения *мужчина, женщина, дед, отец, бабуля, девушка, парень* и подобные, которые не являются в системе языка нейтральными. Они могут восприниматься адресатом как неуважение к нему, даже оскорбление, недопустимое нарушение этикета. Отсюда возможны грубость в ответ, выражение обиды. В связи с этим употребительными являются слова, имеющие следующие классификационные признаки социального характера: 1) по положению в обществе, по профессии, должности: *«Ох, **барин**, слышали так и мы <...>»*. (А. Пушкин. Дубровский); *«Не мочалка, а божий волос, **сударыня**»* (А. Островский. Свои люди – сочтёмся); 2) по половозрастному признаку; *«**Мальчик**! – говорит тетка. – От тебя много песка. Сделай так, чтоб мы тебя искали и не нашли»* (Г. Щербакова. Мальчик и девочка); «*Не лень тебе, **парень**, сопли на улице морозить*?» (И. Кочергин. Волки); *«Слушай, **мужик**, где тут лекарства продают, а? – спросил я, протягивая купюру»* (А. Волос. Недвижимость).

В настоящее время при соблюдении речевого этикета возникает вопрос, как обратиться к незнакомому человеку. Национальные культурные традиции предписывали определённые формы обращения к незнакомым людям, но в начале XX века универсальными способами обращения стали слова *гражданин, гражданка, товарищ*, а во второй половине XX века большое распространение получили формы обращения по признаку пола – *женщина, мужчина*. В ходе исследования было проведено анкетирование с целью выявления частоты употребления обращений по половому признаку к незнакомым людям среди студентов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. После детального подсчёта ответов выявилось, что практически все студенты употребляли по отношению к незнакомым людям такие обращения, как *бабушка, дедушка, брат* и другие, и только 5 студентов из 84 опрошенных считают, что такие формы, как *девушка, молодой человек, женщина, мужчина* и др., недопустимо использовать по отношению к незнакомым людям. Действительно, среди молодёжи употребительны такие неформальные обращения, как *девчонки, пацаны, ребята, парни*. А в отношении людей пожилого или старшего возраста используют обращения *женщина или мужчина*. Например: *«**Мужчина**, вы выходите на следующей?»* (речь в автобусе). При анализе речевой практики такое обращение, как *девушка* является самым распространенным обращением к женщине часто независимо от её возраста. Можно согласиться с тем, что в современном общении, особенно в среде молодёжи, нередки такие языковые элементы, явно противоречащие культуре общения. Такая тенденция наблюдается и в формулах обращениях [7], то есть является наиболее продуктивной в коммуникативном пространстве.

Между тем формулы обращения играют важную роль в коммуникации, они кодируют информацию о социальном статусе собеседника, типе взаимоотношений между ними: степени близости, социальной и статусной дистанции, несут определённую оценочную нагрузку и являются немаловажной предпосылкой дальнейшего общения. Уместность их употребления, как отмечает Т.В. Ларина, при изучении категории вежливости в английской и русской коммуникативных культурах имеет большое значение для установления контакта и достижения взаимопонимания, для успешной коммуникации [8, с. 226].

Известно, что сегодня учащиеся редко называют друг друга по имени, обычно у каждого есть кличка или прозвище, которое всегда несёт в себе, в отличие от имени собственного, эмоциональную оценку и выделяет характерные признаки личности[2]. Поэтому

[2] *Остроухова М.В.* Содержание и методика преподавания речевого этикета в подготовке учителя рус-

следует согласиться с правилами подготовки учителей для работы в такой речевой ситуации. В качестве прозвищ могут выступать обращения, образованные с помощью метонимического и метафорического переносов. Например: *«Эй ты, **Синяя**»* (из разговорной речи). В данном примере метонимическое прозвище *«Синяя»* иллюстрирует основную функцию синекдохи, которая состоит в идентификации объекта через указание на характерную для него деталь. Отличительным признаком здесь стало то, что прозвище дано человеку по аналогии с цветом куртки, которую он носит. Наблюдение сделано в городском транспорте. Характерно, что это обращение употребляется вместе с *побудительным междометием «эй»*, которое обычно выражает зов, оклик и с помощью которого в общении усиливается функция привлечения внимания собеседника.

Междометие, реализуя функцию призыва к вниманию, может выступать и в качестве самостоятельного обращения: *«**Эй**, берегись! Устроишь замыкание!»* (Дж. Смит. Женщина перед зеркалом). При этом усиливается стилистическая направленность текста, разговорно-бытовая или просторечно-разговорная направленность свидетельствует не только о социальном статусе говорящего, но и о типе взаимоотношений между коммуникантами. Приём метонимии в речи сопровождается процессом субстантивации, то есть когда происходит, по мнению Д.Э. Розенталя и М.А. Теленкова, переход слов из других частей речи в разряд имён существительных, в результате чего изменяется и комплекс признаков лексической единицы, а определение приобретает значение просто существительного [4]. В этом и в следующих примерах субстантив заключает в себе, прежде всего, оценочную функцию. Сравните: *«Иди сюда, **Рыжий**»!* (из разговорной речи). В данном случае наблюдается процесс субстантивации и приём метонимии, так как прозвище образуется с помощью переноса наиболее яркого признака внешности человека – цвет волос (рыжеволосый школьник) – на его прозвище-обращение.

Достаточно продуктивным стало появление в речи прозвищ в результате метафорического переноса, при котором учитывается не только физиологический признак человека (высокий рост), но содержится характеристика поведения (напористость, грубость): *«Куда идёшь, **Лось**?»* (из разговорной речи). Кроме того, прозвища могут образовываться с помощью усечения основы фамилии: *«Не зевай, **Сохатый**»* (из разговорной речи). Это прозвище получило форму при усечении основы такой фамилии, как Сошкин.

В функции обращений в среде подростков могут быть и другие наименования человека с негативной окрашенностью семантики: *«Как знаешь. Подержи повод… Осторожно, **дубина**, высыплешь всё. Вот так. Приношу извинение за дубину»* (В. Пелевин. Хрустальный мир). Слово *«дубина» (Даль!),* как известно, употребляется в значении *«глупый человек»* на основе сходства: дубина в прямом значении – *это толстая тяжёлая палка, в переносном – это человек, с которым тяжело общаться*. Обращение в данном случае имеет отрицательное, оскорбительное значение.

Специфической особенностью детской речи также является использование в роли обращений дразнилок, которые в той или иной степени обыгрывают имя ребёнка: *«**Андрей-воробей**, Не гоняй голубей, Гоняй галочек Из-под палочек»*[3]. С помощью дразнилок могут высмеиваться и недостатки человека. Например: *«**Зина-корзина**, Доведи до магазина»*[4].

В детской речи употребительны также и *обращения-обзывания* (*рёва-корова, жадина-говядина, соня-просоня* и др.), которые выделяют отрицательные качества характера ребёнка: жадность, плаксивость, сонливость и т. д. Например: «***Ах ты рёва-корова***» (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей). В данном примере автор использует в роли обращения сочетание *обращения-обзывания с местоимением (ты) и частицей (ах)*, которое придаёт высказыванию чувство сожаления.

В речи подростков можно встретить и такие же обращения по отношению к детям младшего возраста, как *мелочь, мелкотня, мелкие, мелюзга, гномы, карапузы* и мн. др.

ского языка для нерусских школ: автореф. дис. … канд. пед. наук. М., 2000.

[3] Русские писатели и поэты. URL: http://writer-stob.narod.ru (дата обращения: 10.12.2020).

[4] Там же.

Эти формулы употребляются подростками для самоутверждения в своей группе, а также для того, чтобы подчеркнуть своё превосходство над другими участниками.

Особую группу составляют обращения, характеризующие человека по его отношению к обучению. В последнее время современные школьники отличаются несерьёзным отношением к учёбе, и центром негативного высмеивания становятся отличники. Так, в среде школьников можно выделить обращения к прилежным ученикам (*ботан, ботаник, книжный червь*) и обращения к ученикам, которые стараются понравиться учителю (*прилипала, подлиза*).

В современном русском языке пока ещё существует не решённая проблема, как обратиться к незнакомому человеку. Этот вопрос требует не только размышлений и анализа появления причин, но и незамедлительного решения, так как нарушение этикетных норм речевого поведения снижает уровень общей национальной культуры. Проведенное исследование показывает, что в молодёжной среде, так же, как и в обществе в целом, нет общепринятого корректного обращения к девушке, юноше, мужчине, женщине и т. д. Традиционные для русского речевого этикета формы *барышня, сударь, сударыня* и др. не только являются общепринятыми, а порой носят ироничный характер, и тексты художественных произведений подтверждают это. Например, при изучении обращений в произведениях Д.И. Фонвизина и В.М. Шукшина были выявлены авторские специфичные формулы [9, с. 325-326]. Кроме того, в среде молодёжи существует большое количество формул обращений, которые правила этикета не приемлют и указывают, что в этом случае отдаётся предпочтение использованию безличного обращения.

Среди обращений выделяют нейтральные и эмоционально-окрашенные текстовые единицы, которые целесообразно разбить на 2 группы: 1) ласкательные; 2) грубые.

В обращениях первой группы выделяются: 1) распространённые с эпитетом (*любезная, сердечный*). Например: *«**Любезная Софья**! Скажи Мне, каким случаем здесь нахожу тебя?»* (Д. Фонвизин. Недоросль); 2) суффиксация: *«**Батюшка**! Прости меня»* (Д. Фонвизин. Недоросль).

В этих примерах к корню прибавляется суффикс -юшк-, придавая слову уменьшительно-ласкательную окраску.

Также формулы обращений с уменьшительным суффиксом нередко употребляются в сочетании с ещё одним обращением. Например: *«**Митрофанушка, друг мой**, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань»* (Д. Фонвизин. Недоросль).

Эмоциональная выразительность обращений усиливается *за счёт междометий, сопровождающих обращения, личных местоимений ты, вы, а также притяжательных местоимений мой, моя, моё (душа моя, милый мой, мой друг): «Как я рад, **мой любезный друг**, что нечаянно увиделся с тобой! Скажи, каким случаем...»* (Д. Фонвизин. Недоросль).

Среди обращений второй группы были отмечены следующие: *скот, воровская харя, болван, чушка проклятая, бестия* и др.: *«Ну... А ты, **бестия**, остолбенела, а ты не впилась братцу в харю, а ты не раздёрнула ему рыла по уши...»* (Д. Фонвизин. Недоросль).

Исходя из сказанного выше можно сделать вывод о том, что проблема обращения в современном русском языке является наиболее актуальной проблемой современной лингвистики.

Смысловое значение *обращений* в процессе современной цифровой коммуникации способны выполнить также знаки других кодовых систем, которые могут обозначать сигналы опасности, одобрения, подтверждения полученной информации, предупреждения и т. п. Вербальный способ утрачивает свою актуальность, что приводит к обеднению языка как средства накопления и передачи информации общественного опыта развития языковой культуры.

Список литературы

1. *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. М., 2009. 127 с.
2. *Пискунова С.В.* Тайны поэтической речи (грамматическая форма и семантика текста). Москва; Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 408 с.
3. *Евгеньева А.П.* Словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т. 2. 736 с.
4. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985. 357 с.
5. *Олесик А.В.* Обращения в семейном общении (на примере художественной литературы XX–XXI веков) // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конф. Тамбов, 2012. Вып. 3. С. 285-288.
6. *Формановская Н.И.* Речевое взаимодействие. Коммуникация и прагматика. М., 2008. 478 с.
7. *Бирюлина А.И., Моисеев А.П.* Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 8 (76). С. 223-228.
8. *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М., 2003. 315 с.
9. *Олесик А.В.* Специфика формул обращений в произведениях Д.И. Фонвизина и В.М. Шукшина // Человек и время в мировой литературе (к 90-летию со дня рожд. Вольфганга Борхерта): сб. материалов Междунар. заоч. науч. конф. Тамбов, 2012. С. 323-328.

References

1. Goldin V.E. *Obrashcheniye: teoreticheskiye problemy* [Conversion: Theoretical Issues]. Moscow, 2009, 127 p.
2. Piskunova S.V. *Tayny poeticheskoy rechi (grammaticheskaya forma i semantika teksta)* [Mysteries of Poetic Language (Grammatical Form and Semantics of the Text)]. Moscow, Tambov, Derzhavin Tambov State University Publ., 2002, 408 p. (In Russian).
3. Evgenyeva A.P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, 1986, vol. 2, 736 p. (In Russian).
4. Rozental D.E., Telenkova M.A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-Reference of Linguistic Terms]. Moscow, 1985, 357 p. (In Russian).
5. Olesik A.V. Obrashcheniya v semeynom obshchenii (na primere khudozhestvennoy literatury XX–XXI vekov) [Family communication (on the example of fiction of the 20–21st centuries)]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i slovesnost'»* [Collection of Proceedings of the International Scientific Conference "Slavic World: Spiritual Traditions and Literature"]. Tambov, 2012, issue 3, pp. 285-288. (In Russian).
6. Formanovskaya N.I. *Rechevoye vzaimodeystviye. Kommunikatsiya i pragmatika* [Speech Interaction. Communication and Pragmatics]. Moscow, 2008, 478 p. (In Russian).
7. Biryulina A.I., Moiseyev A.P. Funktsional'naya napravlennost' sredstv khudozhestvennoy vyrazitel'nosti v zhanre rechevogo etiketa obrashcheniya [Functional orientation of means of the art expressiveness in a genre of speech etiquette of the reference]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2009, no. 8 (76), pp. 223-228. (In Russian).
8. Larina T.V. *Kategoriya vezhlivosti v angliyskoy i russkoy kommunikativnykh kul'turakh* [Politeness Category in English and Russian Communicative Cultures]. Moscow, 2003, 315 p. (In Russian).
9. Olesik A.V. Spetsifika formul obrashcheniy v proizvedeniyakh D.I. Fonvizina i V.M. Shukshina [The specificity of the formulas of references in D.I. Fonvizin and V.M. Shukshina]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy zaochnoy nauchnoy konferentsii «Chelovek i vremya v mirovoy literature (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vol'fganga Borkherta)»* [Collection of Proceedings of the International Correspondence Scientific Conference "Man and Time in World Literature (To the 90th Anniversary of the Birth of Wolfgang Borchert)"]. Tambov, 2012, pp. 323-328. (In Russian).

Информация об авторах

Тугушева Анастасия Владимировна, аспирант, кафедра русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, nastena.olesik.93@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1087-4863

Вклад в статью: набор первичного материала, поиск и анализ литературы, обзор литературы, сбор данных, анализ авторской картотеки, написание части текста.

Пискунова Светлана Владимировна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, elenaililyina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2715-6799

Вклад в статью: концепция исследования, написание части текста и редактирование статьи, научное консультирование, окончательное одобрение рукописи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 08.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 28.03.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the authors

Anastasia V. Tugusheva, Post-Graduate Student, Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, nastena.olesik.93@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1087-4863

Contribution: source material acquisition, literature search and analysis, literature review, data acquisition, authors card files study, part manuscript text drafting.

Svetlana V. Piskunova, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, elenaililyina@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-2715-6799

Contribution: study conception, part manuscript text drafting and editing, scientific consulting, final manuscipt approval.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 08.02.2021
Approved after reviewing and revision 28.03.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.282.2
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401

Христианские культовые сооружения и их народно-разговорные номинации (на материале текстов Е.В. Честнякова и живых поунженских говоров)

Елена Геннадьевна ВЕСЕЛОВА
ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»
156000, Российская Федерация, г. Кострома, пр-т Мира, 7
✉ veselovaelena@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности функционирования экклезионимов в поунженских говорах со стороны их формы, семантической структуры и речевого употребления. Источником исследования послужили произведения местного писателя Е.В. Честнякова, а также полевые материалы, собранные в г. Кологриве и его окрестностях. Проанализирован ряд наименований культовых сооружений, подмечена их чёткая связь с топографией местности. Особое внимание уделено выявлению сакральных составляющих внутреннего убранства ближайшей к дому писателя часовни, где в текстах Е.В. Честнякова соседствует церковнославянская и народно-разговорная лексика, а также статусу в говорах лексемы *часовня*, которую можно рассматривать как трансформ имени нарицательного в имя собственное, что характерно для узких территориальных пространств. Отмечено, что заметной чертой экклезионимов, названий церквей Поунжья, выступающих в роли местных топографических знаков, являются такие виды метонимии, как перенос названия одного из приделов на весь храм, – названия храма на село, а также и названия села на храм. Сделан вывод о том, что в живой народной речи произошло перекодирование сложных официальных названий в более краткие и часто несхожие варианты. Нередко в трансформированных наименованиях культовых сооружений находят отражение диалектные явления и особенности местного рельефа местности.

Ключевые слова: Е.В. Честняков, поунженские говоры, экклезионим, диалектная лексика, культовые сооружения

Для цитирования: *Веселова Е.Г.* Христианские культовые сооружения и их народно-разговорные номинации (на материале текстов Е.В. Честнякова и живых поунженских говоров) // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 393-401. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401

Christian religious constructions and their folk and colloquial naming (in the texts by E.V. Chestnyakov and current patois of the Unzha area)

Elena G. VESELOVA
The Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum Reserve
7 Mira Ave., Kostroma 156000, Russian Federation
✉ veselovaelena@mail.ru

Abstract. We consider the peculiarities of ecclesionyms functioning in Unzha patois from the point of their form, semantic structure and speech usage. The research is based on the texts of the local writer E.V. Chestnyakov, as well as field materials collected in Kologriv and its environs. We analyze a number of religious constructions names and identify their connection with the topography of the area. We pay special attention to identify the sacred elements of the interior decoration of the chapel closest to the writer's house, where in the texts of E.V. Chestnyakov adjoins Church Slavonic and folk and colloquial vocabulary, as well as the status in the patois of the lexeme *chapel*, which can be considered as a transform of a common noun into a proper name, which is typical for small territories. We note that a specific feature of the ecclesionims, the names of the Unzha churches, which act as local topographic signs, are such types of metonymy as the transfer of one of the side-altars to the entire temple name – the temple name to the village, and the village name to the temple. We conclude that the live folk speech re-codes complex official names into short, and often different, variants. Often, the transformed names of religious constructions reflect dialectal phenomena and the local topography features.

Keywords: E.V. Chestnyakov, Unzha patois, ecclesionym, dialect lexis, religious constructions

For citation: Veselova E.G. Khristianskiye kul'tovyye sooruzheniya i ikh narodno-razgovornyye nominatsii (na materiale tekstov E.V. Chestnyakova i zhivykh pounzhenskikh govorov) [Christian religious constructions and their folk and colloquial naming (in the texts by E.V. Chestnyakov and current patois of the Unzha area)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 393-401. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-393-401 (In Russian, Abstr. in Engl.)

OPEN ACCESS

CC BY

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Имя Ефима Васильевича Честнякова (1874–1961), уроженца деревни Шаблово Кологривского уезда Костромской губернии, получило мировую известность в 70-е гг. XX века. Тогда он был признан ярким самобытным художником, скульптором, учителем, позднее же, когда были изданы многие его произведения (при жизни его почти не печатали), он стал известен как писатель, мыслитель, поэт, драматург, а впоследствии и как теоретик-лингвист, размышляющий о судьбах диалектов и развитии литературного языка (см. например, об этом в: [1–4]).

В своих литературных произведениях Е.В. Честняков этнографически убедительно высветил главные традиционные элементы жизни костромской глубинной деревни как с её материальной, так и с духовной стороны, когда с незапамятных времён необходимым условием её жизненного существования и объектом сакрализации являлась природа края, и – с относительно недавнего времени – христианские сакральные ценности, в том числе и архитектурные культовые сооружения.

Будучи билингвом, он был учитель, владел литературным языком (что видно хотя бы из его переписки с И.Е. Репиным, его сыном Юрием и другими «образованными» горожанами) и одновременно как коренной житель деревни Е.В. Честняков в деревенском общении и в своих «книжностях» согласно своим воззрениям сознательно использовал местную речь родного края. Это была прежде всего диалектная лексика, свя-

занная с природой, сельским хозяйством, ремёслами и промыслами, характеристикой человека, питанием, народными поверьями и другими сторонами духовной жизни поунженских крестьян (о жизненном пути Е.В. Честнякова, см., например, в: [5; 6]). Превосходное знание родного кологривского говора позволило писателю органично включать лексическое богатство народного языка в свои сказки, рассказы, стихи, пьесы, эпистолярные произведения, воспоминания и другие литературные жанры. К тому же, как уже сказано выше, он осознанно отдавал приоритет народной деревенской речи перед языком горожан, «образованных».

Одна из лексических тем, отражённых в литературных текстах Е.В. Честнякова, связана с сакральным христианским культом и религиозными понятиями, где мы встречаемся с местными народно-разговорными названиями в их прямом и переносном значениях. Крестьянское происхождение писателя, патриархальный уклад жизни семьи и воспитание в православной вере оказали влияние на его мировоззрение. Многие детские впечатления писателя связаны с православными традициями: соблюдением поста, молитвой, чтением церковных книг, церковными праздниками, посещением известных в округе церквей и молелен. Ещё в молодом возрасте, возможно, под влиянием церковного аскетизма, он увлёкся вегетарианством, о чём знали его земляки и о чём свидетельствует журнал «Вегетарианское обозрение» из личной библиотеки Ефима Васильевича. По словам местных жителей, в годы гонений на церковь Честняков посещал небольшую поляну в лесу рядом с деревней Вонюх, куда приходил молиться вместе с земляками. В народе это место прозвали «Зелёным храмом». Кологривские жители чтут Ефима Честнякова как святого и провидца. На его могилу приезжают паломники, многие из них увозят с собой горстку земли, искренне веруя в её целебную силу.

Заметную часть культурного ландшафта Приунженского края, города Кологрива и его окрестностей, ближних и дальних, составляют вертикали каменных церквей со стройными колокольнями, возвышающиеся среди обилия лесной и луговой растительности над рекой Унжей с её притоками, болотами, озёрами, массивами деревень и сёл с невысокими одноэтажными строениями. Здесь издавна, с раннего средневековья, на бывших постугрофинских землях живут земледельцы, воцерковлённый христианский народ, говорящий по-русски и исповедующий православную религию, истово относящийся к вере и к её сакральным обычаям. Символами христианской веры в крае, которую до недавнего прошлого, но в значительной степени и сейчас, можно назвать всенародной, являются комплексы фундаментальных церковных сооружений: само здание церкви, её приделы, колокольня и часовни, каменные и деревянные, как бы затерянные в лесах и заставляющие думать о наличии старообрядческих толков в этих местах, о чём говорят своеобразные кресты на кладбищах. Все эти сооружения, за исключением, пожалуй, крестов, имеют свои развёрнутые собственные названия, в народном употреблении как правило редуцированные и так или иначе приспособленные к местному разговорному узусу, то есть к говорам Кологривского уезда Костромской губернии. С окраской приунженского диалекта они транспонированы в стихи и прозу шабловского мастера, составляя колоритную черту его творчества и одновременно являя собой один из объектов описания образцов регионолекта края.

Историки предполагают, что первые храмы и часовни появились на кологривской земле в XII–XIII веках, когда Приунжье стало заселяться славянами. Культовые сооружения на протяжении нескольких веков играли значимую роль в жизни людей. Все важнейшие события – заключение брака, рождение ребёнка, начало нового дела, покаяние в грехах и смерть, а также многочисленные церковные праздники – неизбежно приводили человека под своды храма или часовни, где он находил умиротворение и приобщение к высшим ценностям. Соответственно эти сооружения получали у кологривчан и свои народные названия, которые по правилам устной речи могли варьироваться. Подобное явление можно наблюдать и на других русских территориях, см. например, об этом в [4; 7; 8].

Предметом исследования в данной статье являются экклезионимы – народно-разговорные названия культовых строений,

которые рассматриваются с точки зрения формы, семантической структуры и особенностей их употребления в разных речевых ситуациях носителей кологривского говора. Основные источники изучения здесь – тексты произведений Е.В. Честнякова, где он сумел реалистически точно и лингвистически убедительно показать структуру, семантику, деривационные и функциональные особенности церковных названий родного края. Затем привлечём для сравнения и другие лексические данные подобных наименований избранной нами тематики из более широких источников в подтверждение особенностей использования экклезионимов в народной речи жителей Кологривского края.

Местные экклезионимы, которые народом воспринимались не только как названия сакральных культовых построений, но и как топографические объекты-ориентиры, нашли отражение в творчестве уроженца этого края Е.В. Честнякова, как уже говорилось, не только потому, что он был глубоко верующим человеком, но и потому, что он был зорким и наблюдательным краеведом, влюблённым в свою местность, её природу, людей, её топообъекты, смотревших на них с точки зрения местного жителя. Обратимся к его творчеству и отметим, как писатель подаёт в нём сакральную лексику края.

Часовня, часовенка. Лексема *часовня* и её коннотоним *часовенка* частотны в литературных произведениях Е.В. Честнякова. Можно считать, что тут мы имеем дело с онимизацией апеллятива в связи с тем, что сам Ефим постоянно посещал часовню в своей деревне Шаблово и именно о ней чаще всего идёт речь в его текстах.

В словарях современного русского литературного языка слово *часовня* определяется следующим образом: «молитвенный дом (или памятник) в виде небольшого церковного строения с иконами, но в отличие от церкви без алтаря» [9, с. 768]; часовенка – «уменьш. к часовня, небольшая часовня» [9, с. 768]. В Словаре Даля рассматриваемые лексемы имеют следующее толкование: «часовня, часовенка – молитвенный дом, храмик без алтаря, где можно только служить часы (не литургию); отдельное маленькое строенье или пристрой, с иконами и лампадой; часовни этого рода ставятся в виде памятника, или на распутьях, на родниках, или над престолом бывшей церкви» [10, с. 583].

Лексемы *часовня* и *часовенка* употребляются писателем без всякого дополнительного определения, как уже сказано, они играют роль онимов, трансформов имени нарицательного в имя собственное, что характерно для onima propria узкого территориального пространства. Речь здесь идёт о часовне вблизи Шаблова, родной деревни писателя, в иконописном убранстве которой принимал участие дед писателя, староста часовни Самойла, и его бабушка Прасковья. В стихах Честнякова мы находим описание точного местоположения шабловской часовни, её хронологические, топологические и лингвистические приметы, любовное описание её внутреннего убранства, что позволяет считать лексемы *часовня,* и ещё в большей степени *часовенка,* коннотонимами, то есть онимами с яркой эмоциональной окраской. Характерно, что у Честнякова слово *часовня* вписывается в контекст, стилистически близкий к сказовому (воспоминания с диалектными лексическими приметами маленького деревенского мальчика (*Самойлом дедушкой, дедушко, сюды, с баушкой*), но одновременно насыщенной церковной символикой и лексикой культурно-исторического характера, присущей кодифицированной литературной речи: *И за оврагом к солнцу в поле Стоит часовня на просторе Как памятник времён былых Создание прадедов седых. <…> Когда войдёте внутрь туда, Увидите иконы в два ряда И надписи красивыя по-русски. Ещё написано так мелко по-французски Что вотчины Стромиловой раденьем Внутри часовенка прекрасна украшеньем.. И живописные святые Херувимы Украшены парчой в часовенке хранимы.. Усердьем нашего народа И старостой такого рода Самойлом дедушкой они заведены.. Из города сюды привезены… (И дедушко, я помню, мой Хоругви с баўшкой обшили бахромой)* [11, с. 19]. Отметим, что здесь и далее сохранена графика черновиков текстов Е.В. Честнякова.

Как уже говорилось, лексемы *часовня, часовенка* имеют положительную экспрессию и выражают любовное отношение автора к этому предмету культа. Слова *часовня – икона – староста – херувимы – хоругви*, почти все церковнославянизмы, составляют в

тексте ядерную смысловую парадигму, а семантическую периферию сакрального поля, лично значимую для автора – народно-разговорная лексика типа *Самойло-дедушко, баушка.* Значим тут и возвышенно-риторический книжный перифраз *Как памятник времён былых Создание прадедов седых.* В качестве топографического объекта в тексте слово *часовня* характеризуют слова автора (*И за оврагом к солнцу в поле Стоит часовня на просторе*), а также упоминание об исторической надписи по-французски в самой часовне, удостоверяющей хронотоп её создания в переводе на старославянский язык с упоминанием имени некоего *Стромилы*, по-видимому изографа, расписывавшего часовню (*Ещё написано так мелко по-французски Что вотчины Стромиловой раденьем Внутри часовенка прекрасна украшеньем*). Антропоним *Стромила* (*Стромило*), древнерусское имя, невольно вызывает ассоциацию с именем легендарного *Остромира* (*Стромилы*), новгородского посадника, для которого в середине XI века по приказу киевского князя дьяконом Григорием было создано «Остромирово евангелие». Возможно, часовня была построена в те древние времена, когда в эти поунженские края наведывались новгородские ушкуйники.

В творчестве Честнякова материальное и духовное гармонически сочетаются, поэтому в его литературных текстах церковнославянская лексика повсеместно не только соседствует с народно-разговорной и диалектной, но и превращается в их синкретические формы. Автор показывает глубокую веру крестьян в постоянное незримое присутствие Бога в их жизни, будь это труд, праздники, обряды и др. Широкое же использование диалектизмов позволяет усмотреть этническое начало, непосредственную связь лексики с этносом именно данной местности, а с высокой лексикой – опосредованную, более обобщённую связь. Надо отметить, что единый колорит высокого стиля в следующих текстах создаётся не только за счёт использования церковнославянизмов, но и благодаря жанровой его организации в духе устного народного творчества, что вообще характерно для творчества писателя (*холодненькой водицы Изольют из коробицы*; *огошик, лапотки, крошенинкою*): *И холодненькой водицы Изольют из коробицы Бога поблагодарят И молитву сотворят…* [11, с. 38]. *Давно-ли вечер был – она уже огошик вздула.. И лапотки свои с молитвою обула..* [11, с. 40]. *Потом вынесли из часовни крест – иконы хоругви херувимы и пошли круг полей и вдоль деревни крестным ходом.. в каждом поле и посеред деревни были сияния..* [11, с. 23]. *Помолюсь на иконы и сяду за стол.. Молоко с крошенинкою ложкой хлебаю..* [11, с. 25].

Архандел. Народно-разговорные формы имён поунженских церквей в произведениях Е.В. Честнякова особенно чётко выявляют связь их с топографией местности. В рукописях Ефима Васильевича встречаются упоминания некоторых древних кологривских церквей. Их количество невелико, но они дают точное представление о бытовании экклезионимов в народной кологривской речи: *Архандел, Микола, Воскресенский*. Данные онимы нашли отражение в Словаре народно-разговорного языка Е.В. Честнякова «Живое поунженское слово», составленного Н.С. Ганцовской и О.А. Образцовой, где описана диалектная лексика кологривских говоров, извлечённая из текстов Е.В. Честнякова. Словарная статья из названного лексикографического источника выглядит следующим образом: «***Архандел***. Церковь Михаила Архангела. *У Архандела тоже останавливались* («Сказание о Стафии – короле тетеревином») [2, с. 91]. Приведём более широкий контекст из рукописного источника этого текста: *У Архандела тоже останавливались. Дьячок тут знакомый... зашли... потчуют, пономарь пришёл... и поповы тоже. А самого дома не было. Уехал со святом по деревням... А в Опарине не были, от Архандела, вишь, далеко. А ниже мы нигде не причаливали* [12, с. 173]. Эти строки взяты из «Сказания о Стафии – короле тетеревином», одной из поэм Е.В. Честнякова, где вымысел переплетается с описанием действительных явлений природы и человеческих отношений поунженского края. Поэма была реконструирована Р.Е. Обуховым по черновым вариантам рукописных произведений писателя. В цитате идёт речь о дедушке Якове, бабушке Анне и их внучке Фарасе, которые, сплавляясь на плоту по Унже, посещали встретившиеся им деревни и сёла.

Архандел – это народное произношение слова *архангел,* оно является усечённым названием реальной церкви Святого Архистратига Михаила и бесплотных Сил, упоминаемой И. Беляевым в [13, с. 303]. В народе часто её называли *Архангельская* (в диалектном произношении чаще *Архандел*), и даже в документах нередко встречается это упрощённое наименование. Церковь находилась на правом, почти отвесном лесистом берегу реки Унжи, в 40 км выше по течению от современного Кологрива на месте «бываго» Кологрива. Церковь имела 4 престола: в честь св. Архистратига Михаила и бесплотных Сил, преп. Афанасия Афонского, преп. Макария Желтоводского и Унженского чудотв. и святит. Николая чудотворца [13, с. 303]. Е.В. Честняков как знаток и любитель родного кологривского говора использует в тексте народный вариант названия церкви. В данном случае мы видим метонимический перенос названия церкви по одному из приделов на название населённого пункта – села, это свидетельствует о деонимизации сакрального названия церковного сооружения и превращении его в топографический знак – ойконим, название села, которое обычно отличается от деревни наличием церковного строения.

Фонетический облик слова *архандел* вместо *архангел* в приунженских говорах также свидетельствует об известной деонимизации и десакрализации слова, греческого по происхождению, получившего русскую народную фонетическую примету, сохранившуюся в говорах, в том числе и приунженских, в виде замены Г на Д перед гласным переднего ряда (типа *андел (ангел), рути (руки), ноди (ноги*) и гиперизм *кеятр* вместо *театр*).

Воскресенье. В той же поэме Е.В. Честнякова «Сказание о Стафии – короле тетеревином» в интерпретации Р.Е. Обухова в одном из эпизодов сказано: *У Воскресенского на стану был какой-то праздник… али воскресенье* [12, с. 154]. *У Воскресенья на стану у попа выгостили. Показалось, значит, семейству, как мы натутыркивали* [12, с. 173]. Здесь речь идёт, видимо, о церковном празднике в селе (бывшем стане, единице старого административного управления) в 42 км от Кологрива, названном так в результате метонимического переноса названия одноимённой церкви в селе – церкви Воскресения Словущего. Церковь была построена в 1836 г. на средства прихожан. Имела два престола: вверху – во славу Воскресения Христова, внизу – в честь св. мчч. Флора и Лавра. В обоих случаях можно отметить, что народный вариант наименования церкви – более краткий в сравнении с официальным, но нередко упрощённый вариант фиксировался даже в документах. Оба престола не уцелели до настоящего времени, а память о бывшей в селе церкви сохраняет имя собственное населённого пункта [13, с. 304]. Село находилось примерно в 50 километрах от Кологрива. В обиходе более распространено было название *Воскресенский,* возникшее в результате метонимического переноса названия одноимённой церкви в селе – церкви Воскресения Христова. Пояснение известного кологривского краеведа З.И. Осиповой относительно варианта топонима Воскресенский стан таково: «Другое название *Воскресенья стан* в старом Кологриве, где была церковь Михаила Архангела» [14, с. 92].

Микола. В известном рассказе Е.В. Честнякова «Ручеёк» и его рукописных материалах неоднократно встречается название церкви Николая Чудотворца в селе Илешево, центре волости Кологривского уезда в 6 км от Шаблова. Оно подаётся в кратком варианте, отражающем народное именование святого – Микола – на местном диалектном фоне: *Пролапотало вдоль деревни – пора и нам робята… Собрались всей гурьбой – к Миколе поехали.. Засвистали загикали замахали плётками – затопали лошади – только пыль стоит и летит земляная ископыть…* [11, с. 23]. *Мало-помалу в деревне собираются в кучки девки-робята и малые дети – скоро от Миколы поедут и будут вдоль деревни разганивать..* [11, с. 24]. *Вот и пыль запылилася по дороге от Миколы и полем скакали на лошадях – весёлые окрики робят – мужиков мешались с топаньем и ржаньем лошадей – карих сивых вороных рыжих чалых пегих…* [11, с. 24]. *А вот утро.. Темно ещё.. Мороз и звёзды на небе.. Мамка воду носит.. По дороге слышно сани скрипят и шоргунцы побрякивают.. Это видно едут молиться к Миколе..* [11, с. 27]. *Раннее утро.. Ещё не рассвело – и звёзды на небе мерцают едва. Едем горой от Зеленина к Миколе.. и вижу*

стоят одиноко в полутьме на Вершнякове понамаревы да дьячковы дома.. И кажется, что тут живут не такие как мы.. [11, с. 27].

Кологривские жители называют церковь Николая Чудотворца Никольской. Её диалектная форма – Микола, как и официальная форма – образована посредством метонимического переноса с имени святого на церковь. По приведённым контекстам из произведений Честнякова становится очевидным, что *Миколой* писатель и его земляки называли не только саму церковь Николая Чудотворца, но и село Илешево, в котором находится церковь. Это подтвердили и кологривские жители, которые знают о бытовании ойконима в обоих значениях.

Рядом с Никольской церковью в селе Илешево находится Церковь Ильи Пророка с приделами Ильи пророка, Богоявления и Флора и Лавра. Вместе они составляют типичный для Костромского края комплекс из двух церквей (см.: [13; 15]). Церковь Илии пророка была сооружена в 1796 г. и считалась холодной. В народе её называют двояко: *Ильинская и церковью Богоявления.* В ней зимой 1874 г. был крещён Ефим Васильевич Честняков. Как видим, здесь в обиходном названии также происходит упрощение структуры до двухсловного сочетания, что характерно для многих русских экклезионимов.

Воскресенская (Макарьевская) церковь. Первым каменным зданием на территории Кологривского уезда стала церковь Воскресенская, построенная жителями села Кичино в честь основания города Кологрива на новом месте в 1777 г. Эта церковь не сохранилась до настоящего времени, но старожилы Кологрива помнят о её прежнем существовании. Церковь имела два престола – главный – в честь Обновления храма Воскресения Христова в Иерусалиме, другой – во имя преподобного Макария Унженского [16, с. 352]. В обиходе более распространено было название *Макарьевская* (по одному из приделов), но и *Воскресенской* её тоже называли.

Богородицкая (Павликовская). Вторую каменную церковь построили в 1790 г. в селе Вяткина Гора. Называлась она *Богородицкая*, или *Рождества Пресвятой Богородицы*. Церковь имела три престола: во имя *Живоначальной Троицы*, в честь *Рождества Богородицы* и в честь *Казанской иконы Божией Матери* [14, с. 354], но в народе её называют *Павликовская*, так как находится она рядом с деревней Павликово. Здесь мы видим в названии, как обычно, перенос по смежности, но в виде хиазма – уже с населённого пункта на название церкви.

Кладбищенская. В 1840 г. в Кологриве появилась третья каменная церковь *Во имя Всех Святых*. Кологривчане называют её *Кладбищенской*. Построена она была при городском кладбище на средства Александры Николаевны Шулепниковой [14, с. 38]. Своих священнослужителей церковь не имела, служили в ней только при отпевании покойников священники из Успенского собора. Сейчас от неё остались только каменные ворота.

Спасская. В 1911 г. была построена церковь *Спаса Нерукотворного*. Старожилы описывали её красивое внутреннее убранство – храмовой образ – образ Христа Спасителя, голова из майолики. Кологривчане называют эту церковь *Спасской* [14, с. 38].

Таким образом, мы видим своеобразное перекодирование протяжённых церковнославянских названий каменных храмовых сооружений приунженского края в живой народной речи, представленное в её кратких и часто несхожих вариантах, нередко с отражением диалектных явлений и особенностей местного рельефа местности. В этих случаях, как кажется, мы можем считать это проявлением этнодиалектного противопоставления *свой/чужой*, как бы отражением народного мировидения в народно-разговорных экклезионимах, которые реалистично точно донёс до нас Ефим Васильевич Честняков.

Список литературы

1. *Веселова Е.Г.* Диалектизмы поунженского края (на материале произведений Ефима Васильевича Честнякова) // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее: сб. материалов и исслед. Всерос. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А Некрасова, 2015. С. 110-116.
2. *Ганцовская Н.С.* Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007. 225 с.

3. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г.* Е.В. Честняков как лингвист: роль диалектов в судьбах русского языка // Громовские чтения. Вып. 3. Живое народное слово и костромской край: сб. материалов и исслед. Междунар. науч. конф. Кострома: КГУ, 2016. С. 465-477.
4. *Ганцовская Н.С., Веселова Е.Г., Сухарева Т.П.* Особенности языка прижизненных изданий произведений Е.В. Честнякова в Санкт-Петербурге // Печать и слово Санкт-Петербурга (Петербургские чтения – 2015): в 2 ч. Ч. 2: Литературоведение. Лингвистика: сб. науч. тр. СПб.: СПбГУПТД, 2015. С. 317-320.
5. *Игнатьев В.Я.* Ефим Васильевич Честняков. Кострома: ИПП «Кострома», 1995. 128 с.
6. Новые открытия советских реставраторов / сост. С.В. Ямщиков. М.: Сов. художник, 1985. 140 с.
7. *Горлова Т.В.* Особенности функционирования экклезионимов Нерехты в народно-разговорной речи // Ономастика Поволжья: материалы 18 Междунар. науч. конф.: в 2 т. / науч. ред.: Н.С. Ганцовская, В.И. Супрун; сост. и отв. ред. Г.Д. Неганова. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2020. Т. 2. С. 196-206.
8. *Никифорова О.В.* Религиоойконимы Нижегородской области как часть культурно-исторического наследия региона // Неофилология. 2019. Т. 5. № 20. С. 483-490. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490
9. Словарь современного русского литературного языка. Т. 16 / ред. Н.З. Котелова, Н.М. Меделец. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 1610 стб.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1980. Т. 4.
11. *Честняков Е.В.* Русь, уходящая в небо...: Материалы из рукописных книг / сост. Т.П. Сухарева. Кострома: Костромаиздат, 2011. 168 с.
12. *Честняков Е.В.* Сказание о Стафии – Короле Тетеревином: роман-сказка / сост. и автор коммент. Р.Е. Обухов. М.: Междунар. центр Рерихов: Мастер-Банк, 2007. 368 с.
13. *Беляев И.* Статистическое описание соборов и церквей Костромской епархии. Спб.: Тип. почтового департамента, 1863.
14. *Осипова З.И.* Обрести память. Кологрив: Центр народного творчества и туризма «Горница», 2007.
15. *Рудченко В., Смирнов Г., Шармин П.* Памятники архитектуры Костромской области: Каталог. Вып. V. Кострома, 2003.
16. *Баженов И.В.* Краткие статистические сведения о приходских церквах Костромской епархии. Кострома: Губернская тип., 1911.

References

1. Veselova E.G. Dialektizmy pounzhenskogo kraya (na materiale proizvedeniy Efima Vasil'yevicha Chestnyakova) [Dialectisms of the Unzha Region (based on the works of Efim Vasilyevich Chestnyakov)]. *Sbornik materialov i issledovaniy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Vtoryye Gromovskiye chteniya. Russkiye narodnyye govory: proshloye i nastoyashcheye»* [Collection of Proceedings and Research of All-Russian Scientific and Practice Conference "The Second Gromov Readings. Russian Folk Dialects"]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University Publ., 2015, pp. 110-116. (In Russian).
2. Gantsovskaya N.S. *Zhivoye pounzhenskoye slovo. Slovar' narodno-razgovornogo yazyka E.V. Chestnyakova* [Live Unzha Word. Dictionary of the Folk and Spoken Language of E.V. Chestnyakov]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2007, 225 p. (In Russian).
3. Gantsovskaya N.S., Veselova E.G. E.V. Chestnyakov kak lingvist: rol' dialektov v sud'bakh russkogo yazyka [E.V. Chestnyakov as a linguist: the role of dialects in the fate of the Russian language]. *Sbornik materialov i issledovaniy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Gromovskiye chteniya. Vyp. 3. Zhivoye narodnoye slovo i kostromskoy kray»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Gromov Readings. Issue 3. Living Folk Word and Kostroma Region"]. Kostroma, KSU Publ., 2016, pp. 465-477. (In Russian).
4. Gantsovskaya N.S., Veselova E.G., Sukhareva T.P. Osobennosti yazyka prizhiznennykh izdaniy proizvedeniy E.V. Chestnyakova v Sankt-Peterburge [Features of the language of lifetime editions of works by E.V. Chestnyakova in St. Petersburg]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga (Peterburgskiye chteniya – 2015): v 2 ch. Ch. 2: Literaturovedeniye. Lingvistika* [The Press and the Word of St. Petersburg (Petersburg Readings – 2015): in 2 pt. Pt 2: Literary Criticism. Linguistics]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., 2015, pp. 317-320. (In Russian).
5. Ignatyev V.Y. *Efim Vasil'yevich Chestnyakov* [Efim Vasilievich Chestnyakov]. Kostroma, PPC "Kostroma", 1995, 128 p. (In Russian).
6. Yamshchikov S.V. (compiler). *Novyye otkrytiya sovetskikh restavratorov* [New Discoveries of Soviet Restorers]. Moscow, Sovetskiy Khudozhnik Publ., 1985, 140 p. (In Russian).

7. Gorlova T.V. Osobennosti funktsionirovaniya ekklezionimov Nerekhty v narodno-razgovornoy rechi [Features of the functioning of Nerekhta's ecclesiastics in folk colloquial speech]. *Materialy 18 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya»: v 2 t.* [Proceedings of the 18th International Scientific Conference "Onomastics of Volga Region": in 2 vols.]. Kostroma, Kostroma State University Publ., 2020, vol. 2, pp. 196-206. (In Russian).
8. Nikiforova O.V. Religiooykonimy Nizhegorodskoy oblasti kak chast' kul'turno-istoricheskogo naslediya regiona [Religious oikonyms of Nizhny Novgorod Region as part of the regional cultural and historical heritage]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 20, pp. 483-490. DOI 10.20310/2587-6953-2019-5-20-483-490 (In Russian).
9. Kotelova N.Z., Medelets N.M. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. T. 16* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language. Vol. 16]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 1610 col. (In Russian).
10. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1980, vol. 4. (In Russian).
11. Chestnyakov E.V. *Rus', ukhodyashchaya v nebo...: Materialy iz rukopisnykh knig* [Russia, Leaving in the Sky..: Materials from Handwritten Books]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2011, 168 p. (In Russian).
12. Chestnyakov E.V. *Skazaniye o Stafii – Korole Teterevinom: roman-skazka* [The Legend of Stafia – King Teterevin: A Fairy Tale Novel]. Moscow, International Centre of the Roerichs, Master Bank Publ., 2007, 368 p. (In Russian).
13. Belyayev I. *Statisticheskoye opisaniye soborov i tserkvey Kostromskoy eparkhii* [Statistical Description of Cathedrals and Churches of the Kostroma Diocese]. St. Petersburg, Post Office Typography, 1863. (In Russian).
14. Osipova Z.I. *Obresti pamyat'* [Gain Memory]. Kologriv, Center of Folk Art and Tourism "Gornitsa", 2007. (In Russian).
15. Rudchenko V., Smirnov G., Sharmin P. *Pamyatniki arkhitektury Kostromskoy oblasti: Katalog. Vyp. V* [Architectural Monuments of the Kostroma Region: Catalog. Issue 5]. Kostroma, 2003. (In Russian).
16. Bazhenov I.V. *Kratkiye statisticheskiye svedeniya o prikhodskikh tserkvakh Kostromskoy eparkhii* [Brief Statistical Information about the Parish Churches of the Kostroma Diocese]. Kostroma, Governorate Typography, 1911. (In Russian).

Информация об авторе

Веселова Елена Геннадьевна, старший научный сотрудник отдела хранения и изучения музейных коллекций, Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Кострома, Российская Федерация, veselovaelena@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2852-7352

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор данных, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021
Одобрена после рецензирования 11.05.2021
Принята к публикации 17.05.2021

Information about the author

Elena G. Veselova, Senior Research Scholar of Storage and Study of Museum Collections Department, The Kostroma State Historical, Architectural & Arts Museum Reserve, Kostroma, Russian Federation, veselovaelena@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2852-7352

Contribution: main study conception, data acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 26.03.2021
Approved after reviewing 11.05.2021
Accepted for publication 17.05.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.373.21
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-402-411

Коннотативные макротопонимы: динамический аспект

Оксана Валентиновна ВРУБЛЕВСКАЯ
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 27
✉ Gesse-wolf2009@yandex.ru

Аннотация. Представлен анализ коннотативного потенциала макротопонимов *Азия, Америка, Европа, Китай, Россия*, эмоционально-оценочные коннотации которых формируют фрагмент ценностной картины мира современного носителя русского языка. Цель проводимого исследования заключается в выявлении онимических и постонимических коннотаций исследуемых онимов, сформировавшихся под влиянием политических, экономических и культурных факторов в российском обществе за последние три десятилетия. Для этого проведён анализ контекстуального употребления исследуемых онимов в коннотативном использовании в текстах средств массовой информации и публицистики. Определена динамика коннотаций данных макротопонимов в указанный период. Установлены устойчивые коннотации исследуемых топонимов, коннотации, теряющие актуальность, и коннотации, формирующиеся в последние несколько лет. Это говорит о подвижности языкового сознания носителей русского языка, а также о том, что то или иное коннотативное значение онима актуально в определённый промежуток времени. Интересен тот факт, что у макротопонимов *Европа* и *Америка* на смену позитивным коннотациям приходят негативные. У топонимов *Азия, Китай* и топонимов *Китай, Россия* отмечены синонимичные коннотации. Коннотации топонима *Европа* часто противопоставляются коннотациям топонима *Россия.* Полученные результаты могут быть использованы при лексикографическом описании исследуемых коннотативных топонимов.

Ключевые слова: топоним, коннотация, коннотативное имя, постсоветский период, языковое сознание

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 19-012-00578 Коннотативные имена собственные как инструмент социальной оценки: динамический аспект (на материале русскоязычных текстов постсоветского периода).

Для цитирования: *Врублевская О.В.* Коннотативные макротопонимы: динамический аспект // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 402-411. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-402-411

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-402-411

Connotative macrotoponyms: dynamic aspect

Oksana V. VRUBLEVSKAYA
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
✉ Gesse-wolf2009@yandex.ru

Abstract. We present an analysis of the connotative potential of macrotoponyms *Asia, America, Europe, China, Russia*, whose emotional-evaluative connotations form a fragment of the value world picture of modern native speakers of the Russian language. The purpose of the undertaken research is to find out onymic and postonymic connotations of the onyms which have taken shape under the influence of political, economical and cultural factors in the Russian society for the last three decades. To evaluate these connotations we analyze the contextual usage of the studied onyms in connotative usage in texts of mass media and journalism. We determine the dynamic of the research macrotoponyms connotations in the designated period. We identify persistent connotations of research toponyms, connotations which are losing their relevance and connotation which are forming last several years. This indicates the mobility of the language consciousness of native speakers of the Russian language, also this shows that this or that connotative meaning of onym is relevant in a certain period of time. An interesting fact is that by macrotoponyms *Europe* and *America* positive connotations are replaced by negative connotations. Toponyms *Asia, China* and toponyms *China, Russia* has synonymous connotations. Connotations of toponym *Europe* are often contrasted with connotations of toponym *Russia.* The obtained results can be used by the lexicographic description of the research connotative toponyms.

Keywords: toponym, connotation, connotative name, post-Soviet period, language consciousness

Acknowledgements: The research is funded by the RFBR grant no. 19-012-00578 Connotative proper names as a tool of social assessment: dynamic aspect (on the material of Russian-language texts of the post-Soviet period).

For citation: Vrublevskaya O.V. Konnotativnyye makrotoponimy: dinamicheskiy aspekt [Connotative macrotoponyms: dynamic aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 402-411. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-402-411 (In Russian, Abstr. in Engl.)

OPEN ACCESS

CC BY

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

Динамика и трансформация социокультурных ценностей в постсоветский период (с начала 1990-х гг. до настоящего времени) привела к трансформации коннотативных значений широкоупотребительных имён собственных. И изучение изменений в ценностной картине мира, отражённой в содержании языковых единиц, не будет полным без исследования ономастической составляющей, которая наглядно характеризует социальные ценности постсоветского периода, что актуально не только для аксиологической лингвистики, но и для лингвокультурологии и социолингвистики.

Под коннотативными макротопонимами понимаем названия частей света, регионов, стран, которые употребляются не только в денотативном значении, но и для эмоциональной характеристики и социальной оценки объектов и явлений современной действительности.

В настоящее время можно выделить два подхода к определению коннотации: лингвистический и экстралингвистический. При лингвистическом подходе коннотация рассматривается как часть лексического значения слова (см. [1–4]). При экстралингвистиче-

ском подходе коннотация рассматривается вне лексического значения слова как набор семантических ассоциаций, связанных с обозначаемым объектом в данном языковом сообществе. Как утверждает Дж. Лич, коннотацию целесообразно рассматривать только с точки зрения ассоциаций, возникающих у индивида на основе его социального опыта [5].

В отечественной лингвистике такой подход представлен в работах Ю.Д. Апресяна, на понимание коннотации которого мы опираемся в данном исследовании. Автор определяет коннотацию как несущественные, но устойчивые признаки выражаемого лексемой понятия, воплощающие принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности [6]; и подчёркивает, что коннотация не входит непосредственно в лексическое значение слова и не является следствиями или выводами из него [6]. И.В. Крюкова, рассматривая коннотацию применительно к именам собственным, отмечает, что, во-первых, добавочное значение накладывается не на понятие (у имени собственного оно редуцировано), а на предметно-логическое содержание онима. Во-вторых, у собственных имён, в отличие от нарицательных, границы между денотацией и коннотацией более чёткие, не размытые, поскольку в имени всё, что информирует или вызывает эмоции, будет относиться к коннотации. В-третьих, социально-оценочный компонент значения у имён собственных более яркий и отчётливый, чем у нарицательных, это связано с самой природой онима как индивидуального наименования [7, с. 262]. А.С. Щербак и И.В. Грошев, анализируя социативную семантику урбанонимов, подчёркивают, что коннотация онима проявляется при его употреблении в определённых коммуникативных ситуациях использования имени носителями языка, то есть ономастическая коннотация обусловлена социальным фактором [8]. Е.С. Отин отмечает, что «одно и то же собственное имя в разные периоды своего бытования в речи в различных сферах использования может развивать целый пучок созначений. Но при этом семантические коннотемы не всегда находятся в синхронных отношениях друг с другом, они часто выступают как разновременные элементы смысловой структуры» [9, с. 280]. Подробнее о подходах к определению ономастической коннотации см. [10].

Объектом изучения в данной статье являются макротопонимы *Азия, Америка, Европа, Китай, Россия,* эмоционально-оценочное отношение к которым неоднозначно в постсоветский период и отражает представление современного российского общества о событиях и явлениях в стране и мире.

Цель – выявление динамики и трансформации коннотаций исследуемых макротопонимов в постсоветский период. Для решения поставленной цели использованы следующие методы: контекстуальный анализ (для подтверждения существования коннотаций и коннотативных значений у исследуемых онимов в контекстуальном окружении) и сопоставительный метод (для выявления динамики коннотаций исследуемых имён).

Поскольку ономастическая коннотация не может быть определена вне реакции адресата, был проведён свободный ассоциативный эксперимент (см. [11]). Как отмечал В.И. Говердовский, ассоциации являются психологической основой коннотации [12, с. 71]. Это могут быть даже несущественные, но постоянно повторяющиеся, то есть устойчивые признаки. Исследование макротопонимов *Азия, Америка, Европа, Китай, Россия* на этапе эксперимента показало не только значительный ассоциативный потенциал данных онимов, но и возрастные различия в их восприятии, что говорит о подвижности языкового сознания носителей русского языка и культуры и динамике коннотаций. Для выявления данных коннотаций необходим анализ употребления макротопонимов в контекстуальном окружении в разножанровых текстах постсоветского периода.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Контекстуальный анализ – это выявление текстовых фрагментов, в которых исследуемые макротопонимы зафиксированы в коннотативном значении. Единицей анализа является текстовый фрагмент, в котором оним не просто называет объект, но и выражает оценочное отношение автора текста к данному объекту (онимические коннотации) или другим объектам, обладающим общим

свойством с исходным объектом (постонимические коннотации) (см. подробнее [10]). Источником материала исследования послужил преимущественно «Национальный корпус русского языка» (основной, газетный и устный подкорпусы)[1], а также средства массовый информации, ТВ-выпуски новостей, ток-шоу и др. Всего отобрано 712 контекстов, в которых зафиксировано коннотативное использование исследуемых макротопонимов. Бóльшая часть контекстов иллюстрирует онимические коннотации социально-оценочного характера.

Исследуемые макротопонимы *Азия, Америка, Европа, Китай, Россия* хорошо известны носителям русского языка и культуры. Ономастические коннотации подобных топонимов формируются при употреблении данных онимов в прямом значении, то есть референтно, в сочетании с социально-оценочной характеристикой именуемого объекта: *У нас Китай ассоциируется со стихийным рынком, с некачественным ширпотребом. Этот феномен возник на рубеже 80-х – 90-х годов. «Серый» импорт подрывает само реноме товаров из КНР, да и страны в целом* (Известия, 20.06.2006).

Актуализаторами онимических коннотаций исследуемых топонимов становятся экстралингвистические факторы: роль обозначаемого объекта (страны, региона) в мировой экономике и политике, в культурной жизни, а также особенности, признаки и характеристики, которые постоянно оцениваются обществом.

Маркёром перехода от конкретного референтного употребления топонима к более обобщённому, атрибутивно-референтоному, является использование в контексте таких определительных слов при коннотативном ониме, как: *ассоциируется, становится* и под.: *Тот факт, что первые две выставки XXI века поручено провести азиатским государствам, показателен. Азия стала двигателем мировой экономики, а ЭКСПО способствуют динамичному развитию не только Азии, но всего мира* (РИА Новости, 04.10.2005). А употребление неопределённых местоимений *какой-нибудь, какой-то* усиливает обобщенное коннотативное значение: *И мало того что живёте, вы ещё и в землю этого государства зарылись! Из какой-нибудь Америки вас давно бы в наручниках выперли, а Россия вот вас таких терпит! Поверьте, нам, правда, стыдно. Но ведь на всё воля Божия…* (КП, 27.11.2007).

Самым явным признаком семантической трансформации исследуемых топонимов является их использование в качестве образа сравнения. Анализ показал, что данные топонимы чаще становятся основой прямых сравнений, выраженных компаративной связкой *как, типа, вроде, подобно, а-ля* и др., предикативами *похож, напоминает* и др.: *А беда ведь ещё и в том, что с Москвы берут пример другие мегаполисы, хаотично обустраиваясь в стиле а-ля Европа* (Труд-7, 20.09.2006); *Следовательно, планета – по такой простой мысли – будет разделена территориально. Рай – станет чем-то вроде Америки, куда грешники будут стремиться всеми силами, как стремятся туда бедные люди из стран третьего мира* (А. Иличевский. Перс. 2009); *Сюжет романа заключается в том, что сэр Ваймз с дипломатической миссией отправляется в Убервальд – страну вампиров, которая велика и обильна, только порядка в ней нет: убервальдские жители постоянно воюют друг с другом. Кому-то это государство напоминает Россию…* (Труд-7, 18.07.2007).

Регулярное употребление широко известного имени собственного в качестве образа сравнения – это одно из основных, исходных свойств, позволяющих квалифицировать данное имя как коннотоним [10, с. 129].

Подробно проиллюстрируем указанные виды онимических коннотаций, рассматривая динамику коннотаций макротопонимов *Азия, Америка, Европа, Китай, Россия.* Следует отметить, что в большинстве контекстов встречается сопоставление, противопоставление онимических коннотаций нескольких из рассматриваемых макротопонимов. Встречаются контексты, где один топоним характеризуется через другой.

Сформированные ранее и сохраняющиеся в начале 2000-х коннотации топонима *Азии* – это что-то ‘непонятное’, ‘пугающее’, ‘отсталое’: *Потому что Европу видели уже сто раз, и даже успели заскучать, потому что всё знакомо, чинно и предсказуемо. А*

[1] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 28.02.2021).

настоящая Азия – это всё-таки немножко страшно, потому что диковато (По ту сторону Европы // «Домовой», 04.09.2002); *Никто не понимает, что это такое какая-то Азия, восток* (Беседа с Д. Арбениной, «Школа злословия», канал «Культура», 2003). В контекстах конца 2000-х отмечается, что данные коннотации перестают быть актуальными: *Мы никогда не задавали себе вопрос – являемся ли мы европейцами, потому что ответ был для большинства очевиден. Европа ассоциировалась со свободой и прогрессом, в то время как Азия – с отсталостью и тиранией. Однако мир изменился. Азиатские страны, такие как Китай и Индия, сделали огромный рывок вперёд, и теперь уже традиционная для нас ориентация на Европу выглядит несколько несовременной* (Россия должна выбрать между Европой и Азией // Новый регион 2, 17.06.2008). В период 2010-х коннотации топонима *Азия* – это уже не ‘отсталое государство’, а ‘современное, идущее в ногу со временем’: *Если раньше Азия была закрытым миром с собственной культурой, то сейчас она носит Prada, использует тяжёлые ароматы и равняется на вкусы всего мира* (РБК Daily, 13.12.2013).

В большинстве контекстов второй половины 2000-х и 2010-х гг. прослеживаются коннотации, ставшие устойчивыми в настоящее время: *Азия* – ‘стремительно развивающийся регион’, ‘бурно развивающаяся экономика’, к концу 2010-х – коннотация ‘центр мира’: *<…> в последнее время Азия стала «осью мирового экономического развития» <…>* (РИА Новости, 04.06.2007); *Юго-Восточная Азия стала одним из наиболее стремительно развивающихся регионов мира* (lenta.ru, 17.11.2015); *Азия становится центром мировой гравитации <…> Азия вновь становится центром мира <…>* (EurAsia Daily, 26.04.2019). Следует отметить, что под *Азией* в первую очередь понимают *Китай*: *Азия как новый центр экономической силы (заголовок) <…> Китай стал в пять раз богаче по сравнению со странами Африки южнее Сахары, в то время как в середине 1990-х гг. их показатели были одинаковыми. Азия снова приобретает центральную роль на глобальной экономической сцене <…>* (Сетевое издание «Перспективы», 20.02.2020). Этим объясняется параллельное формирование схожих коннотаций данных топонимов. *Китай* – ‘быстро развивающаяся экономика’, ‘быстро развивающаяся страна’, а также – ‘мировая держава’: *К этой проблеме следует добавить и активность переживающих экономический бум государств типа Китая, которые составляют серьёзную конкуренцию западным экономикам в борьбе за сырьё* (РБК Daily, 21.03.2007); *Даже поверхностный анализ противоречий в рамках G-20 показывает, что разлом проходит между новыми развивающимися рыночными экономиками вроде Китая и остальными членами клуба. Первые идут во главе процесса глобального восстановления* (Тучи над «большой двадцаткой» // Известия, 21.06.2010); *Россия заняла второе место в рейтинге развивающихся экономик по версии Bank of America. Китай стал лидером рейтинга развивающихся экономик* (Коммерсант, 26.06.2017). *Китай стал глобальным игроком не потому, что размахивал ядерной бомбой, а потому что сделал Америку экономически от себя зависимой* (МК, 06.06.2016).

Встречаются и постонимические коннотации онима *Китай* в значении ‘развивающаяся экономика’: *«В российской экономике есть всё», чтобы успешно развиваться и чтобы через 10–15 лет мир заговорил о «втором Китае» – РФ.* (РБК Daily, 30.09.2004). (Подробнее о постонимических коннотациях см. далее в этой статье).

У топонима *Китай* формируется ещё одна коннотация, коррелирующая с уже указанными – ‘государство, являющееся площадкой для производства товаров многих мировых компаний’: *Пробил для нас такой час, или догнать весь мир (в технике), или отдать себя, как Китай, на эксплуатацию другим государствам* (Пришвин, или Гений жизни // «Октябрь», 2002); *Китай стал мировой фабрикой по производству всевозможных товаров, грузопоток оттуда постоянно растёт* (КП, 31.05.2012).

Анализ контекстов также показал, что топонимы *Китай* и *Россия* могут употребляться синонимично в значениях ‘развивающаяся страна’, ‘мировая держава’: *…Что касается более развитых регионов и стран, таких, как Китай, Россия, то их потенциал оставляет им довольно неплохие шансы на то, чтобы составить Западу конкуренцию в*

экономической и технологической областях (4-й Рим, или Бессилие сильных // «Октябрь», 2004); *Напрашиваются два объяснения происходящего. Первое – простое: Бахрейн одержим комплексами, а потому пытается насолить действительно могущественным державам вроде России и Китая <…>* («Не надо в Бахрейн» // Труд-7, 17.12.2009). Хотя в контекстах начала 2000-х сохраняются коннотации онима *Россия* – ‘слабое государство, которое не играет ведущих ролей в мире’: *США решали свои вопросы просто и коротко, не обращая внимания на какую-то Россию. Надо войну в Ираке сделать? Пожалуйста, разгромили, уехали. Точно такое же политическое влияние* (Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) (2003) // Фонд «Общественное мнение»). Однако в контекстах 2010-х эта коннотация сменяется на противоположную: *Мир понимает только силу. Когда Россия стала сильной, с ней стали считаться* («Русский репортер», 09.06.2011). *Сделав тяжёлый исторический зигзаг, Россия стала частью глобального мира, в котором общее представление о демократии связано со свободным движением через границы людей и денег* (Лязг занавески // «Огонек», 2014).

Отмечены коннотации онима *Россия*, которые сохраняются в течение всего рассматриваемого периода – ‘коррупция’: *В Италии, которая своей коррумпированностью и бесшабашностью очень сильно напоминает Россию, премьер-министром выбрали медиамагната Сильвио Берлускони* (Известия, 18.06.2001); *Экзамен в ГАИ не сдал… тут к тебе подходит инструктор и говорит, что проблему можно решить так-то и так-то… Это Россия, и гаишники тоже люди* (Учимся водить, 2007–2008); *Чтобы понять, насколько сильно для мигранта Россия ассоциируется с коррупцией, достаточно знать, что сталкивается с попыткой вымогательства взятки он уже на въезде через границу* (Новая газета, 02.02.2018); а также коннотации, частотность которых в контекстах 2010-х снижается – ‘преступность’, ‘отсутствие порядка’: *Наряду с центрально-азиатскими республиками Россия стала основным маршрутом транзита афганских наркотиков в Европу* (РИА Новости, 03.11.2005); *<…> В каких-то странах, вроде России, правила соблюдаются далеко не всегда, причём любыми участниками дорожного движения* (РБК Daily, 29.11.2011). В контекстах 2010-х появляется коннотации ‘безопасность’: *Ростуризм: «По данным Всемирной туристской организации, Россия вошла в десятку самых посещаемых туристами стран, и это не только по причине экономических условий, но и по причине того, что Россия стала безопасной страной для туризма, особенно в условиях международных и террористических вызовов»* (Коммерсант, 14.01.2017); ‘привлекательность для миграции’: *Мы так привыкли считать Россию местом, откуда принято уезжать, что упорно закрываем глаза на важную перемену своей исторической участи: для потенциальных иммигрантов всех сортов и всех наций разбогатевшая Россия стала одной из самых привлекательных стран мира* (Известия, 05.08.2013).

Однако сохраняются коннотации ‘бедность’, а также ‘водка/пьянство’, но при этом и ‘доброта, отзывчивость, способность справиться с любыми невзгодами’: *Ну, хлопнут дверью, ну уйдут, а дальше что? Папы-мамы нету, к подругам уходить здесь не принято, это вам не Россия, где обиженных жалеют да привечают* (А. Маринина. За всё надо платить, 1995); *Будут жить беднее, кушать будут меньше, но пить не бросят. Это же Россия!* («Вечерняя Казань», 14.01.2003); *Их с их местечковым, глубоко провинциальным сознанием не волнуют ни запад, ни восток, ни север, ни юг. Это вам не Россия, где в самой завалящей деревне вы найдете алкоголика, который всё ещё тревожится «о Гондурасе»* (КП, 10.04.2013).

Коннотациям топонима *Россия* часто противопоставлены коннотации топонима *Европа.* К таким коннотациям, отмеченным в контекстах всего анализируемого периода, относятся ‘комфорт’, ‘хорошая инфраструктура’, ‘культурные/вежливые люди’: *Бревенчатые, некоторые с каменным первым этажом, с резными наличниками, с петухами на коньках крыш. Зато внутри – настоящая Европа. Пять–шесть комнат на двух уровнях и терраса. Современная мебель, полный комплект сантехники* (Евроизба-2002 // «Столица», 15.04.1997); *Робко подумалось: «А может, в Москву? Там у нас почти Евро-*

па, есть уже всё» («Домовой», 2002); *Хорошо, вы сейчас сделаете всё, как в Европе: дорожки, английский газон. Но ведь многие у нас не привыкли вести себя, как в Европе… – На мой взгляд, это обоюдный процесс. Парк – это общее место. Он для всех. Хотите жить, как в Европе? Живите. Но только не пейте здесь водку, не бейте бутылки об асфальт* (КП, 11.08.2011); а также ‘безопасность’, ‘порядок’, ‘забота о природе’: *Ещё одна важная деталь: сотрудники милиции присутствуют, но весьма ненавязчиво. Как в Европе: полиция возникает только, когда необходима. При этом улицы кажутся вполне безопасными в любое время суток* (Труд-7, 07.05.2003); *Установили новые мусорные контейнеры, якобы в этих специальных баках нужно сортировать мусор по видам: стекло в один ящик, пластик – в другой, пищевые отходы – в третий. Совсем как в Европе! Возникает вопрос: все ли жители этого дома согласны принять новшество и усердно раскладывать мусор по разным пакетикам?* (Барнаульцы будут сортировать мусор «по-европейски»? // КП, 06.10.2010). Данные коннотации можно суммировать в одной ‘цивилизация’: *На Чукотку и Камчатку, например, автостоп невозможен. Есть, конечно, Владивосток – но это же почти Европа в сердце Азии. Трудно во Владивостоке почувствовать, что где-то здесь «заканчивается цивилизация», а вот по дороге в Магадан – легко* (lenta.ru, 10.08.2016).

Однако в контекстах 2010-х не все указанные выше коннотации имеют позитивную оценку: *«А вы действительно хотите, чтоб так было?! Чтоб извините, не вздохнуть, не п*, как в Европе? Я не хочу! Я не хочу как в Европе – шаг влево, шаг вправо – расстрел!»* (lenta.ru, 07.11.2017); *«Цивилизованная» Европа становится «дикой Африкой». Даже те страны, которые прежде считались очень безопасными и комфортными для жизни, всё чаще сталкиваются с самыми жестокими и бессмысленными преступлениями* (NewsLand, 03.07.2018).

Кроме того, отмечается, что представления о Европе меняются. Европа ассоциируется с ‘экономическим спадом’: *Европа стала экономически проигрывать быстрорастущим азиатским странам, прежде всего Китаю. Неудивительно, что теперь мы наблюдаем в Старом Свете спад промышленного производства и рост безработицы, особенно среди молодёжи* (lenta.ru, 22.12.2015). Имидж спокойствия и благополучия поколебался: *В общественном сознании сформировался образ Европы как «тихой гавани», комфортного и чистого дома престарелых глобального масштаба. Европейцы и сами культивировали такой образ будущего. Так вот, если террористические выпады примут системный характер, то и этой Европы тоже больше не будет* (lenta.ru, 05.06.2017).

У топонима *Америка* наблюдается аналогичная динамика коннотаций. На рубеже тысячелетий *Америка* воспринимается как ‘богатая страна’, ‘свободная, благополучная’: *Но поверьте мне, через несколько лет вы все будете о'кей, счастливые и богатые. Это Америка! Не то, что он говорил что-либо особенное, но сказанное им полностью соответствовало моим представлениям об Америке, это вселяло в меня оптимизм* (В. Голяховский. Русский доктор в Америке, 1984–2001); *– Иди, – разрешила Варвара, – иди, если тебе нужно. У нас теперь тоже свободная страна, почти как Америка* (Т. Устинова. Подруга особого назначения, 2003).

Во второй половине 2010-х наблюдаются противоположные коннотации: *В Штатах всё оказалось совсем не таким, как я себе представлял. В России при слове «Америка» думают про богатство и успех, но это ошибочное мнение, поверьте мне. Если честно, поначалу я был просто в шоке* (lenta.ru, 27.01.2016); *Америка превратилась в страну, где люди работают без продыху, чтобы выплачивать займы и проценты по ним. Практически ни одна семья не обходится без кредитов на учёбу (высшее образование стоит чудовищно дорого), на покупку недвижимости, автомобиля, а то и просто на жизнь, чтобы свести концы с концами* (МК, 22.07.2018).

Но есть антонимичные коннотации, которые сохраняются на протяжении всего рассматриваемого периода. С одной стороны – это ‘закон, порядок’: *Контрафактная аудиопродукция составляет в России 64 % общего объёма производства, а по DVD и ПО – все 80–90 %. Мы тут переплёвываем даже Польшу или Бразилию (25–50 % пиратских изделий), не говоря уже о ситуации в истин-*

но законопослушных странах вроде Америки (менее 10 %), которая кажется нам несбыточным сном (Труд-7, 24.03.2006); с другой стороны – ‘отсутствие порядка’, ‘небезопасное место’: *Максимум, если встречают травлю, переезжают, меняют школу, идут на домашнее обучение, решаются на суицид. Это не Америка, где можно купить оружие, как продукты, и расстрелять просто так людей* (lenta.ru, 17.01.2018).

Кроме того, сохраняются коннотации ‘страна, в которой проживает много разных народностей’: *Нам легче, чем Европе, принимать мигрантов. И Россия действительно может стать таким же «плавильным котлом» для разных национальностей, как Америка* (Известия, 24.07.2003); *Я специально обошёл зал, чтобы найти типичного гостя, – и не нашёл. Посетители, живо напоминающие Америку, были разных рас, национальностей, поколений и достатка. Их объединяло лишь меню обеда* (Беседа с кулинарным перфекционистом В. Бородиным // Новая газета, 23.12.2016); и – ‘страна фастфуда’: *Сергей Анашкевич из Москвы разместил в посте фотографию памятника чебуреку, сделанную в городе Белогорске. «Как известно, Крым без чебуреков и самсы – как Америка без фастфуда и картошки фри», – прокомментировал необычный памятник блогер* (lenta.ru, 16.11.2017).

У топонимов *Азия, Америка, Европа, Китай* отмечены некоторые постонимические коннотации. Постонимические коннотации – это употребление онима в переносном значении, которое понятно представителям разных поколений и слоев общества, то есть нереферентное употребление онима с явной эмоционально-оценочной функцией.

Так, маркером нереферентного употребления онима является использование множественного числа, например, у онима *Европа* для выражения коннотативного значения ‘вежливость’: *Наша внутрисоюзная Европа – эстонское кафе… Зашли, спросили, в ответ, без всяких европ и уважения: «Мы не знаем русски язык, нету никакой коньяк…» Ясно. <…>* (В. Смехов. Театр моей памяти. 2001). Негативная коннотация усиливается местоимением *всякие.*

Кроме того, способность исследуемых топонимов выступать основой сравнений приводит к образованию ономастических метафор, то есть к формированию устойчивых понятий, которые стоят за макротопонимами с постонимическими коннотациями в переносном употреблении. Имена-метафоры могут быть с эксплицитным и имплицитным семантическим компонентом (подробнее см.: [10]). Имена-метафоры с эксплицитным семантическим компонентом, как правило, занимают позицию семантического предиката. Имена-метафоры с имплицитным компонентом не всегда выступают в качестве семантического предиката, но в контексте, как правило, сопровождаются различными определителями. В зависимости от типа определителя можно выделить следующие типовые метафорические модели с коннотативными онимами: 1) коннотоним с территориальными характеристиками (русский, российский, местный, свой и др.); 2) коннотонимы с темпоральными характеристиками (будущий, новый и др.); 3) коннотоним с характеристиками регулярной повторяемости признака (второй, очередной); 4) коннотонимы с указанием на подлинность / или полноту признака (настоящий, сплошной и др.); 5) коннотоним с характеристикой новой сферы принадлежности (культурный, интеллектуальный и др.) [10].

Проиллюстрируем данные положения на примере исследуемых топонимов, которые по результатам контекстуального анализа стали основой 1, 2 и 4 типов метафорических моделей. Так, у топонима *Азия* выявлено коннотативное значение ‘мигранты’: *Московская Азия (заголовок). Прокатился по столичному метро. Соотношение с азиатами 50 на 50. <…> Надеюсь, будущий год станет годом начала решения наболевшего «национального вопроса». Такое количество мигрантов нуждается в серьёзнейшем регулировании со стороны государства* (Livejournal, 31.12.2012). У топонима *Европа* – ‘цивилизация’: *Хотя чему тут удивляться: не шокирует же нас тот факт, что жители европейской части страны покупают недвижимость в Европе! А у дальневосточников и сибиряков есть под боком своя «Европа» – это Китай. И все процессы, которые идут в Москве и Питере, в зеркальном отражении повторяются и там* (КП, 26.12.2006); *Азия стала новой Европой. В*

1980 на европейский континент приходилось примерно 32 % мировой экономики, на азиатский – 20 %. К 2015 два региона полностью поменялись местами с точки зрения экономических показателей (lenta.ru, 06.10.2015).

У онима *Европа* отмечено ещё одно коннотативное значение – ‘ высокое качество’, ‘качественный товар’; синонимичное значение выявлено и у онима *Америка: И вы, чертыхаясь, под проливным дождём боретесь с раскорячившимися во все стороны спицами этого зонта. Лично я тут же недобро помянула продавца, который навяливал мне этот товар и уверял: «Настоящая Европа, не дешевка какая-нибудь!»* (КП, 21.04.2003); *Покупка фирменных товаров слишком дорога, это – десятки тысяч рублей; люди пытаются, где возможно, обойтись имеющимися средствами. Впрочем, и в Кургане есть те, кому нужен не «Китай», а «настоящая Америка»* (Новая газета, 11.03.2016). Как видно из последнего примера, топоним *Китай* выступает в антонимичном коннотативном значении – ‘некачественный товар’: *К Новому году уже настроения никакого не будет …абсолютно. И не наряжаются. …А потом, продаётся-то опять что, я поехала смотреть – один Китай какой-то, вообще, который в руки брать неохота* (Разговор сотрудников офиса (2008) // Из коллекции НКРЯ).

Несмотря на то, что в референтном употреблении исследуемым макротопонимам, как и всем именам собственным, не свойственны синонимия и антонимия, анализ контекстуального употребления показывает, что их коннотативное использование приводит к возникновению синонимических и антонимических отношений между их коннотативными значениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ контекстуального употребления макротопонимов *Азия, Америка, Европа, Китай, Россия* выявил следующие тенденции их функционирования в контекстах постсоветского периода:

– наличие устойчивых коннотаций, в том числе синхронно функционирующих антонимичных коннотаций, которые сохраняются на протяжении всего исследуемого периода;

– наличие коннотаций, активно функционирующих до 2010-х гг., но теряющих актуальность в последние годы;

– формирование в 2010-х гг. антонимичных коннотаций, которые отражают изменения, происходящие как в отдельных регионах, так и в мире в целом, и могут вытеснить существующие коннотации.

Таким образом, один и тот же макротопоним неоднозначно оценивается в разные периоды своего существования, и конкретные коннотативные значения актуальны в определённый временной промежуток. Полученные в ходе исследования результаты перспективны в плане лексикографического описания в рамках словаря коннотативных имён, работа над которым в настоящее время ведётся нашей проблемной группой.

Список литературы

1. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 141 с.
2. *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 192 с.
3. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 223 с.
4. *Бабенко Л.Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
5. *Leech G.* Semantics. The study of meaning. L.: Penguin Books, 1981. 383 p.
6. *Апресян Ю.Д.* Коннотация как часть прагматики слова // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание и системная лексикография. М.: Восточная лит., 1995. С. 156-176.
7. *Крюкова И.В.* Аксиологическая коннотация имени собственного: динамический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 261-266.
8. *Щербак А.С., Грошев И.В.* Социативная семантика урбанонимов // Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2017. Т. 12. № 5. С. 224-229.
9. *Отин Е.С.* Избранные работы. Донецк: Донеччина, 1997. 470 с.

10. *Крюкова И.В., Врублевская О.В., Кирпичева О.В.* Коннотативные имена собственные постсоветского периода как инструмент социальной оценки. Волгоград: Перемена, 2020. 199 с.
11. *Врублевская О.В.* Коннотативные топонимы в восприятии современного носителя русского языка: экспериментальное исследование // Известия ВГПУ. 2020. № 6. С. 134-140.
12. *Говердовский В.И.* Диалектика коннотации и денотации // Вопросы языкознания. 1985. № 2. С. 71-79.

References

1. Teliya V.N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 141 p. (In Russian).
2. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of the Language]. Voronezh, VSU Publ., 1987, 192 p. (In Russian).
3. Kozhina M.N. *Stilistika russkogo yazyka* [Stylistics of the Russian Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1983, 223 p. (In Russian).
4. Babenko L.G. *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Designating Emotions in Russian]. Sverdlovsk, Ural Federal University Publ., 1989, 184 p. (In Russian).
5. Leech G. Semantics. The study of meaning. London, Penguin Books Publ., 1981, 383 p.
6. Apresyan Y.D. Konnotatsiya kak chast' pragmatiki slova [Connotation as a part of pragmatics of the word]. In: Apresyan Y.D. *Izbrannyye trudy. T. 2. Integral'noye opisaniye i sistemnaya leksikografiya* [Selected Works. Vol. 2. Integral Description of the Language and System Lexicography]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publ., 1995, pp. 156-176. (In Russian).
7. Kryukova I.V. Aksiologicheskaya konnotatsiya imeni sobstvennogo: dinamicheskiy aspekt [Axiological connotation of a proper name: dynamic aspect]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*, Tambov, Gramota Publ., 2019, vol. 12, no. 10, pp. 261-266. (In Russian).
8. Shcherbak A.S., Groshev I.V. Sotsiativnaya semantika urbanonimov [Sociative semantics of urbanonyms]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy – Social-Economic Phenomena and Processes*, 2017, vol. 12, no. 5, pp. 224-229. (In Russian).
9. Otin E.S. *Izbrannyye raboty* [Selected Works]. Donetsk, Donechina Publ., 1997, 470 p. (In Russian).
10. Kryukova I.V., Vrublevskaya O.V., Kirpicheva O.V. *Konnotativnyye imena sobstvennyye postsovetskogo perioda kak instrument sotsial'noy otsenki* [Connotative Proper Names of the Post-Soviet Period as a Tool of Social Assessment]. Volgograd, Peremena Publ., 2020, 199 p. (In Russian).
11. Vrublevskaya O.V. Konnotativnyye toponimy v vospriyatii sovre-mennogo nositelya russkogo yazyka: eksperimental'noye issledovaniye [Connotative toponyms in perception of modern Russian native speakers: experimental research]. *Izvestiya VGPU – Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2020, no. 6, pp. 134-140. (In Russian).
12. Goverdovskiy V.I. Dialektika konnotatsii i denotatsii [Dialectics of connotation and denotation]. *Voprosy yazykoznaniya – Topics in the Study of Language*, 1985, no. 2, pp. 71-79. (In Russian).

Информация об авторе

Врублевская Оксана Валентиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, Gesse-wolf2009@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3269-2622

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор и анализ материала и источников, написание и оформление текста статьи.

Статья поступила в редакцию 27.03.2021
Одобрена после рецензирования 14.05.2021
Принята к публикации 17.05.2021

Information about the author

Oksana V. Vrublevskaya, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Language Studies Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation, Gesse-wolf2009@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-3269-2622

Contribution: main study conception, material and sources acquisition and analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 27.03.2021
Approved after reviewing 14.05.2021
Accepted for publication 17.05.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'373.2:004.94
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-412-424

Ломка ономастических стереотипов в онлайн-играх телефонного формата (на примере игры «Верховный Мандарин»)

Марина Юрьевна БЕЛЯЕВА
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
✉ fliny@mail.ru

Аннотация. Целью работы стало выявление факторов разрушения национальных стереотипов и ономастических формул в онлайн-играх телефонного формата (на примере игры «Верховный Мандарин»). Актуальность исследования состоит в том, что анализ антропонимии и эргонимии онлайн-игр позволяет судить о месте национального и интернационального в игровом пространстве, а значит, в сознании наших современников. Привлекались структурно-семантические методы анализа ономастики, этимологический анализ, психологический метод включённого наблюдения. Научная новизна состоит в сборе нового языкового материала (антропонимии и эргонимии онлайн-игры «Верховный Мандарин») и его анализе с позиций соответствия собственных имён сеттинга национально ориентированным формулам именования лиц. Выявлено, что запрограммированная система присвоения игровых имён, а также имён персонажей поддерживает и одновременно разрушает аутентичность времени и пространства игры. В сеттинг вторгаются инонациональные или искажённые этнически ориентированные формулы именования лиц, части персонажей. Усиление ломки стереотипов «извне» происходит за счёт выбора геймерами (в широком понимании термина) игровых имён, эргонимов (обозначения альянсов) без вмешательства системы. Определено, что при этом утрачивается гендерная соотнесённость, размывается стабильность и национальная аутентичность личного имени, довлеют модные идеи сообществ. Выводы: анализ антропонимии и эргонимии игры «Верховный Мандарин» свидетельствует о нарушениях целого ряда номинативных традиций: ритуала присвоения и смены имени, этнической маркированности онимов, гендерной отнесенности. Нарушение аутентичности времени и пространства отражает микстовую масс-культуру XXI века.

Ключевые слова: антропоним, эргоним, никоним, ономастические формулы, онлайн-игра

Для цитирования: *Беляева М.Ю.* Ломка ономастических стереотипов в онлайн-играх телефонного формата (на примере игры «Верховный Мандарин») // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 412-424. https://doi.org/0.20310/2587-6953-2021-7-27-412-424 OPEN ACCESS

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Беляева М.Ю., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-412-424

Breaking of onomastic stereotypes in online games of the telephone format (on the example of the game “Supreme Mandarin”)

Marina Y. BELYAEVA
Kuban State University
149 Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation
✉ fliny@mail.ru

Abstract. The aim of the work is to identify the factors of national stereotypes destruction and onomastic formulas in online games of the telephone format (on the example of the game “Supreme Mandarin”). The relevance of the research lies in the fact that the analysis of the anthroponymy and ergonymy of online games allows us to judge the place of the national and international in the gaming space, and therefore in the minds of our contemporaries. We use structural and semantic methods of onomastics analysis, etymological analysis, and the psychological method of participatory observation. The scientific novelty consists in the collection of new linguistic material (anthroponymy and ergonymy of the online game “Supreme Mandarin”) and its analysis from the standpoint of the proper names correspondence of the setting to the nationally oriented formulas for naming persons. We reveal that the programmed system of assigning game names, as well as the names of characters, supports and simultaneously destroys the authenticity of the game’s time and space. The setting is invaded by foreign or distorted ethnically oriented formulas for naming faces, parts of characters. The strengthening of breaking stereotypes “outerly” is due to the choice of gamers (in broad sense of the term) game names, ergonomics (alliance designation) without the intervention of the system. We determine that at the same time gender correlation is lost, stability and national authenticity of the personal name are eroded, and the fashionable ideas of communities dominate. Conclusions: analysis of anthroponyms and ergonomics of the game “Supreme Mandarin” shows violations of a number of nominative traditions: the ritual of naming and changing the name, ethnic onyms marking, gender identity. The violation of the authenticity of time and space reflects the mixed mass culture of the 21st century.

Keywords: anthroponym, ergonym, nickname, onomastic formulas, online game

For citation: Belyaeva M.Y. Lomka onomasticheskikh stereotipov v onlayn-igrakh telefonnogo formata (na primere igry «Verkhovnyy Mandarin») [Breaking of onomastic stereotypes in online games of the telephone format (on the example of the game “Supreme Mandarin”)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 412-424. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-412-424 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ИНТРОДУКЦИЯ

Соображения престижности, нобилизации в XXI веке связаны с конструированием виртуальной реальности не только в социальной жизни или художественном творчестве (культура понимается как интеллектуальная или производственная игра), но и в самых ординарных играх – ипостаси человеческой сущности, которая характеризует его как HomoLudens.

Одним из базовых элементов качественного игрового продукта считается скрупулёзно разработанный ономастикон, включающий имена персонажей и локаций – ключевых сегментов игрового пространства. Предмет настоящего исследования – трансформации формул именования персонажей и игроков в бесплатных онлайн-играх телефонного формата (флеш-игра, браузерная игра, скачиваемая игра). Материалом послужила антропонимия и эргонимия онлайн-иг-

ры «Верховный Мандарин»[1], отслеженной нами в течение шести месяцев, с июля по декабрь 2020 г. Помимо этого использовались речевые произведения игроков, полученные в ходе включённого наблюдения. В качестве объекта исследования выступают изменения этнически ориентированных формул именования в вышеупомянутых играх, относящиеся как к номинации персонажей, так и субъектов-игроков. Из спектра методов были использованы психологический метод включённого наблюдения, структурно-семантические методы анализа ономастики, этимологический анализ.

Интерес к игре в конце XX – начале XXI века огромен. Педагоги рассматривают игру и игровую деятельность через призму стандартизации воспитания, заимствования чуждых русской культуре игр и проч., однако игровые элементы культуры давно перестали быть монополией возрастной психологии и педагогики, объединяя интересы самых разных дисциплин [1, с. 8-9]. Философы пересматривают природу игры применительно к условиям постмодернизма [2], социологами предложен термин *игроизация* [3], в области журналистики для востребованного формата медийной практики, новостных игр – термин-понятие *геймификация* [4].

В сфере онлайн-игр психологи отслеживают закономерности проявления игровой зависимости, оценивают контингент и интенции геймеров, различные формы игрового поведения [5]. Со временем осуждение онлайн-игр за их «квазидеятельную» природу, лудоманию и пропаганду экстремизма [1; 6] сменилось пониманием положительных сторон этого типа современной медиакультуры: «Игра ослабляет травмирующее действие среды и прежде всего выполняет компенсаторную функцию», подготавливает субъекта к сложным жизненным ситуациям [4, с. 4]. Возлагаются надежды на онлайн-игры в плане формирования национальных ценностей [7, с. 37].

Судя по проанализированным источникам, в области исследования ономастики компьютерных игр в отечественной филологии преобладают как раз инонациональные интересы. Подавляющее большинство статей молодых учёных посвящено проблемам перевода на русский язык англоязычных собственных имён, превалирующих в компьютерных играх: самыми частыми видами антропонимов признаются личные имена «западного» типа [8]. В качестве источников ономастического материала для онлайн-игр фигурируют прецедентные тексты Дж. Р. Толкина, Дж. Роулинг, позже – Дж. Мартина и варианты их экранизаций [9]. Предпочтение отдаётся антропонимам крупных или (и) популярных многопользовательских игр типа “Warcraft”, “Bioshock infinite” [10], “TheElderScrolls V: Skyrim” [11], “The Witcher 3: WildHunt” [12], “Hearthstone” [13], “Pokemon”, “Zanzarah”, “Fran Bow”, “Adventure Time Card Wars” [14]. Анализируются принципы именования персонажей игр [15; 16], групповых антропонимов, близких к понятию эргонимов, в том числе в ролевых постапокалиптических компьютерных играх серии Fallout [17]. Определяются отличия никнеймов от псевдонимов и игровых имён, в связи с чем предлагается новый термин «трелоним», объединяющий наименования игровых персонажей [14]. Востребована тема никонимии игроков [18].

Освещаются общие вопросы игрового пространства, игровые ситуации в целом, реже – художественная природа антропонимии [19].

Смена формул именования зачастую связана с социально-политическими факторами: сокрытие личности, принятие чужих (престижных, спасительных) этнономинативных стандартов. О добровольном отречении от номинативных традиций этноса свидетельствуют факты ещё древнеримской эпохи. Изучение надгробных надписей привело М.Е. Сергеенко к выводам о социальном статусе врачей в Древней Италии, где выделялись три категории – рабы, отпущенники и свободные. При отсутствии специалистов-римлян нишу заполняли исключительно греки (возможно, выходцы с эллинистического Востока): *Эвмел, Никероты, Дорифоры* и проч. Рабы идентифицируются по наличию одного имени с прибавлением имени владельца (*Тиранн*, раб *Ливии; Филет*, раб

[1] Верховный Мандарин (Академия Ханьлинь). 2020. 15 июня. URL: https://www.youtube.com/results?search_query=%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0+(%D1%82%D0%B5%D0%BB%D0%B5% (дата обращения: 16.02.2021).

Марцеллы). «Люди, носящие тройное имя, где буква *l* (*libertus* ‘отпущенник’) отсутствует, – несомненно, свободные люди, но их собственные греческие имена (*Памфил, Эвксин, Менандр*) свидетельствуют о том, что они сыновья отпущенников, а в некоторых случаях, может быть, и сами отпущенники…» [20, с. 38]. Жёны врачей, гречанки (*Хреста, Мосхида, Ника, Глафира, Мирина* и др.) по своему социальному положению относились к отпущенницам или рабыням.

Желание стереть следы рабского прошлого родителей или собственного и приобщиться к римским ценностям («Грек происхождением, *Потин* в центре эллинской культуры настаивает на том, что он римлянин») приводит к изменениям записей на надгробиях [20, с. 45]. Уничтожаются следы имён предков-рабов, фиксируется почётный статус римского гражданина, эллинские имена латинизируются или заменяются римскими. В качестве примеров латинизации приводится перевод прозвищной части греческого имени Марка Ацилия на римский манер (*Poteinos>Potinus // Потин*); заранее заготовленная врачом-греком Люсом надпись на надгробии сына, получающего чисто римское имя *Грат* (*Тавр Стратилий Грат*). Противоречит всем древнеримским нормам ономастической номинации подпись «Клавдии Глафире, достойной жене, поставил Тит Клавдий, сын Лета, прозвищем Лет». Дед этого Лета скорее всего вольноотпущенник кого-то из Клавдиев, однако внук поспешил заменить рабское греческое имя *Hilarious // Иллариус* на несуществующее «римское» – *Лет* [20, с. 44-45].

Интерес нашей работы сосредоточен не на принудительной смене формы имени, но замене добровольной, диктуемой личностью носителя языка в роли Homo ludens.

Мысль о том, что живая жизнь часто ломает, безмолвно и незаметно, юридические нормы, вполне оправдана по отношению к области ономастических формул. Даже закрытая система русских отчеств претерпевает изменения: таково, например, именование ребёнка по личному имени врача, курирующего девочку (*Вячеславовна*), о котором шла речь в программе НТВ от 11 февраля 2009 г. Вопрос о необходимости матронима (именования по матери), или, по-новому, *мамчества*, *матчества*, в условиях семей, изначально лишённых отца, стоит весьма остро[2], однако законодательных актов, легализующих новшество, которое обещает стать трендом, пока не принято. В настоящий момент нововведение составляет часть современной смеховой культуры: «Певец преподнёс маме на 8 Марта открытку – размером с рекламный щит. На нём – фото Билана и подпись: “С 8 Марта, мама! Твой Дима *Нинович*”». «Я временно сменил своё отчество на “мамчество”, чтобы поблагодарить маму за то, что она подарила мне жизнь, – рассказал «ТН» Дима». Так же поздравили своих мам Владимир “*Еленович*” Пресняков, Дима “*Людмилович*” Маликов и другие артисты» [21, с. 15]. Тем не менее, жесткость сложившихся этнических стереотипов в антропонимии позволяет говорить о подобных примерах лишь как об окказиональных образованиях.

Совсем иное – мир игры, где традиционное рациональное способно с легкостью менять свой статус на нетрадиционное иррациональное.

Проблемы интерпретации исторической информации поднимались и ранее [22]. Вопрос в том, кто и как должен обеспечивать адекватность исторической информации и реализовать идеи национально-патриотического воспитания в игровых сеттингах – разработчики игр, главы кланов, альянсов, сами игроки? С одной стороны, обращение создателей онлайн-игр к основам этнических культур отвечает традиционным запросам членов социума на экзотику и весьма неплохо окупается. С другой – глобализация ставит предприятия перед проблемой расширения рынка сбыта, а значит, привлечения игроков, принадлежащих к разным этническим сообществам, что разрушает исходную «монокультурность» игры, превращая реконструкцию в деконструкцию.

Из всего сказанного предсказуемо вырисовывается некий ономастический микст, в который превращается онлайн-игра.

УСЛОВИЯ ИГРЫ

Мобильная игра – игровая программа для мобильных устройств (смартфоны,

[2] Матчество вместо отчества. 2018. 20 марта // YouTube: [сайт]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AhNBZY0oM5E (дата обращения: 15.12.2019).

планшеты), например сотовых телефонов, смартфонов. Типология компьютерных игр выглядит весьма разветвлённой, требующей комментариев [23; 24]. Игры классифицируют по платформе, графическому изображению игры, технологии графического изображения, по содержанию игр (жанрам, сеттингу, времени действия (историческая эпоха), цели игры), по издательским критериям (бюджету разработки, издательскому формату, типу распространения игр), по количеству игроков[3]. С точки зрения тематики игровые приложения делятся на фэнтези, космические, мифологические, исторические, современные, киберпанк и стимпанк[4; 5].

Броская номинация «халявищные игры» по отношению к бесплатным встречается в переводе на русский язык названия одной из серий 8-го сезона (“Freemium Isn't Free”) франшизы “South Park”, или «Южный парк» (США)[6]. Второй по длительности в истории американского телевидения после «Симпсонов», этот анимационный сериал, выходящий с 1997 г., высмеивает недостатки американской культуры и текущие мировые события, подвергая критике множество устоявшихся в социуме убеждений и табу. «Халявищные» игры можно бесплатно скачивать в Интернете и устанавливать, используя без каких-либо ограничений и оплаты. В то же время здесь есть возможность покупки дополнительных вещей, бонусов, улучшений, игровой валюты за реальные деньги. Игровой процесс часто поставлен так, что, потратив на игру некоторый капитал, игрок получает преимущество над обычными игроками, чем стимулируются скрытые микроплатежи, «донат сверх меры». Несмотря на это, «дворцовые» игры на андроиде вроде «Великого Султана», «Великого Хана» широко известны начиная с «Великого Императора»; о популярности их у игроков свидетельствует возникновение пародий («Верховный Пластилин # 6»)[7].

По типу распространения «Верховный Мандарин» является онлайн-игрой с микротранзакциями; место действия в которой – реальный мир (игровой мир, мало чем отличающийся от нашего); по условиям внутри мира это место с определённой культурой – Восточная Азия (Китай).

Вступая в игру, субъект оказывается в роли чиновника, начинающего свою карьеру с низшей ступени иерархической лестницы – от младшего 9-го ранга до старшего 1-го ранга. Для достижения высоких должностей необходимо вступить в союз (альянс) или создать свой собственный, члены которого обязаны заниматься общественными делами (судебными разбирательствами в трибунале, пополнением продовольствия и рекрутов и проч.), посещать Дворец в знак уважения к высоким покровителям, участвовать в военных кампаниях, начиная с 6-го ранга повышать уровень в Академии Ханьлинь (кит. «Лес кистей»), решать семейные дела и др.

Проведённый нами анализ антропонимии и эргонимии игры обнаруживает нарушения целого ряда национальных номинативных традиций, как-то:

– ритуала присвоения имени;
– этнической маркированности онима;
– гендерной отнесённости имени;
– смены имени.

РИТУАЛ ПРИСВОЕНИЯ ИМЕНИ

Истории известны два основных пути присвоения личных имён – непосредственно после появления ребёнка на свет и через промежуток времени, по достижении определённого традицией возраста. Первый провоцирует выбор немотивированных, но пожелательных, охранительных имён; второй учитывает реалии, особенности конкретной личности. Имядателями обычно выступают родители, священнослужители-онематеты, в ряде национальных традиций даже случайные прохожие.

[3] *Киризлеев Александр (D_ED_2).* Классификация жанров компьютерных игр // GamesIsArt.ru Компьютерные игры как искусство [сайт]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html (дата обращения: 11.05.2020).

[4] Классификация компьютерных игр. URL: https://lektsii.org/13-34849.html (дата обращения: 11.01.2021).

[5] Жанровый анализ рынка мобильных игр. Индустрия игр на DTF. URL: https://dtf.ru/gameindustry/23993-zhanrovyy-analiz-rynka-mobilnyh-igr (дата обращения: 11.05.2020).

[6] “South Park”, или «Южный парк» мультсериала «Южный парк». 6 серия, 18 сезон. URL: https://m.southpark.cc-fan.tv/episode.php?id=1806 (дата обращения: 20.05.2020).

[7] Верховный Мандарин 6 (Перезагрузка). URL: https://www.youtube.com/watch?v=SWWTGMvgX9o (дата обращения: 16.02.2021).

В рассматриваемой онлайн-игре налицо два пути именования – автоматическое присвоение имени из базы данных (а) и самостоятельный выбор имени игроком (б). Об этом свидетельствуют зафиксированные нами речевые произведения игроков:

– Я не заморачиваюсь. Что кубик при рождении выбросит, так и называю;

– Ещё я с детьми не заморачивалась! Имена им придумывать! (а);

– Я стараюсь восточные имена давать, чтобы не ошибиться… (б).

Ситуация насильственного // автоматического присвоения имён описана в рассказе В.О. Пелевина «Шлем ужаса»:

[Romeo-y-Cohiba] А что касается имени, его не я придумал. Оно само появляется на экране, когда я отправляю сообщение. Я не Ромео. Я xxx;

[Ariadna] Я поинтересовалась, как следует называть того, кто могущественнее Бога. Как угодно, ответил карлик, слово «Астериск» или любое другое, какое можно произнести, – всего лишь имена-чехлы, и никакой роли не играют. Так он и выразился, честное слово…[8]

Желающие играть «атмосферно, а не как попало» предпочитают этнически маркированные имена в стиле эпохи. Для «Верховного Мандарина» таковы *Вань Джун, Лин Мин, Лю Фа* (б). О тесном знакомстве играющих с японской культурой свидетельствуют онимы *Jigoku* яп. ‘ад’, *Kiyomi, Kentaro*, ассоциативные: *Император, Династия, Дракон, Ронины, Персик; Сакура, Нана* (персонажи аниме). Первичные значения и символичность имён понятны в контексте национальных традиций: *ронин* – самурай, потерявший // переживший своего хозяина.

Имена персонажей «китайского» сеттинга присваиваются «сверху», в случайном порядке. Выделяются следующие тематические группы:

– приближённых, советников, военачальников: *Дон Фан, Дон По, Мин Чжу, Хон Ян, Цзе Сюй, Чен Ли* (муж.);

– преступников: *Ван У, Хуан Сы, Чжоу Да, Чжу Чан* (муж.);

– жён (наложниц): *Вэн Дзы, Дзэнь Сёу, Ли Иан, Ми Лэй, Сяо Ай, Ши Сюань* (жен.) и т. п.

Некоторые из антропонимов прецедентны. Такова *Хонг Фу* – фольклорная «дева с красной метёлкой – хоссой».

Имена новорождённых даются автоматически; во избежание случайностей отдельные игроки придерживаются собственных систем номинации. Так, в системе наименования наследников *Вань Джуна* сыновья от первой (главной) жены носят фамилию отца: *Вань Лу, Вань Мо, Вань Шу* и проч. (а); на первом месте стоит имя жены, родившей наследника. У матери *Мэй Лэй* дочери получают имена *Мэй Лин, Мэй Фан, Мэй Ши, Мэй Ян*; у матери *Сян Юй – Сян Дилин, Сян Лю, Сян Цилин, Сян Шу;* у матери *Лин Си* сын назван *Лин Яо,* у *Чжу Интай – Чжу Цин,* у *Чжао Фэй Янь – Фэй Гао* и т. д.

Среди эргонимов – названий союзов игроков – наиболее адекватным «дворцовым играм» выглядит «*Нефрит*». Полудрагоценный камень нефрит – символ Китая: «Нельзя быть драгоценным, как яшма, нужно стать простым, как камень» (Лао Цзы).

НАРУШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ МАРКИРОВАННОСТИ ИМЕНИ

Этнос был и остаётся сложной и неоднозначной социальной категорией, интеллектуальным конструктом учёных, писателей.

Г.В. Урванцев фэнтезийные антропонимы, характерные для персонажей компьютерной игры TES V: Skyrim, ставит в зависимость от представляемой ими расы/народа. Выбор той или иной ономастической модели определяется, по мнению учёного, национальными стереотипами, звукосимволизмом, традицией [11]. В условиях игрового сеттинга «Великий Мандарин» естественно было ожидать реальных имён китайского языка, в том числе прецедентных. Предлагаемые онимы персонажей в своём большинстве действительно принадлежат китайскому языку. Создатели игры позаботились о её просветительской функции, добавив справки о прославленных китайских военачальниках (а), государственных деятелях (б), изобретателях (в), поэтах (г):

[8] *Пелевин В.О.* Шлем ужаса. URL: https://top-reading.ru/bookread/126574-viktor-pelevin-shlem-uzhasa (дата обращения: 10.04.2020).

(а) Гэн Яо – основан на личности Нянь Гэняо. Второе имя – *Лянгун*, прозвище – *Шуанфэн*. Знаменитый китайский генерал времён династии Цин. Подчинил жёлтое знамя ханьских войск. В периоды Канси и Юн-Чжен стал цзиньши, затем был наместником в Сычуане, Шаньси, полководцем в Фуюане, затем был назначен попечителем императора, гуном 1-го класса;

(б) Мин Джу – основан на личности Налан Минджу. Второе имя – *Дуань Фань*, член маньчжурского корпуса жёлтого знамени. Был крупным чиновником в период Канси, был управителем двора, министром наказаний, министром военных дел, главным цензором, великим учёным мужем Зала героев.

Дзе Сюй – стратег, мыслитель и поэт времён династии Цин. В Китае имеет славу народного героя, так как выступал за запрет опиума.

Син Канг – основан на личности Су Цинь, второе имя *Ди Цзы*, житель Лояна. Известный полемист, дипломат и тактик периода Сражающихся царств;

(в) Джан Хен – один из пяти легендарных людей в Наньяне, был прозван великим деятелем поэзии Фу династии Хань. Великий астроном, математик, изобретатель, географ, литератор Китая во время правления Восточной Хань, занимал многие посты;

(г) Дон Фан – основан на личности Дунфан Шо, второе имя *Маньцян*, известный литератор времён династии Хань.

Дон По – основан на личности Су Ши, второе имя – *Цзы Чжань*, ещё одно имя – *Хэ Чжун*, прозвища – *Последователь, Железная шапка, Отшельник Дунпо*, в миру известный как *Дунпо Су* и *Сусянь*. Был литератором, каллиграфом и художником династии Северной Сун.

Ли Бай – второе имя *Тайбай,* прозвище *Отшельник Синий Лотос*, также известен как *Небожитель*. Великий поэт романтического реализма эпохи Тан, прозванный потомками *Гением поэзии*. Открытый и жизнерадостный, он любил пить вино, писать стихи, ценил дружбу.

Среди прецедентных имён находим и женские: *Ян Гуй Фей* – именование наложницы императора, известной своей красотой.

Формулировка «основан на личности» снимает с разработчиков игр ответственность за точность информации; портреты многих персонажей конструируются «по мотивам». Изречения, принадлежащие тому или иному герою, порой меняют своих владельцев, как это произошло с фразой Суворова «Тяжело в ученье, легко в бою», вложенной в уста борца с опиумом Дзе Сюя.

В сеттинге прецедентные имена китайской лингвокультуры остаются чуждыми и невостребованными. Единичны совпадения имён, выбранных самими игроками, с прецедентными: *Ван Шу* – возница луны в древнекитайской мифологии [25, с. 114].

Нарушение аутентичности реального пространства находит выражение в нарушении этнической маркированности никонимов игроков. Аналитическая формула именования китайского языка воспроизводится формально, порой соответствуя актуальным именам (*Алекс Ву*). Используется приём разлияния: *Саша > Са Ша, Володя > Болод я.* В именах, присваиваемых автоматически, контаминируются европейские и восточные модели: *Цао КФ*.

Список советников, воинов, наложниц включает, наряду с китайскими (*Пэн Гуй, Суо Ни*), европейские прецедентные имена: *Александр Невский, Александр Суворов, Достоевский* (муж.), *Анна Каренина* (жен.). Тем самым нарушается не только пространственное, но и временно́е соответствие сеттинга выбранному миру. Количество компонентов модели сведено к минимуму, в соответствии с формой прецедентных формулировок. Ср.: *Анна Аркадьевна Каренина, Фёдор Михайлович Достоевский*. Имена советников *Михаил Романовский и Владислав Спешинский // Спечинский* явно восходят к прецедентным *Михаил Романов, Владислав Нижинский; Игорь Галицкий* содержит отсылку к опере «Князь Игорь», одним из персонажей которой является брат Игоря, князь *Галицкий*. Имя *Бортэ* – жены Чингисхана – разрушает национальный колорит игры не менее чем включение в неё имени английской писательницы *Джейн Остин* или шотландского военачальника *Уильяма Уоллеса*.

Традиционная для русского языка трёхчастная модель именования лица «обновлена» за счёт замены фамильного онима личным именем (принято за норму отсутствие точек в «инициалах»):

– архаическим, в официальной форме: *Адриан Г Ц, Архип Г Ю, Елизар Л И, Елизар М К, Корней Ф И, Лев Ж И, Карп Р З, Лука П Т, Пахом С Ф, Сидор Б И, Сидор Н О, Фотий В Ю, Фрол Р Ш* и др. (муж.); *Агафья И С, Домна Е И, Кира Е Д* (жен.);

– современным // актуальным: *Игорь Д М*;

– искусственным: *Велор А Т* (от **Вел**икая **О**ктябрьская **р**еволюция);

– заимствованным: *Гарри А Д, Миртан К С, Оскар Б П, Юлий А В* (муж.); *Адель Ф Ш, Власта В Ю, Диния Л Ш, Мина А Ж, Нора А Л, Тамила Е У, Юлиана Г В* и др. (жен.);

– апеллятивом: *Сталь Е В*;

– сетевым именем пользователя с прибавлением названия союза (сокращ.): *Гарри Н Ф, Лев Н Ф, Император Н Ф, Цао Н Ф*. (Н Ф – сокращ. от «*Нефрит*»).

Бросается в глаза несочетаемость апеллятивных идентификаторов (*детерминативов, квалификаторов, категориальных существительных, апеллятивного конвоя)* [26, с. 34] с национально ориентированными личными именами. Не могут не вызывать отторжения такие титулы, как *Князь, Фюрст* и *Боярин*, помещённые в пространство Поднебесной наравне с *Императором* (*Император* лидирует в межсерверных мероприятиях, остальные – во внутрисерверных): барон *Ли Вэй*, виконт *Вэй Ван У* и др.

НАРУШЕНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ОТНЕСЕННОСТИ ИМЕНИ

Вышеупомянутая прагматичность – предпочтение компьютерных методов культурно-этическим константам – наиболее заметна по отношению к гендерным стереотипам. Ломка последних начинается с присвоения ников разработчиками системы:

а) Юлиана Г В: Меня вообще-то по жизни *Владом* зовут, а в нике видели что?

Герберт: Да вы что там все, с ума посходили?.. Почему у меня опять зятёк с бабским именем *София*?

Определённые правила изначально заложены в системе:

б) Вань Джун: Там же прямым текстом пишут, наследник родился или наследница.

Серёга 81: Для тех, кто не разбирается, кто у них родился, – смотрите на строку развития.

Серёга 81: Если строка синяя – пацан, красная – девчонка.

Азалия: Я шарю в цветах.

Серёга 81: Пишу для тех, кто не шарит.

Однако правила существуют чисто номинально.

в) Азалия: Ага, а потом фамилию и отчество! У меня вон дочь *Антуан*. Вообще вопрос к разработчикам, что с системой не так.

Вань Джун: У меня невеста *Моисей*.

Азалия: А ничего, что у меня *Азалия* рожает от баб?

Механистичность заочного подбора «невест» подросшим «детям» также демонстрирует разрыв половой принадлежности и имени:

г) Вань Джун: У меня студент до сих пор в девках сидит!

Абориген: Кинь на сервак, может, подберёт кто.

Вань Джун: Есть! Нашлась моему оболтусу леди *Рюрик*.

Оскар Б П: Это моё!

Азалия: На каждую *Антуан* найдётся своя *София.*

СМЕНА НИКОНИМА

Нами были выявлены следующие причины официальной смены имени пользователя в игре «Верховный Мандарин».

1. Желание сменить данное системой случайное имя на более соответствующее, по мнению пользователя, его собственной личности (*Mr. Санёк, Саныч, СТАРОВЕР*) или прецедентное фантазийное (*Берсерк, Ван Нормайен, Ван Хельсинг* и др.).

2. Желание сменить имя, успевшее надоесть за долгий период прохождения игры.

3. Вступление в союз с другими игроками. Статус союза обязывает подбирать стилизованные имена из соответствующего блока:

– Это же игра! Вы хотите атмосферно играть или как попало?

Члены союза «Асгард» предпочитают мифонимы из скандинавских саг: *Локи, Ньёрд, Тор, Фенрир, Фрейя, ВСЕОТЕЦ* (одно из имен Одина) и др.

4. Требование единообразия маркеров для вступающих в союз. Новобранцы союза «Прайд» добавляют *Пр: Лю Пр, Миха Пр*;

союза «Род» – РОД: *СТАРОВЕР РОД*, *Ядвига РОД, Яромир РОД* и др. См. выше о «Нефрите».

5. Нобилизация. Достижение лидирующих позиций в игре подвигает некоторых игроков на повышение в чине: *Бог, Император, Монарх, King.*

Как во всех закрытых сообществах, в среде игроков возникают новые неофициальные номинации, т. е. прозвища:

Вань Джун: У меня студент до сих пор в девках сидит!

Абориген: *Вань Ждун*, кинь на сервак, может, подберёт кто.

Mr. Санёк Н С: Да, таким бы лицо начистить…

Нагну: Лицо начистить?) Жёсткий… как ириска. Буду звать тебя *Кис-кис*.

Смена имени не составляет трудности, требуя лишь вложений виртуальной (при желании и реальной) валюты:

Оскар Б П: Ребят, как имя поменять?

Серёга 81: В магазине «Карта изменения имени» за 300 голды.

Отдельные игроки меняют игровое имя (*Настя – ЕгоЕва*), в том числе с периодичностью трижды за три дня: *Монарх > Тор > Брат Локи > Монарх*.

С течением времени от существующих союзов отпочковались новые, например, от лидирующего по всем позициям «Асгарда» отделился «Ётунхейм» во главе с *Локи*. Мода на скандинавское, подогреваемая сериалом «Викинги», уводит игровое сообщество всё дальше от восточного антуража «Верховного Мандрина».

Что касается игр в целом, профессионализм в подобной среде достигается достаточно просто. Можно, к примеру, начать прохождение игры, усвоить необходимые правила и спустя длительное время вновь встать в ряды игроков, будучи вооружённым полученным опытом, в отличие от остальных; можно «донатить», оплатой реальных денег добиваясь ВИП-статуса. Геймеры – участники более масштабных игр – считают, что это особый тип игр для своей частной ситуации и специфических запросов со стороны игрока:

«– Я бы сказал так: …подобные игры рассчитаны на стадо, на простые, примитивные возбудители и удовлетворители эмоций. Кстати, не всегда игроки и хотят этого. Уж больно много сегодня информации, и мозг стремится отсечь совсем ненужное и долгопонимаемое… Зашёл на 5–60 минут, в зависимости от игры, и сразу ринулся в гущу событий. Победил или проиграл, но быстро. Быстрый результат, вот что привлекает людей. И минимум усилий при этом»[9].

То же можно сказать и о присвоении имён (антропонимов персонажей, игровых имён и эргонимов игроков).

ВЫВОДЫ

Даже с учётом факультативности требования правдоподобия в игре телефонного формата «Верховный Мандарин» обзор онимов выявляет преобладание безразличного отношения к этнической культуре и символике имени в среде игроков и недостаточную заинтересованность в этом разработчиков «бесплатных» игр. Последние, с одной стороны, позиционируют адекватность фоновых знаний и формул именования игрового пространства реальной исторической действительности Поднебесной, с другой – сами разрушают соответствие идеи её воплощению. Нарушения аутентичности времени и пространства на уровне фоновых знаний и установок ономатетов (ритуал присвоения и смены имён, их этническая маркированность, гендерная отнесенность) отражают микстовую, постмодернистскую масс-культуру XXI века, превращающую в игру всё, что игрой не является.

[9] *Киризлеев Александр (D_ED_2).* Классификация жанров компьютерных игр // GamesIsArt.ru Компьютерные игры как искусство [сайт]. URL: https://gamesisart.ru/game_class_all.html (дата обращения: 11.05.2020).

Список литературы

1. *Лахин Р.А., Фролова Н.Н.* Игровые практики Краснодарского края: социально-педагогический и культурно-исторический аспекты. Славянск-на-Кубани: Ф-л ФГБОУ ВО «Краснодар. гос. ун-т» в г. Славянске-на-Кубани, 2019. 164 с.

2. *Малишевская Н.А*. Трансформация концепта игры: от классики к постмодерну // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 4. С. 17-25.
3. *Ретюнских Л.Т.* Философия игры. М.: Вузовская книга, 2007. 256 с.
4. *Федотова Н.А.* Геймификация в контексте медийной практики // Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика. 2017. № 2. С. 4-11. URL: e.landbook.com/reader/journalArtide/534048/#1 (дата обращения: 18.02.2021).
5. *Рыжов А.Л.* Виртуальная идентичность и факторы формирования вовлечённости в массовую многопользовательскую онлайн-игру // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 94-105.
6. *Моисеев А.В.* Онлайн-игры как средство распространения идей экстремистского характера // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2018. Т. 17. № 4 (149). С. 65-71.
7. *Коротышев А.П., Рыхтик А.А.* Игровые онлайн-сообщества – ресурс формирования гражданской идентичности российской молодежи // Социум и власть. 2019. № 3 (77). С. 30-39.
8. *Власова Е.В.* Способы передачи антропонимов на русский язык (на материале игры жанра action/role-playing game) // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей: сб. науч. ст. Вып. 5. Челябинск: Энциклопедия, 2020. С. 25-32.
9. *Фомин А.Г., Чоботарь В.Г.* Особенности перевода антропонимов в литературе и компьютерных играх жанра фэнтези // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (2). С. 558-563.
10. *Зеленько К.Р*. Перевод антропонимов в компьютерных играх (на примере “World of Warcraft” и “Bioshock Infinite”). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-kompyuternyh-igr-na-materiale-world-of-warcraft-i-bioshock-infinite (дата обращения: 11.02.2021).
11. *Урванцев Г.В.* Фэнтезийные антропонимы в TES V: Skyrim // Научный вестник Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Политология и социология. 2018. № 2. С. 29-31.
12. *Майоров И.В.* Особенности переводческой адаптации имён собственных при языковой локализации англоязычных компьютерных игр (на материале игры “The Witcher 3: Wild Hunt”) // Научные исследования молодых учёных: сб. ст. 9 Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2021. С. 125-128.
13. *Смирнова А.Г.* Проблема перевода антропонимов в компьютерных играх (на материале многопользовательской карточной игры “Hearthstone”) // Актуальные вопросы современной лингвистики: материалы 6 региональной науч.-практ. конф. «Иностранные языки в межкультурном пространстве: методы исследования и технологии обучения». М.: ИИУ Москов. гос. обл. ун-та, 2019. С. 108-113.
14. *Захарова Д.В.* Специфические особенности говорящих имён собственных (на материале компьютерных игр: POKEMON, ZANZARAH, FRAN BOW, ADVENTURE TIME CARD WARS) // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития: сб. ст. 4 Междунар. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Междунар. центр науч. партнёрства «Новая наука», 2020. С. 171-174.
15. *Попова А.Р.* Особенности наименования персонажей компьютерной онлайн-игры: семантические и функциональные // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сб. материалов 11 Междунар. науч. конф. Майкоп: Изд-во АГУ, 2017. С. 435-439.
16. *Рюкова А.Р., Филимонова Е.А*. Перевод имён собственных при локализации мультиплатформенных компьютерных игр // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21. № 4. С. 968-973.
17. *Кузьменко А.Н.* Функционирование групповых антропонимов серии компьютерных игр Fallout как названий политических объединений: интерактивный аспект // Мир науки, культуры и образования. 2020. № 2 (81). С. 555-557.
18. *Климова М.А*. Никнеймы в компьютерных играх: вопросы функционирования и варьирования // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17. № 3. С. 293-315.
19. *Вострецова В.А., Сучков А.А.* Аллюзии в компьютерных текстах: типы, источники сложности перевода // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы 2 Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь: АРИАЛ, 2018. С. 72-77.
20. *Сергеенко М.Е.* Простые люди Древней Италии. Москва; Ленинград: Наука, 1964. 160 с.
21. *Беляева М.Ю., Сартаева Л.И., Трегубова Е.Н.* Ономастика Кубани: прошлое и настоящее / под общ. ред. М.Ю. Беляевой. Славянск-на-Кубани: Филиал Кубан. гос. ун-та в г. Славянске-на-Кубани, 2019. 138 с.
22. *Яблоков К.В.* Компьютерные исторические игры 1990–2000-х гг.: проблемы интерпретации исторической информации: автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2005. 23 с.

23. *Кутлалиев Т.Х.* Жанровая типология компьютерных игр: проблема систематизации художественных средств: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2014. 25 с.
24. *Orland K., Thomas D., Steinberg S.* The videogame style guide and reference manual. Lulu.com, 2007. 100 p.
25. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энцикл., 1991. 736 с.
26. *Васильева Н.В.* Собственные имена в мире текста. М.: Вузовская кн., 2007. 256 с.

References

1. Lakhin R.A., Frolova N.N. *Igrovyye praktiki Krasnodarskogo kraya: sotsial'no-pedagogicheskiy i kul'turno-istoricheskiy aspekty* [Gaming Practices of the Krasnodar Territory: Socio-Pedagogical and Cultural-Historical Aspects]. Slavyansk-na-Kubani, Kuban State University Branch in Slavyansk-na-Kubani Publ., 2019, 164 p. (In Russian).
2. Malishevskaya N.A. Transformatsiya kontsepta igry: ot klassiki k postmodernu [Transformation of the game concept: from classic to postmodern]. *Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki – Bulletin of Hgher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 2006, no. 4, pp. 17-25. (In Russian).
3. Retyunskikh L.T. *Filosofiya igry* [Game Philosophy]. Moscow, Vuzovskaya Kniga Publ., 2007, 256 p. (In Russian).
4. Fedotova N.A. Geymifikatsiya v kontekste mediynoy praktiki [Gamification in the context of media practice]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika. Pedagogika – Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*, 2017, no. 2, pp. 4-11. (In Russian). Available at: e.landbook.com/reader/journalArtide/534048/#1 (accessed 18.02.2021).
5. Ryzhov A.L. Virtual'naya identichnost' i faktory formirovaniya vovlechennosti v massovuyu mnogopol'zovatel'skuyu onlayn-igru [Virtual identity and the factors of involvement in massively multiplayer online game]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya – Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"*, 2015, vol. 8, no. 2, pp. 94-105. (In Russian).
6. Moiseyev A.V. Onlayn-igry kak sredstvo rasprostraneniya idey ekstremistskogo kharaktera [Online-Games as a means of distribution of ideas of extremist character]. *Uchenyye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta – Scientific Notes of RSSU*, 2018, vol. 17, no. 4 (149), pp. 65-71. (In Russian).
7. Korotyshev A.P., Rykhtik A.A. Igrovyye onlayn-soobshchestva – resurs formirovaniya grazhdanskoy identichnosti rossiyskoy molodezhi [Online gaming communities as a resource for forming the civic identity of Russian youth]. *Sotsium i vlast' – Society and Power*, 2019, no. 3 (77), pp. 30-39. (In Russian).
8. Vlasova E.V. Sposoby peredachi antroponimov na russkiy yazyk (na materiale igry zhanra action/role-playing game) [Methods of transferring anthroponyms into Russian (based on the material of the action/role-playing game)]. *Aktual'nyye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley: sbornik nauchnykh statey. Vyp. 5* [Actual Problems of Linguistics: The View of Young Researchers: Collection of Scientific Works. Issue 5]. Chelyabinsk, Encyclopedia Publ., 2020, pp. 25-32. (In Russian).
9. Fomin A.G., Chobotar V.G. Osobennosti perevoda antroponimov v literature i komp'yuternykh igrakh zhanra fentezi [Anthroponyms in fantasy fiction and computer games: approaches to translation]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, 2019, no. 21 (2), pp. 558-563. (In Russian).
10. Zelenko K.R. *Perevod antroponimov v komp'yuternykh igrakh (na primere "World of Warcraft" i "Bioshock Infinite"* [Translation of Anthroponyms in Computer Games (For Example, "World of Warcraft" and "Bioshock Infinite"]. (In Russian). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/trudnosti-perevoda-kompyuternyh-igr-na-materiale-world-of-warcraft-i-bioshock-infinite (accessed 11.02.2021).
11. Urvantsev G.V. Fenteziynyye antroponimy v TES V: Skyrim [Fantasy anthroponyms in TES V: Skyrim]. *Nauchnyy vestnik Rossiyskoy Akademii narodnogo khozyaystva i gosudarstvennoy sluzhby pri Prezidente RF. Politologiya i sotsiologiya – Scientific Bulletin of the Volgograd Branch of Ranepa. Series: Political Science and Sociology*, 2018, no. 2, pp. 29-31. (In Russian).
12. Mayorov I.V. Osobennosti perevodcheskoy adaptatsii imen sobstvennykh pri yazykovoy lokalizatsii angloyazychnykh komp'yuternykh igr (na materiale igry "The Wit·sher 3: Wild Hunt") [Features of translation adaptation of proper names for language localization of English-language computer games (based on the game "The Witcher 3: Wild Hunt")]. *Sbornik statey 9 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Nauchnyye issledovaniya molodykh uchenykh»* [Collection of Works of the 9th International Research and Practice Conference "Scientific Research of Young Scientists"]. Penza, 2021, pp. 125-128. (In Russian).

13. Smirnova A.G. Problema perevoda antroponimov v komp'yuternykh igrakh (na materiale mnogopol'zovatel'skoy kartochnoy igry "Hearthstone") [The problem of translation of anthroponyms in computer games (based on the multiplayer card game "Hearthstone")]. *Materialy 6 regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Aktual'nyye voprosy sovremennoy lingvistiki»* [Proceedings of the 6th Regional Research and Practice Conference "Current Issues of Modern Linguistics"]. Moscow, Information and Publishing Department of Moscow State Regional University, 2019, pp. 108-113. (In Russian).
14. Zakharova D.V. Spetsificheskiye osobennosti govoryashchikh imen sobstvennykh (na materiale komp'yuternykh igr: POKEMON, ZANZARAH, FRAN BOW, ADVENTURE TIME CARD WARS) [Specific features of speaking proper names (based on the material of computer games: POKEMON, ZANZARAH, FRAN BOW, ADVENTURE TIME CARD WARS)]. *Sbornik statey 4 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Fundamental'naya i prikladnaya nauka: sostoyaniye i tendentsii razvitiya»* [Collection of Workss of the 4th International Research and Practice Conference "Fundamental and Applied Science: State and Development Trends"]. Petrozavodsk, International Center for Scientific Partnership "New Science" Publ., 2020, pp. 171-174. (In Russian).
15. Popova A.R. Osobennosti naimenovaniya personazhey komp'yuternoy onlayn igry: semanticheskiye i funktsional'nyye [Features of the naming of characters in a computer online game: semantic and functional]. *Sbornik materialov 11 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkiy yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy»* [Collection of Proceedings of the 6th International Scientific Conference "Russian Language and Onomastics in the Multicultural Educational Space of the South of Russia and the North Caucasus: Problems and Prospects"]. Maykop, ASU Publ., 2017, pp. 435-439. (In Russian).
16. Ryukova A.R., Filimonova E.A. Perevod imen sobstvennykh pri lokalizatsii mul'tiplatformennykh komp'yuternykh igr [Proper names translation when localizing multiplatform computer games]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2016, vol. 21, no. 4, pp. 968-973. (In Russian).
17. Kuzmenko A.N. Funktsionirovaniye gruppovykh antroponimov serii komp'yuternykh igr Fallout kak nazvaniy politicheskikh ob"yedineniy: interaktivnyy aspekt [The functioning of Fallout computer game series group anthroponyms as names of political alliances: an interactive aspect]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya – The World of Science, Culture and Education,* 2020, no. 2 (81), pp. 555-557. (In Russian).
18. Klimova M.A. Nikneymy v komp'yuternykh igrakh: voprosy funktsionirovaniya i var'irovaniya [Nicknames in video gaming: functional use and variation]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2020, vol. 17, no. 3, pp. 293-315. (In Russian).
19. Vostretsova V.A., Suchkov A.A. Allyuzii v komp'yuternykh tekstakh: tipy, istochniki slozhnosti perevoda [Allusions in computer texts: types, sources of translation complexity]. *Materialy 2 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perevodcheskiy diskurs: mezhdistsiplinarnyy podkhod»* [Proceedingss of the 2nd International Research and Practical Conference "Translation Discourse: An Interdisciplinary Approach"]. Simferopol, ARIAL Publ., 2018, pp. 72-77. (In Russian).
20. Sergeyenko M.E. *Prostyye lyudi Drevney Italii* [Common People of Ancient Italy]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964, 160 p. (In Russian).
21. Belyayeva M.Y., Sartayeva L.I., Tregubova E.N. *Onomastika Kubani: proshloye i nastoyashcheye* [Onomastics of Kuban: Past and Present]. Slavyansk-na-Kubani, Kuban State University Branch in Slavyansk-na-Kubani Publ., 2019, 138 p. (In Russian).
22. Yablokov K.V. *Komp'yuternyye istoricheskiye igry 1990–2000-kh gg.: problemy interpretatsii istoricheskoy informatsii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Computer Historical Games of the 1990s–2000s: Problems of Interpreting Historical Information. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2005, 23 p. (In Russian).
23. Kutlaliyev T.K. *Zhanrovaya tipologiya komp'yuternykh igr: problema sistematizatsii khudozhestvennykh sredstv: avtoref. dis. ... kand. kul'turologii* [Genre Typology of Computer Games: The Problem of Systematization of Artistic Means. Cand. cult. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2014, 25 p. (In Russian).
24. Orland K., Thomas D., Steinberg S. *The Videogame Style Guide and Reference Manual*. Lulu.com Publ., 2007, 100 p.
25. Meletinskiy E.M. (ed.-in-chief). *Mifologicheskiy slovar* [Mythological Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopedia Publ., 1991, 736 p. (In Russian).
26. Vasilyeva N.V. *Sobstvennyye imena v mire teksta* [Proper Names in the World of Text]. Moscow, Vuzovskaya Kniga Publ., 2007, 256 p. (In Russian).

Информация об авторе

Беляева Марина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, Краснодарский государственный университет, филиал в г. Славянске-на-Кубани, г. Славянск-на-Кубани, Краснодарский край, Российская Федерация, fliny@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1453-4877

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, сбор данных, анализ полученных результатов, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 04.03.2021
Одобрена после рецензирования 16.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Marina Y. Belyaeva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian and Foreign Philology Department, Kuban State University, Slavyansk-on-Kuban Branch, Slavyansk-on-Kuban, Krasnodar Region, Russian Federation, fliny@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1453-4877

Contribution: idea, main study conception, data acquisition, obtained results analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 04.03.2021
Approved after reviewing 16.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'373.2(082)
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433

Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского пограничья

Инна Александровна КОРОЛЁВА
ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет»
214000, Российская Федерация, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4
✉ innakor@mail.ru

Аннотация. Проблемы изучения региональной топонимической лексики входят в настоящее время в число приоритетных направлений ономастических исследований. Особый интерес вызывает рассмотрение приграничных топонимических систем, так как в основах топонимов, бытующих в приграничных зонах, содержится объёмная лингвокультурологическая информация, отражающая взаимодействие языков и культур соседних этносов. Проанализирован фрагмент топонимической системы смоленско-витебского пограничья, территории, которая исторически отражает общность русского и белорусского народов, их языков и культур. Подробно описаны названия населённых пунктов (ойконимы), засвидетельствованные по обеим сторонам государственной границы. Рассмотрены их частотность, распределение по лексико-семантическим группам, этимология топооснов, наличие топонимов в лексикографических источниках. На материале комплексного анализа общих географических названий доказано, что общность фрагмента топонимических систем, русской (смоленской) и белорусской (витебской), порождённая историческим и географическим единством, свидетельствует также и о глубокой исторической общности двух народов – русского и белорусского, а также восточных славян в целом. Материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: топонимия, топонимическое пространство, смоленско-витебское пограничье, топоним (ойконим), сопоставительный аспект, общность, различие в топонимии пограничья

Для цитирования: *Королёва И.А.* Региональная топонимия: общность топонимической системы смоленско-витебского пограничья // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 425-433. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433

Regional toponymy: toponymic system commonality of the Smolensk-Vitebsk borderland

Inna A. KOROLEVA
Smolensk State University
4 Przhevalsky St., Smolensk 214000, Russian Federation
✉ innakor@mail.ru

Abstract. The issues of studying regional toponymic vocabulary are currently among the priority areas of onomastic research. The particular interest is the consideration of borderland toponymic systems, since the base of toponyms that exist in border zones contain voluminous linguocultural information that reflects the interaction of languages and cultures of neighboring ethnic groups. We analyze a fragment of Smolensk-Vitebsk borderland toponymic system, a territory that historically reflects the commonality of Russian and Belarusian peoples, their languages and cultures. We describe in detail the names of settlements (oikonyms), marked on both sides of the state border. We consider their frequency, distribution by lexico-semantic groups, toponyms etymology, the presence of toponyms in lexicographic sources. Based on a comprehensive analysis of common geographical names, we prove that the commonality of toponymic systems fragment, Russian (Smolensk) and Belarusian (Vitebsk), generated by historical and geographical unity, also testifies to the deep historical commonality of two peoples – Russian and Belarusian, as well as Eastern Slavs in the whole. The material is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: toponymy, toponymic space, Smolensk-Vitebsk borderland, toponym (oikonym), comparative aspect, commonality, difference in toponymy borderland

For citation: Koroleva I.A. Regional'naya toponimiya: obshchnost' toponimicheskoy sistemy smolensko-vitebskogo prigranich'ya [Regional toponymy: toponymic system commonality of the Smolensk-Vitebsk borderland]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 425-433. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-425-433 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

Мировидение народа, его менталитет, культура и история, несомненно, отражаются в особом фрагменте языковой картины мира, формирующимся под влиянием языкового пространства, частью которого являются названия географических объектов, или топонимы. Эти языковые единицы выступают универсальным лингвокультурным свернутым текстом и в большинстве случаев отсылают нас к значимым культурно-историческим явлениям [1].

Безусловно, можно утверждать, что топонимические единицы любой территории при всём их разнообразии являются теснейшим образом связанными между собой: географические названия на каждой географически или исторически выделяемой территории образуют определённую систему [2].

Как отмечает Э.М. Мурзаев, под топонимической системой следует понимать «совокупность специфических особенностей или признаков, закономерно повторяющихся в процессе формирования географических названий и в их современной стабильности» [3, с. 14]. Топонимические системы строго территориальны, и именно поэтому можно говорить о топонимической системе отдельной области, района или даже отдельной деревни. Совокупность географических названий какой-либо территории – сложное явление, анализ которого представляет определённые трудности и предполагает различные пути исследования в зависимости от специфики материала и поставленных задач [4]. Так, в частности, можно рассматривать эти-

мологию топооснов, структурные особенности названий, общность или различие топонимических моделей, анализировать диалектизмы, лежащие в основах топонимов, и т. д. Сегодня одно из актуальных направлений в топонимических разысканиях – изучение приграничной топонимии, то есть названий каких-либо приграничных объектов. Подчеркнём, что любая приграничная зона – это особое территориальное пространство, с яркой национально-культурной спецификой, находящей отражение во многих областях человеческой жизнедеятельности, в том числе и в сфере топонимической номинации. Изучение топонимической системы пограничья позволит углубить теоретические основы сопоставительной ономастики. В практическом плане анализ нового эмпирического материала даст возможность фрагментарно рассмотреть социокультурные связи двух сопредельных народов в прошлом и настоящем.

Смоленская область – один из центральных регионов России, исторически «порубежная земля». Сегодня Смоленщина граничит с Республикой Беларусь, и государственная граница составляет 463 км: это Витебская и Могилёвская области РБ.

Наиболее обследованной в топонимическом отношении является так называемая Витебская приграничная зона (около 200 км государственной границы); она охватывает три района в Смоленской области – Велижский, Руднянский и часть Краснинского и три района в Витебской области – Витебский, Дубровенский и Лиозненский [5, с. 5].

Топонимическая система смоленско-витебского пограничья сформировалась и развивалась под общим влиянием языковых и культурно-исторических особенностей двух соседних народов – русских и белорусов. Несомненный интерес к этой территории вызван существованием исторической специфики, ведь смоленские и витебские земли долгое время находились в составе одного – общего – государства. Необходимо упомянуть об исторических фактах, которые говорят о существовании частых передвижений территориальной границы между этими областями.

История единства ведётся ещё со времён Смоленско-Полоцкого княжества. Начиная с 1404 года, долгих 110 лет Смоленский край вместе с белорусскими и украинскими землями (в том числе и витебскими) был в составе Великого княжества Литовского; затем более полувека входил в состав Речи Посполитой, что, безусловно, нашло отражение в топонимической системе пограничья. Примечательно, что сегодня на географических картах уже разных стран мы можем найти ойконимы, которые мотивированы словами *лях*, *пан*, *поляк* и т. д.: Ляхово (Велижский р-н), Панское (Краснинский р-н), Панки (Витебский р-н), Ляховка (Дубровенский р-н) и др. Далее русские и белорусы были объединены временем существования Российской империи. Последний период, когда Россия и Беларусь были едины, – это бывший Советский Союз. Таким образом, можно сказать, что языковые связи между Смоленском и Витебском сложились на основе исторической, географической (общие географические параметры) и культурной общности территорий в разные периоды развития [6, с. 41-42]. В настоящее время Смоленск и Витебск – города-побратимы.

Несомненно, все перечисленные факты и порождают схожесть топонимической системы пограничья. Хотя нельзя отрицать и существующие специфические расхождения в номинации географических объектов, так как топонимия пограничья отражает особенности двух народов – русского и белорусского. Так, например, в белорусской топонимии ниже процент названий с топоформантами -ов(о), -ев(о), -ин(о); выше процент названий с суффиксами -щин(а), -ович(и), -евич(и); гораздо меньше переименований в топонимической сфере и т. д. Тем не менее мы можем найти общие названия, потому что топонимы являются важнейшими единицами, свидетельствующими о культурно-исторической связи соседних народов. В частности, для обеих топонимических систем характерно использование схожих или даже одинаковых основ и словообразовательных средств в тополексемах.

Целью настоящего исследования является сопоставление топонимического материала смоленской и витебской территорий, выявление общих названий и их комплексный анализ.

ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛОВ И ИСТОЧНИКОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили названия населённых пунктов смоленско-витебского приграничья (ойконимы), представленные в «Справочнике по вопросам административно-территориального устройства Смоленской области» (Смоленск: «Принт-Экспресс», 2010. 247 с.) и нормативном справочнике «Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць» (Мінск: Тэхналогія, 2009. 668 с.). В составленную картотеку вошли 592 топонима из трёх районов Беларуси. В качестве представителя приграничной зоны в России нами был выбран один район – Руднянский, самый главный и крупный район приграничной зоны. На рассматриваемой территории находятся 193 населённых пункта. Для сопоставления распространения анализируемых приграничных названий нами использовались также известные словари топонимов: «Топонимический словарь Центральной России» Г.П. Смолицкой [М.: Армада-пресс, 2002. 416 с.], «Тверской топонимический словарь» В.М. Воробьёва [М.: Русский путь, 2005. 472 с.] и «Названия населённых пунктов Центрального Черноземья» А.С. Щербак и А.А. Бурыкина [Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. 356 с.].

Прежде всего, значительный и разноплановый собранный материал потребовалось сгруппировать. Мы, опираясь на труды известных учёных-топонимистов, с учётом специфики приграничья составили классификацию топонимических единиц. Всего мы выделили 10 лексико-семантических групп:

1) топонимы, образованные от антропонимов;

2) названия, отражающие особенности ландшафта;

3) топонимы, образованные от названий животных и растений;

4) топонимы, отражающие административно-объектные особенности;

5) топонимы, образованные от названий занятий поселенцев и ремёсел;

6) топонимы, в которых отражается цветовое восприятие мира;

7) названия, связанные со словами религиозного или культового значения;

8) топонимы, данные по названиям водных объектов;

9) топонимы, отражающие в семантике исторические реалии и события;

10) топонимы, отражающие названия земельных владений, их границ, меры и площади.

Следующим шагом работы явилось сравнение топонимических единиц Руднянского района с белорусскими. В ходе сопоставительного анализа нами было выявлено 13 случаев сходства топонимов в смоленско-витебской приграничной зоне в 21 населённом пункте (некоторые названия были идентичны для разных населённых пунктов даже в пределах одного района).

Наибольшее число повторов было отмечено в лексико-семантической группе топонимов, образованных от антропонимов. Это такие ойконимы, как **Казимирово, Макаровка, Шарки, Зуи, Мохначи** и **Храпаки.** Причём топоним **Зуи** встречается одновременно в трёх районах – в Руднянском, Витебском и Лиозненском. Если смотреть в процентном соотношении, то на данную группу в классификации приходится 5,46 % совпадений от общего числа отантропонимических топонимов.

Следующей группой, в которой мы нашли совпадения в названиях, является группа топонимов, отражающих особенности ландшафта. В ней два названия из 18 – **Понизовье** и **Заречье** – встречаются как в Руднянском районе, так и в двух районах Беларуси – Витебском и Дубровенском. Совпадение составляет 0,36 % от общего числа топонимов данной лексико-семантической группы. Это, конечно же, немного, но все названия встречаются и в других регионах.

В группе топонимов, образованных от названий животных и растений, нами было выявлено два случая совпадения названий из 30. Названия **Волково** и **Козлы** являются общими для населённых пунктов в трёх районах. Совпадение составляет 0,6 % от общего числа. Процент также невелик, что позволяет говорить о специфике культурной составляющей в топоосновах. В русской топонимии активнее представлен фаунистический код в основах названий: Белки, Журавли, Гусаки, Селезни, Петухи и др.

Топоним **Слобода** является частотным как для Руднянского района, в котором он встречается три раза, так и для районов Беларуси, в которых дублируется пять раз: четыре топонима в Витебском районе и один топоним в Дубровенском районе. Далее мы отметим его общность и с другими русскими территориями.

Топоним **Каменка** в классификации руднянских топонимов входит в группу топонимов, образованных от названий занятий поселенцев и ремёсел. Этот топоним зафиксирован в Руднянском и Витебском районах. Кстати, он тоже весьма частотен и в других русских регионах.

Топоним **Бель** не отнесён нами ни в одну из групп классификации (о причинах скажем ниже). Помимо Руднянского района, он зафиксирован в Дубровенском районе.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА И ОБСУЖДЕНИЕ

Обратимся к анализу собранного материала.

Топоним **Бель.** Довольно часто, как отмечают авторы «Топонимического словаря Смоленской области», на Смоленщине и в Беларуси встречаются деревни с названием Бель; в Вяземском районе есть деревня Бели[1]. Несомненно, этот топоним образован от диалектного слова *бель*, которое бытует и в смоленских говорах, и в белорусских. Однако, как нам представляется, значения диалектизмов разные. Так, на Смоленщине апеллятив зафиксирован ещё до революции 1917 г. В.Н. Добровольским с значением «отбеленная льняная пряжа» [7, с. 708]. Известно это существительное и в настоящее время[2]. Появился и оттенок значения – не только пряжа, но и белые фабричные нитки.

В Беларуси, как отмечает В.А. Жучкевич, *бель* – «верховое болото с белыми мхами, криволесье»[3]. Это же значение для объяснения топонима принимают смоленские исследователи Д.Н. Будаев и Б.А. Махотин, связывая по семантике название деревни и название географического объекта на местности. Как известно, и на Смоленщине, и на Витебщине много озёр и болот. Однако, на наш взгляд, сема «белый» позволяет сделать предположение и о возможном значении топонима, связанном с изготовлением льняной пряжи и её отбеливанием: как известно, для её производства нужно много воды, а льноводством издавна славилось приграничье. Это версия поддерживается Словарем В.И. Даля[4]. Также лексема *бель* «отбеленная льняная пряжа» засвидетельствована в «Словаре могилёвско-смоленских пограничных говоров» [8, с. 128]. Территория распространения названия достаточно узкая: об этом свидетельствует, например, факт отсутствия его в лексикографических трудах, используемых нами для сопоставления.

Топоним **Зуи** встречается в трёх приграничных районах: Руднянском, Витебском и Лиозненском, то есть достаточно частотен. И белорусские, и российские топонимисты относят название к числу отантропонимических. В частности, В.А. Жучкевич считает его патронимическим: в основе имя Зуй или фамилия Зуйков[5]. Д.И. Будаев и Б.А. Махотин также исходными определяют антропонимы – прозвище Зуй и фамилию Зуев[6].

Мы не отрицаем связь топонима с антропонимами, но следует подчеркнуть, что в основе может лежать только прозвище или прозвищное имя Зуй. От фамилии Зуев образуется топоним Зуево, а от фамилии Зуйков – Зуйково (по модели), что и фиксирует Словарь А.С. Щербак и А.А. Бурыкина[7].

Прозвище Зуй, в свою очередь, диалектного происхождения. Апеллятив *зуй* у В.И. Даля – это общее название небольших куликов разных видов; птицы юркие, с криком низко и быстро летают над водой. Фик-

[1] [Топонимический словарь Смоленской области] – *Будаев Д.И., Махотин Б.А.* Топонимический словарь Смоленской области. Смоленск: ООО «Смоленское обл. кн. изд-во «Смядынь», 2009. С. 21.

[2] [Словарь смоленских говоров] – Словарь смоленских говоров. Смоленск: СГПИ-СГПУ, 1974. Вып. 1. С. 159-160.

[3] [Жучкевич] – *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск: БГУ, 1974. С. 24.

[4] [Даль] – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 1: А–З. С. 155.

[5] [Жучкевич] – С. 142.

[6] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 108.

[7] [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – Названия населённых пунктов Центрального Черноземья: словарь. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 109.

сируются глагол *зуить* – «суетиться, метаться» и прилагательное *зуйливый* – «вертлявый, елозивый, непоседливый»[8] как областные слова без конкретных помет. В переносном значении *зуй* – суетливый подвижный человек. Вполне вероятно, что топоним действительно отантропонимического происхождения: прозвище Зуй доставалось непоседе и егозе. Но возможна и версия фаунистического происхождения: в приграничье много болот, озёр, рек, а кулики (зуи) – это птицы, которые водятся именно в таких местах в большом количестве.

Интересен топоним **Каменка.** Это название многих речек, а от них уже населённых пунктов. Апеллятив *камень* древнерусского происхождения (камы + -ень-) с значением «твёрдая горная порода из сплошной массы или отдельных её кусков и обломков». На дне русел небольших рек могут лежать многочисленные камни в виде булыжников и крупной гальки, что и послужило причиной номинации водного объекта[9]. В «Топонимическом словаре Смоленской области» зафиксировано девять речных Каменок в пределах региона. Схожее объяснение белорусских топонимов даёт В.А. Жучкевич[10].

В информативное поле топонима следует включить также дополнительную лингвокультурологическую информацию, объясняющую название. В частности, в приграничье распространённым промыслом была заготовка камня. Ремесленники собирали камни с полей обычно осенью, крупные – дробили, получая нередко с одного валуна до кубометра материала, вывоз которого в город производили зимой. Жители сёл Каменка (Руднянский, Витебский районы) из этих камней-валунов сооружали надгробные плиты и другие виды памятников. Отметим попутно, что название не относится к числу узко локальных: в южных регионах оно встречается довольно часто – так, Словарь А.С. Щербак и А.А. Бурыкина отмечает его около 30 раз[11]. На повсеместное распространение названия обращает внимание Г.П. Смолицкая[12]. Известен ойконим Каменка и в Тверской области: название дано по гидрониму[13].

Один из самых частотных топонимов приграничья – **Слобода.** Топонимические словари Смоленской области и Беларуси указывают, что *слобода* – это тип поселения в феодальной России в XI–XVIII веках, пользующийся временными освобождениями от уплаты налогов и других повинностей[14]. На территории Беларуси учтено около 150 топонимов со словом *слобода* и производными от него. В Смоленской области название встречается в 15 районах, иногда в составе топонима появляется конкретизатор-определение: Старая Слобода, Никольская Слобода, Власова Слобода и др. В рассматриваемых районах Беларуси выявлено пять населённых пунктов с этим названием, в Руднянском районе – три населённых пункта. Можно сделать вывод, что данный тип поселения был обычным для смоленско-витебского приграничья в прошлом. Широко известно название по другим регионам России: это общий для восточных славян способ номинации[15].

В обоих топонимических словарях – белорусском и смоленском – одинаково охарактеризован топоним **Понизовье: «**название-характеристика: поселение в низкой местности»[16]; «название-характеристика: поселение на пониженных местах»[17]. У Даля *низовой* – «низкий», *низовина* – «низкость»[18]. При образовании топонима действует словообразовательная модель: по- + -низов- + -j(e). Способ словообразования – приставочно-суффиксальный.

Также одинаково смоляне и белорусы квалифицируют название **Заречье**: это на-

[8] [Даль] – Т. 2: И–О. 1956. С. 696.

[9] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 115.

[10] [Жучкевич] – С. 153.

[11] [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 120-121.

[12] [Смолицкая] – *Смолицкая Г.П.* Топонимический словарь Центральной России. М.: Армада-пресс, 2002. С. 140.

[13] [Тверской топонимический словарь] – *Воробьёв В.М.* Тверской топонимический словарь: Названия населённых мест. М.: Русский путь, 2005. С. 166.

[14] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 241; [Жучкевич] – С. 350.

[15] [Смолицкая] – С. 314; [Тверской топонимический словарь] – С. 359; [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 280-281.

[16] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 207.

[17] [Жучкевич] – С. 303.

[18] [Даль] – Т. 4: Р–Я. 1956. С. 544-545.

звание-ориентир (только в Смоленской области оно встречается в восьми районах) – «поселение, расположенное за рекой»[19]. Также действует приставочно-суффиксальный способ: за- + - рек(ч)- + -j(е). Приставка за-, показывающая положение одного объекта по отношению к другому, более важному в момент называния, довольно регулярна в топонимии[20].

Макаровка. Типичная модель топонима [9, с. 15], образованного от антропонима: с помощью частотного суффикса -к(а) от притяжательного прилагательного Макаров, ставшего патронимом (чей? – Макаров), образовалось название деревни. В основе патронима (позднее – фамилии) крестильное имя Макар «блаженный, счастливый» (греческое, церковное – Макарий)[21].

Казимирово. Также типичная модель топонима, образованного от антропонима: в основе патроним Казимиров (чей? – Казимиров), ставший фамилией. Исходным является славянское имя Казимир, более распространённое у западных славян, образованное от основы *каз* со значением «предсказывать, проповедовать» + *мир*[22].

Топоним **Козлы** достаточно частотен: на Смоленщине он встречается в четырёх районах[23]. Известен он и в белорусском пограничье, и в целом в Беларуси. В.А. Жучкевич считает его патронимическим (от фамилий Козёл, Козлович, Козлов)[24]. Это в целом верно, но скорее всего в основе только прозвищное имя Козёл (мн. ч. Козлы), относящееся к прозвищным обозначениям метафорического характера фаунистической группы. Как нам известно, *коза* – «одомашненный вид козлов» [10, с. 282]. Мы можем предположить, что данный вид животного был полезен для человека, поэтому он его приручил и разводил, и это нашло отражение в номинации географических объектов обеих областей. Естественно, не было обидной коннотации. Модель – белорусская [11, с. 85]. В других русских регионах фиксации единичны (Белгородская и Орловская области)[25], одно название в Тверской области[26].

Топоним **Волково** Д.И. Будаев и Б.А. Махотин фиксируют в 10 районах Смоленской области; название образовано от фамилий и прозвищ Волк, Волков, Волкович. Не стоит также исключать возможность образования топонима от самой основы *волк* – хищное животное, очень распространённое на Смоленщине[27]. В.А. Жучкевич даёт такое же толкование – «название, производное от кличек и фамилий Волк, Волкович, Волков»[28]. Прозвищная номинация также метафорического характера (фаунистическая группа). Отметим, что антропоним Волкович, скорее всего, в ряду излишен – это другая онимическая модель. Ойконим Волково как типичный для восточных славян встречается по русским территориям достаточно часто[29].

Храпаки представляют собой ту же модель образования географического названия от прозвищного имени Храпак в форме множественного числа (Храпаки), что и **Козлы**. Храпак – «о человеке, который храпит» (апеллятив храп + суффикс существительных -ак, имеющий оценочное характеристическое значение (ср.: слабак, дурак)). Прозвище относится к группе именований, указывающих на особенности человека. На других территориях России ойконим не засвидетельствован.

По уже описанной модели образован и топоним **Мохначи.** Произвищное именование Мохнач в своей основе имеет прилагательное *мохнатый* и суффикс оценки -ач (ср.: трепач, бородач). У Даля *мохнач* – «мохнатый человек или животное» – дано как областное слово[30]. На отантропонимическое происхождение указывает и В.А. Жучкевич, приводя как исходные антропонимы

[19] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 103; [Жучкевич] – С. 134.

[20] [Смолицкая] – С. 113.

[21] [Словарь русских личных имён] – *Суперанская А.В.* Словарь русских личных имён. М.: Эксмо, 2006. С. 228.

[22] [Словарь русских личных имён] – С. 202.

[23] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 122.

[24] [Жучкевич] – С. 166.

[25] [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 130.

[26] [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 180.

[27] [Топонимический словарь Смоленской области] – С. 50.

[28] [Жучкевич] – С. 55.

[29] [Названия населённых пунктов Центрального Черноземья] – С. 60-61.

[30] [Даль] – Т. 2: И–О. 1956. С. 352.

фамилии Махнач, Махнович «со смысловым значением мохнатый» (имеет место аканье)[31]. Возможно также и образование географического названия от слова *мох* «вид растения», «моховое болото»[32]. Для наименования моховых болот, болотистых мест, поросших мхом, привлекаются определённые местные географические названия: моховина, мховина, моховище и др.

Шарки. В.А. Жучкевич объясняет название как патронимическое, образованное от фамилий, производных от белорусской формы слова серый – *шэры, шарко*[33]. Скорее всего это возможно (хотя не от фамилий конкретно, а от прозвищных именований типа Шарко). Менее вероятно образование топонима от диалектного северного *шарки* – «туфли, башмаки особого фасона»[34]. Название засвидетельствовано лишь однажды в Тверской области: автор словаря предполагает, однако, именно эту, северную этимологию топонима[35].

[31] [Жучкевич] – С. 226.
[32] [Даль] – Там же.
[33] [Жучкевич] – С. 407.
[34] [Даль] – Т. 4: Р–Я. 1956. С. 622.
[35] [Тверской топонимический словарь] – С. 432.

ВЫВОДЫ

Таким образом, проведённый анализ топонимов смоленско-витебской приграничной зоны даёт возможность выявить общие лингвистические и историко-культурные черты, которые содержатся в основах названий. Было доказано, что топонимы Руднянского района имеют много общего с именами собственными, номинирующими географические объекты соседней территории, что обусловлено общей судьбой в определённые периоды сосуществования Смоленщины и Витебщины. Есть узколокальные образования, а есть названия, довольно часто встречающиеся и на других русских территориях, что свидетельствует об исторической общности всех восточных славян. Исследование следует продолжить, чтобы рассмотреть в сопоставительном плане всё смоленско-белорусское пограничье, всю его топонимическую систему, что даст возможность достаточно серьёзно углубить анализ общих и отличительных черт в приграничной ономастике.

Список литературы

1. *Королёва И.А.* Топонимы как свернутый лингвокультурный код // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 8. С. 31-38.
2. *Мезенко А.М.* Белорусская ономастика. Топонимика. Минск: Элайда, 2012. 260 с.
3. *Мурзаев Э.М.* Топонимика и география // Вести МГУ. 1963. № 3. С. 14-23.
4. *Евсеева О.С.* Топонимия смоленско-витебского пограничья: структурно-семантический аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Смоленск, 2015. 22 с.
5. *Королёва И.А.* Диалог языков и культур: Смоленск – Витебск // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы Междунар. науч. конф. Смоленск: СмолГУ, 2020. С. 5-8.
6. *Картавенко В.С.* Русско-белорусские языковые контакты и их историческое обоснование // Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования: материалы науч.-практ. конф. Смоленск: СмолГУ, 2017. С. 39-43.
7. *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1914. 1022 с.
8. Словарь могилёвско-смоленских пограничных говоров / авт-сост. В.Б. Сузанович; отв. ред. Л.И. Шаповалова. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2017. Вып. 1: А–Б. 196 с.
9. *Генкин В.М.* Ойконимия и катойконимия Белорусского Поозерья. Витебск: ВГУ им. П.М. Машерова, 2009. 115 с.
10. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1990. 921 с.
11. *Генкин В.М.* Современные адъективные ойконимы Витебщины и Смоленщины // Витебщина и Смоленщина в языковых и культурных контактах: история и современное состояние: материалы Междунар. метод. семинара. Вып. 1. Смоленск: СмолГУ, 2011. С. 85-89.

References

1. Koroleva I.A. Toponimy kak svernutyy lingvokul'turnyy kod [Toponyms as a collapsed linguocultural code]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta – IKBFU's Vestnik*, 2015, no. 8, pp. 31-38. (In Russian).
2. Mezenko A.M. *Belorusskaya onomastika. Toponimika* [Belarusian Onomastics. Toponymy]. Minsk, Elaida Publ., 2012, 260 p. (In Russian).
3. Murzayev E.M. Toponimika i geografiya [Toponymy and geography]. *Vesti MGU – Vesti MSU*, 1963, no. 3, pp. 14-23. (In Russian).
4. Evseyeva O.S. *Toponimiya smolensko-vitebskogo prigranich'ya: strukturno-semanticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Toponymy of the Smolensk-Vitebsk Borderland: Structural and Semantic Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Smolensk, 2015, 22 p. (In Russian).
5. Koroleva I.A. Dialog yazykov i kul'tur: Smolensk – Vitebsk [Dialogue of languages and cultures: Smolensk – Vitebsk]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Onomastics in Smolensk and Vitebsk: Problems and Research Prospects"]. Smolensk, SmolGU Publ., 2020, pp. 5-8. (In Russian).
6. Kartavenko V.S. Russko-belorusskiye yazykovyye kontakty i ikh istoricheskoye obosnovaniye [Russian-Belarusian language contacts and their historical justification]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Onomastika v Smolenske i Vitebske: problemy i perspektivy issledovaniya»* [Proceedings of the Research and Practice Conference "Onomastics in Smolensk and Vitebsk: Problems and Research Prospects"]. Smolensk, SmolGU Publ., 2017, pp. 39-43. (In Russian).
7. Dobrovolskiy V.N. *Smolenskiy oblastnoy slovar'* [Smolensk Regional Dictionary]. Smolensk, P.A. Silina Typography, 1914, 1022 p. (In Russian).
8. Suzanovich V.B. (compiler), L.I. Shapovalova (executive ed.). *Slovar' mogilevsko-smolenskikh pogranichnykh govorov* [Dictionary of the Mogilev-Smolensk Border Patois]. Mogilev, Mogilev State A. Kuleshov University Publ., 2017, issue 1, 196 p. (In Russian).
9. Genkin V.M. *Oykonimiya i katoykonimiya Belorusskogo Poozer'ya* [Oikonymy and Katoikonymy of the Belarusian Lake District]. Vitebsk, Vitebsk State University named after P.M. Masherov Publ., 2009, 115 p. (In Russian).
10. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Russian Language Dictionary]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 921 p. (In Russian).
11. Genkin V.M. Sovremennyye ad"yektivnyye oykonimy Vitebshchiny i Smolenshchiny [Modern adjective oikonyms of Vitebsk and Smolensk regions]. *Materialy Mezhdunarodnogo metodicheskogo seminara «Vitebshchina i Smolenshchina v yazykovykh i kul'turnykh kontaktakh: istoriya i sovremennoye sostoyaniye». Vyp. 1* [Proceedings of the International Methodological Seminar "Vitebsk and Smolensk in Linguistic and Cultural Contacts: History and Modern State". Issue 1]. Smolensk, SmolGU Publ., 2011, pp. 85-89. (In Russian).

Информация об авторе

Королёва Инна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация, innakor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0597-6921

Вклад в статью: общая концепция статьи; сбор и анализ данных; написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 16.04.2021
Принята к публикации 17.05.2021

Information about the author

Inna A. Koroleva, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, innakor@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0597-6921

Contribution: main study conception, data acquisition and analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 20.02.2021
Approved after reviewing and revision 16.04.2021
Accepted for publication 17.05.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'373.211.112
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-434-443

Немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии

Андрей Николаевич БЕЛЯЕВ
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный аграрный университет»
450001, Российская Федерация, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 34
✉ anbelajew@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы взаимоотношений немецкого языка с серболужицким языком. Материалом исследования послужили топонимы, распространённые на территории, которая на востоке простирается до течения рек Бобер, Квейс и Одер, на севере – до окрестностей Берлина, а на западе выходит за пределы р. Заале. Актуальность исследования обусловлена стремлением к более углубленному изучению проблемы немецко-славянских языковых контактов. Новизна работы заключается в рассмотрении проблемы в различных аспектах: языковых уровней, социолингвистическом, ареальном. Изучены механизмы и свойства адаптации славянских топонимов на всех языковых уровнях, уточнена методика описания интеграционного процесса заимствованных топонимов, описаны характерные для интеграционного процесса фазы. Показано, что у славян и немцев нередко отмечается семантический параллелизм в актах номинации, обусловленный географической средой. Установлено, что лингвогеографические связи, сложившиеся при немецко-лужицком топонимическом взаимодействии, неоднородны по характеру. Сделан вывод, что межъязыковые контакты в области топонимии были сложными и не носили монолитного характера, как это было принято считать ранее. В качестве перспективы для дальнейших исследований намечается изучение славянизированных германских топонимов в славянских языках.

Ключевые слова: языковые контакты, Восточная Германия, немецкий язык, лужицкий язык, топонимия, интеграция

Для цитирования: *Беляев А.Н.* Немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 434-443. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-434-443

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-434-443

German-Slavic toponymic contacts in East Germany

Andrei N. BELYAEV
Bashkir State Agrarian University
34 50-let Oktyabrya St., Ufa 450001, Russian Federation
✉ anbelajew@mail.ru

Abstract. We consider the issues of the relationship between the German language and the Sorbian language. The material of the study is the toponyms that are common in the territory that extends in the east to the course of the rivers Bober, Quays and Oder, in the north – to the vicinity of Berlin, and in the west goes beyond the Saale River. The relevance of the study is due to the desire for a more in-depth study of German-Slavic language contacts issues. The novelty of the work lies in the consideration of the issue in various aspects: language levels, sociolinguistic, areal. We study the mechanisms and properties of adaptation of Slavic toponyms at all linguistic levels, clarify the methodology for describing the integration process of borrowed toponyms, describe the phase's characteristic of the integration process. We show that among the Slavs and Germans, semantic parallelism in the acts of nomination is often noted, due to the geographical environment. We establish that the linguo-geographic relations that developed during the German-Lusatian toponymic interaction are heterogeneous in nature. We conclude that interlanguage contacts in the field of toponymy were complex and did not have a monolithic character, as was previously believed. As a prospect for further research, it is planned to study the Slavic Germanic place names in the Slavic languages.

Keywords: language contacts; East Germany; German language; Lusitian language; toponymy; integration

For citation: Belyaev A.N. Nemetsko-slavyanskiye toponimicheskiye kontakty v Vostochnoy Germanii [German-Slavic toponymic contacts in East Germany]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 434-443. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-434-443 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

В последние 10–15 лет вопросы немецко-славянских ономастических контактов стали привлекать внимание многих учёных. Появилось большое число специальных публикаций [1–7]. Обращение к этой проблеме непосредственно связано с решением ряда насущных задач, возникших при реализации теоретических положений в области контактной ономастики. Оценивая общее состояние изучения славянского культурно-языкового наследия на территории Восточной Германии, К. Хенгст подчёркивает, что оно достигло к концу XX столетия нового, более качественного уровня [8, с. 270]. На наш взгляд, на этот принципиально новый качественней уровень немецкие слависты смогли выйти благодаря подключению в сферу своего рассмотрения фундаментальных достижений современного языкознания. В настоящее время уже невозможно решить данную проблему без опоры на комплексную, интердисциплинарную основу, без применения таких универсальных методов, как системно-функциональный подход, рекурсивный метод, сопоставительный метод и т. д. Не имеет большого смысла ограничиваться одним подходом, рассматривать проблему немецко-славянского ономастического взаимодействия под одним «углом зрения». Необходимы работы, объединяющие эти разные подходы и формулирующие их общие существенные признаки.

Центральная проблема, на изучение которой обращено внимание немецких исследователей, связана с динамикой культурно-языковой интерференции и, в частности, с проблемой заимствования онимов как проявления межкультурных и межъязыковых контактов, их бытования и адаптации в воспринимающем языке [5; 9–10]. В то же время на современном этапе развития контактной ономастики далеко ещё недостаточно изучен вопрос об отношении сорабистики к заимствованию и интеграции лужицкими сербами немецких топонимов.

В своих недавних работах К. Хенгст уже предпринял некоторые попытки внести ясность в вопрос о заимствовании немецких названий населённых мест в лужицкие диалекты. Его опыт проследить историю славянско-немецких языковых контактов хотя и на ограниченном, но всё же имеющем значительный научный интерес материале XI–XIII веков представляется весьма удачным; тем не менее по многим вопросам славяно-немецкого ономастического взаимодействия нет пока однозначной интерпретации фактов. Думается, что обобщение достигнутых результатов в изучении славянских субстратных названий на территории Восточной Германии в плане сравнительно-исторического их осмысления может пролить дополнительный свет на природу межкультурного и межъязыкового взаимодействия, высветить ещё рельефнее целый комплекс вопросов, связанных с объективным отражением как истории контактов лужицких сербов с немецким народом, так и характера этих контактов.

ПОСТАНОВКА ЦЕЛИ И ЗАДАЧ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показано во введении, проблема «немецко-славянские ономастические контакты» приобретает в последнее время всё бóльшую остроту и актуальность в связи с решением значительного числа теоретических и прикладных задач. Цель настоящего разыскания состоит в стремлении к более углубленному исследованию проблем немецко-славянских топонимических контактов. Исходя из общих задач контактной ономастики, мы выбрали для достижения поставленной цели дифференцированный подход к целому комплексу вопросов, которые связаны со всеми языковыми уровнями, а также с экстралингвистическими факторами. Методическая важность этого принципа имеет принципиально значение при описании процесса интеграции заимствованных топонимов. Задача исследования – изучить механизм адаптации славянских топонимов в немецкий язык, а также уточнить методику описания интеграционного процесса заимствованных топонимов.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Весьма важным моментом является разработка методики описания интеграционного процесса, в результате которого заимствованные из славянских диалектов топонимы стали подчиняться законам немецкого языка и подвергаются фонетическим и некоторым морфологическим и семантическим изменениям. А.К. Матвеев абсолютно был прав, когда писал: «Ключ к прогрессу в топонимике несомненно надо искать в области методики исследования, так как и поныне методы изучения субстратных топонимов далеки от совершенства и подчас настолько противостоят друг другу, что их можно считать взаимоисключающими» [11, с. 57]. Дальнейшие достижения в этой области языкознания связаны с углубленной разработкой методики подобных работ. Рассматривая проблему онимов на уровне межъязыковых контактов, К. Хенгст считает, и с этим нельзя не согласиться, что первостепенное значение имеет комплексная разработка проблематики, при которой исследовательская модель изучается в различных её аспектах [12, S. 221-225]. В связи с существованием комплексного плана исследования можно выделить следующие аспекты: 1) *языкового уровня*, позволяющий понять, как воздействует онимическая интерференция на разные языковые уровни (в исторической ретроспективе речь идёт о фонемно-графемном, морфемно-морфологическом, лексико-семантическом уровнях, при синхронном рассмотрении также о синтаксическом и текстовом); 2) *социолингвистический*, связанный с употреблением имён собственных в социо- и идиолектах, а также с их ва-

риативностью; 3) *ареальный*, обусловленный выработкой и распространением определённых интерференционных явлений у топонимов, прежде всего, в структурно-словообразовательной и лексико-семантической сферах.

Как известно, зоны межъязыкового и межкультурного сближения народов с течением времени варьируются, что вызывает необходимость изучения развития форм заимствованных онимов в языке-источнике в диахроническом аспекте. Результаты такого анализа могут быть полезными для своеобразного «картографирования» этнического языкового пространства с целью выявления в нём очагов культурно-языковой и социально-политической иррадиации. Суть интеграционного процесса заимствованных онимов проявляется в том, что он демонстрирует ярко выраженную динамичность, изменчивость языка, без учёта которой невозможно описание не только истории языка, диахронии, но и его фиксированного состояния, синхронии. При рассмотрении различных его ступеней мы постоянно обращаемся к историческому периоду двуязычия, соответственно к параллельному лужицкому и немецкому словоупотреблению.

На фонемно-графемном уровне внутренним системным фактором, обусловленным общеязыковым развитием, является субституция фонем, то есть замещение звуков неродного языка звуками родного с последующей передачей древнелужицких, соответственно немецких звуков, графикой языка-реципиента. Для графического отображения др.-луж. фонем или последовательностей фонем могут быть выделены три группы графем: 1) монофункциональные графемы, передающие только одну фонему или устойчивую последовательность фонем, например, <en> для др.-луж. /ę/ (*Krensitz* – деревня ок. Делицш, из др.-луж. **kręz*, имеющее соответствие с русск. *кряж*[1]) и <m>, <n>, <l>, <r> для соответствующих др.-луж. сонорных; 2) полифункциональные графемы, способные отражать две и более фонемы, например <u> и <v> для передачи интервокального /v/, а также /u/; 3) гомофункциональные графемы с полным или частичным сходством функций, например, <u>, <v> и <w> для др.-луж. /v/ или <c>, <ch> и <k> для др.-луж. /k/, при этом <c> может также стоять для др.-луж /c/ и /č/.

На морфемно-морфологическом уровне значительный интерес для языкового контакта и процесса топонимической интеграции др.-луж. названий в немецкий язык представляют механизмы морфологической адаптации и словообразовательные элементы. Процесс топонимической интеграции ведёт не только к обогащению языка-реципиента новыми лексическими единицами в форме заимствованных имён, но и пополняет имеющиеся в языке ресурсы словообразовательных и структурных элементов. Несмотря на то, что фонологическая и морфологическая системы считаются трудно проницаемыми или вообще непроницаемыми для внешних воздействий, дискретный характер языковых изменений имеет место и в системе топонимических морфем и словообразовательных элементов. Иноязычные суффиксы переходят в новое качество, адаптируются к соответствующим типам. Таким образом, иноязычный топоним ставится в ряд уже существующего топонимического типа принимающего языка [13, с. 89-90]. Интегрированные в топонимическую систему принимающего языка новые структурные элементы обладают некоторыми системными свойствами, то есть кристаллизируются продуктивные интегративные модели, которые, однако, не обладают исключительностью [12, с. 226]. Нельзя охарактеризовать развитие заимствованных топонимов их стремлением к аттракции исконных топонимов, не прибавив, что вместе с тем развивается и их способность отображать интегрированный топоним в стабильной фонетической, графической и морфологической формах. И это так. Трудно себе представить, чтобы тот или иной язык, исторически пополняя свои лексические ресурсы за счёт заимствования апеллятивной лексики, вместе с тем утрачивал бы способность заимствовать и адаптировать на всех языковых уровнях и имена собственные.

Выделяемые в немецком языке структурно переоформленные топонимы отчасти могут показаться носителям немецкого языка вполне немецкими образованиями с формантами, например: *-hain*, *-hausen*, *-schatz*, *-wein*,

[1] Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen. Bd. 1., A–L. Leipzig: Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, 2001. S. 535.

-zahn. В число таких «обыденных» немецких топооснов вступает ряд топонимов, в структуре которых имеются связанные морфемы. Семантические и структурные связи внутри таких групп «оборваны», они не могут полностью повторять связи между элементами соотносительных топонимов в синхронии. В качестве таких преимущественно вступают в немецком языке, как принимающем языке, взятые из топонимической и апеллятивной сфер деривационные элементы: *-a*, *-au*, *-el*, *-en*, *-ig*, *-is*. В то же время следует указать, что частотны суффиксальные инновации от заимствованных суффиксов *-itz* (с расширениями *-litz*, *-nitz*, *-ritz*, *-titz*, *-witz*), *-in* и *-ow*. Наряду с ними могут выступать в качестве топоформантов уникальные морфемы *-atzsch*, *-lopp*, *-tropp*, *-uln*, которые не являются в топонимической системе немецкого языка продуктивными топонимическими моделями.

На лексико-семантическом уровне (при переходе топонимов из исходного лужицкого языка в принимающий язык – немецкий) наблюдаются процессы их семантической реструктуризации, обусловливающие возникновение семантически нейтральных или семантически маркированных топонимов. Семантически нейтральными, или «пустыми», являются топонимы, которые невозможно соотнести с каким-либо апеллятивом из немецкого языка. Ср. *Dresden* < др.-луж. *dręzg[a]* ‘Wald’, *Lützen* < др.-луж. *Lučno*, *Lučina* ‘Ort, wo Wiesen sind’ [14, s. 82, 175]. Интегрированные из серболужицкого языка топонимы могут быть заново переосмыслены, приобретая тем самым вторичную семантическую мотивированость. Например, *Kummer* < др.-луж. **Komary* или *Kuhschnappel* < **Końčnopoľe* или **Końčne pole* [12, S. 227]; ср. нем. *Kummer* ‘горе, печаль’, *Kuhschnappel* = *Kuh* ‘корова’ + *schnappen* ‘хватать’. Таким образом, возникает топонимическая псевдосемантизация. Указанные образования обычно считают фактом народной этимологии и понимают под этим наполнение новым содержанием лексических единиц чужого языка. Народная этимология часто приводит к появлению курьёзных образований, например, в Бранденбурге название деревни *Kuhbier* (= *Kuh* ‘корова’ + *Bier* ‘пиво’), 1495 г. *Kobyr*, 1524 г. *Feld Kober*, происходит от др.-полаб. **Kober* ‘поле, поросшее лопухами’ [15, S. 23].

В вопросе о роли показаний топонимии в практике исследования немецко-славянских языковых контактов на материале немецко-лужицкого контактирования наибольший интерес представляют три характерные фазы онимической интеграции. Для исследователя возникает при этом ещё одна возможность – учитывать (хотя бы в вероятностном плане) при процессе заимствования имён возможные способы отражения в них фонетических, морфологических и семантических структур, характерных для отдельных периодов развития языка. Вместе с тем можно думать, что анализ по рядоположенным уровням (с системной организацией составляющих соответствующий уровень единиц) может быть недостаточен, так как приходится считаться с фактом полной адаптации заимствованного имени, завершившимся уже до момента письменной фиксации топонима в исторических документах. При объективном отражении истории контактов немецкого народа с конкретным славяноязычным народом, лужицкими сербами, К. Хенгст выделяет следующие фазы онимической интеграции: (1) преконтактную, то есть более раннюю, (2) контактную и (3) постконтактную [12, S. 228-229].

Первая фаза – прелиминарное состояние топонимической системы до массового заимствования др.-луж. топонимов в немецкий язык. Здесь ещё не наблюдается специфический процесс «столкновения» между языками в определённых исторических условиях. Для этого периода характерны спорадичность контактов и узость сферы коммуникации, осуществляемой посредством только устной речи. Этот факт приобретает немаловажное значение в историческом обосновании реконструкции др.-луж. топонимов в бывших лужицкоговорящих областях, локализованных за пределами современного ареала проживания лужицких сербов. При реконструкции западнославянских топонимических типов нельзя обойти молчанием и вопрос о крайней западной периферии праславянского языка и раннего западнославянского. Следует отметить слишком нерешительное вовлечение имён собственных в дискуссию об истории праславянского языка.

Вторая фаза – более тесное соприкосновение со славянскими народами во время освоения восточных земель в XI–XIV веках, что повлекло за собой проникновение в немецкий язык ряда славянских слов, в том числе многих славянских географических названий. В этой фазе славянские имена собственные оформляются в соответствии с новыми для этого периода явлениями в языке, зародившимися большей частью ещё в предшествующую эпоху. Таким образом, происходит заимствование внешней оболочки онима без изменения его значения в направлении «приспособления» к языковым уровням заимствующего языка.

Третья фаза – период бесконтактного по отношению к языку-источнику развития заимствованных имён в принимающем языке. Их дальнейшее развитие целиком обусловлено механизмами принимающего языка. Именно здесь мы можем иметь дело с возобновленными языковыми отношениями между обоими народами. В таких случаях за постконтактной фазой следует вновь контактная фаза, и имеет место, так сказать, «повторное заимствование». Например: ойконим *Nimmschütz* (возле Баутцена) имеет следующую историю: др.-луж. праформа **Gněvotici* впервые передаётся в источниках ок. 1300 г. в форме *Gneutiz* [чит.: gnevtits], в 1459 г. – в форме *Gneweticz*, а в 1768 г. – *Nimmschutz*. Эта последняя форма – результат повторного заимствования более поздней в своём развитии лужицкой формы *Hněwsecy*.

Весьма существенным представляется и то, что именно в контактной фазе интеграционный процесс оперирует комплексами разноуровневых (фонетических, графемных, морфологических, а также морфонологических) признаков-координат, обусловленными определёнными неязыковыми стимулами. Известно, что по преимуществу именно на его начальной стадии получает своё применение понятие *транссумпции*, то есть включения топонима, в которое входит блок взаимосвязанных процессов, характеризующихся единой направленностью звуковых и фонематических изменений. И именно на этой стадии интеграционного процесса мы встречаемся с преобразованиями, происходящими в строгой последовательности от низших уровней к высшим: изменения в принципах организации звуковой и фонематической структуры онима влекут за собой соответствующую трансформацию морфологической и словообразовательной структуры заимствованного онима при его транспозиции от устного употребления к письменному.

Немаловажную роль играет в изучении интеграционного процесса функциональный аспект, связанный с ролью объекта в жизни человека и географическим распространением имени. Сфера употребления имени подчас может носить малозаметный, узколокальный характер или иметь тенденцию выходить за пределы территориальной приуроченности имени. Наблюдается корреляция между степенью известности имени и изменением его формы в принимающем языке. Если употребительность имени высокая, то оно, как правило, реже подвергается различным изменениям, чем имя с низкой частотностью, используемое небольшим коллективом людей и имеющее функционально ограниченную сферу применения. Обычно узколокальны микротопонимы, собственно же топонимы известны за пределами места своего нахождения. Ими называют объекты, в существовании которых люди заинтересованы в большей степени по сравнению с микрообъектами. Отсюда более высокая частотность собственно топонимов в речи и большая стандартность их моделей [16, с. 167]. Эта тенденция прослеживается также в процессе интеграции заимствованных имён и носит универсальный характер. В топонимике, очевидно, действуют два принципа, две противоположные тенденции: тенденция функциональной асимметрии топонимических классов и тенденция равновесия, эквидистантности топонимических моделей. Ср.: с начала XIII века стабильную форму ойконима *Dresden* и контрарный ему в этом отношении топоним *Auritz*, в.-луж. *Wuricy* (деревня около Баутцена): 1419 *Weritz*, 1435 *Auwericz*, *Awricz*, *Awericz*, *Auwirwitcz*, 1496 *Awritz*, диал. *aoɔrds*. В.-луж.: 1800 *Wurizy*, 1843 *Wuricy*, диал. *wuritsə*, *huritsə*. Возможно, от др.-луж. **Uvir(ov)ica* к др.-луж. прилагательному **uviry* ‘кривой, искривленный’, так как деревня лежит на излучине реки. В 1419 г.

начальные *U-/Au-* отпадают. В.-луж. форма топонима восходит к форме *Uricz*[2].

В действительности соотношение между названными аспектами носит более сложный характер, и оно не может быть установлено только за счёт определённой аттрактивной квалификации компонентов заимствованных топонимов. Для этого необходимо, чтобы в процессе транспозиции (преобразования «чужого» имени в «своё») топоним, как коммуникативная единица при языковом контакте, приобрёл бы статус номинативной единицы в лексико-семантической системе принимающего языка, – в противном случае (по крайней мере в славяно-немецких языковых отношениях) реализация «оболочки» топонима исходного языка в принимающем языке останется невыраженной: топоним может исчезнуть, быть переосмыслен или его компоненты могут быть переведены на родной язык.

Первостепенную и наиболее трудоёмкую задачу при установлении немецко-славянских топонимических контактов составляет решение вопроса о том, какая форма является древней, а какая возникла в результате калькирования. В конечном счёте многие лингвисты, касающиеся этого вопроса, исходят из признания того, что по причине поздней фиксации топонимов в письменных документах уже не представляется возможным точно установить язык-источник данного имени. Тем не менее обращает на себя внимание наличие некоторого параллелизма в топонимической номинации. Как у славян, так и у немцев при создании имени для географического объекта могут иметь место одни и те же мотивы номинации. Ср. мотивированные рельефом местности топонимы *Seegeritz* (около Лейпцига) из др.-луж. **Zagorici* ‘люди, живущие за горой’ и близлежащий *Hohen*heide ‘к роще на возвышенности’.

Интересно проанализировать, как в процессе интеграции складываются онимические варианты. Приходится ли иметь дело здесь преимущественно с фактами, находящимися за пределами стандартизированной нормы или на её периферии. Явление топонимической вариативности заключает в себе много нераспознанного и обнаруживается, в частности, при устном и письменном употреблении имён. Вообще процесс варьирования в языке считается закономерным явлением, так как он характеризует языковые единицы различных уровней на разных этапах развития языка и является постоянным признаком языкового развития, что обусловлено как экстралингвистическими, так и внутриязыковыми факторами: с одной стороны, условиями жизни людей, использованием лексики носителями языка, с другой стороны, структурно-семантическими особенностями самих лексических единиц, их взаимодействием в языке и речи, процессами заимствования. Указанные обстоятельства имеют значение не только для диахронии, но и для синхронии. Разумеется, при заимствовании виды варьирования топонимов характеризуются своей спецификой, которая напрямую зависит от способа «передачи» топонимов: славянский топоним мог непосредственно передаваться жителями славянской деревни немецким колонистам, что называется, из уст в уста, с последующей его письменной фиксацией или фиксироваться уже со слов министералов, то есть служивых людей. Возможное объяснение этой вариативности – социолингвистический фактор. Такие варианты могут приводить к повторным заимствованиям.

Обратимся теперь к заимствованию и интеграции немецких топонимов в лужицкие диалекты. В XI–XIII веках на лужицких землях возникают немецкие селения, соответственно имеющие немецкие именования. В местах контактного проживания немцев с лужицкими сербами немецкие названия переводились на лужицкий. Например, *Wittenberg – Beła Hora*, *Magdeburg – Dźěwin*, *Halle – Hala*, *Altenburg – Starohród*, *Merseburg – Miezybor*, *Hof – Dwórc*. Сегодня эти калькированные формы уже мало кому известны. В славянизированной форме ойконима *Dwórc* топонимизация апеллятива осложняется добавлением славянского суффикса *-c*, а в ойкониме *Dźěwin* (нем. *Magd* ‘служанка, батрачка’) немецкое словосложение заменяется славянским суффиксом *-in*. Есть основания также считать, что два современных лужицких топонима *Wótrán* в Верхней Лужице и *Toroń* в Саксонии представляют собой сора-

[2] Historisches Ortsnamenbuch von Sachsen. Bd. 1., A–L. Leipzig: Sächsische Akademie der Wissenschaften zu Leipzig, 2001. S. 30

бизацию немецких топонимов *Ortrand* и *Tharandt*, возникших в процессе адаптации к немецким фонетическим формам как регулярные заимствования [12, S. 240].

В современном лужицком языке названия населённых пунктов, находящихся за пределами проживания лужичан, как правило, передаются в соответствующей официально принятой немецкой форме или в форме другой страны. В качестве примеров назовём *Berlin*, *Flensburg*, *Gotha*, *Greifswald*, *Hamburg*, *Hannover*, *Passau*, *Washington* и т. п. Немецкий Frankfurt дифференцируется лужицкими гидронимами: *Frankfurt nad Wódru* и *Frankfurt nad Mahanom*. Аналогично передаются ойконимы из других славянских стран, например, *Moskwa* (ср. нем. *Moskau*), *Odessa*, *Waršawa* и т. д. [12, S. 243].

ВЫВОДЫ

В ходе предыдущего изложения установлено, что немецко-славянские топонимические контакты в Восточной Германии происходили главным образом в результате исторического процесса интеграции заимствованных форм, адаптируемых на всех языковых уровнях. На фонемно-графемном уровне субституцию лужицких фонем и графем вряд ли требовалось обсуждать особо – здесь соответствия между лужицким и немецким языком тривиальны и, следовательно, нет вопроса о том, какие фонемы должны быть реконструированы в древнелужицком. Древнелужицкие фонемы в немецких топонимах передаются монофункциональными, полифункциональными и гомофункциональными графемами. Однако другие уровни требуют реинтерпретации на основе данных, полученных путём дифференцированного подхода. Частотность топонимических формантов *-itz*, *-in* объясняется законом рядности и отчасти стремлением к аттракции исконных топонимов. Номинативно-семантическим механизмом образования переосмысленных форм является мыслительная идея уникальности, позволяющая избирать языковой знак для географического объекта. Межъязыковые контакты в области топонимии в Восточной Германии были сложными и не носили монолитного характера, поскольку лингвогеографические связи, имевшие место при немецко-лужицком топонимическом взаимодействии, неоднородны по характеру и не отмечались устойчивостью. Одной из перспективных задач в исследованиях подобного направления является сопоставительное исследование славянизированных германских топонимов в восточнославянских языках.

Список литературы

1. *Крюков П.А.* Мотивировка номинации ойконимов историко-географического региона Верхняя Лужица (Германия) // Общественные науки. 2016. № 2-1. С. 429-438.
2. *Крюков П.А.* Мотивировка переименований ойконимов историко-географического региона Верхняя Лужица (Германия) // Общественные науки. 2018. № 1. С. 101-114.
3. *Hutter J.* Slawische Spuren im heutigen Rheinland-Pfalz, Saarland und Baden-Württemberg. Aachen: Patrimonium-Verlag, 2017. 252 S.
4. *Marterior K.* Die slavischen Siedlungen im östlichen Holstein: eine zweisprachige Sprachlandschaft? Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2018. 299 S.
5. Mehrsprachige Sprachlandschaften: das Problem der slavisch-deutschen Mischtoponyme. Akten der Kieler Tagung 16/-18/ Oktober 2014 / hrsg. von K. Marterior und N. Nübler. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag GmbH, 2016. 262 S.
6. *Wenzel W.* Die slawische Frühgeschichte Sachsens im Lichte der Namen. Hamburg: Baar, 2017. 204 S.
7. *Zschieschang Ch.* … ac iuxta unam paludem. Wasser, Siedlung und Grenzen in der deutsch-slavischen Kontaktzone. Ein Beispiel aus der östlichen Niderlausitz // Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. № 111. S. 344-362.
8. *Хенгст К.* Исследования по славянской ономастике в Германии // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16. № 2. С. 269-280.
9. *Bichlmeier H.* Die wichtigsten Suffixe in slawischen Familiennamen und ihre Eindeutschungsergebnisse – ein Überblick // Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2019. № 111. S. 123-152.

10. *Hengst K.* Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend. Wien: Praesens Verlag, 2015. 870 S.
11. *Матвеев А.К.* Ономатология. М.: Наука, 2006. 292 с.
12. *Hengst K.* Forschungsergebnisse zu Integrationsprozessen von Siedlungsnamen aus der Minderheitensprache Sorbisch im sorbisch-deutschen Sprachkontaktraum // Namenkundliche Informationen. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2013. № 101/102. S. 219-249.
13. *Амбросиани П.* Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // Вопросы ономастики. 2008. № 6. С. 83-92.
14. *Berger D.* Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeutung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1993. 296 S.
15. *Koß G.* Namenforschung : eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 2002. 248 S.
16. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. Изд. 4-е. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 368 с.

References

1. Kryukov P.A. Motivirovka nominatsii oykonimov istoriko-geograficheskogo regiona Verkhnyaya Luzhitsa (Germaniya) [The motivation of oikonyms nomination in historical and geographical region upper Lusatia (Germany)]. *Obshchestvennyye nauki – Social Science*, 2016, no. 2-1, pp. 429-438. (In Russian).
2. Kryukov P.A. Motivirovka pereimenovaniy oykonimov istoriko-geograficheskogo regiona Verkhnyaya Luzhitsa (Germaniya) [The motivation of oikonyms renamings in historical and geographical region upper Lusatia (Germany)]. *Obshchestvennyye nauki – Social Science,* 2018, no. 1, pp. 101-114. (In Russian).
3. Hutter J. *Slawische Spuren im heutigen Rheinland-Pfalz, Saarland und Baden-Württemberg*. Aachen, Patrimonium-Verlag Publ., 2017, 252 p. (In German).
4. Marterior K. *Die slavischen Siedlungen im östlichen Holstein: eine zweispra-chige Sprachlandschaft?* Hamburg, Verlag Dr. Kovač Publ., 2018, 299 p. (In German).
5. Marterior K., Nübler N. (eds.). *Mehrsprachige Sprachlandschaften: das Problem der slavisch-deutschen Mischtoponyme. Akten der Kieler Tagung 16/-18/ Oktober 2014.* Leipzig, Leipziger Universitätsverlag GmbH Publ., 2016, 262 p. (In German).
6. Wenzel W. *Die slawische Frühgeschichte Sachsens im Lichte der Namen*. Hamburg, Baar Publ., 2017, 204 p. (In German).
7. Zschieschang C. … ac iuxta unam paludem. Wasser, Siedlung und Grenzen in der deutsch-slavischen Kontaktzone. Ein Beispiel aus der östlichen Niderlausitz. *Namenkundliche Informationen*, Leipzig, Leipziger Universitätsverlag Publ., 2019, no. 111, pp. 344-362. (In German).
8. Khengst K. Issledovaniya po slavyanskoy onomastike v Germanii [Studies in Slavic onomastics in Germany: an overview]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2019, vol. 16, no. 2, pp. 269-280. (In Russian).
9. Bichlmeier H. Die wichtigsten Suffixe in slawischen Familiennamen und ihre Eindeutschungsergebnisse – ein Überblick. *Namenkundliche Informationen*, Leipzig, Leipziger Universitätsverlag Publ., 2019, no. 111, pp. 123-152. (In German).
10. Hengst K. *Sprachkontakte, Sprachstudien und Entlehnungen im östlichen Mitteldeutschland seit einem Jahrtausend*. Wien, Praesens Verlag Publ., 2015, 870 p. (In German).
11. Matveyev A.K. *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 292 p. (In Russian).
12. Hengst K. Forschungsergebnisse zu Integrationsprozessen von Sied-lungsnamen aus der Minderheitensprache Sorbisch im sorbisch-deutschen Sprach-kontaktraum. *Namenkundliche Informationen*, Leipzig, Leipziger Universitätsverlag Publ., 2013, no. 101/102, pp. 219-249. (In German).
13. Ambrosiani P. Parallel'nyye nazvaniya v pribaltiysko-finskoy i russkoy oykonimii Ingermanlandii [Parallel names in the Baltic-Finnish and Russian oikonymy of Ingermanlandia]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2008, no. 6, pp. 83-92. (In Russian).
14. Berger D. *Geographische Namen in Deutschland: Herkunft und Bedeu-tung der Namen von Ländern, Städten, Bergen und Gewässern*. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, Dudenverlag Publ., 1993, 296 p. (In German).
15. Koß G. *Namenforschung : eine Einführung in die Onomastik. 3., aktualisierte Aufl.* Tübingen, Niemeyer Publ., 2002, 248 p. (In German).
16. Superanskaya A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General Theory of Proper Name]. Moscow, LIBROKOM Publishing House, 2012, 368 p. (In Russian).

Информация об авторе

Беляев Андрей Николаевич, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Башкирский государственный аграрный университет, г. Уфа, Российская Федерация, anbelajew@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1784-4704

Вклад в статью: концепция исследования, сбор материала и источников, комплексный лингвистический анализ, написание и оформление текста статьи.

Статья поступила в редакцию 29.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 11.03.2021
Принята к публикации 25.03.2021

Information about the author

Andrei N. Belyaev, Doctor of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russian Federation, anbelajew@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1784-4704

Contribution: study conception, data and source material acquisition, complex linguistic analysis, manuscript drafting and design.

The article was submitted 29.01.2021
Approved after reviewing and revision 11.03.2021
Accepted for publication 25.03.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452

Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Марина Анатольевна ДУБОВА
ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
140410, Российская Федерация, Московская обл., г. Коломна, ул. Зеленая, 30
✉ dubovama@rambler.ru

Аннотация. Проанализирован концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности ребёнка в период его младенчества и в ранние детские годы на лингвистическом материале первой книги автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Таким образом предметом исследования является лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» с ядром и системой периферийных средств. Мыслительная деятельность как компонент характеристики языковой личности занимает важное место в когнитивной лингвистике, поэтому актуальность представленной статьи, состоящая в обращении к феномену языковой личности персонажа художественного произведения, проблеме её типологии и методики описания, не вызывает сомнений. Цель статьи заключается в выявлении и последующем анализе лексических средств репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» и его функционировании в романе на основе статистического, описательного методов и метода концептуального анализа. В выводах обосновано, что мыслительная деятельность ребёнка отражает специфику его возрастного и интеллектуального развития, особенности его окружения, социально-экономические и культурно-исторические условия, в которых он растёт, связана с коммуникативными стратегиями его языковой личности. Материалы статьи могут найти практическое применение в вузовских курсах по текстологии, когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу текста.

Ключевые слова: мыслительная деятельность, языковая личность, концепт, ребёнок, концептуальный анализ, память, лексическая репрезентация

Для цитирования: *Дубова М.А.* Концепт «Мыслительная деятельность» как компонент языковой личности героя в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 444-452. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452 OPEN ACCESS

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-444-452

The concept of “Mental activity” as a component of the hero's linguistic personality in the novel by I.A. Bunin’s “Life of Arseniev”

Marina A. DUBOVA
State Social and Humanitarian University
30 Green St., Kolomna 140410, Moscow Region, Russian Federation
✉ dubovama@rambler.ru

Abstract. The work analyzes the concept of “Mental activity” as a component of the linguistic personality of a child during his infancy and early childhood on the linguistic material of the first book of the autobiographical novel by I.A. Bunin’s “Life of Arseniev”. Thus, the subject of the research is the linguo-cognitive model of the concept of “Mental activity” with a core and a system of peripheral means. Cognitive activity as a component of the characteristics of a linguistic personality occupies an important place in cognitive linguistics. Thus, the relevance of the presented article lies in the appeal to the phenomenon of the linguistic personality of the character of a work of art, the problem of its typology and method of description. The purpose of the article is to identify and then analyze the lexical means of representing the concept of “Mental activity” and its functioning in the novel based on statistical, descriptive methods and the method of conceptual analysis. In the conclusions reached by the author of the article, it is substantiated that the mental activity of a child reflects the specifics of his age and intellectual development, the characteristics of his environment, the socio-economic and cultural-historical conditions in which he grows up, is associated with the communicative strategies of his linguistic personality. The materials of the article can find practical application in university courses on textual criticism, cognitive linguistics, and linguistic text analysis.

Keywords: mental activity, linguistic personality, concept, child, conceptual analysis, memory, lexical representation

For citation: Dubova M.A. Kontsept «Myslitel’naya deyatel’nost’» kak komponent yazykovoy lichnosti geroya v romane I.A. Bunina «Zhizn’ Arsen’yeva» [The concept of “Mental activity” as a component of the hero's linguistic personality in the novel by I.A. Bunin’s “Life of Arseniev”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 444-452. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-444-452 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

Не вызывает сомнений тот факт, что язык «функционирует в личностном универсуме, или лингвоперсонологическом пространстве» [1, с. 35], что, в свою очередь, актуализирует «изучение человеческого разума, мышления и ментальных процессов и состояний, которые с ними связаны» [2, с. 6]. Язык, по сути, является основным средством выражения знаний человека о мире, вследствие чего когнитивный мир человека изучается «по его поведению и деятельности, протекающих при активном участии языка, который образует речемыслительную основу любой человеческой деятельности» [2, с. 8]. Одним словом, в результате действия когнитивных механизмов формируются представления человека о мире, составляющие основу концепта как некой ментальной сущности, «оперативной единицы памяти ментального лексикона, концептуальной системы мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [3, с. 43]. Иначе говоря, актуализация изучения языка и языковых единиц сквозь призму антропологической парадигмы, являющаяся отличительной чертой современного научного знания, значительно

расширяет диапазоны лингвистической науки, в частности, когнитивной лингвистики [4–6]. Таким образом, обращение к феномену языковой личности героя автобиографического романа И.А. Бунина и методике её описания с учётом антропологической направленности современной лингвистики и определяет в целом **актуальность** предпринятого исследования, **объектом** которого выступает «персонаж художественного текста как виртуальная языковая личность» [7, с. 5]. **Предметом** же научно-исследовательского интереса является лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» как компонент характеристики языковой личности ребёнка. Обозначенная исследовательская **цель** реализуется в ряде задач, состоящих в выявлении и анализе лексических средств репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» и особенностей его функционирования в первой книге автобиографического романа И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927–1933 гг.), в котором «автор сообщает о собственном внутреннем формировании» [8, с. 128], на основе анализа персонажной и неперсонажной субъектных речевых сфер. Не вызывает сомнений утверждение М.В. Михайловой о том, что «Жизнь Арсеньева» – это роман, «раскрывающий этапы созревания души творческого человека, вернее, этапы формирования творческого отношения к жизни в целом… «феноменологический роман», то есть такой, где речь идёт об отношении автора к жизни как стихийному потоку (феномену), где важна случайность и непреднамеренность происходящего, где есть попытка возвращения к утраченному и сокрытому смыслу бытия» [9, с. 42-43].

Таким образом, анализируя концепт «Мыслительная деятельность» с позиций моделирования языковой личности Алёши Арсеньева, мы исходим из понимания того, что в центре романного повествования находится «судьба юноши, существующего и формирующегося в обстоятельствах русской порубежной реальности конца XIX – начала XX века» [10, с. 24] со всеми вытекающими отсюда последствиями. Сразу отметим, что под языковой личностью нами будет пониматься «любой конкретный носитель того или иного языка-культуры, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных строевых средств данного языка для отражения видения и оценки им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» [11, с. 671].

Как известно, мыслительная деятельность является важным компонентом в характеристике языковой личности персонажа, поскольку именно мышление и память позволяют фиксировать и сохранять знания человека о мире, оценивать происходящие события на основе сложившейся системы ценностей. Наконец, мыслительный процесс отражает мировосприятие человека как фрагмент его языковой картины мира. Более того, концепт «Мыслительная деятельность» участвует в организации таких уровней языковой личности, как тезаурус и прагматикон, что, в свою очередь, и определяет наш исследовательский интерес к выявлению и осмыслению «прагматических установок, которые определяют мировоззренческие основы и коммуникативные стратегии языковой личности» [7, с. 14].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В романе представлена лингвокогнитивная модель концепта «Мыслительная деятельность» с ядром и системой периферийных средств. Отсюда возникает набор лексически неоднородных средств, его реализующих. Репрезентативная структура концепта «Мыслительная деятельность» преимущественно представлена такими лексико-семантическими средствами, как глаголы и глагольные выражения со значением интеллектуальной деятельности.

Ядро концепта составляет глагол «думать», встречающийся в тексте первой книги романа 12 раз в различных грамматических формах и употребляемый в первом словарном значении – «направлять мысли на кого-что-н., размышлять» [12, с. 156]. Примечательно, что глагольная лексема «думать» впервые появляется только в 10 главе первой книги, реализуя уже вполне осознанный, а не, как это было в первых главах, подсознательно ощущаемый, чувственный взгляд подросшего и получившего определённый

жизненный опыт героя, познавшего даже таинство смерти. В сознании Алёши уже сформировалось некое представление о Боге, а также связанных с ним категориях жизни и смерти, их взаимообусловленности и взаимоопределяемости. На уровне своего детского мышления герой очень чётко осознал, что смерть, равно как и жизнь, связана с ним, с Богом. Подтвердим сказанное примерами из текста: *Когда и как приобрёл я веру в Бога, понятие о нём?.. **Думаю**, что вместе с понятием о смерти* [13, с. 43]; *…**думая** и боясь, как бы и впрямь не оказалась эта ночь нашей последней ночью на земле* [13, с. 44]; ***Думал** так и я и всегда ложился в постель с тяжёлым сердцем перед могущим быть в эту роковую ночь Страшным судом* [13, с. 44]; *...и всё, о чём бы я ни **думал**, что бы я ни видел, связывалось у меня с Сенькой* [13, с. 44]; *…а я глядел и **думал**, для чего это?* [13, с. 51]; ***Думаю**, что и я когда-то принадлежал (к рыцарству)* [13, с. 51]; *Я уже **думал**: «А может, бог даст, я ещё не выдержу!»* [13, с. 62]; *Что я **думал,** если это только были **думы**? Я **думал**, конечно, о гимназии, об удивительных людях, которых я видел в ней… Я **думал** о стригуне, которого я видел в бороне на пашне. Я смутно **думал** так: вот как всё обманчиво на свете…* [13, с. 67]. Анализируя перечисленные контексты, прокомментируем, о чём же думает маленький герой? На что направлен его мыслительный процесс? В первую очередь, объектами его мыслительной деятельности, конечно, становятся ежедневные впечатления, которые расширяют пространственно-временные границы мира Алёши и пополняют его жизненный опыт: стригун, встреченный на пашне, гимназия, в которой предстоит учиться, и т. д. Но не это главное. В основном все мысли героя сосредоточены вокруг до конца не осознаваемого им в силу своего возраста понятия «вера в Бога». Сквозь его призму он пытается осмыслить многие происходящие в его жизни события, в частности, оставившую неизгладимый след в его памяти смерть Сеньки, затем Наденьки, пытаясь в силу своего возраста сформулировать некие философско-религиозные универсалии жизни: почему смерть забирает детей в раннем возрасте, даёт ли вера в Бога душевное равновесие и т. д.

Другие лексические единицы располагаются на разном расстоянии от ядра, что обусловлено их семантической близостью к общему значению поля. Это и объясняет тот факт, что границы между ядром, центром и периферией весьма условны.

Лексическими средствами вербализации концепта «Мыслительная деятельность» выступают такие группы глаголов, как:

1) *помнить (не помнить)* (23) и его лексические дериваты *вспоминать* (9), *запомнить,* (4), *напомнить* (1) в разных грамматических формах с общим лексическим значением глаголов «помнить» – «сохранять, удерживать в памяти» [12, с. 483] и «вспомнить» – «возобновить в своей памяти» [12, с. 91]. Лексемы со значением памяти активно включаются автором в текстовые фрагменты, репрезентирующие внутреннюю речь героя: *…**помнить** и блюсти свою кровь* [13, с. 28]; *Я **помню** большую, освещённую предосенним солнцем комнату…* [13, с. 28]; ***Помню** до сих пор, как я томился, стоя среди двора* [13, с. 30]; ***Помню**, что ехали мы целую вечность* [13, с. 30]; *Как въехали мы в город, **не помню**. Зато как **помню** городское утро!* [13, с. 31]; ***Помню** солнце пекло всё горячее траву и каменное корыто на дворе, воздух всё тяжелел…* [13, с. 37]; *Много ли таких дней **помню** я? Очень мало* [13, с. 41]; *Полдень **помню** такой: жаркое солнце, волнующие кухонные запахи* [13, с. 41]; ***Помню** поездки к обедне, в Рождество* [13, с. 41]; *Я **помню** весёлые обеденные часы нашего дома* [13, с. 42]; ***Помню**, как сладко спала вся усадьба в долгое послеобеденное время…* [13, с. 42]; ***Помню** вечерние прогулки с братьями* [13, с. 42]; ***Помню** какую-то дивную лунную ночь* [13, с. 42]; ***Помню** страшные слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь «мёртвое тело»* [13, с. 43]; ***Помню:** однажды вбежав в спальню матери, я вдруг увидал себя в небольшое трюмо* [13, с. 46]; *…**помнится**, загар мальчика в зеркале был бледный…* [13, с. 46]; *…появился у нас снова* [Баскаков], *– когда именно, **не помню**, но появился* [13, с. 47]; ***Помню**, двор был пуст, в доме почему-то было тоже пусто…* [13, с. 49]; ***Помню** особенно две* [книги] [13, с. 53]; *Ах, как **помню** я эти минуты!* [13, с. 58]; ***Помню**: однажды осенней ночью я почему-то проснулся* [13, с. 34]; *Но я уже знал, **пом-***

нил**, что я не один в мире* [13, с. 34]; *Мы знаем, что **помним [13, с. 32]; *Младенчество своё я **вспоминаю** с печалью* [13, с. 28]; *…мы, с трудом **вспоминающие** порой даже вчерашний день!* [13, с. 32]; *…в детской душе остаётся больше всего яркое, солнечное, и поэтому мне теперь **вспоминается**, кроме этой осенней ночи, всего две–три тёмные картины* [13, с. 34]; ***Вспоминая** сказки, слышанные и читанные в детстве, до сих пор чувствую, что самыми пленительными были в них слова о неизвестном и необычном* [13, с. 39]; *Эту лиловую синеву, сквозящую в ветвях и листве, я и, умирая, **вспомню*** [13, с. 49]; *Но нет-нет, **вспоминалась** и Сашка, к которой я однажды… испытал что-то особенно сладостное и томящее* [13, с. 51]; ***Вспомнил** я всё, что я видел, чем жил когда-то в своих прежних, незапамятных существованиях* [13, с. 53]; *…всё это именно так, как я впервые **вспомнил** тридцать лет тому назад* [13, с. 53]; *Это слово* [серафическим] *часто **вспоминалось** мне, и я смутно чувствовал то жуткое, чарующее и вместе с тем неприятное, что заключалось в нём* [13, с. 62]; *…кучер сказал на весь век з**апомнившееся** мне слово: «В аккурат сапожки!»* [13, с. 31]; *Однако я сперва не з**апоминал** их – в детской душе остаётся больше всего яркое, солнечное…* [13, с. 34]; *Много раз, конечно, видал я себя в зеркале и раньше и не **запоминал** этого, не обращал на это внимание* [13, с. 46]; *К одному я был холоден и забывчив, другое ловил с восторгом, со страстью, навсегда **запоминая**…* [13, с. 55]; *Этот запах стал даже навсегда дорогим мне, **напоминающим** ту странную зиму* [13, с. 60].

Эта лексическая группа самая обширная, что вполне понятно, если обратиться к жанровой природе произведения – автобиографический роман. Исходя из специфики жанра, не вызывает никаких вопросов важная роль категории памяти, раскрывающей мыслительный процесс героя, встроенный в формат воспоминаний о прошлом. В этом и состоит своеобразие языковой личности Алёши Арсеньева, в которой соединились в единое целое мысли ребёнка – героя романа и воспоминания о детстве и отрочестве, сопровождающиеся самоанализом и самооценкой, уже взрослого автора, создавшего этот роман, имеющего за плечами большой жизненный опыт, пережившего разочарование в детских и отроческих мечтах.

«Память», «выступая компонентом нашего сознания и наших знаний о мире» [2, с. 33], принадлежит к числу универсальных концептов, формирующих модель мира в каждой культуре. В силу этого ей присущи как общие, универсальные черты, так и индивидуальные, определяющиеся спецификой национального менталитета. В семантике этой лексемы – «способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений» [12, с. 480] – уже заложена её важная роль в формировании национальной самоидентичности. Именно эти черты памяти реализуются в тексте романа «Жизнь Арсеньева» применительно к образу главного героя, в рамках его мыслительного процесса: *Почему именно в этот день и час… и по такому пустому поводу впервые в жизни вспыхнуло моё сознание столь ярко, что явилась возможность уже действиям **памяти*** [13, с. 28]; *Почему же остались в моей **памяти** только минуты полного одиночества?* [13, с. 29]; *Детство стало понемногу связывать меня с жизнью, – теперь в моей **памяти** уже мелькают некоторые лица… некоторые события* [13, с. 30]; *Утро, которое представляется мне теперь, складывается из отрывочных, разрозненных картин, мелькающих в моей **памяти*** [13, с. 41].

Уже заглавие произведения «ориентирует читателя на уровень философского обобщения, на размышления о человеческой жизни. Таким образом, в центре авторского внимания находится мыслительная деятельность ребёнка, напрямую связанная со способностью человека помнить, то есть воспроизводить в памяти прошедшие события» [14, с. 32].

Итак, в первую очередь концепт «память» раскрывается как компонент мыслительного дискурса и мироощущения главного героя. Именно он выступает в романе «носителем определённой концептуальной системы» [2, с. 41]. В этой системе органично соединены разнообразные концепты как «суть ментальные сущности» [2, с. 41]. Как известно, в каждом концепте сведены в единое целое и объединены наиболее важные для человека знания о мире, в силу чего система концептов в итоге образует картину мира челове-

ка, его мировидение или мироощущение – «отношение человека к окружающей действительности, обнаруживающееся в его настроениях, чувствах, действиях» [12, с. 304].

Что же хранит память героя, какие детали прошлого не отпускают его? В эту группу входят отглагольные существительные *воспоминание* (3) – «мыслительное воспроизведение чего-н., сохранившегося в памяти» [12, с. 85] и *запоминание* (1) – «сохранение в памяти чего-н.» [12, с. 187]: *Самое первое* ***воспоминание*** *моё есть нечто ничтожное, вызывающее недоумение* [13, с. 28]; *Дальнейшие мои* ***воспоминания*** *о моих первых годах на земле более обыденны и точны, хотя всё также скудны, случайны, разрозненны* [13, с. 32]; *...всегда радует человека перемена обстановки, связанная с надеждой на что-то хорошее или, может быть, просто с бессознательными* ***воспоминаньями*** *давнего былого, кочевых времён* [13, с. 61]; *Преимущественное* ***запоминание*** *только одних счастливых часов приблизительно с тех пор кончилось* [13, с. 46].

2) Следующую группу лексических единиц, вербализующих концепт «Мыслительная деятельность», представляют глаголы *знать/не знать* (12), *узнать* (4), *познать* (1) с общим лексическим значением глагола «знать» – «иметь сведения о ком-чём-нибудь; обладать какими-нибудь познаниями; иметь о ком-чём-нибудь понятие, представление» [12, с. 201]: *Что мы вообще* ***знаем****! Я* ***знаю*** *только то, что в гербовнике род наш отнесён к тем, «происхождение коих теряется во мраке времён».* ***Знаю****, что род наш «знатный, хотя и захудалый»...* [13, с. 27]; *А я уже и тогда* ***знал*** *всё это* [13, с. 29]; *Мы* ***знаем****, что помним* [13, с. 32]; *Я уже* ***знал,*** *что мы стали бедные…* [13, с. 42]; *…****знал****, что задонское именье уже «затрещало»* [13, с. 42]; *Значит, я их уже* ***знал*** *(слова о смерти) когда-то?* [13, с. 43]; *…и я уже* ***знал*** *и даже порой со страхом чувствовал, что на земле все должны умереть* [13, с. 44]; *Не* ***знаю*** *точно, когда, в какое время года это случилось, и сколько мне было тогда лет* [13, с. 46]; *А более точно* ***знаю*** *только то, что мальчик мне понравился…* [13, с. 46]; *И я* ***знаю,*** *что я прежде к нему* [рыцарству] *принадлежал* [13, с. 51]; *Я стал интересоваться им и вот уже кое-что* ***узнал*** *о нём: то, что он никогда ничего не делает* [13, с. 32]; *А затем постепенно смелея, мы* ***узнали*** *скотный двор, конюшню, каретный сарай, гумно...* [13, с. 37]; *Я вскоре после того* ***узнал*** *одного замечательного в своём роде человека* [Баскакова] [13, с. 46]; *Смерть Нади, первая, которую я видел воочию, надолго лишила меня чувства жизни – жизни, которую я только что* ***узнал*** [13, с. 59]; *И вот я расту,* ***познаю*** *мир и жизнь в этом глухом и всё же прекрасном краю* [13, с. 35].

В эту же семантическую группу входит отглагольное существительное *знание* (2) – «совокупность сведений, познаний в какой-н. области» [12, с. 201]: *Слишком скудно* ***знание,*** *приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь, – есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся* [13, с. 32]; *Сам угадал при помощи своего собственного* ***знания,*** *особенную, жуткую душу его* [13, с. 32].

Примечательно, что сам герой уже в детском возрасте осознаёт недостаточность знаний, получаемых человеком за всю его жизнь.

В частности, особенностями детского мышления и мировосприятия объясняется множество возникающих в его сознании вопросов, не понятных ему фактов и событий, которые вводятся в текст путём включения лексемы «**неизвестный**» и её корневых дериватов – «такой, о котором не знают, нет сведений, который не определён, не изучен» [12, с. 346], которая, кстати, также начинает встречаться в тексте по мере взросления Алёши, то есть, когда он уже задумывается над многими происходящими в его жизни и жизни окружающих ему людей событиями и явлениями (начиная с 13 главы 1-й книги), что опять же свидетельствует о его взрослении и, как следствие, расширении кругозора и глубине мыслительных операций: *Впрочем, ведь и всё в мире было бесцельно,* ***неизвестно*** *зачем существовало, и я уже чувствовал это* [13, с. 50]; *…****неизвестно*** *зачем, уже восемьдесят лет жила в своей старосветской усадьбе… бабушка* [13, с. 51]. Таким образом, мы видим, что факты, которые остаются за пределами понимания мальчика, невольно притягивают его внимание и вызывают настойчивое желание постичь их суть, касается ли это долгой бабушкиной жизни или вооб-

ще смысла человеческого существования. Более того, автор на примере мыслительного процесса Алёши Арсеньева утверждает, что «*мы должны* ***знать****, что всё в этом* ***непостижимом*** *для нас мире должно иметь какой-то смысл, какое-то высокое Божье намерение*» [9, с. 43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, лексический анализ концепта «Мыслительная деятельность» с позиций моделирования языковой личности главного героя автобиографического романа И.А. Бунина Алёши Арсеньева показал, что особенности репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» персонажа напрямую определяются вписанностью его в конкретную историко-культурную действительность, сквозь призму которой и представляется возможным постижение его личности и «комплекса её характеристик (отношение к действительности, к людям, эмоциональный и оценочный статус, интересы)» [14, с. 430].

Реконструкция обозначенной концептом «Мыслительная деятельность» понятийной сферы даёт возможность представить важную сторону ментальных процессов Алёши Арсеньева – его понимание собственного интеллектуального развития, осуществляемого путём расширения его знаний о мире и осознания своего места в нём. Благодаря мыслительным процессам, его кругозор и мировосприятие расширяются: «*первым воспоминанием была освещённая солнцем комната*» [13, с. 29], потом дом, Выселки, город. Он изучает окружающие его предметы, события, участником которых становится, людей, с которыми встречается, чтобы сформировать своё мнение о них, и тем самым получает первый жизненный опыт. Так постепенно возникновение различных мысле-образов в сознании Алёши приводит к появлению в его лексиконе номинаций, репрезентирующих мыслительные действия героя в виде глагольных языковых единиц, в которых выражаются его мысли относительно воображаемых картин.

Текст романа предоставляет нам возможность сделать вывод о том, что мыслительная деятельность персонажа проходит довольно активно. Специфику её составляет постоянное обращение к мыслям «*о поднебесном просторе, о близости с Богом и белокрылыми ангелами*» [13, с. 29]. Отсюда преобладающими характеристиками коммуникативных стратегий языковой личности Алёши в первой книге романа становится одиночество и связанные с ним печаль и тоска. Герой пока не торопится пускать кого-то в своё пространство, где ему комфортно. Лексическими репрезентантами данной стратегии выступают следующие единицы: *младенчество своё я вспоминаю* ***с печалью*** [13, с. 28]. *Почему же остались в моей памяти только минуты* ***полного одиночества*** [13, с. 29], *…вижу я себя в доме… и опять* ***в одиночестве*** [13, с. 30]; *смешение глубочайшей* ***тоски, скорби*** [13, с. 32] и под.

Кроме того, содержание концепта «Мыслительная деятельность» обогащается понятийной категорией, связанной с религиозной сферой, особенно в первые годы жизни ребёнка, когда приход в земной мир он оценивает как утерянную связь с Богом.

Таким образом, проведённый анализ концепта «Мыслительная деятельность» позволяет нам сформировать представление о его лингвокогнитивной модели строения, имеющей полевую структуру. Нами была установлена и описана система объективирующих его языковых средств. Основное внимание мы уделили репрезентации глаголов интеллектуальной деятельности в текстовом материале первой книги романа «Жизнь Арсеньева», воссоздающей период младенчества и перехода к отрочеству взрослеющего персонажа. В заключении подчеркнём, что средства репрезентации концепта «Мыслительная деятельность» позволяют наблюдать особенности проявления индивидуального сознания личности ребёнка.

Список литературы

1. *Мельник Н.В.* Текстовое моделирование языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, проектирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.
2. *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2011. 296 с.

3. *Кубрякова Е.С.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.
4. Когнитивные исследования языка. Вып. 27: Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике: сб. науч. тр. / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. Москва: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 779 с.
5. *Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.
6. *Ворожбитова А.А.* Теория текста: антропоцентрическое направление. М.: Высш. шк., 2005. 367 с.
7. *Родина Ю.Д.* Языковая личность персонажа в автобиографической прозе А. Белого (на материале романа «Котик Летаев»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Елец, 2020. 17 с.
8. *Николаев П.А.* Бунин // Русские писатели: Библиогр. слов.: в 2 ч. Ч. 1. А–Л / редкол.: Б.Ф. Егоров и др.; ред.-сост. П.А. Николаев. М.: Просвещение, 1990. С. 125-128.
9. *Михайлова М.В.* И.А. Бунин // Русская литература XIX–XX веков: в 2 т. Т. 2: Русская литература XX века. Литературоведческий словарь / сост. и науч. ред. Б.С. Бугров, М.С. Голубков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 38-92.
10. *Роговер Е.С.* Русская литература XX века. Санкт-Петербург: САГА; Москва: ФОРУМ, 2004. 493 с.
11. *Караулов Ю.Н.* Языковая личность // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 1997. С. 671-672.
12. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
13. *Бунин И.А.* Жизнь Арсеньева: Роман. Тёмные аллеи: Рассказы / вступ. ст. и примеч. О. Михайлова. М.: Литература: Мир книги, 2005. 496 с.
14. *Дубова М.А., Ларина Н.А.* Языковая личность героя в рассказе В. Брюсова «В башне» // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 429-430.

References

1. Melnik N.V. Tekstovoye modelirovaniye yazykovoy lichnosti [Text modeling of linguistic personality]. *Yazykovaya lichnost': modelirovaniye, tipologiya, proyektirovaniye. Sibirskaya lingvopersonologiya. Ch. 1* [Linguistic Personality: Modeling, Typology, Design. Siberian Linguopersonology. Pt 1]. Moscow, LENAND Publ., 2014, 640 p. (In Russian).
2. Maslova V.A. *Vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku* [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011, 296 p. (In Russian).
3. Kubryakova E.S. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, 1996, 245 p. (In Russian).
4. Demyankov V.Z. (executive ed.). *Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Vyp. 27: Antropotsentricheskiy podkhod v kognitivnoy lingvistike: sbornik nauchnykh trudov* [Cognitive Studies of Language. Issue 27: Anthropocentric Approach in Cognitive Linguistics: Collection of Scientific Works]. Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences Publ., Tambov, Publishing House of Derzhavin State University, 2016, 779 p. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. Antropotsentricheskaya sushchnost' yazyka v ego funktsiyakh, edinitsakh i kategoriyakh [Antropocentric nature of language in its functions, units, and categories]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2015, no. 1 (42), pp. 5-12. (In Russian).
6. Vorozhbitova A.A. *Teoriya teksta: antropotsentricheskoye napravleniye* [Text Theory: Anthropocentric Direction]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 367 p. (In Russian).
7. Rodina Y.D. *Yazykovaya lichnost' personazha v avtobiograficheskoy proze A. Belogo (na materiale romana «Kotik Letayev»): avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [The Linguistic Personality of the Character in the Autobiographical Prose of A. Bely (Based On the Novel "Kitty Letaev"). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Elets, 2020, 17 p. (In Russian).
8. Nikolayev P.A. Bunin [Bunin]. *Russkiye pisateli: Bibliograficheskiy slovar': v 2 ch. Ch. 1. A–L* [Russian Writers: Bibliographic Dictionary: in 2 pt. Pt 1. A–L]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1990, pp. 125-128. (In Russian).
9. Mikhaylova M.V. I.A. Bunin [I.A. Bunin]. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: v 2 t. T. 2: Russkaya literatura XX veka. Literaturovedcheskiy slovar'* [Russian Literature of the 19th–20th Centuries: in 2 vols. Vol. 2: Russian Literature of the 20th Century. Literary Dictionary]. Moscow, Moscow State University Publ., 2010, pp. 38-92. (In Russian).
10. Rogover E.S. *Russkaya literatura XX veka* [Russian Literature of the 20th Century]. St. Petersburg, SAGA Publ., Moscow, FORUM Publ., 2004, 493 p. (In Russian).

11. Karaulov Y.N. Yazykovaya lichnost' [Linguistic personality]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., Drofa Publ., 1997, pp. 671-672. (In Russian).
12. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russian Language Publ., 1986, 797 p. (In Russian).
13. Bunin I.A. *Zhizn' Arsen'yeva: Roman. Temnyye allei: Rasskazy* [Arseniev's Life: A Novel. Dark Alleys: Tales]. Moscow, Literatura Publ., Mir knigi Publ., 2005, 496 p. (In Russian).
14. Dubova M.A., Larina N.A. Yazykovaya lichnost' geroya v rasskaze V. Bryusova «V bashne» [Language personality of a character in the story "In the Tower" by V. Bryusov]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 5 (84), p. 429-430. (In Russian).

Информация об авторе

Дубова Марина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Государственный социально-гуманитарный университет, г. Коломна, Московская область, Российская Федерация, dubovama@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6906-1002

Вклад в статью: анализ концепта «Мыслительная деятельность» как компонента языковой личности персонажа вносит существенный вклад в организацию тезауруса и прагматикона конкретной языковой личности, в выявление и осмысление прагматических установок, определяющих мировоззренческие основы и коммуникативные стратегии языковой личности.

Статья поступила в редакцию 20.02.2021
Одобрена после рецензирования 19.03.2021
Принята к публикации 25.03.2021

Information about the author

Marina A. Dubova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian Language and Literature Department, State Social and Humanitarian University, Kolomna, Moscow Region, Russian Federation, dubovama@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-6906-1002

Contribution: analysis of the concept "Mental activity" as a component of a character's linguistic personality makes a significant contribution to the organization of the thesaurus and pragmaticon of a particular linguistic personality, to the identification and comprehension of pragmatic attitudes that determine the ideological foundations and communicative strategies of a linguistic personality.

The article was submitted 20.02.2021
Approved after reviewing 19.03.2021
Accepted for publication 25.03.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81.25+81.42:811.581
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-453-459

Особенности перевода статей СМИ о COVID-19 на китайском языке в лингвопрагматическом аспекте

Евгений Викторович ГОРОБЦОВ[1], Пётр Джонович МИТЧЕЛЛ[1,2] ✉
[1]Национальный исследовательский Томский государственный университет
634050, Российская Федерация, г. Томск, ул. Ленина, 36
[2]ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ peter_mitchell@mail.ru

Аннотация. В эру информации язык СМИ приобретает особое значение. Его непрерывное развитие связано в первую очередь с эволюцией технологий передачи информации, которые обеспечивают языку СМИ особую роль модели национального языка в информационном пространстве. Язык СМИ оказывает влияние на нормы языка, вкусы и предпочтения носителей языка в большей степени, чем официальная, научная или художественная речь. Изучение текстов СМИ как результата речи, погружённой в определённый социальный контекст, может помочь наиболее детально рассмотреть основные принципы внутреннего устройства определённых сфер жизни. Это, наряду с рассмотрением лингвопрагматических особенностей перевода статей СМИ, может стать основой для проведения дальнейших лингвистических исследований, а также приобретает особую актуальность в свете глобального чрезвычайного положения, вызванного пандемией COVID-19. На материале текстов СМИ о COVID-19 на китайском языке рассмотрены особенности перевода текстов СМИ в лингвистическом и прагматическом аспектах. Путём анализа данных статей предложены данные о структуре и особенностях текстов СМИ и языка СМИ, которые могут помочь глубже вникнуть в специфику средств массовой информации и перевода текстов СМИ; проведён анализ перевода статей СМИ с китайского языка на русский.

Ключевые слова: лингвопрагматика, язык СМИ, особенности перевода

Для цитирования: *Горобцов Е.В., Митчелл П.Д.* Особенности перевода статей СМИ о COVID-19 на китайском языке в лингвопрагматическом аспекте // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 453-459. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-453-459

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-453-459

Translation features of media articles about COVID-19 in Chinese in the linguo-pragmatic aspect

Evgeny V. GOROBTSOV[1], Petr J. MITCHELL[1,2] ✉
[1]National Research Tomsk State University
36 Lenin St., Tomsk 634050, Russian Federation
[2]Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ peter_mitchell@mail.ru

Abstract. In the age of information, media language takes on special importance. Its continuous development is linked primarily to the evolution of information transfer technologies, which provide media language a special role as a model of national language in the information space. Media speech influences language norms, tastes and preferences of native speakers more than official, academic or artistic speech. The study of media texts as a result of speech immersed in a specific social context may help to examine in greater detail the basic principles of certain spheres of life. This, in addition to considering the translation of media articles and its linguistic and pragmatic features, can form the basis for further linguistic research, and additionally is especially relevant in light of the global emergency caused by the COVID-19 pandemic. In this work the linguistic and pragmatic translation features of media texts were considered on the basis of media texts on COVID-19 in Chinese. By analyzing these articles, data on the structure and characteristics of media texts and media language are proposed, which can help to delve deeper into the specifics of media language and the translation of media texts; analysis of the translation of media articles from Chinese into Russian is also conducted.

Keywords: linguo-pragmatics, media language, translation features

For citation: Gorobtsov E.V., Mitchell P.J. Osobennosti perevoda statey SMI o COVID-19 na kitayskom yazyke v lingvopragmaticheskom aspekte [Translation features of media articles about COVID-19 in Chinese in the linguo-pragmatic aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 453-459. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-453-459 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Язык средств массовой информации (СМИ) – одна из наиболее влиятельных сфер современного языка. Воздействующая роль языка СМИ со временем только возрастает. Массовая коммуникация влияет на литературный язык в степени, значительно превосходящей научную, художественную и официальную речь. Язык СМИ обладает многообразными средствами информирования и воздействия на широкую аудиторию, находясь, по существу, в центре национального языка. Массовость аудитории как главная отличительная черта языка СМИ позволяет объединить в одном понятии язык газет и журналов, телевизионную и радиоречь. Все они обладают стилевой спецификой, но в то же время имеют схожие языковые особенности. Общедоступность, актуальность, массовость и другие общие черты определяют особую роль средств массовой информации в обществе, а также в формировании стилистических норм языка [1].

Язык СМИ является важнейшей составной частью литературного языка. В него входят выступления политических лидеров, передачи на телевидении и радио, материалы и статьи в газетах и журналах. В отличие от других стилевых образований язык СМИ – это, как правило, общедоступная и общеупотребительная лексика, с помощью которой можно воздействовать на массы, на ли-

тературный язык. В языке СМИ заключён большой прагматический потенциал.

Деятельность по реализации прагматического содержания текста начинается с моделирования смыслов избранных ключевых элементов отображаемой действительности. Прагматическое отношение «человек – знак» состоит в самом моменте выбора автором того или иного смыслового элемента, на этапе выражения превращающегося в знак, а прагматическое отношение «знак – человек» действует на этапе восприятия содержания текста реципиентом. Таким образом, прагматическое содержание – это содержание, получающее в процессе создания текста особые качества: а) целенаправленности, в соответствии с прагматической ситуацией текста; б) продуманности, в развёрнутой системе отбора и выбора элементов, осуществляемого автором; в) эффективности, оптимальной организации речевых средств для достижения комплекса целей автора.

Деятельность по реализации прагматического содержания должна быть методически структурирована, чтобы автор имел больше возможностей выбора, чтобы на каждую позицию смыслового содержания текста претендовало несколько смыслов [2].

Для передачи прагматического элемента переводчику необходимо обладать рядом данных о том, что представляет собой ресурс, опубликовавший статью, так как эти сведения несут в себе информацию об основных прагматических интенсификаторах, использующихся авторами: комических отступлениях, использовании восклицательных и вопросительных знаков, выражении собственного, авторского мнения, предложения решений обозначенных проблем, высокой оценочности, ссылок на научное исследование, тяготения к разговорному стилю и т. п. Всё это является информацией, которую переводчик находит и анализирует при проведении предпереводческого анализа. В дополнение к этому, особенно важно осознавать идеологическую и прагматическую направленность статьи или ресурса и использовать сообразные переводческие приёмы не только для передачи смысла статьи, но и для усиления её прагматического воздействия на читателя путём умеренного использования более ярких, выразительных оборотов речи.

Для рассмотрения особенностей перевода статей СМИ о COVID-19 на китайском языке в лингвопрагматическом аспекте возьмём конкретный текст СМИ “迈克尔·布隆伯格和谭德塞博士呼吁全球关注非传染性疾病，减少 COVID-19 造成的死亡 —— 为表彰布隆伯格在增进公众健康方面的贡献，世卫组织宣布由其继续履行世卫组织全球大使的第三个任期”[1], в котором рассматривается совместный призыв основателя компании «Блумберг Л.П.» и Благотворительного фонда Блумберга Майкла Блумберга и генерального директора ВОЗ Тедроса Аданома Гебреисуса к безотлагательным действиям по борьбе с неинфекционными заболеваниями (НИЗ), ответственными за ухудшение исхода заболевания у пациентов с COVID-19, а также назначение Блумберга Глобальным послом ВОЗ на третий срок[2].

Данная статья, опубликованная на официальном сайте Всемирной организации здравоохранения, лишена таких средств реализации прагматической функции, как разговорные обороты, эмоциональная лексика и экспрессивные коннотации, и представляет собой формальный публицистический текст, которому свойственно обилие прецизионной лексики и цитат высокопоставленных лиц. Официальный перевод статьи придерживается стиля оригинала, однако не без обилия столь необходимых в любом переводе трансформаций. При переводе данной статьи особенно важна точная передача статистических данных, посыла цитируемой речи, а также индивидуального стиля речи спикеров.

[1]迈克尔·布隆伯格和谭德塞博士呼吁全球关注非传染性疾病，减少 COVID-19 造成的死亡 —— 为表彰布隆伯格在增进公众健康方面的贡献，世卫组织宣布由其继续履行世卫组织全球大使的第三个任期 // www.who.int. URL: https://www.who.int/zh/news/item/03-02-2021-michael-r.-bloomberg-and-dr-tedros-adhanom-ghebreyesus-call-for-global-focus-on-noncommunicable-diseases-to-save-lives-from-covid-19 (дата обращения: 20.03.2020).

[2] Майкл Блумберг и д-р Тедрос Аданом Гебреисус призывают мировое сообщество сосредоточить усилия на борьбе с неинфекционными заболеваниями для спасения жизней от COVID-19 // www.who.int. URL: https://www.who.int/ru/news/item/03-02-2021-mi-chael-r.-bloomberg-and-dr-tedros-adhanom-ghebreyesus-call-for-global-focus-on-noncommunicable-diseases-to-save-lives-from-covid-19 (дата обращения: 20.03.2020).

Отсутствие данных элементов или некачественная их передача в переводе может подорвать доверие читателя к статье и препятствовать реализации прагматического потенциала текста.

Уже с первого предложения можно сделать вывод о многочисленности выполненных переводчиком трансформаций: “彭博有限合伙企业和彭博慈善基金会创始人迈克尔·布隆伯格今天与世卫组织总干事谭德塞博士一起呼吁采取紧急行动，应对糖尿病、高血压、心脏病、癌症和呼吸系统疾病等非传染性疾病，这些疾病占全球死亡人数的 74 % 以上，并使 COVID-19 患者的预后恶化” («Сегодня основатель компании «Блумберг Л.П.» и Благотворительного фонда Блумберга Майкл Блумберг вместе с Генеральным директором ВОЗ д-ром Тедросом Аданомом Гебреисусом призвали к безотлагательным действиям по борьбе с неинфекционными заболеваниями (НИЗ), в частности диабетом, гипертонией, сердечно-сосудистыми, онкологическими и респираторными заболеваниями, которые вызывают более 74 % случаев смерти в мире и ухудшают исход заболевания у пациентов с COVID-19»). Переводчик активно использует перестановку языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Такого рода трансформация весьма распространена в китайско-русском переводе, что обусловлено различиями в синтаксическом строении языков, в частности тем, что в русском языке синтаксическая функция слова обычно не зависит от места, занимаемого им в предложении, так как члены предложения имеют определённые формально-грамматические показатели. В китайском языке члены предложения обычно не имеют определённых формально-грамматических показателей, и синтаксическая функция слова зависит от места, занимаемого им в предложении [3]. В этом же предложении мы сталкиваемся с первым из многочисленных случаев употребления прецизионной лексики («74 % случаев смерти»).

Статья весьма насыщена прецизионной информацией:

– “经过逾15年的合作” («В ходе сотрудничества, которое продолжается больше 15 лет»);

– “50亿人获得至少一项强有力的烟草控制措施覆盖” («5 миллиардов человек охвачено, по меньшей мере, одной эффективной мерой по борьбе против табака»);

– “33亿人受益于更强有力的道路安全法律” («3,3 миллиарда человек проживают в странах, усиливших законодательные требования по обеспечению дорожно-транспортной безопасности»);

– “覆盖近3亿人口的70个城市致力于预防非传染性疾病和伤害” («70 городов с совокупным населением почти 300 миллионов взяли курс на профилактику НИЗ и травматизма») и т. д.

Известно, что прецизионная лексика в статьях СМИ выполняет двойную функцию: она присутствует в тексте не только с целью информирования читателя о статистике, касающейся пандемии, но также служит средством убеждения, осуществления прагматической функции. Ту же роль играет и речь высокопоставленных лиц, связанных с рассматриваемой в статье проблемой. Она выражает определённое мнение, соответствующее основному смысловому посылу статьи. Всё перечисленное свидетельствует о том, что цитирование, наряду с использованием точных статистических данных и прецизионной лексики, играет важную роль в реализации прагматической функции текстов СМИ, и что данные элементы требуют особого внимания при переводе.

Перейдём к рассмотрению статьи Гуанча (观察者网) “‘封城日记’—俄罗斯留学生讲述疫情下的武汉生活”[3] («Дневник из закрытого города». Российский студент рассказывает о жизни в Ухане в условиях эпидемии)[4]. Гуанча – сайт, созданный при поддержке Шанхайского института стратегических исследований «Чуньцю». На нём

[3] Майкл Блумберг и д-р Тедрос Аданом Гебреисус призывают мировое сообщество сосредоточить усилия на борьбе с неинфекционными заболеваниями для спасения жизней от COVID-19 // www.who.int URL: https://www.who.int/ru/news/item/03-02-2021-michael-r.-bloomberg-and-dr-tedros-adhanom-ghebreyesus-call-for-global-focus-on-noncommunicable-diseases-to-save-lives-from-covid-19 (дата обращения: 20.03.2020).

[4] Гуаньча (Китай): «Дневник из закрытого города». Российский студент рассказывает о жизни в Ухане в условиях эпидемии // inosmi.ru. URL: https://inosmi.ru/social/20200308/246972923.html (дата обращения: 20.03.2020).

публикуются актуальные критические статьи, отражающие ситуацию в КНР и во всём мире. Несмотря на то, что сайт финансируется Шанхайской академией общественных наук, его материалы отличаются от государственных СМИ Китая достаточно свободным стилем изложения.

По сравнению с приведённой выше статьёй ВОЗ, текст Гуанча изобилует выразительными оборотами: “在抗击新型冠状病毒肺炎疫情的第一线” («находясь на передовой борьбы с новой эпидемией коронавирусной пневмонии»).

Встречается типичная для китайско-русского перевода разбивка сложного предложения с несколькими придаточными на два или большее число предложений более простой структуры: “一个月以来，在抗击新型冠状病毒肺炎疫情的第一线，无数生活在武汉的人们用行动和信心默默支撑起这座暂时处在困境中的城市，这其中也包括许多选择留在武汉的外籍留学生” («В течение месяца, находясь на передовой борьбы с новой эпидемией коронавирусной пневмонии, множество людей, живущих в Ухане, молчаливо поддерживают этот временно находящийся в тяжёлом положении город своими действиями и верой. Среди них немало иностранных студентов, которые решили остаться в Ухане»).

В предложении “今冬新冠肺炎疫情爆发前，武汉的生活如往常般有条不紊” наблюдается применение автором оригинального текста чэнъюя 有条不紊 (обр. «слаженный и чёткий»). Перевод устойчивых словосочетаний – одна из значительных проблем перевода с китайского языка. Нередко при отсутствии аналога в русском языке переводчику приходится прибегать к методу описательного перевода китайских фразеологических единиц с целью воссоздать ситуацию, заложенную в оригинальном фразеологизме [4]. В данном случае был осуществлён именно описательный перевод: «Этой зимой до новой эпидемии коронавирусной пневмонии жизнь в Ухане протекала как обычно».

Далее переводчик снова разбивает сложное предложение на несколько упрощённых для улучшения восприятия информации русскоязычным читателем:

“假期计划取消了，但拉福很理解“封城”的举措：‘封城’后，直到今天，我们都没有感到恐慌，大家明白（中国）政府采取这一措施的初衷” («Планы на праздники были отменены, но он понимающе отнесся к мерам по «закрытию границ»: «После «закрытия города» и по сей день мы ни разу не испытывали чувство паники. Мы все понимаем первоначальные намерения китайского правительства по введению этих мер»). Данную многочисленную и распространённую трансформацию можно наблюдать на протяжении всего текста перевода.

В этом же предложении не имеющий окраски оборот “很理解” (букв. «понимает») переведён более выразительно: «понимающе отнесся».

Далее наблюдается ещё одно применение чэнъюя – 尽心竭力 (сокр. от 尽心竭力, «с большим усердием»): “学校以及中国政府为尽早战胜新冠肺炎疫情尽心竭力” («Университет и правительство Китая прикладывают немало усилий, чтобы как можно скорее победить эпидемию пневмонии, вызванной коронавирусом нового типа»). В контексте он переведён как «прикладывают немало усилий».

Уже упомянутое ранее приведение статистических данных находит место и в этой статье:
“据统计，目前，约有23名来自俄罗斯的留学生和教师留在湖北，积极配合所在学校共同抗击疫情” (Согласно статистике, в настоящее время около 23 российских студентов и преподавателей находятся в провинции Хубэй и активно сотрудничают со своими университетами в борьбе с эпидемией).

Переводчик в определённой степени усиливает выразительность следующего предложения эпитетом: “他们以各种形式向自己的祖国和世界传达着来自抗击新冠肺炎疫情一线的声音” («Они – голоса, которые передают сведения с фронта борьбы с новой коронавирусной пневмонией на родину и по всему миру»).

В следующем предложении нейтральный оборот “从没有忘记” (букв. «никогда не забывает») превращается переводчиком в более выразительный «ни на секунду»: “我想特别指出的是，我们学校从没有忘记外

国留学生” («Я хочу особенно подчеркнуть, что наш университет ни на секунду не забывает о нас, иностранных студентах»).

Статья завершается оптимистичным призывом: “武汉加油！中国加油！” («Ухань, вперёд! Китай, вперёд!»). Как известно, восклицательные знаки являются часто используемыми прагматическими интенсификаторами.

Среди средств реализации прагматического потенциала в статье ВОЗ можно выделить обильное использование прецизионной лексики (статистических данных). Прецизионная лексика в статьях СМИ выполняет двойную функцию: она присутствует в тексте не только с целью информирования читателя о статистике, касающейся пандемии, но также служит средством убеждения. По этой причине одной из главных задач переводчика является достоверная передача таких прецизионных сведений. В статье ВОЗ также приводится множество заявлений людей, имеющих непосредственное отношение к теме. Речь высокопоставленных лиц, связанных с рассматриваемой в статье проблемой, выражает определённое мнение, соответствующее основному смысловому посылу статьи. Это говорит о том, что цитирование, наряду с использованием точных статистических данных, также играет важную роль в реализации прагматической функции текстов СМИ.

В тексте статьи Гуанча автор часто использует слова, имеющие яркую эмоциональную окраску, а также восклицания и вопросы. Чтобы сделать дискурс СМИ более ярким и впечатляющим, журналисты используют различные выразительные средства, в том числе фразеологизмы (в контексте китайского языка СМИ – чэнъюи). Переводчики, в свою очередь, сталкиваются с проблемами их надлежащего перевода, сохранения прагматического потенциала оригинальных текстов средств массовой информации и их влияния на целевую аудиторию [5]. При переводе таких статей СМИ уместно ограниченное добавление выразительных средств с целью усиления прагматического воздействия на читателя. Для таких текстов характерно использование восклицательных и вопросительных знаков, тяготение к разговорному стилю.

В то же время в более формальных статьях особую важность имеет передача прецизионных данных и прямой речи высокопоставленных лиц и специалистов, имеющих отношение к рассматриваемой в статье проблеме.

Таким образом, на примерах конкретных статей о COVID-19 на китайском языке и их переводах были выявлены следующие приёмы, используемые переводчиками для передачи компонентов текста, ответственных за прагматическое воздействие на получателя информации: использование эпитетов, контекстный перевод фразеологических оборотов, использование выразительных оборотов речи, разделение сложного предложения с несколькими придаточными на несколько предложений с более простой структурой, перестановка языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. В статьях СМИ любого стиля прецизионная лексика и цитирование играют ключевое значение в воздействии на аудиторию, так как отсутствие точных сведений может отрицательно сказаться на доверии читателя к статье и воспрепятствовать реализации прагматического потенциала текста. По этой причине переводчику следует обращать особое внимание на перевод прецизионных единиц. Таким образом, одним из приоритетов перевода статей СМИ является сохранение и даже усиление прагматического потенциала текста, однако окончательный набор переводческих приёмов зависит от конкретной статьи, её стиля и поставленных перед ней целей прагматического воздействия.

Список литературы

1. *Алеевская А.О.* Язык СМИ как индикатор социальных перемен // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2015. № 3 (17). С. 122-129.
2. *Шабельник А.В.* Прагматическое содержание текстов СМИ в методике обучения студентов-журналистов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2. С. 121.
3. *Гао Синь.* Порядок слов и актуальное членение в китайском языке в зеркале русского языка // Голоса молодых ученых: сб. науч. публ. иностранных и российских аспирантов и докторантов филологов. М., 2005. Вып. 17. С. 125-134.

4. *Донченко А.В.* Приёмы перевода фразеологических единиц китайского языка // Молодой учёный. 2015. № 9 (89). С. 1354-1357.
5. *Shepeleva A.V.* Translation of Phraseological Units as Means to Realize Pragmatic Potential of English Political Mass Media Discourse // МНИЖ. 2018. № 6-2 (72).

References

1. Aleyevskaya A.O. Yazyk SMI kak indikator sotsial'nykh peremen [Mass media language as an indicator of social changes]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki – Actual Issues of Modern Philology and Journalism*, 2015, no. 3 (17), pp. 122-129. (In Russian).
2. Shabelnik A.V. Pragmaticheskoye soderzhaniye tekstov SMI v metodike obucheniya studentov-zhurnalistov [Pragmatic content of the text media in teaching methods for journalism students]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2015, no. 1-2, pp. 121. (In Russian).
3. Gao Xin Poryadok slov i aktual'noye chleneniye v kitayskom yazyke v zerkale russkogo yazyka [Word order and actual articulation in the Chinese language in the mirror of the Russian language]. *Sbornik nauchnykh publikatsiy inostrannykh i rossiyskikh aspirantov i doktorantov filologov «Golosa molodykh uchenykh»* [Collection of Scientific Publications of Foreign and Russian Graduate and Doctoral Students of Philologists "Voices of Young Scientists"]. Moscow, 2005, Issue 17, pp. 125-134. (In Russian).
4. Donchenko A.V. Priyemy perevoda frazeologicheskikh edinits kitayskogo yazyka [Methods of translating phraseological units of the Chinese language]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2015, no. 9 (89), pp. 1354-1357. (In Russian).
5. Shepeleva A.V. Translation of phraseological units as means to realize pragmatic potential of English political mass media discourse. *MNIZh – International Research Journal*, 2018, no. 6-2 (72).

Информация об авторах

Горобцов Евгений Викторович, ассистент кафедры перевода и языковых коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, efugen@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0565-2916

Вклад в статью: концепция исследования, подбор материала, изучение текстов СМИ, анализ данных статей, написание части текста.

Митчелл Пётр Джонович, доктор педагогики (Doctor of Education, Университет Дерби, г. Дерби, Великобритания); профессор, зав. кафедрой перевода и языковых коммуникаций факультета иностранных языков, руководитель международной магистерской программы "Global MA in ELT Leadership", Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация; профессор кафедры лингвистики и гуманитарно-педагогического образования, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; действительный член Института лингвистов Великобритании, peter_mitchell@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9228-903X

Вклад в статью: концепция исследования, изучение текстов СМИ, написание части текста и редактирование.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021
Одобрена после рецензирования 12.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the authors

Evgeny V. Gorobtsov, Assistant of Translation and Language Communication Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, efugen@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0565-2916

Contribution: study conception, source material acquisition, media texts study, articles data analysis, part manuscript text drafting.

Peter J. Mitchell, Doctor of Education (University of Derby, Derby, Great Britain); Professor, Head of Translation and Language Communications Department of Foreign Languages Faculty, Head of the International Master's Degree Programme "Global MA in ELT Leadership", National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation; Professor of Linguistics and Humanities and Pedagogical Education Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Active Member of the Institute of Linguists of Great Britain, peter_mitchell@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9228-903X

Contribution: study conception, media texts study, part manuscript text drafting and editing.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 26.02.2021
Approved after reviewing 12.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-460-466

Представления о счастье в мировоззренческих картинах русского и дагестанского народов

Уздият Исмаиловна ИДЗИБАГАНДОВА
ФГБОУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»
127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 29
✉ uzdiyat@bk.ru

Аннотация. Представлен сравнительный анализ концепта «Счастье» в русской и дагестанской языковых картинах мира. Отмечена степень распространённости пословиц и поговорок о счастье в русской и дагестанской культурах, выявлено свойственное семантике концепта «Счастье» концептуальное поле (радость, удача, добро, труд, богатство) во фразеологизмах исследуемых языков. Рассмотрены ключевые в понимании счастья смысловые акценты (взаимосвязь счастья с несчастьем и с судьбой). В результате проведённого анализа отмечена интенсивность осмысления концепта «Счастье» в русской культуре, большая смысловая однозначность народных представлений о счастье у дагестанских народов, а также диалектическая взаимосвязь счастья и несчастья в обеих языковых картинах мира.

Ключевые слова: концепт, счастье, сравнительный анализ, языковая картина мира, русская культура, дагестанская культура

Для цитирования: *Идзибагандова У.И.* Представления о счастье в мировоззренческих картинах русского и дагестанского народов // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 460-466. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-460-466

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Идзибагандова У.И., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-460-466

Understanding of happiness in Russian and Dagestan worldview images

Uzdiyat I. IDZIBAGANDOVA
Moscow State University of Psychology & Education
29 Sretenka St., Moscow 127051, Russian Federation
✉ uzdiyat@bk.ru

Abstract. We present a comparative analysis of the concept “Happiness” in the Russian and Dagestan linguistic world-image. We note the prevalence degree of proverbs and sayings about happiness in Russian and Dagestan cultures, we identify the conceptual field (joy, luck, goodness, work, wealth) inherent in the semantics of the concept “Happiness” in the phraseological units of the studied languages. We consider the key semantic accents in the understanding of happiness (the relationship of happiness with unhappiness and fate). As a result of the analysis, we note the comprehension intensity of the concept of “Happiness” in Russian culture, the great semantic uniqueness of popular ideas about happiness among the Dagestan peoples, as well as the dialectical relationship of happiness and unhappiness in both linguistic world-image.

Keywords: concept, happiness, comparative analysis, linguistic world-image, Russian culture, Dagestan culture

For citation: Idzibagandova U.I. Predstavleniya o schast’ye v mirovozzrencheskikh kartinakh russkogo i dagestanskogo narodov [Understanding of happiness in Russian and Dagestan worldview images]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 460-466. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-460-466 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

В XIX веке датский философ Сёрен Кьеркегор в качестве лингвистической презентации бессмысленности жизни использовал аналогию с немецким словом “Schnur”, которое значит одновременно и шнурок, и эпоху. «Недоставало только, чтобы оно обозначало ещё: в-третьих – верблюда, а в-четвёртых – швабру» [1, с. 23], – пишет философ, считая, что абсурдность существования привносится не столько отсутствием смыслов, сколько их избытком. Именно поэтому нам необходимо в первую очередь, если не определить, то хотя бы обозначить границы употребляемых нами слов.

Слово «концепт» зачастую приводит к многочисленным терминологическим неточностям, противоречиям и теоретическим недоразумениям, что является следствием его своеобразной «зонтиковости» [2, с. 31]: «концепт» покрывает собой большое количество смыслов и дискурсивных областей. Не имея однозначного смысла и конкретного автора, данное слово всё же имеет чёткие этимологические корни: оно возводится к латинскому “conceptus” и “concipere” и переводится как «понятие», «зачинание» [3, с. 42], «с-цепка» [4, с. 80-84]. Попытка же объединить представления о концепте различных подходов (когнитивный, лингвистический, психолингвистический, лингвофилософский и т. д.) приводит к следующему обобщению: концепт является базовой устойчивой единицей нашего сознания, представляющей собой «сгусток культуры» [3, с. 42-43]. Являясь главной составляющей общей языковой картины мира [5, с. 3-4], он умело лавирует между коллективным и индивидуальным сознаниями, отражая языковую ментальность носителей конкретного естественного языка.

Одним из главных концептов всякой культурной общности является концепт «Счастье» [6, с. 39]. Представления о счастье – независимо от того, как именно и насколько интенсивно оно осмысляется в культуре того

или иного народа – всегда несут в себе «сильный эмоциональный заряд» [7, с. 162; 8] и обладают мощным аксиологическим потенциалом [9; 10]. Наша статья посвящена исследованию данного концепта в мировоззренческих картинах русского и дагестанского народов.

Пословицы и поговорки, представленные в словарях и исследованиях по дагестанской фразеологии и паремиологии (кумыкский (к), бежтинский (бж), аварский (ав), цахурский (цх), рутульский (рт), агульский (аг), табасаранский (тб), лезгинский (лз), лакский (лк), ногайский (н) языки) [10–17] демонстрируют, что счастье как общечеловеческая ценность является доминантной темой в дагестанских пословицах и поговорках [15, с. 3; 18]. При этом представления дагестанцев о счастье выражаются не только напрямую, через сам концепт «счастье», но и косвенно, через концепты «Радость», «Удача», «Благо» и «Несчастье».

Рассмотрим представления о счастье у дагестанских народов, содержащиеся в приведённых исследованиях по паремиологии.

Во-первых, счастье определённо является вершиной желаний каждого человека, обгоняя даже богатство: *Умный человек счастливому человеку ноги моет* (бж); *Счастливец и в море не утонет* (цх); *Ложка счастья лучше золотого кресла* (цх).

Во-вторых, счастье связано с богатством не только метафорически, но материально: *Несчастье, куда путь держишь? – К бедняку* (тб); *Бедняку и жизнь не в радость* (бж). Однако надо понимать, что подобная зависимость отнюдь не означает взаимоконвертируемость счастья и богатства. Счастье не столько покупается богатством: *Счастье алтыном не купишь* (цх); сколько сопутствует ему, если оно заработано трудом и умом: *Что с трудом приготовил, будешь есть с радостью* (к); *В дом того, кто поздно встаёт, счастье не заходит* (цх); *Кто хорошо учится, у того дорога счастливая будет* (к); *Труд – ключ счастья* (тб); *Лишь посеянное и всходит* (аг).

В-третьих, помимо богатства, счастье сопутствует чрезвычайно большому количеству феноменов: 1) мудрости: *Одно слово мудреца лучше, чем полный двор богатства* (лк); 2) искусству: Г*де музыка, там радость; где учёный мулла, там беда* (н); 3) добродетельной жизни: *Завистнику счастья не видать* (км); 4) здоровью: *Если здоровья нет, радостной жизни тоже не будет* (цх); 5) верности Родине: *Кто покинет аул родной, тот не найдёт счастья* (бж); *Кто покинет Родину, тому не видать счастья* (бж); 6) а главное – семье: *Бездетная жизнь – не в радость* (бж); *С любимым и в пещере рай* (ав); *Ребёнок счастлив в полной семье* (цх); *Люлька в доме – к счастью* (цх); *У хорошей жены в доме счастье и благодать* (бж); *Счастливого человека дети хоронят* (цх); *Ребёнок без матери счастья не увидит* (к).

Концепт «Счастье» выражается также при помощи поговорок. Большое количество поговорок о счастье посвящено диалектической взаимосвязи счастья с несчастьем: *Без боли не охают, без печали не поют*; *Впереди хорошего– плохое, впереди плохого – хорошее* (ав); *Не бывает зла, за которым не следовало бы добро* (тб); *Зло не увидев, добру цену не узнаешь* (рт).

Как видим, жизнь в приведённых дагестанских пословицах и поговорках представляется последовательной сменой счастья и несчастья. Именно поэтому несчастье неизбежно: *На джигита беды падают, на гору – снег* (рт); *Радость коротка* (цх); но надежду на обретение счастья тоже нельзя терять: *Не увидев света, и слепой не умрёт* (лз); *Кто не испытывал плохое, тот не поймёт смысла хорошего* (тб); *Не всегда луна остаётся за тучами* (лз); *Не испытав укуса пчелы, не узнаешь цену мёда* (рт); *Каждый день не одинаков: за горем и радость приходит* (цх).

Метафизический смысл смены счастья и несчастья просматривается и в тесной связи в дагестанском фольклоре представлений о счастье с представлениями о судьбе [12; 15, с. 15; 19, с. 2]. Счастье представляется даром судьбы или же её проклятием: *Несчастного и на верблюде собака укусит* (рт); *Невезучий даже правду скажет, – дураком считают* (рт); *Дом и место поменяешь – счастье поменять не сможешь* (рт); *Тот, у кого есть счастье, не может быть несчастным, тот, кто несчастен, не приобретет счастья* (рт); *На несчастного даже собственная собака лает* (цх); *Даже падающее дерево падает на одинокого волка* (рт); *Красота ничего не значит, важно счастье* (рт). И повлиять на

судьбу человек никак не может, ведь: *Несчастья и беды нас не спрашивают* (бж); *Горе и радость от Аллаха* (бж); *Счастье в руках удержать невозможно* (цх); *Счастье не каждому дано* (цх); *Проклятый Богом счастливым не станет* (цх).

В русской культуре пословиц и поговорок о счастье чрезвычайно много, а потому результаты их анализа мы разделили на два блока – общие устойчивые положения и ряд смысловых неоднозначностей.

Общие устойчивые положения о счастье в русских пословицах и поговорках состоят в следующем.

Во-первых, идеальное представление о счастье в русских пословицах и поговорках восходит к религиозному по своей сути пониманию счастья как Причастия, доли в Царстве Божьем [20, с. 13], что накладывает на данный концепт «высокую этическую нагрузку» и обусловливает в дальнейшем его положительную коннотацию [20, с. 18].

Во-вторых, все представления о счастье можно разделить в соответствии с тремя логико-семантическими вариантами внутри лексемы «счастье»: 1) как состояние удовлетворенности; 2) как удача или успех; 3) как судьба или рок [21–22], отсюда – «счастье» как аксиологическая единица представляет такие базовые смыслы, как «благосклонность судьбы», «удача», «радость», «чувство удовлетворения жизнью», выступая чувственно-эмоциональной формой идеала [23].

И, наконец, в-третьих, само количество этих пословиц и поговорок говорит о предпочтении в русской культуре счастья любым другим благам: *Правда – хорошо, а счастье – лучше*; *Не родись красивым, а родись счастливым*; *Где счастье плодится, там и зависть родится*.

Оборотной же стороной интенсивности осмысления счастья в русской культуре и важности темы счастья в языковой картине мира является противоречивость извлекаемых из фразеологических оборотов смыслов, будто бы выражающих собой саму «идею непредсказуемости мира» [7, с. 155]. Эту неоднозначность С.Г. Воркачёв и Е.А. Воркачёва, например, объясняют не столько естественной полярностью народных мнений, сколько «эволюцией концепта» от фатализма к субъективизации [24, с. 263].

Счастье представляется то синонимом богатства: *Кто запаслив, тот и счастлив*; *Тот счастлив, у кого есть хлеба с душу, платье с тушу, денег с нужу*; то независимым от него явлением: *Счастье не в кошельке*; *Счастье за деньги не купишь*; то вообще не имеющим к нему отношения: *Любовь и согласие – счастье*; *Счастлив тот, у кого совесть спокойна*; *Где правда, там и счастье*; *Не в воле счастье, а в доле*.

Счастье одновременно понимается и как результат труда: *Там счастье не диво, где трудятся нелениво*; *Счастье не в кошельке, счастье в руках*; *Счастья ключи в своих руках ищи*; и даром удачи: *Не родись красивой, а родись счастливой*; *Со счастьем на клад набредёшь, без счастья и гриба не найдёшь*; *Счастливому ничего не делается: живёт да греется*; *Счастье придёт и на печи найдёт*.

Однако для того, чтобы получить счастье, его нужно искать: *Счастья не поищешь, счастье не придёт*; *Кто за счастье борется, к тому оно и клонится*, но надеяться на его поимку всё же не стоит: *Счастье – что вешнее ведро*; *Счастье вольная пташка: где захотела, там и села*; *Счастью не верь, а беды не пугайся*.

В-четвёртых, счастье может иметь как позитивные: *Горе старит, а счастье красит*; *Счастье ума прибавляет, а несчастье последний отнимает*; так и негативные последствия: *При счастье бранятся, при беде мирятся*; *Бедность учит, а счастье портит*.

В чреде этих неоднозначностей, однако, содержится лейтмотив о взаимосвязи счастья и несчастья: *Счастье с несчастьем двор обо двор живут*; *Счастье ума прибавляет, несчастье последний отымает*; *Не отведав горя, не познаешь и счастья*; *Бояться несчастья – так и счастья не видать* [25; 26].

В результате проведённого сравнительного анализа концепта «Счастье» в русских и дагестанских пословицах и поговорках мы можем констатировать: во-первых, более интенсивным является осмысление в народном фольклоре концепта «Счастья» в русской культуре; во-вторых, следует отметить смысловую однозначность и однонаправленность, несмотря на языковое разнообразие, народных представлений о счастье у дагестанских народов; и, в-третьих, представления о потребности в счастье и диалектиче-

ской взаимосвязи счастья и несчастья явно прослеживаются в языковых картинах мира как русского, так и дагестанских народов.

Список литературы

1. *Кьеркегор С.* Наслаждение и долг. Киев: AirLand, 1994. 504 с.
2. *Воркачёв С.Г.* Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 192 с.
3. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004. 645 с.
4. Третье литературоведение. Материалы филолого-методологического семинара (2007–2008) / ред. Б.В. Орехов, С.С. Шаулов. Уфа: Вагант, 2009. URL: https://nevmenandr.net/seminarium/04.htm (дата обращения: 14.01.2021).
5. Логический анализ языка: Культурные концепты / под ред. Р.Д. Арутюновой. М.: Индрик, 1991. 204 с.
6. *Черкашина Е.А.* Концепт «Счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2016. № 2. С. 38-43.
7. *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Б.* Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.
8. *Гасанов М.М.* Дагестанские народные пословицы, поговорки, загадки. Махачкала: Дагестан. учеб.-пед. изд-во, 1971. 80 с.
9. *Прохорова О.Н., Чекулай И.В.* Проблема выражения концепта «Счастье» в различных языках // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2006. № 8. С. 29-36.
10. *Арсеньева И.А.* Эмоциональный концепт «Счастье» в аспекте лингвокультурологии и психолингвистики // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2010. № 3. С. 11-16.
11. *Гасанова М.А.* Словарь табасаранских пословиц и поговорок. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. 208 с.
12. *Махмудова С.М.* Жемчужины рутульской мысли: Пословицы, поговорки и загадки рутульского народа. Махачкала: Дагестан. гос. ун-т, 2014. 153 с.
13. *Халилов М.Ш.* Бежтинско-русский фразеологический и фольклорно-этнографический словарь / под ред. Б. Комри. Лейпциг; Махачкала: АЛЕФ, 2014. 378 с.
14. *Идрисова П.Г.* Синтаксис кумыкских пословиц и поговорок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2015.
15. *Сулаева Ж.А.* Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2011.
16. *Халилова Н.М.* Структурно-семантическая характеристика аварских пословиц и поговорок: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010.
17. *Магомедханов М.М.* Русско-аварский фразеологический словарь / под ред. М.-К. Кимбатова. М.: Academia, 2007. 338 с.
18. *Халилов М.Ш.* Язык, фольклор и этнография бежтинцев / отв. ред. З. Халилова. М.: Ин-т перевода Библии, 2017. 604 с.
19. *Майтиева Р.А.* Структурно-семантическая характеристика пословиц и поговорок даргинского языка в сопоставлении с английским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011.
20. *Дмитриева Н.М.* Этическое наполнение концепта «Счастье» в русской языковой картине мира // Русистика. 2013. № 4. С. 12-19.
21. *Даль В.И.* Счастье. URL: http://slovardalja.net/word.php?wordid=39717 (дата обращения: 14.01.2021).
22. *Ушаков Ф.Ф.* Счастье. URL: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=75807 (дата обращения: 14.01.2021).
23. *Михайленко О.М.* Лингвоэтическая картина мира: концепты «Счастье» и «Блаженство» как семантические дуплеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006.
24. *Воркачёв С.Г., Воркачёва Е.А.* Концепт счастья в английском языке: значимостная составляющая // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс. М.: Азбуковник, 2003. С. 263-275.
25. *Даль В.И.* 1000 русских пословиц и поговорок. М.: Рипол-Классик, 2017. 514 с.
26. *Свиридова А.Ю., Вэнь Л.* Концепт счастье и его отражение в пословицах и поговорках как в зеркале русской языковой картины мира // Проблемы и приоритеты развития науки в XXI веке: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2017. С. 47-49.

References

1. Kyerkegor S. *Naslazhdeniye i dolg* [Pleasure and Duty]. Kiev, AirLand Publ., 1994, 504 p. (In Russian).

2. Vorkachev S.G. *Schast'ye kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a Linguocultural Concept]. Moscow, Gnosis Publ., 2004, 192 p. (In Russian).
3. Stepanov Y.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Academic Project Publ., 2004, 645 p. (In Russian).
4. Orekhov B.V., Shaulov S.S. (eds.). *Tret'ye literaturovedeniye. Materialy filologo-metodologicheskogo seminara (2007–2008)* [Third Literary Criticism. Materials of the Philological and Methodological Seminar (2007–2008)]. Ufa, Vagant Publ., 2009. (In Russian). Available at: https://nevmenandr.net/seminarium/04.htm (accessed 14.01.2021).
5. Arutyunovoy R.D. (ed.). *Logicheskiy analiz yazyka: Kul'turnyye kontsepty* [Logical Analysis of Language: Cultural Concepts]. Moscow, Indrik Publ., 1991, 204 p. (In Russian).
6. Cherkashina E.A. Kontsept «Schast'ye» v russkom yazyke [Concept "Happiness" in Russian language]. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A.P. Chekhova – Journal of the A.P. Chekhov Taganrog Institute*, 2016, no. 2, pp. 38-43. (In Russian).
7. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.B. *Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira* [Key Ideas of the Russian Language Picture of the World]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2005, 540 p. (In Russian).
8. Gasanov M.M. *Dagestanskiye narodnyye poslovitsy, pogovorki, zagadki* [Dagestan Folk Proverbs, Sayings, Riddles]. Makhachkala, Dagestan Educational and Pedagogical Publ., 1971, 80 p. (In Russian).
9. Prokhorova O.N., Chekulay I.V. Problema vyrazheniya kontsepta «Schast'ye» v razlichnykh yazykakh [Expression of the concept "Happiness" in different languages]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*, 2006, no. 8, pp. 29-36. (In Russian).
10. Arsenyeva I.A. Emotsional'nyy kontsept «Schast'ye» v aspekte lingvokul'turologii i psikholingvistiki [To the study of the emotional concept "Happiness"]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnyye praktiki – Polylinguality and Transcultural Practices*, 2010, no. 3, pp. 11-16. (In Russian).
11. Gasanova M.A. *Slovar' tabasaranskikh poslovits i pogovorok* [Dictionary of Tabasaran Proverbs and Sayings]. Makhachkala, DSU Publ., 2014, 208 p. (In Russian).
12. Makhmudova S.M. *Zhemchuzhiny rutul'skoy mysli: Poslovitsy, pogovorki i zagadki rutul'skogo naroda* [Pearls of Rutul Thought: Proverbs, Sayings and Riddles of the Rutul People]. Makhachkala, Dagestan State University Publ., 2014, 153 p. (In Russian).
13. Khalilov M.S. *Bezhtinsko-russkiy frazeologicheskiy i fol'klorno-etnograficheskiy slovar'* [Bezhta-Russian Phraseological and Folklore-Ethnographic Dictionary]. Leipzig, Makhachkala, ALEF Publ., 2014, 378 p. (In Russian).
14. Idrisova P.G. *Sintaksis kumykskikh poslovits i pogovorok: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Syntax of Kumyk Proverbs and Sayings. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Makhachkala, 2015. (In Russian).
15. Sulayeva Z.A. *Poslovichnaya kontseptualizatsiya mira v kumykskom yazyke: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Proverbial Conceptualization of the World in the Kumyk Language. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. Makhachkala, 2011. (In Russian).
16. Khalilova N.M. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika avarskikh poslovits i pogovorok: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Characteristics of Avar Proverbs and Sayings. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Makhachkala, 2010. (In Russian).
17. Magomedkhanov M.M. *Russko-avarskiy frazeologicheskiy slovar'* [Russian-Avar Phraseological Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2007, 338 p. (In Russian).
18. Khalilov M.S. *Yazyk, fol'klor i etnografiya bezhtintsev* [Language, Folklore and Ethnography of the Bezhtins]. Moscow, Institute for Bible Translation Publ., 2017, 604 p. (In Russian).
19. Maytiyeva R.A. *Strukturno-semanticheskaya kharakteristika poslovits i pogovorok darginskogo yazyka v sopostavlenii s angliyskim: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Structural and Semantic Characteristics of Proverbs and Sayings of the Dargin Language in Comparison with English. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Makhachkala, 2011. (In Russian).
20. Dmitriyeva N.M. Eticheskoye napolneniye kontsepta «Schast'ye» v russkoy yazykovoy kartine mira [Ethical component of the concept "Happiness" in russian language world picture]. *Rusistika – Russian Language Studies*, 2013, no. 4, pp. 12-19. (In Russian).
21. Dal V.I. *Schast'ye* [Happiness]. (In Russian). Available at: http://slovardalja.net/word.php?wordid=39717 (accessed 14.01.2021).
22. Ushakov F.F. *Schast'ye* [Happiness]. (In Russian). Available at: https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=75807 (accessed 14.01.2021).

23. Mikhaylenko O.M. *Lingvoeticheskaya kartina mira: kontsepty «Schast'ye» i «Blazhenstvo» kak semanticheskiye duplety: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linguoetic Picture of the World: The Concepts of "Happiness" and "Bliss" as Semantic Doublets. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Krasnodar, 2006. (In Russian).
24. Vorkachev S.G., Vorkacheva E.A. Kontsept schast'ya v angliyskom yazyke: znachimostnaya sostavlyayushchaya [The concept of happiness in English: a significant component]. *Massovaya kul'tura na rubezhe XX–XXI vekov: Chelovek i ego diskurs* [Mass Culture at the turn of the 20–21st Centuries: Man and His Discourse]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003, pp. 263-275. (In Russian).
25. Dal V.I. *1000 russkikh poslovits i pogovorok* [1000 Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Ripol-Classic Publishing House, 2017, 514 p. (In Russian).
26. Sviridova A.Y., Ven L. Kontsept schast'ye i ego otrazheniye v poslovitsakh i pogovorkakh kak v zerkale russkoy yazykovoy kartiny mira [The concept of happiness and its reflection in proverbs and sayings as in the mirror of the Russian language picture of the world]. *Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Problemy i prioritety razvitiya nauki v XXI veke»* [Collection of Scientific Works based on the Proceedings of the International Research and Practice Conference "Problems and Priorities of Science Development in the 21st Century"]. Smolensk, NOVALENSO Publ., 2017, pp. 47-49. (In Russian).

Информация об авторе

Идзибагандова Уздият Исмаиловна, аспирант (10.02.01 Русский язык), кафедра зарубежной и русской филологии, Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация, uzdiyat@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-0749-2023

Вклад в статью: общая концепция статьи, сбор и анализ данных, написание и оформление текста статьи.

Статья поступила в редакцию 10.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 31.03.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Uzdiyat I. Idzibagandova, Post-Graduate Student (10.02.01 Russian Language), Foreign and Russian Philology Department, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation, uzdiyat@bk.ru, https://orcid.org/0000-0002-0749-2023

Contribution: main study conception, data acquisition and analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 10.02.2021
Approved after reviewing and revision 31.03.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.0
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474

Функциональность приёмов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия»

Марина Михайловна ГЛАЗКОВА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Советская, 106
✉ rusfilol37@mail.ru

Аннотация. Исследовано комическое как особый модус художественности, заключающийся в выявлении на композиционном уровне структурной функциональности приёмов комического при изображении «рассогласованности миропорядка» на примере романа Г.М. Служителя «Дни Савелия» с помощью персонажей, играющих свои роли и меняющих ролевые маски, чтобы показать относительность всего в мире, кроме абсолютности любви как важнейшей категории вечности. Показано, что в романе «Дни Савелия» применяются различные виды комического: прямая и скрытая насмешка, смеховая символика деталей, стилизация и слияние различных пластов лексики, интертекстуальные включения, новая интерпретация прецедентных феноменов и др. Обоснована концепция, что функциональность комических приёмов в произведении Григория Служителя обширна. Важнейшими функциями комизма являются: повсеместная характеристика образов; выявление главного «стержня» характера протагониста и других героев романа; интерпретация событий, происходящих в «Днях Савелия», через призму восприятия «мудрого ребёнка» – кота Саввы; определение или предсказание судеб персонажей; выражение авторского мировидения, формулировка основной идеи произведения; определение относительности земного бытия посредством проигрывания различных образов в сопоставлении их.

Ключевые слова: комизм речи, модус художественности, рассказчик-повествователь, автор-создатель, ирония, насмешка, смеховая символика деталей, реминисценции, прецедентные феномены, смешение стилей, каламбур, игра словами

Для цитирования: *Глазкова М.М.* Функциональность приёмов комизма в романе Григория Служителя «Дни Савелия» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 467-474. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474

The functionality of comic techniques in the novel "The Days of Savely" by Grigory Sluzhitel

Marina M. GLAZKOVA
Tambov State Technical University
106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ rusfilol37@mail.ru

Abstract. We investigate the comic as a special artistry mode, which consists in identifying at the compositional level the structural functionality of comic techniques when depicting the "inconsistency of the world order" on the example of the novel by G.M. Sluzhitel "The Days of Savely" with the help of characters playing their roles and changing role masks to show the relativity of everything in the world, except for the absoluteness of love as the most important category of eternity. We show that in the novel "The Days of Savely" various types of comic are used: direct and hidden mockery, laughter symbolism of details, stylization and fusion of various vocabulary layers, intertextual inclusions, new interpretation of precedent phenomena, etc. We substantiate the concept that the functionality of comic techniques in the work of Grigory Sluzhitel is extensive. The most important functions of the comic are: the ubiquitous images characterization; identifying the main "core" of the protagonist character and other heroes of the novel; interpretation of the events taking place in the "The Days of Savely" through the prism of the "wise child" perception – Savva cat; determining or predicting the fate of characters; expression of the author's worldview, formulation of the work main idea; determination of the relativity of earthly life by playing various images in comparison with them.

Keywords: comic speech, artistry mode, storyteller-narrator, author-creator, irony, mockery, laughter symbolism of details, reminiscences, precedent phenomena, mixing styles, pun, wordplay

For citation: Glazkova M.M. Funktsional'nost' priyëmov komizma v romane Grigoriya Sluzhitelya «Dni Saveliya» [The functionality of comic techniques in the novel "The Days of Savely" by Grigory Sluzhitel]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 467-474. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-467-474 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Читая роман Григория Служителя «Дни Савелия», вышедшего из печати в 2018 г., нельзя не заметить мощную языковую комическую составляющую, которая содержится почти на каждой странице произведения. В произведении представлена физическая, умственная, моральная и душевная жизнь повествователя, роль которого, несомненно, играет кот Савва, преимущественно выступая субъектом и объектом смехового отношения к себе и другим персонажам.

Остроумный, даже гениальный, кот не только играет роль рассказчика, но и в целом перевоплощается в биографического автора – талантливого актёра и писателя, от природы наделённого незаурядным комическим даром восприятия реальности. Существующий в романе комизм вызывает реакцию смеха как привилегию любви к жизни, жизнерадостности и полноценности бытия.

Комично начало романа «Дни Савелия», в котором котёнок Савва заявляет о своей неординарности комическим парадоксом: «Признаюсь, с самого начала я был отмечен редкой для своих соплеменников особенностью: я узрел божий мир даже раньше, чем в него попал. Точнее, не мир, а те временные апартаменты, которые называются материнской утробой» [1, с. 17]. Апартаменты, или «тёплый пульсирующий апельсин» для материнской утробы, – это определения явно смешные, но не насмешливые. Это добрый

юмор, призванный описать «великолепные палаты» для рождения и чудесное неотличие» [1, с. 18] от других братьев и сестёр, которое наблюдал, ещё не родившись, котёнок Савелий.

Описывая «первые рассветные недели» [1, с. 8] своей жизни, кот-повествователь обнаруживает редкую среди филологов и писателей способность к самокритике и насмешке над самим собой, заявляя, что его повествование грешит забеганиями вперёд, а также «неуместными слезливыми ностальгическими ретроспекциями, в ущерб сюжету и здравому смыслу» [1, с. 8]. В этой фразе использован сентиментально-романтизированный стиль в столкновении его с литературоведческими терминами.

Процесс создания романа Савелий называет «попыткой» в триллион первый раз привести «в мысленный порядок» «весьма эффективный клубок кошачьих мозгов» [1, с. 18]. Эта цитата представляет собой пример комического самовосхваления в противовес самокритике.

Итак, первые страницы романа уже обнаружили несколько видов комизма: языковые подмены (например, вместо употребления слова «утроба» стоит устаревший термин «апартаменты», означающий «роскошное помещение» [2, с. 69]; лексическая единица разговорного стиля подменена словом из делового профессионального стиля); приёмы смеховой самокритики, насмешки как приёма самовосхваления и демагогии.

Своё детство кот назвал «естественным периодом первоначального накопления» [1, с. 24]. Этот экономический термин демонстрирует эрудицию Савелия. Юмор характеризует его положительно, так же, как и музыкальный термин «фермата» [3, с. 282], означающий знак продления ноты на определённый срок. С помощью этого термина Савва философски размышляет о быстротечности времени. Введение этого термина сделало эти мысли о смерти более оптимистичными. Комическое – очень важный элемент художественности анализируемого романа «Дни Савелия». Комизм – это «эстетическая модальность смыслопорождения, состоящая в архитектонической рассогласованности «я» – героя-плута или чудака с нормативными установлениями миропорядка, которые в смеховом общении предстают не сверхличностными заданностями, а всего лишь ролевыми масками» [4, с. 99]. По словам М.М. Бахтина, комизм «провозглашает весёлую относительность всего» [5, с. 141] и устанавливает свободные контакты между любыми персонажами произведения литературы.

Юмор в романе «Дни Савелия» тоже предполагает личностную уникальность самопроявления героя и «смены масок». Этот процесс, очевидно, был очень важен для Григория Служителя, доверившего все смеховые моменты своему главному персонажу – премудрому коту Савелию – для показа животных пороков людей.

В своём произведении Григорий Служитель некоторые приёмы комизма, а именно те, которые способствуют утверждению правильного отношения к жизни, близкого православным взглядам на мир, вкладывает в уста кота Савелия, делая его по-христиански кротким в отношении людей и стойким и непоколебимым в перенесении страданий. Даже после избиения до полусмерти «чёрным человеком», читающим стихи А.С. Пушкина и доказывающим, что «от судеб защиты нет» [6, с. 323] из поэмы «Цыганы», Савва старательно ищет ему оправдание, а для себя пытается вывести положительные уроки, нужные для дальнейшей жизни. Он не держит зла на «чёрного человека» и прощает своего мучителя. Кот спокойно вверяет себя в руки судьбы, анализируя плюсы и минусы, не озлобляясь ни на какие изменения в ней. Искалеченный Савелий делает выводы, что судьба была благосклонна к нему всегда и продолжает смеяться над некоторыми проявлениями жизни. А смеяться можно только над тем, чего не боишься, что тоже положительно характеризует кота.

Воображая себя настоящим писателем, перевоплотившийся в рассказчика Савва постоянно вносит в свою речь иронию, надевая маску насмешника, например, увидев многоточие в своей писанине, он восклицает: «Благословенны времена, когда многоточиями сочинители прошлого усеивали страницы своих повестей, так что читатель недоумевал, ошибка ли это набора, цензура, или автор просто забыл, что хотел сказать» [1, с. 27]. Кот-повествователь использует для создания комического эффекта и социальные клише

социалистического периода, например: «Какое счастье иметь семью, пускай и неполноценную (вопрос отцовства у нас , как и в большинстве кошачьих семейств, разумеется, никогда не поднимался) <…> Иметь свой кров, пускай и с протекающей дранкой. Иметь стены, пускай и картонные, но свои!» [1, с. 28]. Кот Савва говорит о коробке из-под бананов, как о своей «недвижимости». Жуя «кошачий корм, вываленный дворником на газету», кот Савва одновременно читал газету и «уяснял себе политическую обстановку в стране и мировые цены на углеводороды» [1, с. 29].

Савелий выражает благодарность с комическим преувеличением всем, даже кассирше Зине, которая принесла со склада тару из-под бананов для того, чтобы там жили котята: «И это несмотря на то, как тяжело сейчас с недвижимостью в Москве. Если бы вы знали, как тяжело» [1, с. 32], – иронизирует котёнок. Коробка из-под бананов сопоставлена здесь с московской недвижимостью, что заключает «иронический модус» [7, с. 21] и показывает персонажа как остроумную, наделённую талантом юмориста и сатирика личность.

Ещё в античности философы отмечали в своих сочинениях, что страдания не могут быть воплощены в комических формах. Очевидно, поэтому рассказы о детских и юношеских страданиях практически лишены в романе юмористических деталей, и смеховой пафос, особенно скрытые и явные насмешки, и другие, близкие к сатире средства комизма, в главах, где об этом идёт речь, отсутствуют.

Практически лишены полностью юмористических деталей главы, где речь идёт о матери Саввы и о других его родственниках. Исключением являются два эпизода, в которых кот-повествователь с мягким юмором изображает страдания. Одно исключение касается самого кота Савелия, когда его ошпарили, вылив на него стакан кофе. Несмотря на страшную боль, протагонист описал это так: «Говорят, кофе пьют, чтобы взбодриться. Клянусь, ничто и никогда не бодрило меня так, как этот отменный крепкий кофе с тенистых склонов Кении» [1, с. 129].

Выплеснутый обиженной девушкой горячий кофе преследовал кота целых три недели, потому что он от боли «взвился на два метра и понесся по округе» [1, с. 129]. Это притом, что погода была холодная, и кипяток не успел ошпарить его шкуру полностью. Оптимистичный кот сделал вывод, что удача была на его стороне.

Интересно, что повествователь для создания комического эффекта дважды, но в разных смыслах повторил глаголы «взбодриться, бодрить». В первом случае речь идёт об удовольствии, доставляемом кофе, а в другом – о физической боли, которую девушка, озлобленная душевной раной от разрыва с любимым, жестоко направила свою боль на кота, проходящего мимо.

Посредством этих глаголов описываются и страдания Витюши, безответно влюблённого в Юлю. Речь идёт о том, что Виктор вдруг почувствовал неизъяснимую нежность к школьному звонку. В углу, где висел звонок, между уроками всегда простаивал Витюша, глядя туда, где висели «две металлические выпуклости с выдающимися гайками посередине, которые будоражили его воображение. Он проникся к звонку загадочным и благоговейным чувством, какое язычник питает к предмету культа. Он зарисовывал звонок карандашом в блокноте. Тонкими штрихами оттенял упругий металл. Старательно выводил грани гаек» [1, с. 70-71]. Автор-повествователь констатирует, что организм Витюши изменялся и взрослел. Кот Савелий как будто уступил в этом эпизоде своё повествование биографическому автору книги. А затем Савва вновь пишет от себя, романтизируя свой рассказ, помещая эпизод с фотографией, где запечатлена выписка Лены из родильного дома, тем самым намекая на то, что у Витюши всё будет хорошо, что его страдания временные, полудетские. Ведь на фото все счастливы: и Лена трепетно обнимает «куль с новорождённым», и особняк Морозовых ещё целый и не развалился, и «угол фотографии закрыт чем-то багровым. Это попал в объектив палец фотографа» [1, с. 77], но было очень красиво и нежно.

Появляющееся несколько раз то у кота, то у Лены фото говорит о его особой важности. Свет уголка – явно деталь символическая, говорящая о надежде на счастье. Фото символизирует молодость, надежду на любовь и радость, которые даются семьей и детьми. О найденной на полке котом Савели-

ем фотографии как о романтической и комической детали одновременно говорит в конце романа Лена, любуясь «багровым пятном», оставленным нерадивым фотографом. Сравнивая себя с помятым бумажным листом, она вспоминает: «Опускаешься на землю. …Скрещиваешь ноги и сидишь так десятилетиями, похожая на скомканный лист бумаги» [1, с. 178]. Также Лена слушает шум в раковине, любуется «облачком в углу снимка, которое оказалось всего лишь пальцем фотографа, попавшим в объектив». Но для героини это есть её «тихое бархатное подполье. Надежда на надежду. Никогда не сказанное, никогда не выговоренное, никогда не прозвучавшее» [1, с. 172]. Этот эпизод носит и романтический, и иронический характер. Об этом говорит параллельная трагикомическая деталь: знаком судьбы Лены стала забытая в парке кукла, застывшая до самой весны с раскрытыми для объятий руками, грустная и неподвижная под осенними дождями и зимними снегами. Деталь тоже повторена в романе дважды.

Другая смеховая символическая деталь – смятый лист – характеризует и Лену, и художника Белаквина, и кота Савву, жалеющего людей. Эти пересечения показывают, что судьбы и у людей, и у котов сходны, а также у простых людей и творческих личностей. Только любовь и близость дают ощущение счастья и тем, и другим.

Кот Савелий передаёт иногда трагикомизм людского существования через смеховую символику «рояля с пятиэтажный дом», который тащат русские мужики. Параллельный символ – тяжёлая неудобная одежда, которую носят люди: «на каждый возраст им предоставляются целые гардеробы, набитые нарядами условностей, социальных благоглупостей и всяческих утех. Выбирай, какой хочешь. Но именно эти тяжёлые наряды, всегда сшитые не по размеру, и делают их такими несчастными. <…> И как в кошмарном сне, поначалу человек пребывает в ужасе, но потом, <…> попривыкнув к бессмыслице» [1, с. 139], смиряется.

Сава представлял символ обессилевших в ежедневной суете и борьбе за жизнь с помощью образов огромного рояля и гардероба со страшно неудобной и не по росту сшитой одеждой и показывал в конце иронического описания, что трудно всем им тащить (рояль) и носить (гардероб), потому что нет настоящей любви у жён к мужьям, отчего можно было «задохнуться» в этом хламе претензий друг к другу [1, с. 139].

Наблюдая за людьми, и кот Савелий, и кот Оливер не переставали удивляться, как они похожи на них, на котов. Вот умозаключение Оливера, созданное в духе иронического обоснования: «Люди обожают умных животных. <…> Они смотрятся в нас, как в кривые зеркала. Их умиляет наша недочеловечность. <…> Вид самого умного животного будит в них чувство интеллектуального превосходства» [1, с. 248].

Далее следует уточнение, что Оливер лежал после своей речи «в позе Сфинкса», что означало, что для Саввы его речь была показателем отжившей старины, неактуальности, ведь он говорил очень серьёзно до чрезмерности.

В.Я. Пропп верно подчёркивал, что, хотя в истории русской литературы есть произведения, в которых комическое «по своему стилю и трактовке трагично и сдержанно» (Например, «Записки сумасшедшего» Ф.М. Достоевского или «Шинель» Н.В. Гоголя), но комическое, как правило, не является противоположностью трагического, а «антиномией комического является только серьёзное» [8, с. 7].

Последнее замечание, которое сделал Савелий, отказавшись от предложения Оливера стать начальником «прайда» [9] при Елоховском соборе, следует сразу, хотя он узнаёт «славную» историю о предыдущем начальнике «прайда» и понимает, что речь идёт о его отце Момусе, гениальном коте.

Отца сбила машина, и о его смерти Оливер говорит саркастически: «Отвратительно было видеть скрытый механизм его драгоценного, насмешливого разума раскатанным по асфальту» [1, с. 246]. Ведь смерть его наступила от грузовика, когда Момус был на вершине славы в кошачьем «прайде», а затем, став актёром в цирке, был звездой театра.

Савелий понимает, что унаследовал от отца «драгоценный насмешливый разум». Это очень важное признание героя, которое призвано подчеркнуть, что «насмешливый разум драгоценен», значит, юмор был заложен в натуру протагониста романа кота Савелия.

Комично то, что кот Савелий назвал сброд бродячих котов «прайдом», а своё повествование о жизни в Елохове – паломничеством.

По его мнению, на самом деле Савва искал себе простое пристанище, «я вспомнил о своей паломнической миссии. <…> Я тронулся в путь к храму» [1, с. 216], – писал об этой истории сам Савелий, занимаясь самовосхвалением, для того чтобы поддержать своё настроение после встречи с «чёрным человеком».

Словом «прайд» обычно называют семейство грозных львов, а не голодных и больных котов. Но «два отца-основателя решили устроить настоящую кошачью коммуну, гавань справедливости и милосердия в океане горя и зла» [1, с. 229]. Назвав приют «прайдом», повествователь вызвал изменение смысла слова на противоположный, что дало комический эффект, потому что в основу высказывания положены журналистские штампы советского времени, вошедшие в широкий публицистический оборот.

Вначале был парадиз, потому что «Каждый сирый, слабый и обездоленный кот мог прийти сюда и запросто стать членом прайда» [1, с. 232], но на самом деле это было не так, если проигрывала любимая им футбольная команда, то отец Поликарп погружался в запой и не кормил котов: «коты напрасно строились перед ним в каре и по команде хормейстера затягивали песню о пользе регулярного питания» [1, с. 236]. Литературные реминесценции и публицистические штампы использованы здесь в изобилии. Уходя из «прайда», Савва произнёс: «Что я могу сказать? Тень отца преследовала меня всю жизнь. <…> Или нет, мы оба преследовали друг друга» [1, с. 236]. Он не хотел повторять судьбу своего отца и не воспринимал прайд как парадиз, зная, что устаревший смысл слова «рай», а более современные значения – театр, балаган. Рай превратился в театр – «Весь мир театр и балаган» [10, с. 949].

Все описания жизни кошачьего «прайда» в Елоховском соборе представляют собой комическое преувеличение и диссонанс, противоречивую стилизацию под официально-деловой стиль и под высокий романтический стиль художественной литературы, превращаясь в насмешливое, порой ироничное, даже карикатурно-гиперболическое повествование. Здесь широко используется политическая лексика, научные термины, социальные штампы («Каждый сирый, слабый и обездоленный кот мог стать членом прайда» [1, с. 229]; «То первое время совместной жизни все считали парадизом»; отцы-основатели имели «разные взгляды на политический курс прайда» [1, с. 230]).

Одновременно повествователь использует штампы и клише, употребляя такие общественно-политические термины, как «авторитарный режим», «субординация и беззаветное служение общему делу», «построение вертикали власти» [1, с. 230] и многие другие. Для создания комического эффекта автор использует также цитаты из мировой литературной классики («шекспировские страсти», «тень отца Гамлета» [1, с. 233] и др.).

Символические детали, формирующие образы в романе Григория Служителя, тоже комичны или трагикомичны. Их можно подразделить по целевому назначению: а) символы, характеризующие характеры и судьбы героев; б) контрастные и однородные символы. Примером контрастной символичной детализации являются, например, знаки на лбах некоторых персонажей из животного и человеческого мира.

Как правило, эта полоса или знак над правой бровью, символизирующие основную черту характера героя и содержащие намёк на дальнейшую его судьбу. У матери Савелия, кошки Глории – это была «милая» белая косая полоска, придающая, по словам повествователя, «трагический оттенок её облику» [1, с. 19].

У Сергея, бросившего беременную Лену, тот же символ является профанным, находясь над правой бровью, представляет собой шрам, оставшийся после драки. Это тоже символ судьбы Сергея и Лены. Об этом говорит то обстоятельство, что брошенная им Елена видит этот знак только в момент его кощунственной лжи, когда он объявляет беременной от него девушке о своём отъезде в Америку [1, с. 61-62].

Особенность знака на лбу связана с лживым и вздорным характером героя: бросая Лену, тем самым он отказывается от своего сына, который должен родиться, и определя-

ет свою дальнейшую одинокую и несчастливую судьбу.

Символ-деталь свидетельствует о будущем драматизме не только его судьбы: нелюбимые две жены, которые у него были, подтверждают ветреность его натуры, которая в результате привела его к одиночеству.

Комической обобщающей деталью образом-символом трагичности судьбы Лены и Витюши являются тапочки, наполняющие огромный шкаф в доме: их видит и кот Савелий. В этом шкафу нет ни одной пары – все тапки разрознены. Символ становится трагикомическим: тапки бережно хранятся, но никто не помнит, кому они принадлежали, и выбросить все боятся, ведь это всё, что осталось от многих умерших родных им людей.

Знак на лбу присутствует и у художника Белаквина. Но это уже символ жестокости, за которую он расплачивается одинокой судьбой и самоубийством. Художник объясняет этот знак так: «на лбу появились короткие горизонтальные морщины. Они похожи на засечки, которые мой дед-охотник оставлял на прикладе ружья, когда убивал какого-нибудь крупного зверя» [1, с. 167].

При этом Балаквин, глядя на себя в зеркало, рассуждает о том, как он изменился внешне. Насечки на лбу появились у него вместо «фирменного ангельского румянца, за который его так любили бабы» [1, с. 167].

Если контрастные символы призваны определить особенность характеров персонажей и одновременно их судеб, то однородные знаки характеризуют героев со всех сторон, определяя главную черту характера одного персонажа.

Например, жизнь Витюши, влюблённого не в его девушку и выросшему без отца, не имеющего в семье ни одного мужчины, с которого можно было брать пример поведения, определена знаками: поломанный драндулет, расшатанный старый лифт; мёртвые, пустые вагончики, которые говорят об одиночестве и несчастье, но этот персонаж, в конце концов, их преодолел.

Однородные символы имеют комический характер у этого персонажа, очевидно, потому что Витюша был определённо ошибкой своих родителей. Все символические детали – это средства для передвижения, поэтому они передают оптимистическую надежду на исправление его судьбы. И в конце романа мы видим этого героя счастливым, он сподвиг себя на создание семьи, он любит жену и ребёнка.

Таким образом, можно констатировать, что все перечисленные средства комизма, безусловно, призваны в романе осуществлять несколько функций: призваны утверждать главную идею произведения, состоящую в том, что целью жизни является любовь к ближним своим, а судьба зависит от самого человека и его способности любить, а не от разных внешних обстоятельств.

Приёмы комизма имеют широкую функциональность и используются в романе Григория Служителя «Дни Савелия» на нескольких архитектонических уровнях: метафорическом (комические символы-детали, выступающие маркерами характеров персонажей и их судеб); на лексическом уровне (определяющие гражданский, социальный и профессиональный уровень поведения персонажей); на образном уровне (позволяющие судить о личностной ценности героя); на композиционном уровне (помогающие развитию и продвижению сюжетных схем от рождения до смерти персонажа); на идейном уровне (выявляющие позицию героя-маски и автора-создателя произведения, формирующие особенность его мировидения) и на проблемном уровне (помогающие решить важные для писателя вопросы бытия: смысла исторического развития России, проблему отцов и детей, проблему наследования духовных ценностей, а также определение роли искусства в нашей жизни и многие другие).

Список литературы

1. *Служитель Г.М.* Дни Савелия. М.: Изд-во АСТ, 2020. 384 с.
2. *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Рус. яз., 1999. 739 с.
3. Энциклопедический музыкальный словарь / отв. ред. Г.В. Келлыш. М.: Большая сов. энцикл., 1959. 327 с.
4. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 357 с.

5. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. Т. 6. 505 с.
6. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 5 т. Красноярск: «УНИВЕРС»; ПСК «СОЮЗ», 1999. Т. 2. 768 с.
7. *Карасёв Л.В.* Философия смеха. М.: Наука, 2004. 385 с.
8. *Пропп В.Я.* Проблема комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре. М.: Лабиринт, 2007. 256 с.
9. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2004. 1198 с.
10. *Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2004. 992 с.

References

1. Sluzhitel G.M. *Dni Saveliya* [The Days of Savely]. Moscow, AST Publ., 2020, 384 p. (In Russian).
2. Krysin L.P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Russian Language Publ., 1999, 739 p. (In Russian).
3. Kellysh G.V. (executive ed.). *Entsiklopedicheskiy muzykal'nyy slovar'* [Encyclopedic Musical Dictionary]. Moscow, Great Soviet Encyclopedia Publ., 1959, 327 p. (In Russian).
4. Tamarchenko N.D. (sci. ed.-in-chief). *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a Glossary of Relevant Terms and Concepts]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, 357 p. (In Russian).
5. Bakhtin M.M. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols.]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., Slavic Languages Publ., 2002, vol. 6, 505 p. (In Russian).
6. Pushkin A.S. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 5 t.* [Completed Works: in 5 vols.]. Krasnoyarsk, "UNIVERS" Publ., PSK "SOYUZ" Publ., 1999, vol. 2, 768 p. (In Russian).
7. Karasev L.V. *Filosofiya smekha* [The Philosophy of Laughter]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 385 p. (In Russian).
8. Propp V.Y. *Problema komizma i smekha. Ritual'nyy smekh v fol'klore* [The Problem of Comic and Laughter. Ritual Laughter in Folklore]. Moscow, Labirint Publ., 2007, 256 p. (In Russian).
9. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]. Moscow, ONIKS 21st century Publ., Mir i Obrazovanie Publ., 2004, 1198 p. (In Russian).
10. Stepanov Y.S. *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Academic Project Publ., 2004, 992 p. (In Russian).

Информация об авторе

Глазкова Марина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии, Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов, Российская Федерация, rusfilol37@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0518-9896

Вклад в статью: анализ художественного текста, работа с литературными источниками, написание и редактирование статьи.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021
Одобрена после рецензирования 15.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Marina M. Glazkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Philology Department, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, rusfilol37@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0518-9896

Contribution: literary text analysis, work with literary sources, manuscript drafting and editing.

The article was submitted 27.02.2021
Approved after reviewing 15.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 82.01/.09
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-475-482

Современные писательские блоги в литературном, научном и образовательном пространстве

Светлана Александровна СТАРОСТИНА
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ ssa_star@mail.ru

Аннотация. Рассмотрен феномен сетевой литературы как неотъемлемая часть современного литературного процесса. Проанализировано такое явление, как «писательский блог» на предмет его соответствия основным требованиям сетературы: гипертекстуальности, интерактивности, мультимедийности, неформальности и процессуальности текста, а также его семантической наполненности. Проведено исследование авторских писательских блогов Д. Глуховского, Е. Водолазкина, Е. Гришковца, с одной стороны, как методов создания художественного произведения, с другой – как способов продвижения личности и творчества писателя. При этом выявлены не только авторские особенности ведения блогов и общения писателей с читательской аудиторией, но также индивидуальные подходы отдельных художнических индивидуальностей к созданию и популяризации своих произведений (коллективное написание текстов, соединение художественного произведения с мультимедийным контентом и т. д.). Рассмотрена проблема изучения сетевой литературы в учреждениях среднего образования, а также сформулированы пути её решения. В частности, предложено введение в образовательный процесс исследовательских проектных работ по актуальным вопросам сетературы, современных интерактивных методов обучения, а также общения школьников с современными сетевыми писателями в формате форумов и блогов.

Ключевые слова: сетература, литературный процесс, писательский блог, форум, школьное образование

Для цитирования: *Старостина С.А.* Современные писательские блоги в литературном, научном и образовательном пространстве // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 475-482. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-475-482

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Старостина С.А., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-475-482

Modern writing blogs in the literary, scientific and educational space

Svetlana A. STAROSTINA
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ ssa_star@mail.ru

Abstract. We consider the phenomenon of network literature as an integral part of the modern literary process. We analyze such a phenomenon as a "writing blog" for its compliance with the basic requirements of the neterature: hypertextuality, interactivity, multimedia, informality and processuality of the text, as well as its semantic content. We conduct a study of the author's blogs of D. Glukhovsky, E. Vodolazkin, E. Grishkovets, on the one hand, as methods of creating an artistic work, on the other, as ways of promoting the personality and creativity of the writer. Meanwhile, we identify not only the author's peculiarities of blogging and communication of writers with the readership, but also the individual approaches of particular artistic individuals to the creation and popularization of their works (collective texts writing, combining an artistic work with multimedia content, etc.). We consider the issue of studying online literature in secondary educational institutions, and also develop ways to solve it. In particular, we propose an introduction to the educational process of research project work on topical issues of neterature, modern interactive teaching methods, as well as communication of schoolchildren with modern network writers in the format of forums and blogs.

Keywords: neterature, literary process, writing blog, forum, school education

For citation: Starostina S.A. Sovremennyye pisatel'skiye blogi v literaturnom, nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve [Modern writing blogs in the literary, scientific, and educational space]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 475-482. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-475-482 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

На сегодняшний день филологическое пространство сложно представить без информационных технологий, которые являются во многом своеобразным маркёром происходящих в нём процессов. Результаты глобальной информатизации, ставшей за последние десятилетия главным вектором во всех экономических и социополитических изменениях, не могли не отразиться на современном литературном процессе. Этим обусловлено появление такого феномена, как сетевая литература, или сетература – все литературные тексты, размещённые в Сети, и тексты, которые по ряду причин не могут быть перенесены на бумагу без потери художественной ценности. Применение понятия «сетература» в научном литературоведческом обороте поддерживалось такими учёными, как С. Корнев [1], В. Смоленский [2], Д. Горчев [3] и др.

Трансформации форм и жанров сетевой литературы на протяжении уже нескольких десятилетий являются объектом непрерывных научных дискуссий. На сегодняшний день одной из ведущих и одновременно спорных форм существования сетевой литературы являются писательские блоги, поскольку в них наглядно проявляются самые важные особенности бытования литературы в Интернете. Стоит отметить, что писательский блог по свой форме практически не отличается от других авторских блогов, однако имеет ряд собственных, присущих только ему функций, отвечающих главным принципам сетевой литературы: гипертекстуальности, интерактивности, мультимедийности,

неформальности и процессуальности сетевого текста.

Следование принципам интерактивности и процессуальности позволяет писателю в своем авторском блоге, с одной стороны, осуществлять общение с читательской аудиторией в режиме онлайн, с другой – читателям активно участвовать в творческом процессе, комментировать произведения, расширять канву повествования, таким образом становясь «соавторами» [4].

Гипертекстуальность и мультимедийность художественных текстов в Сети обладают схожим функционалом и направлены на трансформацию формы подачи текстового материала. Объединение посредством ссылок разных фрагментов текста, гиперссылочное оформление комментариев к тексту даёт возможность читателям осуществлять индивидуальную трактовку произведения, что обусловливает множественность вариантов прочтения одного и того же текста. Дополнение произведений мультимедийным контентом (видео- и аудиоматериалы, изображения, эмотикон и др.) в итоге позволяет перевести его из статуса классического художественного произведения в Сети в форму интерактивной текстовой инсталляции.

Кроме того, некоторые художественные тексты становятся основой для создания мультимедийных или игровых проектов как, например, романы Д. Глуховского «Метро 2033» и «Будущее», которые некоторые учёные определяют как продукт компьютеризации литературы – взаимодействие компьютерных технологий и литературы, внедрение элементов компьютерной игры в текст. Так, А.А. Кабирова проводит сопоставительный анализ композиции произведений автора и основных структурных особенностей компьютерной игры, выделяя основные позиции компьютеризации романов, особенно выделяя следующее: «1) Глава как уровень. Каждая глава представляет собой отдельный уровень. Она имеет номер, название, обладает сюжетной законченностью… 2) Герой статичен. Характер героя претерпевает малейшие изменения, внутренний мир героя не акцентируется, задаётся определенный набор перманентных качеств характера, которые таковыми и остаются на протяжении всего произведения, меняются лишь обстоятельства… 4) Повествование от первого лица. Большинство компьютерных игр созданы от первого лица. Мы видим мир героя его глазами. Перемещая своего героя, Д. Глуховский никогда не даёт посмотреть нам на него со стороны. Мы всегда «играем» за него, проходим испытания и уровни его глазами. Даже перемещаясь между временем и пространством, герой находится на том же месте в отношении самого себя, на оси координат своего существования» [5, с. 195] и др.

Стоит отметить, что произведения Д. Глуховского, которые стали не только неотъемлемой частью сетевой литературы, но и ярким примером интеграции текстового контента в мультимедийное пространство, отвечают всем требованиям сетературы, одним из которых является и неформальность – максимальное сближение языка произведения с устной речью, активное использование жаргонного сленга и эмотикона. Такая форма создания художественных текстов предполагает максимальное упрощение языка, его ориентацию на широкую читательскую аудиторию, развлекательность и в некоторой степени скандальность. Такая тенденция в современной литературной интернет-среде вполне закономерна и объясняется открытостью художественных произведений.

Однако приведённые принципы существования современной сетевой литературы отнюдь не свидетельствуют об однотипности произведений, авторском подражании и утрате индивидуальности. Напротив, некоторые современные писатели (Д. Глуховский, Е. Водолазкин, З. Прилепин, В. Сорокин и др.) сами являются объектом отдельного тематического интернет-пространства, в котором задействовано несколько ресурсов: как правило, это официальный сайт, фансайты, а также страницы в соцсетях и информационные ресурсы в поисковых системах, к примеру, Яндекс.Дзен. Исследования этих ресурсов позволяют выделить эксклюзивный авторский продукт с уникальным стилем оформления, манерой общения с читательской аудиторией, схожим интерфейсом и неповторимой атмосферой.

Ярким примером такого тематического интернет-пространства служат авторские ресурсы Е. Водолазкина, на которых не только размещены тексты созданных им художест-

венных произведений, но также активно ведётся общение с читательской аудиторией самим писателем, проводится обсуждение его творчества, анонс творческих и официальных встреч. Так, например, на официальном сайте писателя (https://evgenyvodolazkin.ru) помещена достоверная информация о его личности и творчестве, включая библиографию, контакты и т. д.

Писательский блог Е. Водолазкина «Сноб» (https://snob.ru/profile/26317/blog) ориентирован на диалог автора с читателями и критиками, в рамках ресурса происходит живое общение, комментирование произведений, однако формат сайта свидетельствует о некоторой степени официальности блога.

Страница Е. Водолазкина в социальной сети Инстаграм (https://www.instagram.com/evgenyvodolazkin_ru/) имеет широкую аудиторию подписчиков – более 15 тысяч, большая часть из которых являются активными пользователями, регулярно поддерживающими общение с писателем. Соцсеть позволяет перевести диалог «автор–читатель» в неформальную плоскость, облегчить и ускорить обмен комментариями, фото- и видеоматериалами, что значительно сближает писателя с обществом, позволяет максимально популяризировать его личность и творчество в широких массах.

Приведённые ресурсы, их тематическое и стилистическое сходство под знаком единого авторского начала лишь частный пример, проблема бытования личности писателя и его литературных произведений в Сети носит острый дискуссионных характер в исследовательской среде, что подтверждено множеством работ разного плана – от научных статей до выпускных квалификационных работ и диссертаций с широкой географией.

Так, например, в рамках Пермского государственного национального исследовательского университета М.П. Абашева и О.М. Петрова исследуют творчество Е. Гришковца в контексте современной сетевой литературы, а также блог-литературу как одно из направлений сетературы. Анализируя творческий путь писателя в Сети, учёные установили присущий Гришковцу собственный взгляд на авторский диалог с читателями, который у него, к сожалению, не сложился, что стало причиной его ухода в начале 2000-х гг. из ЖЖ: «В конце концов я понял всю опасность и вред зависимости от быстрой реакции на сказанное в Интернете, жестокость и злоба ранили не меньше, чем благодушие и похвалы» [6, с. 5]. В итоге писатель принял приемлемую для себя форму работы в Сети – создание сайта Odnovremenno.com с незамысловатым интерфейсом – имитация бумажных листов на сером фоне и полным отказом в общении с читательской аудиторией. Таким образом, его дневниковые записи, имеющие датировку, размещенные на сайте, складываются в блог-книгу – в этом и заключается замысел автора. М.П. Абашева и О.М. Петрова указывают именно на этот факт, что если в печатном варианте произведения художественный замысел присутствует с самого начала, собственно, как и ориентированность на жанровую принадлежность, то в блогкниге они возникают в момент составления текстовой «мозаики» в единое целое. Автор сначала анализирует разрозненные фрагменты, а затем выстраивает внутреннюю логику и сюжет произведения [7].

Стоит отметить, что Е. Гришковец – приверженец работы над своими произведениями без присущего сетературе коллективного «соавторства», его произведения уникальны своим авторским стилем, манерой письма и языком. Однако при этом писатель не утрачивает связь с читателями, он соблюдает определённую дистанцию, но полностью не закрывается, что подтверждается непрекращающимся ведением блога, который является для писателя коммуникативным инструментом в современном культурном пространстве. На платформе авторского блога Е. Гришковца представлен созданный им музыкальный контент, а также аудиокниги и видеоверсии спектаклей. «Здесь же осуществляется экономическая деятельность: объявляется краудфандинг (сбор читательских средств) на создание видеоверсий спектаклей, на издание новых книг, создание декораций для спектакля и т. д.» [7, с. 108].

Таким образом, литературный блог можно рассматривать двояко: как, с одной стороны, пространство, а с другой – метод для создания художественного произведения, или как средство продвижения личности и творчества писателя.

Стоит обратиться к ещё одному учёному, представляющему Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского А.А. Суворову, чьи научные изыскания также связаны с блогосферой в современной литературе, а также с творчеством и читательской аудиторией Е. Гришковца. По мнению учёного, на сегодняшний день читательская аудитория – это сложный «организм», который не просто знакомится с произведениями, осмысливает их, комментирует, критикует, но и активно участвует в творческом процессе, непрерывно коммуникатирует с автором, чему активно способствует блогосфера. Однако, как и было указано ранее, Е. Гришковец создал на своём сайте индивидуальное авторское пространство, в котором невозможно «соавторство» совместно с читателями. А.А. Суворов справедливо отмечает: «Творчество Гришковца являет собой образец литературы новой эпохи, адресат которой может характеризоваться через сложную совокупность явлений «читатель – зритель – слушатель – пользователь». На примере книг современного литератора, которые были сотканы из его записей в блоге, можно проследить развитие авторской стратегии в тексте с синтетической адресацией» [8, с. 221].

Представитель Московского педагогического университета Лина Сарин исследует роман Д. Глуховского «Метро 2033», как уникальный литературный проект, прошедший полноценный стадийный цикл от печатной до сетевой литературы и в итоге трансформировавшийся в мультимедийный продукт. Активное применение интернет-ресурсов писателем для продвижения своего произведения позволило вывести роман «Метро 2033» на высокие показатели читательского спроса как в России, так и за рубежом. «Глуховский не остановил свой выбор на сайтах, выступающих стандартными площадками для интернет-авторов (например, Самиздат (http://samlib.ru/)).

Изначально Д. Глуховский создал свой собственный сайт, а затем уже занялся его продвижением на различных форумах и прочих интернет-площадках. Кроме того, текст романа был размещён в нескольких крупных сетевых библиотеках, а также в живом журнале автора (http://dglu.livejournal.com/). Прежде чем произведения Д. Глуховского дошли до читателя, ему пришлось поработать не только автором, но и создателем своего сайта, и собственным PR-агентом» [9, с. 55]. Непрерывная коммуникация с читателями, общение не только на официальных сайтах, но и на собственных страницах в Сети, уникальность тематики произведений и активная интеграция текста и мультимедиа – основные аспекты творческой деятельности Д. Глуховского, позволившие ему занять передовые позиции в плеяде современных сетевых писателей: «Творчество Д. Глуховского доказывает, что между сетевой и несетевой литературой нет непроходимой формально-содержательной и эстетической границы – наоборот, художественная литература расширяет свою читательскую аудиторию и, одновременно, обогащает сетевую словесность» [9, с. 56].

Современная сетевая литература и феномен писательской блогосферы активно изучаются в рамках Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина под руководством Н.Ю. Желтовой, Н.И. Платицыной, В.В. Колчанова, С.А. Старостиной и других учёных. Научная работа осуществляется по следующим направлениям:

– функционирование, тематическое наполнение, хронологическое изменение форм прозаических и поэтических писательских блогов на примере электронных ресурсов Е. Гришковца, О. Дивова, Б. Акунина, Е. Водолазкина, В. Сорокина, А. Русс, В. Полозковой и других авторов. Предметом исследования этого тематического направления служит сетевое и несетевое художественное наследие писателей и поэтов, их творческий путь в рамках современной сетевой литературы, трансформация лексики и языка произведений в разный период написания;

– взаимодействие и взаимопроникновение сетевых и печатных литературных произведений на примере как отдельных авторов, так и произведений;

– феномен писательского бренда и коммерциализация литературы, в частности зависимость эффективного продвижения произведения от популярности писателя. Кроме того, в рамках этого направления исследуется брендирование личности автора, приобретение им коммерческой ценности,

которая стимулирует интерес общественности в целом либо определённой читательской аудитории;

– рецепции отдельных писателей во всемирной сети Интернет (Ф. Сологуб);

– проблема интерпретации литературного произведения разнонациональными читательскими аудиториями (например, «Песнь льда и пламени» Джорджа Р.Р. Мартина) и его бытование в Сети, а также его рецепция в других культурных сферах;

– организация процесса «сотворчества» в Сети, литературные блоги, блог-книга, буктьюбинг и т. д. (например, анализ истории написания гипертекстового интерактивного произведения (литературной игры) «РОМАН» Р. Лейбова).

Таким образом, наметившаяся ещё несколько десятилетий назад тенденция интереса к сетевой литературе в современном филологическом пространстве приобретает широкий общенациональный масштаб. Однако изучение сетературы по большей степени происходит в рамках высших учебных заведений и практически не присутствует в учебном процессе школ, лицеев и колледжей, что, на наш взгляд, является существенным упущением [10].

Повышение интереса учащихся средних общеобразовательных учреждений к изучению сетевой литературы может быт осуществлено по следующим направлениям:

– проектная деятельность в рамках факультативных занятий по проблемным аспектам, например, сопоставительный анализ популярных писательских блогов по основным параметрам сетевой литературы; эффективность привлечения мультимедийного контента в процессе продвижения авторских электронных ресурсов; изменение читательской аудитории и её предпочтений на протяжении определенного возрастного периода (10, 15, 20, 30 лет), при этом осуществляется ориентация школьников на выполнение проектов в креативной форме (видеоразмышление, интерактивная игра и т. д.);

– изучение авторского инструментария создания современных литературных произведений, в рамках факультативов возможно создание коллективного поэтического или прозаического произведения на заданную тему на специально созданной для этого электронной платформе (форум, страница в соцсети, группа в мессенджере);

– исследование истории создания произведения, личности автора, литературного контекста, связанного с его творчеством посредством интерактивного инструментария (игр, приложений, квестов и т. д.);

– рассмотрение в теории и на практике феномена буктьюбинга на основе уже существующих тематических видеохостингов и создание собственного ресурса для размещения в нём критических видеороликов на произведения современной сетевой литературы.

Таким образом, несмотря на современную активную научную деятельность российских учёных по рассмотрению сетературы как части современного литературного процесса, существует проблема её изучения в учреждениях среднего образования. Авторские блоги писателей, их особенности, уникальный стиль, существование художественных произведений в Сети и методы их продвижения, инструментарий создания писательского бренда могут быть также актуальной базой для исследовательского интереса со стороны современных школьников и выполнения ими творческих заданий в рамках основного учебного процесса и/или факультативных занятий.

Список литературы

1. *Корнев С.* «Сетевая литература» и завершение постмодерна: Интернет как место обитания литературы // Новое литературное обозрение. 1998. № 32. С. 29-47.
2. *Смоленский В.* Русская сетевая литература // Русская культура на пороге нового века. URL: http://www.susi.ru/sapporo2000.html (дата обращения: 14.01.2021).
3. *Горчев Д.* Сетература // Терабайт. СПб., 2000. № 2. С. 25-37.
4. *Быкова Т.С., Старостина С.А.* Состояние отечественной сетевой литературы: прогресс или регресс // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конф. Вып. 10 / науч. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. С. 538-542.

5. *Кабирова А.А.* Компьютеризация литературы Дмитрия Глуховского на примере романов «Метро 2033» и «Будущее» // Научный альманах. 2018. № 10-3 (48). С. 194-197.
6. *Гришковец Е.* От жжизни к жизни. М.: Махаон: Азбука-Аттикус, 2012. 429 с.
7. *Абашева М.П., Петрова О.М.* Блог-литература как феномен: опыты Евгения Гришковца // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 103-112.
8. *Суворов А.А.* Блогосфера как литературная среда: «цифровой» читатель Евгения Гришковца // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2016. Т. 16. № 2. С. 211-222.
9. *Сарин Л.* Литературный проект Д. Глуховского «Вселенная метро 2033» в контексте развития отечественной сетевой словесности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 1. С. 53-56.
10. *Старостина С.А.* Изучение сетевой литературы в школе: способы повышения исследовательского интереса // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сб. материалов Междунар. науч. конфе. Вып. 10 / науч. ред. Н.Ю. Желтова. Тамбов: Изд. дом «Державинский», 2020. С. 416-420.

References

1. Kornev S. «Setevaya literatura» i zaversheniye postmoderna: Internet kak mesto obitaniya literatury ["Network literature" and the end of Postmodernism: The Internet as a Habitat for Literature]. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New Literary Review], 1998, no. 32, pp. 29-47. (In Russian).
2. Smolenskiy V. Russkaya setevaya literatura [Russian network literature]. *Russkaya kul'tura na poroge novogo veka* [Russian Culture on the Threshold of a New Century]. (In Russian). Available at: http://www.susi.ru/sapporo2000.html (accessed 14.01.2021)
3. Gorchev D. Seteratura [Neterature]. *Terabayt* [Terabyte]. St. Petersburg, 2000, no. 2, pp. 25-37. (In Russian).
4. Bykova T.S., Starostina S.A. Sostoyaniye otechestvennoy setevoy literatury: progress ili regress [The state of Russian network literature: progress or regression]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i slovesnost'». Vyp. 10* [Collection of Proceedings of the International Scientific Conference "Slavic World: Spiritual Traditions and Literature". Issue 10]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2020, pp. 538-542. (In Russian).
5. Kabirova A.A. Komp'yuterizatsiya literatury Dmitriya Glukhovskogo na primere romanov «Metro 2033» i «Budushcheye» [Computerization of the literature by Dmitry Glukhovsky on the example of the novels "Metro 2033" and "Future"]. *Nauchnyy al'manakh – Science Almanac*, 2018, no. 10-3 (48), pp. 194-197. (In Russian).
6. Grishkovets E. *Ot zhzhizni k zhizni* [From LiveJournal to Life]. Moscow, Makhaon: Azbuka-Attikus Publ., 2012, 429 p. (In Russian).
7. Abasheva M.P., Petrova O.M. Blog-literatura kak fenomen: opyty Evgeniya Grishkovtsa [Blog literature as a phenomenon: the experience of Evgeny Gryshkovets]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology,* 2017, vol. 9, no. 4, pp. 103-112. (In Russian).
8. Suvorov A.A. Blogosfera kak literaturnaya sreda: «tsifrovoy» chitatel' Evgeniya Grishkovtsa [Blogosphere as a literary environment: a "digital" reader of Evgeny Grishkovets]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya – Izvestiya of Saratov University. New Series*, 2016, vol. 16, no. 2, pp. 211-222. (In Russian).
9. Sarin L. Literaturnyy proyekt D. Glukhovskogo «Vselennaya metro 2033» v kontekste razvitiya otechestvennoy setevoy slovesnosti [D. Glukhovsky's literary project "Universe of Metro 2033" in the context of the development of online Russian (national) literature]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2017, no. 1, pp. 53-56. (In Russian).
10. Starostina S.A. Izucheniye setevoy literatury v shkole: sposoby povysheniya issledovatel'skogo interesa [Learning networked literature in school: ways to increase research interest]. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Slavyanskiy mir: dukhovnyye traditsii i slovesnost'». Vyp. 10* [Collection of proceedings of the International Scientific Conference "Slavic World: Spiritual Traditions and Literature". Issue 10]. Tambov, Publishing House "Derzhavinsky", 2020, pp. 416-420. (In Russian).

Информация об авторе

Старостина Светлана Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ssa_star@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9440-1486

Вклад в статью: идея исследования, анализ литературных источников, написание, оформление и редактирование статьи.

Статья поступила в редакцию 27.02.2021
Одобрена после рецензирования 19.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Svetlana A. Starostina, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ssa_star@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9440-1486

Contribution: study idea, literature references analysis, manuscript drafting, design and editing.

The article was submitted 27.02.2021
Approved after reviewing 19.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 801.73
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494

‘Страх’ и ‘смех’ Ф.М. Достоевского

Игорь Васильевич РУЖИЦКИЙ
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»
119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1
✉ konnitie@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – аргументация ключевой роли идиоглосс *страх* и *смех* в тезаурусе Ф.М. Достоевского с использованием материалов «Словаря языка Достоевского». Основным методом исследования, таким образом, является лексикографическая параметризация авторской языковой личности. Актуальность разрабатываемой темы заключается в необходимости дальнейшего поиска методов реконструкции языковой личности, конкретно – языковой личности Достоевского. Идиоглоссы *страх* и *смех* оказываются в центре соответствующих текстовых семантических полей, несомненно взаимосвязанных друг с другом в картине мира писателя. Приводятся статистические показатели употреблений слов *страх* и *смех* в текстах Достоевского и других писателей, его современников. Расширяется перечень ситуаций смеха, предложенный Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом, в частности, говорится о том, что интенцией смеха может служить желание скрыть отрицание персонажем каких-либо моральных норм, выделяется также компенсаторная функция смеха и др. Анализируются атрибутивные связи слов *смех* и *страх*, подчёркивающие их идиоглоссный статус. Делается заключение о том, что языковую личность Достоевского определяет в первую очередь Homo Ridens, человек смеющийся. Кроме того, анализ материала словарных статей *страх, страшный, страшно* и др. «Словаря языка Достоевского» позволяет зафиксировать причины появления страха у персонажей Достоевского и у самого автора, наиболее важными из которых являются неопределённость и случайность. Этот вывод представляется вполне обоснованным и не противоречит результатам большинства исследований языка и творчества Достоевского.

Ключевые слова: Достоевский, словарь языка писателя, идиоглосса, идеоглосса, тезаурус

Для цитирования: *Ружицкий И.В.* ‘Страх’ и ‘смех’ Ф.М. Достоевского // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 483-494. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-483-494

‘Fear’ and ‘laughter’ of F.M. Dostoevsky

Igor V. RUZHITSKY
Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation
✉ konnitie@mail.ru

Abstract. The work uses the materials of the Dostoevsky’s Language Dictionary argues the key function of idioglossas *fear* and *laughter* in F.M. Dostoevsky thesaurus. Thus, the main method of the research is the lexicographic parametrization of the author’s lingual identity. The relevance of the topic being developed is the need for further search of the methods for reconstructing the lingual identity, specifically – the lingual identity of Dostoevsky. These idioglossas are the centers of the corresponding textual semantic fields, which are undoubtedly interconnected with each other in the writer’s worldview. The work presents statistical data on the use of the words *fear* and *laughter* in the texts of Dostoevsky and other writers, his contemporaries. The list of laugh situations in the texts of Dostoevsky, proposed by Y.N. Karaulov and Y.L. Ginzburg, is broaden, for example, the laugh intention can be the desire to hide by the character some moral standards denial, the compensatory function of laugh, etc. We analyze the attributive relationships of the words *laughter* and *fear* emphasizing the idioglossary status of these words. It is concluded that the basis of Dostoevsky lingual identity is first of all Homo Ridens – “man laughing”. In addition, the analysis of dictionary entries *fear, scary, fearfully*, etc. of Dostoevsky’s Language Dictionary allows us to fix the reasons for the appearance of fear in Dostoevsky’s characters and of the author himself, the most important of which are uncertainty and randomness. This conclusion seems quite reasonable and does not contradict the results of the most studies of Dostoevsky’s language and creativity.

Keywords: Dostoevsky, dictionary of the writer’s language, idioglossa, ideoglossa, thesaurus

For citation: Ruzhitsky I.V. ‘Strakh’ i ‘smekh’ F.M. Dostoyevskogo [‘Fear’ and ‘laughter’ of F.M. Dostoevsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 483-494. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-483-494 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

Смех довольно часто становился предметом исследований – философов, филологов, культурологов, социологов, психоаналитиков (М.М. Бахтин, А. Бергсон, Д.С. Лихачёв, Л.В. Карасёв, Ф. Ницше, З. Фрейд и мн. др.). То же можно сказать и о страхе, ставшем одним из основных объектов внимания прежде всего в экзистенциальной и близкой к ней философии (Э. Бёрн, А. Камю, А. Жид, П. Коэльо, С. Кьеркегор, Ж.-П. Сартр, А. Шопегауэр). Многие из этих мыслителей (см., например, [1]) или учились у Достоевского, или интерпретировали страх и смех на материале его произведений. В наши задачи ни в коем случае не входит анализ, даже краткий, концепций этих и других учёных, цель более скромная и более конкретная – систематизировать и изложить некоторые наблюдения, сделанные в ходе работы над Словарём языка Достоевского (далее – СЯД; см. [2], в пятом томе которого слова *страх* и *смех* подлежат лексикографическому описанию (в настоящее время завершается работа над пятым томом Идиоглоссария, куда войдут слова на буквы По–С)). Отметим, что Словарь языка Достоевского – это словарь-идиоглоссарий. Описываемые в Словаре единицы обозначаются термином «идиоглосса», то есть слово, характеризующее авторский идиостиль. Показателями идиоглоссного статуса слова являются особенности его сочинительных и подчинительных связей,

возможность вхождения в высказывание афористического типа, автонимное и игровое употребление и др. В иерархии идиоглосс выделяются ключевые единицы, выполняющие концептуальную функцию в тезаурусе Достоевского, – идеоглоссы, к которым, безусловно, относятся *страх* и *смех*. И идеоглоссы, и идиоглоссы являются языковыми маркерами, отражающими авторскую языковую картину мира.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Достоевского сложно представить человеком смеющимся, Homo Ridens: ранняя смерть матери, странная смерть отца, смертный приговор, каторга и каторжане, постоянная, впрочем, весьма относительная нужда… До 1864 года Достоевский всё-таки смеялся, смеялся он даже первые годы после каторги. П.И. Вейнберг так вспоминает об игре Достоевского в любительском спектакле «Ревизор»: «Я думаю, что никто из знавших Фёдора Михайловича в последние годы его жизни не может себе представить его комиком, притом комиком тонким, умеющим вызывать чисто гоголевский смех; а между тем, это было действительно так…» [3, с. 100]. После 1864 года Достоевский остался в памяти современников, о чём говорят их многочисленные мемуары, как человек скорее не-смеющийся, мрачный, нелюдимый. Не имитация казни, не каторга, но именно 1864 г. стал во многих отношениях для писателя переломным: смерть жены и любимого брата, участившиеся припадки эпилепсии, проблемы с журналом «Эпоха», очень непростые, надрывные отношения с Аполлинарией Сусловой и многое другое. Как следствие – практически полное одиночество. Вместе с тем именно смех занимает центральное место в творчестве Достоевского, начиная с самых первых его произведений и до конца жизни, о чём, в частности, говорит употребление писателем самого слова «смех», а также близких к нему по значению лексических единиц. И Достоевского, несомненно, интересовал сам феномен смеха, например, когда он писал о Гоголе и Лермонтове: «Были у нас и демоны, настоящие демоны; их было два, и как мы любили их, как до сих пор мы их любим и ценим! Один из них всё смеялся; он смеялся всю жизнь и над собой и над нами, и мы все смеялись за ним, до того смеялись, что наконец стали плакать от нашего смеха. <…> Он мстил и прощал, он писал и хохотал – был великодушен и смешон» (из во многом программной статьи Достоевского «Записки о русской литературе») (здесь и далее примеры из текстов Достоевского цит. по: [4]).

В восприятии русского читателя Достоевский представляется скорее как писатель не-смеющийся, мрачный: огромное количество смертей, убийств, самоубийств, размышлений о смерти… Что, кстати сказать, для японского читателя, например, является моментом положительным, во многом объясняющим доходящую до безумия, часто в прямом значении этого слова, любовь к Достоевскому. Западный читатель, несмотря на всю дефектность восприятия Достоевского через переводные тексты, смог почувствовать смех писателя. Томас Манн говорил о Достоевском как о «великом юмористе», о том, что творчество писателя проникнуто «необузданной стихией комического» (см.: [5]). Конечно, смех Достоевского заметили (и изучали) и российские исследователи его творчества и языка – М.М. Бахтин (смех, способствующий обновлению жизни, приближающий к телесности); Л.В. Карасёв (две разновидности смеха – комический и издевательско-бесовский, злой, с преобладанием второго у Достоевского); В.В. Виноградов, Д.С. Лихачёв, Р.Г. Назиров и др.

Несомненно также и то, что сам Достоевский исследовал не только феномен смеха, но и феномен страха. Текстовые источники – литературные произведения, личные письма, дневники, записные книжки и другие, говорят о том, что ‘страх’, а также сопряжённые с ним понятия занимают у Достоевского едва ли не центральное место, во многом определяют поступки героев и самого писателя. Естественным образом, хотя, конечно, следует отдавать себе отчёт в том, что в таких случаях прямая зависимость существует далеко не всегда, напрашивается параллель между высокой значимостью концепта ‘страх’ в текстах Достоевского и обстоятельствами его жизни, в том числе и личностными особенностями самого писателя – страх в ожидании смертного приговора, затем его исполнения;

страх быть посаженным в долговую яму; страх проиграть; страх перед постоянно повторяющимися припадками, не подчиняющимися какой-либо временной закономерности; страх показаться смешным. Парадоксалист в «Записках из подполья»: «До болезни тоже боялся я быть смешным и потому рабски обожал рутину во всём, что касалось наружного; с любовью вдавался в общую колею и всей душою пугался в себе всякой эксцентричности»; «Трагическое так же смешно, как и комическое. Боюсь смешного» (из «Записных тетрадей» Достоевского). И множество других страхов, в первую очередь – перед случайностью: «Но всё забочусь, и день и ночь об них [детях] думаю, и обо всех нас: всё хорошо, а вдруг случай какой-нибудь. Случайного я пуще всего боюсь» (из письма А.Г. Достоевской). Этот страх перед случайностью отражён, в частности, в употреблении слова *вдруг*, которое стало одним из самых популярных объектов исследования языка Достоевского.

Писателя интересует страх в самых разных его проявлениях и стадиях. Приведём только один пример – диалог Ставрогина с Лебядкиной: и испуг, и поднятая вверх рука, и многое другое. Страх в течение всего разговора Ставрогина с Лебядкиной сопровождается её смехом и улыбкой – безумным смехом, хохотом и – безумной улыбкой. Лебядкина постепенно перестаёт бояться, но начинает бояться уже Ставрогин (улыбкой тоже можно напугать) и в конце концов спасается бегством. Ставрогин, «демонический персонаж», столь любимый и одновременно ненавидимый практически всеми читательницами «Бесов», бежит: он столкнулся с безумием, которое гораздо сильнее, чем его собственное сумасшествие. Бегство, кстати, – основное проявление страха, оцепенение уже на втором месте.

Как было сказано выше, задача настоящей статьи весьма скромная, заключается она в изложении некоторых результатов анализа лексикографических данных, а конкретно – основных особенностей употребления лексем *смех, смеяться, смешной, смешно, страх, страшный, страшно, бояться, испугаться* и др., входящих в ядро и центр текстовых семантических полей ‘смех’ и ‘страх’. При этом мы постараемся избежать каких-либо глобальных философских или литературоведческо-интерпретационных обобщений.

Самое мифологическое в лексикографии, а, наверное, не только в лексикографии, но и вообще в жизни, – это статистика, информация, приводимая в статистических словарях. Тем не менее интересными и важными для решения наших задач могут оказаться данные словаря А.Я. Шайкевича, В.М. Андрющенко и Н.А. Ребецкой «Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг.» [6], в котором фиксируется относительная частота на 1 миллион словоупотреблений. Приведём отдельные наблюдения:

– относительная частота употребления слова *страх* в произведениях Достоевского обозначенного периода мистическим образом полностью (!) совпадает с частотой употребления слова *смех* – 221. Во всём корпусе текстов писателя частота употребления слова *страх* – 533, слова *смех* – 519, то есть почти совпадает. Достоевский без мистики не был бы Достоевским…

– эта частота превышает среднюю, если среднюю величину вычислять по текстам Толстого, Тургенева, Гончарова, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Островского и Писемского; превышает среднюю и частота употребления лексем *страшный* и *страшно*;

– наиболее частотной оказалась лексема *испуг*, а вот *ужас* сильно уступает Гончарову, *бояться* – Островскому;

– частота употребления глагола *смеяться* у Достоевского существенно превышает его частоту у других авторов – 547; например, у Салтыкова-Щедрина – 142; общая же частота употребления *смеяться* в текстах Достоевского всех периодов творчества – 1208, большая часть – 984 – в художественной прозе; персонажи Достоевского смеются намного чаще, чем персонажи других авторов, причём смеются очень и очень поразному, о чём будет сказано ниже (при этом мы не принимаем во внимание статистику относительно употребления глаголов *засмеяться* и *рассмеяться*, где картина несколько иная);

– в целом чаще у Достоевского персонажи *хохочут*, если учесть статистические показатели для слов *хохот, хохотать, захохотать* и *расхохотаться*;

– а вот улыбаются у Достоевского намного реже, частота употребления слова *улыбка* существенно ниже, чем у Толстого (284 – 710), как и глаголов *улыбаться* (148 – 955) и *улыбнуться* (181 – 313); *улыбка*, конечно, может быть болезненной, даже злой, но сравнительно нечасто, в отличие, скажем, от *усмешки*: частота употребления *усмехаться* и *усмехнуться* у Достоевского сильно превышает аналогичную у всех остальных авторов: например, эти глаголы, а также существительное *усмешка* вообще не встречаются у Островского (напомним, что мы ориентировались на статистику дли периода 1850–1870 гг.).

Можно сделать следующее заключение: общая частота употребления лексемы *смех*, а также семантически близких ей у Достоевского существенно превышает среднюю, определяемую по текстам восьми авторов. Она примерно такая же, как у Толстого (в основном за счёт очень высокой частоты употребления слов *улыбка* и *улыбаться*), Гончарова и Тургенева, и намного выше, чем у Лескова, Салтыкова-Щедрина и Островского.

Статистика, возможно, и представляет какой-то интерес, но научным, однако, его назвать сложно. Эти данные могут использоваться только как сопроводительный материал для наблюдений другого рода, сделанных с учётом других лексикографических параметров. И если уж говорить о значимости статистических показателей, то гораздо важнее учитывать повторяемость слова в каком-либо конкретном произведении, даже в конкретной описываемой ситуации, как в упомянутом выше диалоге Ставрогина с Марьей Лебядкиной. На слово *вдруг* исследователи творчества Достоевского обратили внимание не потому, что у этой лексемы очень высокая общая частота употребления, но в силу насыщенности этим словом и его синонимами отдельных узких контекстов (см., например, [7]). То же, кстати, можно сказать и о словах *почти, слишком, как бы, как будто* и других индикаторах неопределённости.

Ключевая роль смеха у Достоевского была, в частности, отмечена Ю.Н. Карауловым и Е.Л. Гинзбургом (см. [8]). Проведённый ими лингвистический анализ текстов романов «Идиот», «Бесы» и «Братья Карамазовы» позволил выделить шесть разных «ситуаций смеха» у Достоевского (слово *ситуация* в данном контексте не равнозначно значению. Для сравнения: в СЯД выделяются следующие значения глагола *смеяться*: 1. Смехом, улыбкой и/или словесно выражать пренебрежение, неуважительное, скептическое отношение; подтрунивать, глумиться; относиться пренебрежительно, скептически. 2. Издавать смех; выражать весёлость, радостное настроение. 3. Говорить несерьёзно, иногда с целью скрыть что-л.): (1) Смех как звучание, смех как таковой, без дополнительных его характеристик и свойств: князь Мышкин слышит доносившийся из окна «смех звонких голосов»; (2) Смех детский, то есть смех от избытка радости, ощущения здоровья и жизни, как бы беспричинный (такой смех является в первую очередь характеристикой князя Мышкина, ещё до публикации романа «Идиот» – у Вареньки Добросёловой в «Бедных людях», у Мечтателя в «Белых ночах», у Саши в повести «Село Степанчиково и его обитатели»); (3) Смех над комическим, смех юмористического характера, когда смеются весёлой и беззлобной шутке, анекдоту, неожиданной игре слов или комичной ситуации (то есть смех как реакция на смешное, на то, что своей интенцией может иметь вызывание смеха): «Говоря это, он [князь Мышкин] приблизился к Аглае. Она отняла платок, которым закрывала лицо, быстро взглянула на него и на всю его испуганную фигуру, сообразила его слова и вдруг разразилась *хохотом* прямо ему в глаза, – таким весёлым и неудержимым *хохотом*, таким *смешным* и *насмешливым хохотом*, что Аделаида первая не выдержала, особенно когда тоже поглядела на князя, бросилась к сестре, обняла её и *захохотала* таким же неудержимым, школьнически весёлым *смехом*, как и та. Глядя на них, вдруг стал *улыбаться* и князь <…>» («Идиот») (курсив в примерах из текстов Достоевского наш. – *И. Р.*). Данный контекст интересен также насыщенностью лексем, входящих в текстовое семантическое поле ‘смех’: *смех, смеяться, хохот, хохотать, смешной, насмешливый, насмехаться, насмешка, усмешка, улыбаться, улыбка*; (4) Смех неверия тому, о чём говорит собеседник, неприятия всерьёз его утверждения. В таких контекстах присутствует номинация смеха, но нет самого смеха, есть

отрицание какого-либо утверждения, факт неверия: в диалоге П. Верховенского со Ставрогиным «Вы смеётесь? На здоровье; я и сам смеюсь» («Бесы») не смеётся ни Ставрогин, ни Верховенский, смех которого в других ситуациях вообще очень своеобразный; (5) Смех-издёвка, который чаще обнаруживается в публицистике Достоевского: «Явилась потом *смеющаяся* маска Гоголя, с страшным могуществом *смеха*» («Записки о русской литературе»); (6) Смех патологический, болезненный, смех человека, впавшего в истерию или близкого к помешательству; смех изменённого или раздвоенного сознания: «[Ипполит] Имею честь просить вас ко мне на погребение, если только удостоите такой чести, и... всех, господа, вслед за генералом!.. Он опять *засмеялся*; но это был уже *смех* безумного. Лизавета Прокофьевна испуганно двинулась к нему и схватила его за руку. Он смотрел на неё пристально, с тем же *смехом*, но который уже не продолжался, а как бы остановился и застыл на его лице» («Идиот»).

Эти шесть ситуаций смеха (точнее было бы сказать – функций смеха, или его интенций) следует расширить. Так, смех персонажей – демонических злодеев Достоевского (Валковский, Свидригайлов, Ставрогин, Иван Карамазов), а также персонажей-шутов (Фома Фомич, Ежевикин, Фердыщенко, капитан Лебядкин, Ф.П. Карамазов, отчасти Порфирий Петрович и Лебедев) может предполагать другие интенции, например, желание скрыть отрицание любых моральных норм: «Да, я подлец, но это как бы и не всерьёз». То есть смех в данном случае является своеобразной маской. Такие персонажи есть в любом крупном произведении Достоевского, начиная с романа «Униженные и оскорблённые». «<…> пошляки и лицемеры в произведениях Достоевского стремятся произвести впечатление на окружающих с помощью натужных усилий удачно пошутить» [9, с. 165]. И смех вышеупомянутых персонажей-шутов – это не только желание рассмешить, но и стремление в, казалось бы, несерьёзном высказать что-то важное.

Нельзя также забывать и об известной компенсаторной функции смеха (смех как своеобразная разрядка, реакция, наступающая после сильного психологического напряжения). Такой смех мы тоже нередко встречаем в произведениях Достоевского, например, в «Преступлении и наказании», где постоянный страх Раскольникова часто сопровождается его смехом.

Есть ещё и такая функция смеха, о которой говорил сам Достоевский, обрисовывая в своих предварительных заметках к роману образ Порфирия Петровича, как *раздражить*, – вывести из себя Раскольникова, чтобы тот проговорился и сознался в совершённом преступлении.

В словарной статье СЯД есть зона комментария, в которой фиксируются подчинительные связи, гипотаксис, описываемого слова. Первое, что обращает на себя внимание, – это разнообразие определений существительного *смех*, которые и позволяют отнести смех к той или иной ситуации из описанных выше или к нескольким из них. Некоторые определения, очевидно, «заимствованы» Достоевским, например, *короткий деревянный смех* Д. Карамазова (2 раза + 1 раз *отрывистый деревянный смех* у него же). *Короткий деревянный смех* дважды встречается у Тургенева – в «Отцах и детях» и в «Дыме», произведениях, хорошо известных Достоевскому и написанных до «Братьев Карамазовых». «Заимствовали» друг у друга в эпоху Достоевского с такой же лёгкостью, как это делают и сейчас (подробнее см. [10]).

Повторы используемых Достоевским определений смеха очень немногочисленны (даже повторяющийся *деревянный смех* связан с конкретным персонажем), к ним относятся: *весёлый, визгливый, всеобщий, громкий, детский, звонкий, знакомый, истерический, маленький, милый, недавний, нервический, нервный, неслышный, неудержимый, общий, откровенный, презрительный, простодушный, сверкающий, светлый, странный*. Частое использование повторяющихся определений *истерический, нервный, нервический* характеризуют смех патологический, связанный с болезнью, так же как и определения с единичным употреблением: *безумный, болезненно-нервический, длинный, нервный, сотрясающийся и неслышный, искривлённый, какой-то неслышный длинный, нервозный и сотрясающийся, прерываемый рыданиями, припадочный*.

Такой смех отражают и другие подчинительные связи: *смех безумного; смех превратился в нестерпимый кашель; смеха припадок; после смеха стать умирать; после смеху закатиться кашлем; при смехе повеситься*.

Болезненный смех встречается в основном в «Преступлении и наказании», «Идиоте» и «Братьях Карамазовых», произведениях, наиболее известных и наиболее часто цитируемых. Это, вероятно, и послужило причиной того, что именно на такой смех в первую очередь обращают внимание читатели Достоевского и исследователи его творчества. Или, возможно, потому, что на такой смех по каким-либо причинам, например, в силу отрицательного отношения к писателю, хотят обратить внимание.

Тем не менее у Достоевского преобладает смех с повторяющимися определениями *детский* и *весёлый*, ‘радостный смех’ и ‘смех как таковой’: *в высшей степени простодушный, не развратный, здоровый, хотя и грубоватый, – совсем не такой, каким смеются иные размазыватели в нашем обществе или в нашей литературе; добрый; здоровый; не громкий, но заливчатый, длинный, счастливый; не злобный, а добрый; радостный; развесёлый; совершенно невинный, простой, простодушный, беззаботный, ребяческий*.

Зафиксированные в словарной статье СЯД подчинительные связи слова *смех* отражают и такую особенность идиостиля Достоевского, как частое использование плеоназма (это относится и к особенностям употребления слова *страх* и слов, входящих в соответствующее текстовое семантическое поле) – *смеяться/рассмеяться/захохотать/расхохотаться* и т. п. *смехом*, в общей сложности таких случаев около 30, это одна из констант идиостиля Достоевского: «[Горянчиков] Через минуту он [Орлов] *расхохотался* надо мной самым простодушным *смехом*, без всякой иронии <…> («Записки из Мёртвого дома»); <…> он [Раскольников] помнил потом, что он *засмеялся* нервным, мелким, неслышным, долгим *смехом*, и всё смеялся, всё время, как проходил через площадь («Преступление и наказание»); <…> засмеялся он истерически (он поминутно *смеялся* коротким и восторженным *смехом*) («Идиот»); Он [Версилов] быстро вырвал из моей руки свою руку, надел шляпу и, смеясь, *смеясь* уже настоящим *смехом*, вышел из квартиры» («Подросток»). Повторы, причём различного типа, за которые Достоевского часто бранили критики, писателю необходимы, чтобы как-то компенсировать, нейтрализовать создаваемый им фон неопределённости.

В словарной статье СЯД помимо гипотаксиса фиксируется паратаксис, сочинительные связи описываемого слова, что тоже позволяет сделать интересные наблюдения. Например, сочетание *презирать и смеяться* употребляется только начиная со второго периода творчества писателя и во всех романах «великого пятикнижия» Достоевского, а *плакать и смеяться* – во всех трёх периодах творчества, включая первое произведение – «Бедные люди».

Особый интерес представляет использование Достоевским зевгмы, заставляющей читателя остановиться, а иногда и улыбнуться: «Это был человек лет под тридцать, росту высокого, толстый, жирный, *с румяными, заплывшими жиром щеками, с белыми зубами и с ноздрёвским раскатистым смехом*. По лицу его было видно, что это самый незадумывающийся человек в мире («Записки из Мёртвого дома»); Он везде *с своим карандашом и лорнетом и тоненьким, сытненьким смехом*» (публицистика).

И, конечно, не могут не обратить на себя внимания многочисленные повторы однокоренных слов. Такие контексты часто также насыщены другими словами соответствующего семантического поля: «[Неточка] Я отвечала ему нервным, истерическим *смехом* прямо в глаза, прошла *смеясь* мимо него и вошла, не переставая *хохотать*, к Александре Михайловне («Неточка Незванова»); [Князь Мышкин] <…> видя, что она [Аглая] и все *смеются*, вдруг раздвинул рот и начал *смеяться* и сам. *Смех* его кругом усилился; офицер, должно быть человек *смешливый*, просто прыснул со *смеху* <…>» («Идиот»).

Ключевую функцию идиоглоссы *смех* в тезаурусе Достоевского подчёркивают высказывания афористического характера, большую часть которых мы встречаем в «Подростке» во внутренних монологах Аркадия, что, по всей видимости, не случайно: *Чаще всего в смехе людей обнаруживается нечто пошлое, нечто как бы унижающее смеющегося, хотя сам смеющийся почти*

всегда ничего не знает о впечатлении, которое производит; Даже бесспорно умный смех бывает иногда отвратителен. Смех требует беззлобия, а люди всего чаще смеются злобно; Чрезвычайное множество людей не умеют совсем смеяться. Впрочем, тут уметь нечего: это – дар, и его не выделаешь; Хорошо смеётся человек – значит хороший человек.

Можно предположить, что языковая личность Достоевского – это прежде всего Homo Ridens, человек смеющийся. Конечно, смех Достоевского амбивалентен, как и вообще любой смех, но у писателя преобладает тот, который скорее соотносится с радостью, весельем. У Достоевского «Возбуждение сострадания и есть тайна юмора» (это слова самого писателя, не персонажа, сказанные в одном из писем). Р.Г. Назиров писал: «…главным в его творчестве оставался то приглушённый (редуцированный), то по-новому выявленный прославляющий смех, смех сострадания и сочувствия к искажённой человечности. Юмор Достоевского – это прежде всего и более всего улыбка печальной любви при виде человечески священного в его неотъемлемо-земной, смешной форме» [11]. Или, как определила смех больная аутизмом девочка, Соня Шаталова, – «доктор для печальной души».

Словами семантического поля ‘страх’ насыщены многие произведения Достоевского, но в первую очередь – романы «Преступление и наказание» и «Бесы». Так, во многих речениях Кириллова, любимого персонажа философов-экзистенциалистов, страх выполняет ключевую функцию: *Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчастен; Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет Бог; Кто убьёт себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас Бог станет; <...> страх к врагу уничтожает и злобу к нему <...>; Страх есть проклятие человека...*

В романе «Преступление и наказание» слово *страх* встречается 47 раз, что составляет примерно 11 % вообще всех употреблений в художественной прозе. Такую частоту следует считать довольно высокой. Кроме того, очевидна повышенная частота употребления *страшный, страшно, бояться, испугаться, испуг* и других лексем, входящих в соответствующее семантическое поле.

Создаётся ощущение, что в «Преступлении и наказании» страх становится самостоятельным субъектом, определяющим все действия и мысли Раскольникова, что, в частности, отражается в предикативных сочетаниях слова *страх*: *вселился в сердце, выводил из себя, обложил душу, овладевал, охватил, охватывал, поразил* и др. Сам роман начинается со страха Раскольникова, когда читатель узнаёт о замысле преступления, затем – совершение убийства и, наконец, состояние Раскольникова после совершения преступления. Подробнейшим образом описываются все возможные симптомы проявления страха, которые были зафиксированы в психиатрии только в XX веке. Кроме того, ‘страх’ в романе символизируется, например, посредством использования слов *крюк*, причём в обоих значениях, *запор, шляпа* (подробнее о символическом значении слова *крюк* см. [12]). В «Бесах» мы тоже видим символизацию страха, страха Ставрогина, который, казалось бы, не боится ничего, – это *маленький красненький паучок*, связанный, помимо страха, с совестью и раскаянием. Достоевский шифрует, символизирует страх. В отличие от смеха, символизировать, шифровать который нет необходимости. Смех – это реакция, в том числе и реакция на страх.

Характеристики *страха* в текстах Достоевского отражают прежде всего атрибутивные связи этого слова: *божий (3), безотчётный (3), безумный (2), беспрерывный (2), благоговейный, большой (3), величайший (3), внезапный, внушаемый, возраставший, грубый, давешний, деликатный, дикий, дурной, духовный, единый, ежеминутный, животный, зарождавшийся, иудейский, какой-то (5), либеральный, личный, малейший, надлежащий, наивный, настоящий, неведомый, некоторый (4), основательный, особенный, панический (11), первый (2) повсеместный, постоянный (2), прежний (2), самый малодушный сильный (2), смертный (5), совершенно естественный, суеверный (2), тупой, ужаснейший (4), ужасный (2), чрезвычайный (2), чрезмерный, как бы суеверный, какой-то безотчётный, какой-то безумный, какой-то детский, какой-то затаённый, какой-то либеральный, какой-то невольный, какой-то*

неестественный, какой-то необыкновенный, какой-то панический, какой-то покорный; почти мистический, почти панический (2), почти суеверный; безотчётный, чуть не мистический, весь мой, некоторый суеверный, смертный великий, тупой бессмысленный, ужасный и внезапный; ужасный, невыносимый; дошедший до помешательства, но заключавший в себе бесконечное наслаждение; острый, но чисто физический; невольный и неотразимый, подавляющий всё нравственное существо человека; самый мнительный, самый необъяснимый и самый тяжёлый; страх встречи, наказания (5), неудачи, неустойки, опасности, отказа, проклятия, смерти (4), уважения, человечества, шпионов; порока и бесславия, кощунства и оскорбления церковного; за вчерашнее, за здоровье, за князя, за него, за своё бытие, за свою жизнь, за себя (4), за меня, за неё; к врагу, к палачу; от аксельбантов, от камня; перед Европой (2), перед врагом, перед наказанием, перед риском, перед участью, пред капитаном, пред явлениями природы.

Большинство определений единичны, но, конечно, не может не обратить на себя внимания частота употребления существительного *страх* с *панический* и с *какой-то*, то есть страх у Достоевского очень часто неопределённый. То же – в сочетании с *почти* и *некоторый* и, конечно, с любимыми Достоевским *как бы* и *как будто*: *дрожала от волнения и как будто от страха; На лице её изобразилось сначала как будто недоумение, как будто даже страх, но только на мгновение; художника объемлет как бы суеверный страх; вселяла в него какой-то невольный страх уважения; с каким-то затаённым страхом начал мне говорить; смотрела с каким-то покорным страхом; Мысль о Дуне и матери навела на него вдруг почему-то как бы панический страх*.

Причины страха самые разные: *уголовное наказание, опасность, арест, смерть, кощунство, отцовское проклятие, жизнь, враг, встреча*... Широкий диапазон причин страха отражает сочетаемость глаголов *бояться* и *испугаться*. Приведём лишь наиболее характерные примеры: *женщина, кредиторы, (недобрый) человек, (чужой) человек, болезнь, боль, будущность, взгляд, воображение, впечатления, враги, дважды два четыре, документ, донос, жизнь, злоба, лицо, любовь, люди, мнения, ненависть, розги, обличение, (твёрдая) определённость, отказ, паралич, письмо, позор, припадок (конечно, чаще всего и в письмах), пустяки, самоубийство, скандал, случайное, случайность, смерть (очень часто), смешное, сплетни, сумрак, темнота, цензура, улика…*

Так же как и смех, страх у Достоевского усиливается многочисленными плеоназмами и повторами: «[Неточка] Я не понимала, чего я так вдруг испугалась, но *боялась за* этот *испуг* («Неточка Незванова»); [Ставрогин] Я *боялся*, что она [Матреша] опять *испугается*, как давеча, и молча ушёл из дому («У Тихона»); – Да это ж пустяки! – воскликнул Алёша, *испугавшись* их [Хохлаковых] *испуга*» («Братья Карамазовы») и др.

Страх у Достоевского, в отличие от смеха, не амбивалентен (за исключением, пожалуй, *дошедшего до помешательства, но заключавшего в себе бесконечное наслаждение*), он скорее неопределённен и метафизичен.

Самое же интересное то, что *страх* и *смех*, а также семантически связанные с ними слова очень часто встречаются в одном контексте, «соседствуют» друг с другом. И таких примеров очень много: «Не смотрите на меня так *страшно*, не *смейтесь* надо мной («Неточка Незванова»); Только в остроге я слышал рассказы о самых *страшных*, о самых неестественных поступках, о самых чудовищных убийствах, рассказанные с самым неудержимым, с самым детски весёлым *смехом* («Записки из Мёртвого дома»); В моём тесном убежище одного *боюсь* – литературной критики толстых журналов и свиста сатирических газет наших. *Боюсь*, чтоб легкомысленные посетители, глупцы и завистники и вообще нигилисты не подняли меня на *смех* («Крокодил»); Это был какой-то бред, какой-то лепет, – точно ей хотелось что-то поскорей мне рассказать, – бред, прерываемый иногда самым весёлым *смехом*, который начинал *пугать* меня («Игрок»); Он *испугался*, нагнулся ближе и стал её разглядывать; но и она ещё ниже нагнула голову. Он пригнулся тогда совсем к полу и заглянул ей снизу в лицо, заглянул и помертвел: старушонка сидела и *смеялась*, – так и заливалась тихим, неслышным *смехом*, из всех сил крепясь, чтоб он её не услышал. Вдруг ему

показалось, что дверь из спальни чуть-чуть приотворилась и что там тоже как будто *засмеялись* и шепчутся. Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора *смех* и шёпот из спальни раздавались всё сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от *хохота*. Он бросился бежать <…> («Преступление и наказание»); Он потерянно *рассмеялся* при этом слове, вдруг подняв на неё глаза; до того же времени говорил, как бы смотря в сторону. Если б я был на её месте, я бы *испугался* этого *смеха*, я это почувствовал («Подросток»); – *Смеёшься* ты надо мной или нет? – Как же бы я посмел над вами *смеяться*, и до *смеху* ли, когда такой *страх*? Предчувствую, что будет падучая, предчувствие такое имею, от *страху* от одного и придёт-с («Братья Карамазовы»); А между тем, Анька, я просто *боюсь*. Друг мой милый и единственный: хоть я знаю, что муж, не скрывающий в этом случае своего *страху*, сам ставит себя в *смешной* вид в глазах жены, но я имею глупость, Аня, не скрывать: я *боюсь*, действительно *боюсь*, и если ты, *смеясь* своим милым *смехом* (который я так люблю), приписала: “Ревнуй”, то достигла цели» (письма).

ВЫВОДЫ

Страх, как известно, – это игра воображения. Достоевский, создавая возможные, воображаемые миры, заключил их в поле неопределённости. Для этого он использовал целый арсенал лингвистических средств – *как бы, как будто, вдруг* и многие другие. Компенсацией этой неопределённости служат многочисленные средства усиления – повторы, амплификация, параллелизмы и т. д. Компенсацией же страха служит смех, который не просто часто сопровождает страх, но и вызывает его.

Достоевский сам боялся этого своего страха перед неопределённостью, хотя сам и создавал её, боялся банальности и пошлости, боялся показаться смешным. В смехе же искал спасения. А ещё – в живой жизни, в «клейких листочках», в красоте, в Христе… Любому демиургу, а Достоевский, вне всякого сомнения (в записных тетрадях писателя мы находим этому прямое подтверждение и, как, на наш взгляд, абсолютно справедливо отмечает И.И. Евлампиев, «…идея о существовании людей, способных каким-то мистическим способом влиять на мир <…> является одной из главных в философских размышлениях писателя» [13, с. 12]), себя считал таковым – творцом, пророком, предсказателем – в той или иной степени просто суждено испытывать страх. Бывает и так, что само творчество является реакцией на страх. Страх демиурга сродни страху любого человека, отягощённого властью, которому просто предначертано бояться. И одна из разновидностей подобного страха – страх перед смехом, страх показаться смешным.

Полагаем, что перспективой проведённого исследования может стать решение задачи построения авторского тезауруса, тезауруса Достоевского, центральное место в котором, несомненно, занимают идеоглоссы *страх* и *смех*.

Список литературы

1. *Глазкова М.М., Иконникова Я.В.* Виртуально-творческий межнациональный диалог (А. Жид – Ф. Ницше – Ф. Достоевский) во французском и русском литературоведении // Неофилология. 2021. Т. 7. № 25. С. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61
2. Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий. Т. I (А–В). Авт.: Гинзбург Е.Л., Караулов Ю.Н., Ружицкий И.В. и др. / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.; Т. II (Г–З). М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.; Т. III (И–М). М.: Азбуковник, 2012. 847 с.; Т. IV (Н–По). М.: Азбуковник, 2017. 859 с.
3. *Вейнберг П.И.* Литературные спектакли (Из моих воспоминаний) // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников / под ред. В.В. Григоренко и др. Т. 1. М.: Худ. лит-ра, 1964.
4. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
5. *Манн Т.* Путь на Волшебную гору. М.: Литературно-художественное изд-е «Мой XX век», 2008. 464 с. URL: https://bookscafe.net/book/tomas_mann-put_na_volshebnuyu_goru-241021.html (дата обращения: 29.01.2021).

6. *Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А.* Дистрибутивно-статистический анализ языка русской прозы 1850–1870 гг. Т. 2. М.: Изд. дом «ЯСК», 2016. 848 с.
7. *Бонола А*. Семантико-прагматический потенциал слова *вдруг* в русском языке и его перевод на итальянский: контрастивный анализ на основе параллельного русско-итальянского корпуса // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2 (30). С. 24-37.
8. *Караулов Ю.Н., Гинзбург Е.Л.* Homo Ridens // Слово Достоевского / под ред. Ю.Н. Караулова, Е.Л. Гинзбурга. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 160-186.
9. *Баршт К.А.* Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2016. № 21. С. 129-169.
10. *Ружицкий И.В.* «Смех» Достоевского глазами лексикографа // STEPHANOS. 2017. № 6 (26). С. 37-48.
11. *Назиров Р.Г.* Творческие принципы Достоевского. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1982. 160 с. URL: http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (дата обращения: 30.01.2021).
12. *Карасёв Л.В.* О символах Достоевского // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 90-111.
13. *Евлампиев И.И.* Достоевский и мистическая философия В.Ф. Одоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2019. № 22. С. 3-25.

References

1. Glazkova M.M., Ikonnikova Y.V. Virtual’no-tvorcheskiy mezhnatsional’nyy dialog (A. Zhid – F. Nitsshe – F. Dostoyevskiy) vo frantsuzskom i russkom literaturovedenii [Virtual-creative inter-ethnic dialogue (A. Gide – F. Nietzsche – F. Dostoevsky) in French and Russian literary criticism]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 25, pp. 51-61. DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-25-51-61 (In Russian).
2. Ginzburg E.L., Karaulov Y.N., Ruzhitskiy I.V. et al. *Slovar’ yazyka Dostoyevskogo: Idioglossariy* [Dictionary of Dostoevsky’s Language: Idioglossary]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2008, Vol. 1, 962 p.; Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, Vol. 2, 1049 p.; Moscow, Azbukovnik Publ., 2012, Vol. 3, 847 p.; Moscow, Azbukovnik Publ., 2017, Vol. 4, 859 p. (In Russian).
3. Veynberg P.I. Literaturnyye spektakli (Iz moikh vospominaniy) [Literary performances (From my memories)]. *F.M. Dostoyevskiy v vospominaniyakh sovremennikov. T. 1* [F.M. Dostoevsky in the Memoires of His Contemporaries. Vol. 1]. Moscow, Publishing House “Khudozhestvennaya Literatura”, 1964. (In Russian).
4. Dostoyevskiy F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 t.* [The Complete Collection of Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russian).
5. Mann T. *Put’ na Volshebnuyu goru* [The Way to the Magic Mountain]. Moscow, Literary and Artistic Publication “My 20th century”, 2008, 464 p. (In Russian). Available at: https://bookscafe.net/book/tomas_mann-put_na_volshebnuyu_goru-241021.html (accessed 29.01.2021).
6. Shaykevich A.Y., Andryushchenko V.M., Rebetskaya N.A. *Distributivno-statisticheskiy analiz yazyka russkoy prozy 1850–1870 gg. T. 2* [Distributional and Statistical Analysis of Russian Prose Language of 1850–1870. Vol. 2]. Moscow, LRC Publishing House, 2016, 848 p. (In Russian).
7. Bonola A. Semantiko-pragmaticheskiy potentsial slova vdrug v russkom yazyke i ego perevod na ital’yanskiy: kontrastivnyy analiz na osnove parallel’nogo russko-ital’yanskogo korpusa [Semantic and pragmatic potential of Russian word vdrug and its translations into Italian: contrastive analysis on the material of the parallel russian-italian corpus]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2016, no. 2 (30), pp. 24-37. (In Russian).
8. Karaulov Y.N., Ginzburg E.L. Nomo Ridens [Homo Ridens]. *Slovo Dostoyevskogo* [Dostoevsky’s Word]. Moscow, RLI RAS Publ., 1996, pp. 160-186. (In Russian).
9. Barsht K.A. Mysli Paskalya v khudozhestvennom mire Dostoyevskogo [Pascal’s thoughts in the art world of Dostoevsky]. *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. St. Petersburg, 2016, no. 21, pp. 129-169. (In Russian).
10. Ruzhitskiy I.V. «Cmekh» Dostoyevskogo glazami leksikografa [Dostoevsky’s “Laughter” through the eyes of a lexicographer]. *STEPHANOS*, 2017, no. 6 (26), pp. 37-48. (In Russian).
11. Nazirov R.G. *Tvorcheskiye printsipy Dostoyevskogo* [Dostoevsky’s Creative Principles]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982, 160 p. (In Russian). Available at: http://nevmenandr.net/scientia/nazirov-book.php (accessed 30.01.2021).
12. Karasev L.V. O simvolakh Dostoyevskogo [About the symbols of Dostoevsky]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Issues], 1994, no. 10, pp. 90-111. (In Russian).
13. Evlampiyev I.I. Dostoyevskiy i misticheskaya filosofiya V.F. Odoyevskogo [Dostoevsky and the mystical philosophy of V.F. Odoevsky]. *Dostoyevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Research]. St. Petersburg, 2019, no. 22, pp. 3-25. (In Russian).

Информация об авторе

Ружицкий Игорь Васильевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация, konnitie@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1097-4998

Вклад в статью: идея, сбор данных, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 22.02.2021
Одобрена после рецензирования 30.03.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Igor V. Ruzhitsky, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Russian language for foreign Students of Philological Faculty Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, konnitie@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1097-4998

Contribution: idea, data acquisition, manuscript text drafting.

The article was submitted 22.02.2021
Approved after reviewing 30.03.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 821.161.1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-495-502

Образно-мотивная структура сборника поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича «Из пепла»

Станислав Валерьевич КОПЫРЮЛИН
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ stas-kopr@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрена структура малоизвестного поэтического сборника «Из пепла» (1929) незаслуженно забытого поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обращения к малоизученному феномену литературы русского зарубежья – творчеству писателей, начавших свой творческий путь в галлиполийском лагере Русской армии барона П.Н. Врангеля в 1920–1921 гг. Цель исследования заключалась в рассмотрении особенностей образно-мотивной структуры сборника «Из пепла» Н.В. Станюковича. На основе использования биографического, структурно-типологического, культурно-исторического подходов проанализированы образно-мотивные доминанты сборника «Из пепла», к которым можно отнести мотивы войны, смерти, жизни, судьбы, тоски по родине, сердца, творчества, образы степи, могилы, боевого коня, вокзала и др. Обращено внимание на то, что Н.В. Станюкович интересно использует в своих произведениях звуковые, цветовые, композиционные, ритмические приёмы, что свидетельствует о зрелости творческой манеры писателя. Высказано предположение о том, что галлиполийское сидение стало самой трагичной страницей жизни Н.В. Станюковича, несмотря на то, что она способствовала началу его творческого пути. После сборника «Из пепла» галлиполийская тема поэтом своеобразно табуируется, хотя военная проблематика продолжает для него оставаться актуальной.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, галлиполийское сидение, писатели-галлиполийцы, сборник Н.В. Станюковича «Из пепла», образно-мотивная структура

Для цитирования: *Копырюлин С.В.* Образно-мотивная структура сборника поэта-галлиполийца Н.В. Станюковича «Из пепла» // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 495-502. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-495-502

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Копырюлин С.В., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-495-502

Gallipoli poet N.V. Stanyukovich's collection "From the ashes": image-motive structure

Stanislav V. KOPYRYULIN
Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ stas-kopr@yandex.ru

Abstract. We consider the structure of unrenowned poetry collection "From the ashes" (1929) by undeservedly forgotten Gallipoli poet N.V. Stanyukovich. The relevance of the study is due to the need to address little-known phenomenon of the Russian literature abroad – writers' creative activity in the Gallipoli camp of the Russian Army of Baron P.N. Wrangel in 1920–1921. The purpose of the study is to examine the features of image-motive structure of the collection "From the ashes" by N.V. Stanyukovich. Based on the use of biographical, structural-typological, cultural-historical approaches, we analyze the image-motive dominants of the collection "From the ashes", which include the motives of war, death, life, fate, homesickness, hearts, creativity, images of the steppe, graves , war horse, train station, etc. We pay attention on the fact how N.V. Stanyukovich uses sound, color, compositional, rhythmic techniques in his works, which testifies to the maturity of the writer's creative manner. We suggest that the Gallipoli sitting became the most tragic page in N.V. Stanyukovich's life, despite the fact that it contributed to the beginning of his creative career. After the collection "From the ashes", poet avoids Gallipoli theme, although military problems remain relevant.

Keywords: Russian literature abroad, Gallipoli sitting, Gallipoli writers, N.V. Stanyukivich's collection "From ashes", image-motive structure

For citation: Kopyryulin S.V. Obrazno-motivnaya struktura sbornika poeta-gallipoliytsa N.V. Stanyukovicha «Iz pepla» [Gallipoli poet N.V. Stanyukovich's collection "From the ashes": image-motive structure]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 495-502. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-495-502 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

После поражения в Гражданской войне и массовой эвакуации из Крыма основным местом для временного военного лагеря 1-го Армейского корпуса Русской армии стал Галлиполийский полуостров. В то время он был в зоне протекции Англии и Франции, которые находились там с 1918 г. после капитуляции Османской империи в Первой мировой войне [1, с. 27]. Это краткое пребывание армии барона П.Н. Врангеля в Галлиполи получило эпическое название «галлиполийского сидения» (ноябрь 1920 – декабрь 1921 г.), которое стало ярким культурно-историческим феноменом XX века. И это не случайно. Русская армия в первые годы изгнания пыталась за рубежом сохранить не только военную мощь, но национальное культурное наследие, чтобы в дальнейшем продолжить борьбу с большевизмом.

По справедливой оценке одного из участников галлиполийского сидения – писателя, штабс-капитана Н.З. Рыбинского, этот феномен образовался благодаря необыкновенному духовному единству русских воинов: «После Гражданской войны они были подобны остывающей лаве, но, благодаря усилиям командира 1-го Армейского корпуса А.П. Кутепова и всеобщей сплоченности, они превратились в увесистый монолитный камень» [2, с. 18]. Эта сплоченность вызвала к жизни небывалый культурный подъём в рядах Русской армии, выразившийся в возникновении множества периодических изданий, музыкальных, живописных, литературных произведений. На сегодняшний день к изу-

чению творческой деятельности галлиполийцев обращаются отечественные и зарубежные исследователи: Е.С. Бобылёва, Н.Ю. Желтова, З.Ш. Кидакоева, Т. Олджай, У. Севинч, Д.Д. Николаев, М.С. Сосницкая и др. [3–8]. Нами рассмотрено художественное своеобразие некоторых малоизвестных произведений Н.З. Рыбинского, Н.Н. Евсеева и др. (см.: [9–10]).

Однако в изучении литературного наследия галлиполийцев до сих пор остаются серьёзные лакуны. Цель исследования – прояснить художественную специфику сборника с символическим названием «Из пепла» одного из ярких поэтов-воинов Н.В. Станюковича (1898–1977). Он родился в Харькове, окончил Тенишевскую гимназию в Петербурге, затем в разгар Первой мировой войны поступил в армию, но в сражениях поучаствовать не успел. В Гражданскую войну воевал в Вооруженных силах Юга России в составе Александрийского Гусарского полка. Вместе с Русской армией барона П.Н. Врангеля в 1920 г. эвакуировался из Крыма. После окончания «галлиполийского сидения» оказался на Балканах, затем жил в Париже.

Как отмечал редактор эмигрантского литературно-политического журнала «Возрождение» С.С. Оболенский, «творческая деятельность Станюковича началась в Галлиполи с написания поэмы «Парад генерала Врангеля»» [11, с. 235]. В журнале «Часовой» (№ 314 (11), декабрь 1951 г.) эта поэма была опубликована в честь тридцатилетия основания Общества Галлиполийцев под названием «Галлиполийский смотр»[1]. Первый поэтический сборник Станюковича «Из пепла» вышел только в 1929 г. и тесно связан с военной и галлиполийской тематикой. Название «Из пепла» весьма символично и обозначает восстановление после распада, разрушения, смерти. Кажется, что после долгих лет скитаний поэт нашёл силы вернуться к творчеству, хотя стихотворения в книге не датированы. Возможно предположить, что в неё вошли лучшие произведения, написанные Станюковичем в период с 1920 по 1928 г. Тематически сборник можно разделить на стихотворения о Гражданской войне, Галлиполи, тоске по России и жизни в эмиграции. Стихотворения насыщенны литературными, историческими, биографическими параллелями и реминисценциями.

Поскольку Станюкович был поэтом с военным прошлым, сборник «Из пепла» логично начинается со стихотворений, посвящённых Гражданской войне, которая стала преддверием эмиграции. Мотив войны в книге тесно связан с образом воинской славы, подвигающей людей на убийство друг друга. В стихотворении «Слава» она движется «не на крыльях молочных тумана, / А верхом на свирепом коне…» [12, с. 3]. Чтобы показать атмосферу сражения, поэт прибегает к цветовым и звуковым образам, которые усиливают трагическую атмосферу войны, её связь с образами судьбы и смерти:

> Твои рыжие кудри взлетели,
> Зыбким заревом в мутную ночь.
> Слышу – воют стальные свирели.
> Знаю – гибели не превозмочь [12, с. 3].

Образ славы у Станюковича раскрывается через анималистический образ боевого коня, который в свою очередь неразрывно связан с мотивами сердца, подвига, самопожертвования на поле битвы, что является высшим проявлением мужества:

> Проскакала! И бранною славой,
> Опьянились людские сердца.
> Утвердило высокое право
> Отдавать свою жизнь до конца [12, с. 3].

Стихотворение «Я такою запомнил степь…» композиционно разделено на две части. В первой части мотив войны раскрывается через пространственный образ степи, который неразрывно связан с мотивом смерти. В данном случае смерть не является чем-то метафизическим, а предстаёт почти в материальном образе: «В бурьяне укрывалась смерть» [12, с. 3]. Из этой строчки следует, что смерть наравне с людьми участвует в сражении, только у неё два противника: сражающиеся с обеих сторон солдаты. Война у Станюковича обезличена, для неё не существует индивидуальности, имеет значение лишь боевой порядок построения людей, идущих на гибель. Мотив смерти усиливается звуковыми образами «пулемета-заики» и «свистящего смертоносного дождя», под ко-

[1] Тридцатилетие Общества Галлиполийцев // Часовой. Париж; Брюссель, 1951. № 314 (11). С. 10.

торым автор стихотворения подразумевает пулемётную очередь. Помимо мотива смерти в произведении присутствует и мотив жизни, который проявляется сначала в образе «высокого Вождя», олицетворяющего собой Бога, у которого лирический герой просит заступничества, а затем раскрывается через образы штыка и могилы, а также через образ земли-защитницы:

Я штыком зарывался вглубь.
Я могилу копал, чтобы жить,
Земля – защити, приголубь –
Я хочу ещё много свершить! [12, с. 10].

Под могилой лирический герой подразумевает окоп, который он пытается вырыть посреди степи, чтобы укрыться от пулемётной очереди. Оксюморон во второй строчке используется поэтом, чтобы показать, как близки понятия жизни и смерти, и насколько между ними тонкая грань. Смерть совсем рядом, но герой стремится жить, он просит спасенья.

Во второй части данного стихотворения герой спасён («Бог услышал – жизнь спасена»), он живёт яркой жизнью («Жизнь мелькает, шумна, пестра»). Однако внутри герой мёртв: «но с тех пор я угас, замолк». Все обещанья, данные во время боя в степи, забыты: «Все обещанья – были ложь <...> Всято жизнь завалящий грош» [12, с. 11]. И снова поэт показывает, насколько близки жизнь и смерть. Жизнь на чужбине («Я ушёл из родных степей») подобна погибели, несмотря на то, что физически лирический герой жив. В первой части стихотворения, где смерть совсем рядом, герой стремится жить, а во второй части, где жизнь идёт полным ходом, герой чувствует себя мертвецом.

Также мотив войны ярко раскрывается в стихотворении «Танк». Важно заметить, что, по всей вероятности, это одно из первых стихотворений о новом оружии XX века – танке, который впервые появился в Первую мировую войну. В Гражданскую войну танки поступали белому движению от союзников – Англии и Франции [13, с. 7]. Значит, Станюкович мог их видеть. В стихотворении танк предстаёт не как бессмертная боевая машина, способная уничтожить всё живое, а как «призрак воинской славы и мощи», превращённый в «заводную игрушку», символизирующую смерть как бездушное существо.

Далее поэт при помощи художественных деталей развивает мысль о «призрачности» танка: и такую страшную машину, несмотря на её мощь, война способна уничтожить. Тем самым образ подбитого танка выступает символом смерти, а сравнение с павшим воином усиливает эту метафору:

С развороченным боком, со сбитой
Наблюдательной плоской макушкой,
Накренившийся воин убитый
Угрожает заржавленной пушкой [12, с. 16].

В стихотворении «Танк» также появляется образ погибшего капитана, который навсегда остался со своей боевой машиной, став с ней практически единым целым. Станюкович сравнивает образы погибшего капитана и танка, в которых прослеживается мотив раны и смерти, и подводит к мысли о том, что война не щадит ни машин, ни людей. Через частные натуралистические детали поэт формирует апокалипсический образ войны:

Но, смотрите, – над рваною раной
Что пристало к болтам и обшивке?
Это мозг капитана,
Разложившийся, жёлтый и липкий [12, с. 16].

С одной стороны, поэт видит в войне священное начало, «высокое право» в гибели на поле брани, но с другой – показывает и её обратную, уродливую и антигуманную сторону. Станюкович обращает внимание на то, что война в равной степени прекрасна и ужасна.

В сборнике есть и другой пласт стихотворений, где доминирующим является мотив тоски по родине, как, например, в стихотворении «Не позабыть бы номера домов». Он раскрывается через ключевые для Станюковича понятия, связанные с Россией: прежде всего, через образ Бога, который отсутствует на чужбине. Это отсутствие подчёркивается при помощи образа ночного Парижа «прокуренных, мансардных вечеров», изображающих атмосферу дурмана, не дающего помнить о вечном, а пронумерованная «Антихристом берлога» символизирует Францию. Образ Антихриста здесь, безус-

ловно, показывает, насколько эта страна чужда поэту.

Значимыми для Станюковича в этом стихотворении являются воспоминания о боевых походах, которые неразрывно связаны с пространственными «земными» и «небесными» образами: «смятого поля», «душной пыли», «студеного неба», «плывущих звёзд», символизирующих путь или цель, ради которой лирический герой идёт в военный поход.

Россия предстаёт в образах угрюмых мужиков, хромых лошадок, седого бурьяна. Несмотря на серость и убогость этих образов, они отражают глубокую, духовную связь поэта с родиной: «Не потерпеть, чтоб стало далеко, / От сердца нашего до очага родного» [12, с. 14]. В лирическом стихотворении «Жене моей» мотив тоски по родине раскрывается через яркие цветовые и звуковые образы природы:

Не шелохнёт. У берегов комар
Звенит в кустах. Плыву посередине.
Зелёных вёсел правильный удар
Влачит за мной водоворотец синий [12, с. 6].

Безличные предложения передают атмосферу тишины и покоя, которые свидетельствуют о гармонии былой жизни. Затем для описания жизни в эмиграции Станюкович вводит в произведение образ рутинного и суетного Парижа, который контрастирует с сердечным описанием родины: «Какая ложь – ночной Париж, такси, / Дни скудные, рождающие скуку!» [12, с. 6]. Важно отметить, что эти строки носят автобиографический характер: Станюкович, как и многие эмигранты, работал ночным таксистом.

В то же время в сборнике представлена и другая группа стихотворений, в которых лирический герой пытается найти выход из этой ситуации, понимая, что в грусти нет смысла. Мотив тоски сменяется мотивом радости, сопряжённый с мотивом веры, раскрывающемся в цветовых и природных образах:

А я забыл… И мир зелёный
Ворвался в душу, как обвал.
Изверившийся, утомлённый
Я сердце радости отдал [12, с. 4].

Дающие надежду образы весны и солнца также тесно связаны с мотивами сердца и свободы, страстно желаемого возвращения в Россию:

Так, в ожидании все… А я не в силах ждать!
Я верю в солнце под дождём холодным.
Такая в сердце жадная нужда
В тебе, весна, в тебе пора свободы! [12, с. 5].

Пребывание Станюковича в галлиполийском лагере нашло отражение в стихотворении «На могилу младенца». Оно посвящено ребёнку, который не вынес тяжёлых условий пребывания русских беженцев в Галлиполи. Для поэта гибель ребёнка символизирует своеобразный апофеоз русских страданий в изгнании. Примечателен тот факт, что в стихотворении используется редкий для русской поэзии способ кольцевой рифмовки, который придаёт стихотворению особую пронзительность:

Ветер треплет лепестки,
В ряд построились могилы,
Это ты, младенец милый,
Просишь песни у тоски [12, с. 15].

Ключевым настроением стихотворения является сожаление лирического героя о гибели невинной души. Мотив смерти здесь сопрягается с мотивами вечного сна, молитвы, напрасно загубленной жизни:

Спи… Пусть ветер рвёт венок.
Жесть звенит… Напев печальный,
Тонкий голос погребальный…
Спи, подкошенный цветок… [12, с. 15].

Для поэта конец войны не наступил со смертью младенца, война не отпускает его, постоянно следует за ним. Эта мысль характерна для многих поэтов-эмигрантов, когда мирное время воспринимается как ещё более трагичное, чем сам период войны. В этой связи Н.Ю. Желтова справедливо замечает: «В сознании русских эмигрантов состояние «после эмиграции» не соотносится с понятием «мир». Наоборот, послевоенное время зачастую оценивается как ещё более тяжкое и безысходное, чем собственно военное время или ещё более конкретное – конец войны» [14, с. 351].

Стоит отметить, что из всех найденных на данный момент стихотворений Станюковича, его публицистических выступлений непосредственно Галлиполи упоминается только в этом произведении (кроме уже упоминавшейся поэмы «Галлиполийский смотр»). Поиски могут быть продолжены, хотя косвенно этот факт свидетельствует о том, что для поэта галлиполийское сидение стало самой трагичной страницей его жизни, несмотря на то, что она способствовала началу творческого пути.

Вместе с тем редактор журнала «Возрождение» князь С.С. Оболенский в некрологе, посвящённом уходу Станюковича, отмечал, что «духовно Н.В. никогда не перестал сознавать себя воином и всегда исповедовал неразрывность своих поэтических и литературных трудов с долгом патриотического служения» [11, с. 235]. Это служение ярко прослеживается в его творчестве. Так, в стихотворении «Долг» показано, как лирический герой, гуляя в послевоенное время «средь лугов и вспаханных полей», натыкается на военное укрепление, которое ассоциируется у него с трагическим прошлым: «Я понял дальний зов и вдруг, лишившись сил, / Упал в седую пыль у жёлтого откоса» [12, с. 7]. Эти строки свидетельствуют о том, что любые напоминания о войне вызывают у героя сильные эмоции, причиняют колоссальную душевную и физическую боль.

Работая ночным таксистом, Станюкович в перерывах между заказами писал стихи. Этот факт нашёл отражение в автобиографичном стихотворении «На ночном вокзале». Лирический герой размышляет о жизни, сидя в зале ожидания. Образ вокзала здесь тесно связан с образом времени («часы устали славить зов скитаний»). Вокзал – это достаточно ёмкий символ, который связан с мифологемой пути, являющейся одной из ключевых в русской картине мире. Экзистенциональное мироощущение поэта выражается в переживании одиночества, оставленности, заброшенности на жизненном пути. Герой «сел на поезд» и не знает, куда он его привёз, он до сих пор находится в неком пограничном состоянии – «зале ожидания» своей судьбы. В стихотворении вторая строка начинает следующую строфу. Этот приём рефрена поэт использует для расстановки необходимых философских акцентов. Также Станюкович начинает и заканчивает своё произведение словосочетанием «на ночном вокзале». Этот приём кольцевой композиции используется для того, чтобы подчеркнуть, что вся жизнь лирического героя проходит в состоянии тяжкой неопределённости:

На ночном вокзале,
Средь кипучей черни,
Я кую из стали
Мой напев вечерний [12, с. 18].

В этом стихотворении прослеживается традиционный для русской литературы мотив творчества. Выковывая из стали стихи, лирический герой понимает, что только они и останутся в вечности, что он избранный на фоне «кипучей черни». Особое внимание поэт уделяет ночному времени суток, что добавляет сакральности процессу творчества: «Пусть летят годины / В час любви вечерней / Станут миги длинны» [12, с. 18]. Благодаря кольцевой композиции стихотворения отчётливо прослеживается мысль о тождестве начала и конца, о неизбежности замкнутого круга жизни поэта-эмигранта.

Важно отметить, что общие философско-эмоциональные мотивы сборника «Из пепла» вопреки названию всё же развиваются по нисходящей. Если в начале книги ещё встречаются мотивы радости, веры, надежды, помогающие лирическому герою справиться с серыми парижскими буднями, то в завершающих произведениях сборника повседневная рутина его поглощает, он пытается примириться со своей судьбой: «Такой судьбы врагу не пожелаю, / Но другу лучшему я не отдам…» [12, с. 28]. Поэт готов переносить все тяготы эмигрантской жизни, выступающей в образе грошей, ради единственного оставшегося смысла жизни – поэзии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в первом сборнике Станюковича «Из пепла» доминирующими являются мотивы войны, смерти, жизни, судьбы, тоски по родине, творчества, которые раскрываются в оригинальной образной системе стихотворений. Несмотря на то, что война давно окончена, лирический герой продолжает сражаться теперь уже на поэтическом поприще со своим главным врагом – реалиями эмигрантской жизни.

Список литературы

1. *Карпов Н.Д.* Крым – Галлиполи – Балканы. М.: Русский путь, 2002. 168 с.
2. *Рыбинский Н.З.* До «Часового» // Часовой. Париж; Брюссель, 1939. № 227. С. 18-19.
3. *Бобылёва Е.С.* Символика пейзажа в книге И.С. Лукаша «Голое поле» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 5. С. 105-110.
4. *Желтова Н.Ю.* Григорий Финн. Пасмурные птицы. Стихи 1918–1920 годов // Филологическая регионалистика. 2018. Т. 10. № 1-2 (25-26). С. 54-60.
5. *Кидакоева З.Ш.* Культурная жизнь русских галлиполийцев: медийный аспект // Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 4. С. 123-124.
6. *Севинч Учгюль*. Галлиполи – хронотоп жизненного пространства русских эмигрантов: чужая земля // Вопросы тюркской филологии. 2016. № 11. С. 356-366.
7. *Николаев Д.Д.* Галлиполи в драматургии русского зарубежья // Вторые московские Анциферовские чтения. М.: Гос. лит. музей, Три квадрата, 2014. С. 310-341.
8. *Сосницкая М.С.* Тема Галлиполи в русской литературе // Неофилология. 2020. Т. 6, № 24. С. 776-782. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-776-782
9. *Копырюлин С.В.* «Галлиполийские рассказы» Н.З. Рыбинского: тематика и образно-мотивная система // Казанская наука. 2020. № 1. С. 7-11.
10. *Копырюлин С.В.* Образ полей в творчестве Н.Н. Евсеева // Вестник БарГУ. 2020. № 8. С. 150-156.
11. *Оболенский С.С.* Н.В. Станюкович // Возрождение. Париж, 1978. № 2. С. 234-236.
12. *Станюкович Н.В.* Из пепла. Париж: Изд-во «Паскаль», 1929. 29 с.
13. *Коломиец М.В.* Танки в Гражданской войне. М.: Эксмо, 2014. 144 с.
14. *Желтова Н.Ю.* Национально-культурная и индивидуально-культурная репрезентация концепта «война» в поэзии Русского Константинополя // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения): материалы 7 Междунар. науч. конф. М.: ООО «МАКС Пресс», 2020. С. 347-351.

References

1. Karpov N.D. *Krym – Gallipoli – Balkany* [Crimea – Gallipoli – Balkans]. Moscow, Russkiy Put’ Publ., 2002, 168 p. (In Russian).
2. Rybinskiy N.Z. Do «Chasovogo» [Before “Guard”]. *Chasovoy – Guard*, Paris, Brussels, 1939, no. 227, pp. 18-19. (In Russian).
3. Bobyleva E.S. Simvolika peyzazha v knige I.S. Lukasha «Goloye pole» [Symbolism of a landscape in “Naked Field” by Ivan Lukash]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya – Bulletin of the Msru. Series: Russian Philology*, 2012, no. 5, pp. 105-110. (In Russian).
4. Zheltova N.Y. Grigoriy Finn. Pasmurnyye ptitsy. Stikhi 1918–1920 godov [Gregory Finn. Dull birds. Poems of 1918–1920]. *Filologicheskaya regionalistika – Philological Regional Science*, 2018, vol. 10, no. 1-2 (25-26), pp. 54-60. (In Russian).
5. Kidakoyeva Z.S. Kul’turnaya zhizn’ russkikh gallipoliytsev: mediynyy aspekt [The cultural life of the Russian Gallipoli: the media aspect]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – Pyatigorsk State University Bulletin*, 2019, no. 4, pp. 123-124. (In Russian).
6. Sevinch Uchgyul. Gallipoli – khronotop zhiznennogo prostranstva russkikh emigrantov: chuzhaya zemlya [Gallipoli – the chronotope of the living space of Russian emigrants: foreign land]. *Voprosy tyurkskoy filologii* [Issues of Turkic Philology], 2016, no. 11, pp. 356-366. (In Russian).
7. Nikolayev D.D. Gallipoli v dramaturgii russkogo zarubezh’ya [Gallipoli in the Russian drama abroad]. *Vtoryye moskovskiye Antsiferovskiye chteniya* [Second Moscow Antsifer Readings]. Moscow, State Literary Museum Publ., Tri kvadrata Publ., 2014, pp. 310-341. (In Russian).
8. Sosnitskaya M.S. Tema Gallipoli v russkoy literature [Gallipoli theme in Russian literature]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2020, vol. 6, no. 24, pp. 776-782. DOI 10.20310/2587-6953-2020-6-24-776-782. (In Russian).
9. Kopyryulin S.V. «Gallipoliyskiye rasskazy» N.Z. Rybinskogo: tematika i obrazno-motivnaya sistema [N.Z. Rybinskiy’s “Gallipoli’s short stories”: topics and image-motive system]. *Kazanskaya nauka – Kazan Science*, 2020, no. 1, pp. 7-11. (In Russian).
10. Kopyryulin S.V. Obraz poley v tvorchestve N.N. Evseyeva [Fields’ image in N.N. Evseev’s creative activity]. *Vestnik BarGU – BarSU Herald*, 2020, no. 8, pp. 150-156. (In Russian).
11. Obolenskiy S.S. N.V. Stanyukovich [N.V. Stanyukovich]. *Vozrozhdeniye – Revival*, Paris, 1978, no. 2, pp. 234-236. (In Russian).

12. Stanyukovich N.V. *Iz pepla* [From the Ashes]. Paris, Pascal Publ., 1929, 29 p. (In Russian).
13. Kolomiyets M.V. *Tanki v Grazhdanskoy voyne* [Tanks in the Civil War]. Moscow, Eksmo Publ., 2014, 144 p. (In Russian).
14. Zheltova N.Y. Natsional'no-kul'turnaya i individual'no-kul'turnaya reprezentatsiya kontsepta «voyna» v poezii Russkogo Konstantinopolya [National-cultural and individual-cultural representation of the concept "war" in the poetry of Russian Constantinople]. *Materialy 7 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Russkaya literatura XX–XXI vekov kak edinyy protsess (problemy teorii i metodologii izucheniya)»* [Proceedings of 7th International Scientific Conference "Russian Literature of the 20–21st Centuries as a Single Process (Problems of Theory and Methodology of Study)"]. Moscow, LLC "MAKS Press", 2020, pp. 347-351. (In Russian).

Информация об авторе

Копырюлин Станислав Валерьевич, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, stas-kopr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1421-7094

Вклад в статью: идея исследования, поиск и работа с редкими архивными и литературными источниками, написание, оформление и редактирование статьи.

Статья поступила в редакцию 26.02.2021
Одобрена после рецензирования 19.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Stanislav V. Kopyryulin, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, stas-kopr@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-1421-7094

Contribution: study idea, search and work with rare archival and literary sources, manuscript drafting, design and editing.

The article was submitted 26.02.2021
Approved after reviewing 19.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 882
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511

Проблемы исторической памяти и её сохранения, ответственности, всепрощения. От романа «Тишина» к повести «Родственники» Ю.В. Бондарева

Лили ЦЗИНЬ[1,2]
[1]Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения
при Тяньцзиньском университете иностранных языков
300072, Китайская Народная Республика, г. Тяньцзинь, Мачанг Роуд, 117
[2]ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ Jinlili8361450@126.com

Аннотация. На материале двух произведений раннего Ю.В. Бондарева, романа «Тишина» и повести «Родственники», исследованы проблемы духовно-нравственного смысла, которые были основополагающими для писателя-фронтовика на протяжении всего сложного, многолетнего творческого пути. Прослежено начало их художественно-философской разработки в синтезе «мир–война» в названных произведениях 1960-х гг. на основе развития некоторых характеров, как главных, так и второстепенных, конкретных ситуаций, коллизий. Отмечены основные художественно-философские аспекты: синтез прошлого, настоящего, будущего, святость памяти, мирная «тишина» и психологический экстрим. Проанализированы поэтические приёмы, разработанные автором, помогающие решить поставленные задачи: сон–явь, полифоничные монологи, «диалог в монологе» и пр.

Ключевые слова: война, мир, память, прощение, ответственность, тишина, психологические коллизии, сон, явь

Для цитирования: *Цзинь Лили.* Проблемы исторической памяти и её сохранения, ответственности, всепрощения. От романа «Тишина» к повести «Родственники» Ю.В. Бондарева // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 503-511. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511

Problems of historical memory and its preservation, responsibility, forgiveness. From the novel “Silence” to the story “Relatives” by Y.V. Bondarev

Lili JIN[1,2]
[1]Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University
117 MaChang Rd, Tianjin 300072, People’s Republic of China
[2]Derzhavin Tambov State University
33 Internationalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ Jinlili8361450@126.com

Abstract. Based on two relatively early works by Y.V. Bondarev, the novel “Silence” and the story “Relatives”, investigated the problems of spiritual and moral meaning, which were fundamental for the front-line writer throughout his difficult, long-term creative path. We trace the beginning of their artistic and philosophical development in the synthesis of “peace–war” in the named works of 1960s based on the development of some characters, both major and minor, specific situations, collisions. We note the main artistic and philosophical aspects: synthesis of the past, present, future, sacredness of memory, peaceful “silence” and psychological extreme. We analyze poetic techniques developed by the author that help to solve the assigned tasks: dream–reality, polyphonic monologues, “dialogue in a monologue”, etc.

Keywords: war, peace, memory, forgiveness, responsibility, silence, psychological collisions, dream, reality

For citation: Jin Lili. Problemy istoricheskoy pamyati i eye sokhraneniya, otvetstvennosti, vseproshcheniya. Ot romana «Tishina» k povesti «Rodstvenniki» Y.V. Bondareva [Problems of historical memory and its preservation, responsibility, forgiveness. From the novel “Silence” to the story “Relatives” by Y.V. Bondarev]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 503-511. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-503-511 (In Russian, Abstr. in Engl.)

OPEN ACCESS

CC BY

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Вопросы исторической памяти и её сохранения всегда были актуальны для Ю.В. Бондарева – человека, гражданина, писателя. По мере развития его творческого опыта исследователи предвидели, что соотношение «мир–война» рано или поздно случится в его творческой лаборатории. Так, уже в 1959 г., тогда ещё совсем молодой писатель подчеркнул особо: «Когда мы пишем о войне, то должны иметь в виду, что наша мысль всегда устремлена в <…> современность. <…>. Беда некоторых романов о войне в том, что подчас исторические и неповторимые сороковые годы не освещены мыслью, протянутой из современного состояния мира. Назрела определённая социально-психологическая и эстетическая потребность в «постижении своих лет», в осмыслении исторического пути поколения и всего общества, в выходе к более глубокому осмыслению проблем, нравственных и философских, современного бытия человечества» (цит. по: [1, с. 105]).

Понятно, что такую задачу Бондарев-словесник ставил, прежде всего, перед собой. Начиная с романа «Тишина» (1962–1964), мысль о «сопребывании» времён, ответственности последующих поколений перед своими предками, перед священной памятью павших прочно войдёт в его творческий мир, станет неотъемлемой и обязательной его частью.

Роман «Тишина» – первое крупное произведение Ю.В. Бондарева, где очевидна философская смычка «мир–война», первая попытка его, как писателя, соединить в своих художественно-философских размышлениях «правду мира» и «правду войны», психоло-

гический экстрим и спокойное, мирное, «тихое» время. В этом произведении, как и в чуть более поздней повести «Родственники» (1969), писатель начинает развивать и словно бы цементирует основополагающую для себя, как автора, мысль, которая станет важнейшим смысловым стержнем для дальнейших произведений: будущее невозможно построить на забвении прошлого, тем более, забвении такой страшной и одновременно священной войны. «Настоящее не может быть оторвано от прошлого, иначе теряются нравственные связи. В настоящем всегда есть прошлое. Наше настоящее – это сумма социальных явлений, счёт которых начался не сегодня. Осмыслить настоящее невозможно без уходящих в историю пунктиров, так же как невозможно познать характер человека без его прошлого, вернее, без суммы поступков» [2, т. 6, с. 108]. Эти мысли, высказанные Ю.В. Бондаревым в статье «Время – жизнь – писатель», как нельзя лучше иллюстрируют нравственно-философский стержень «Тишины» и «Родственников».

Некоторые исследователи полагают, что главная мысль этих произведений – развенчание культа личности. Однако мы уверены, что бондаревские проблемы глубже. У него далеко не всё так просто и прямолинейно, а, напротив, – усложненно-полифонично; он, как писатель, никогда не старался решить те или иные поставленные перед собой задачи только лишь в узкосоциальном аспекте. Мы прочитываем эти два произведения, прежде всего, в духовно-нравственном ключе, то есть в том ракурсе, в каком они интересовали самого писателя. А путь осмысления поставленных задач для автора таков. Структурно в «Тишине» он их старается решить, группируя конкретные характеры между собой. На одном «полюсе» – два друга – Сергей Вохминцев и Константин Корабельников. На противоположном – сосед по квартире Быков и капитан Уваров.

Непросто выстраиваются отношения Сергея со своим отцом, бывшим фронтовиком, в каком-то смысле, по крайней мере, по убеждению сына, предавшим мать и имевшим связь на фронте с медсестрой. Герои в романе проходят своеобразное испытание войной и памятью, обидой. Есть некоторые противоречия и в отношениях между двумя друзьями – Сергеем и Константином. Константин поначалу относится ко всему гораздо проще Сергея; он успевает быстро приспособиться к мрачным перипетиям послевоенного московского быта. Писателя волнуют истоки человеческой подлости, предательства, духовной мерзости.

Возможно, впервые именно в этом романе наиболее выпукло, принципиально актуализируется святость памяти героя, а также самого автора о погибших друзьях. И кажется, как и всегда у него, и в раннем творчестве, и в более позднем, проходящие эпизоды имеют статус очень важных по смысловому наполнению. У Сергея погиб лучший школьный друг Виктор Мукомолов. Из довоенных друзей в родном дворе осталось только двое: он и Костя Корабельников. С этого романа ностальгическая грусть об ушедших друзьях станет устойчивым лейтмотивом и повторится затем спирально-вариативно в романах «Берег» и «Выбор». Примечательно, что лейтмотив памяти воспроизводится и через описание того места, которое называется «малой родиной»: для бондаревских героев, как и для самого автора – это московский дворик с окрестными улицами и улочками, другой пространственной атрибутикой: «Да, вот он дома: зима, снег, фонари, тихие замоскворецкие переулки, свободные утра, горячая голландка, улица Горького, довоенный телеграф, метро–ночное; заваленные снегом подъезды» [2, т. 3, с. 41]. В это святое, родное, однако, вторгаются сложные, мучительные размышления о том, что не так всё просто в этой «мирной тишине», о которой он трогательно мечтал: «Он всё время ждал прежней мальчишеской лёгкости, тёплых июльских дней, всплеска вёсел и фонариков на Москва-реке в сумерках, спорящего голоса Витьки Мукомолова <…> И была Надя в летнем платьице, с загорелыми коленками. Это было. Витька Мукомолов пропал без вести. И Нади нет. Погибли почти все, кого он знал в девятом и десятом классах. Жизнь сделала крутой поворот, как машина, на этом крутом повороте многие, почти все, вылетели из машины…» [2, т. 3, с. 41].

Семантически контрастно дан в романе образ мрачного, послевоенного московского Тишинского рынка – «толкучки». «В узких закоулках огромного рынка с бойкостью уг-

рей скользили, шныряли люди, выделявшиеся нервными лицами, быстрым мутно-хмельным взглядом, блестели кольцами на грязных пальцах, хрипло бормотали, секретно предлагая тайный товар; при виде милиции стремительно исчезали, рассасывались в толпе и вновь появлялись в пахнущих мочой подворотнях, озираясь по сторонам, шёпотом зазывая покупателей в глубину привычных дворов» [2, т. 3, с. 18]. Вохминцев, как и автор, видят смешавшуюся людскую массу спекулянтов, кустарей, недавно демобилизованных солдат «с пригородными колхозниками, московскими ворами, командированными, людьми, покупающими кусок хлеба…» [2, т. 3, с. 18].

На наш взгляд, контуры проблемы духовно-нравственного соотношения прошлого, настоящего, будущего найдены и поставлены автором блестяще: будущего вовсе может не быть, если забыть и не принимать во внимание бывшую человеческую подлость. Но вот как вести себя в этой непонятной и непривычной мирной тишине, где уже нет такого резкого, экстремального военного контраста: или – или?

Капитан Уваров, почти в самом начале появившийся на страницах романа, во время войны подло бросивший своих солдат, предавший их, теперь случайно встретился с Сергеем и предложил ему всё забыть. Мерзость Уварова, командира батареи, мгновенно всплывает в памяти Сергея. Осенью 1944 г. попавшая в окружение вблизи деревни Жуковцы в Карпатах почти вся батарея погибла. Несчастье произошло из-за неграмотности Уварова, который свою очевидную вину переложил на другого человека – тяжелораненного командира взвода Василенко, попавшего позже, опять-таки по вине Уварова, в штрафной батальон. Всё это забыть невозможно, и для Сергея это очевидно и принципиально. Сложность вопроса заключается в том, можно ли забыть и простить предательство и подлость такой степени? Для Сергея ответ отрицательный однозначен. Уваров, напротив, предлагает Сергею *забыть всё, что было именно на войне*: «Ну, чудак ты, ей-богу! Если была какая неразбериха – на то война. Не косись, брат, на меня; я не хуже и не лучше других. Ты считаешь меня своим врагом – я тебя – нет. Просто думаю: ты хороший парень. Только мнительный. Выпьем, Вохминцев, за примирение, за то, чтобы… ко всем матерям это!.. Война кончилась – бог с ним, с прошлым. Предлагаю выпить за новую дружбу и всё забыть!» [2, т. 3, с. 35]. Для Сергея забыть прошлое – значит предать святую память о погибших и самого себя.

Заметим, что в предложении Уварова Вохминцеву забыть всё, что было, а значит, забыть и саму войну, просьбы о прощении не было, и в этом принципиальная разница, психологически тонко подмеченная автором. То есть предложение Уварова – это не шаг к примирению, а стремление подло скрыть своё преступление. Здесь очевидна уже в сравнительно раннем творчестве писателя важная, существенная дифференциация подлости и нравственности, высокого и низменного поступков, нередко весьма уловимых граней различия. И, собственно, практически сразу Уваров выдаёт себя, обнаруживая всю свою низменность: «Если ты… если ты встанешь… поперёк моей дороги… Я тебя сотру! Понял? Ты меня знаешь!..» [2, т. 3, с. 36]. Вохминцев ответил Уварову в военном стиле: у всех на глазах, в ресторане, Сергей наотмашь изо всех сил ударил его. Если Сергей совершил «суд» над Уваровым по-военному, открыто, то последний, спустя некоторое время, ответит ему подло, исподтишка, как и обещал. Он и, в самом деле, совершил мерзостный поступок по отношению к Вохминцеву, забыв всё, что было на войне, сохранив в себе только злобу и мстительность.

Сергей переживает сложнейший внутренний психологический конфликт, постоянно находясь как бы в незримой борьбе с самим собой: специфика мирного времени берёт своё, и грань между добром и злом опасно стирается. Низменное лицемерие Уварова напомнит о себе во время произнесения им тоста на новогоднем празднике о погибших солдатах. Сергей не выдержал и покинул праздничное застолье. Вся содержательная канва романа, так или иначе, балансирует на дилемме: «помнить – забыть прошлое». Сергей всё отчетливее видит кругом, что желание многих поскорее забыть страшное прошлое проявляется всё более очевидно: он «замечал, что люди уже неохотно оглядываются назад, пытаясь жить только в настоящем… Никто не хочет копаться в прошлом…

Есть настоящее, есть жизнь, есть будущее, а прошлое в памяти людской стиралось…» [2, т. 3, с. 105]. И если Константин, сначала, было, идущий на «перемирие» со спекулянтом и подлецом Быковым, в конце концов, произносит очень важное: «Хватит лежать в окопах, в тебя стреляют, в Сережу, в Асю… и не холостыми патронами, а бьют наповал, в голову целят!» [2, т. 3, с. 214]. Обращает на себя внимание употребление военной лексики, касающейся вполне «мирной» ситуации.

Композиционно и стилистически «Тишина» выстраивается на сложных, излюбленных писателем, сплетениях сна и яви, символически переплетающих картины военной и мирной обстановки, внутренних монологах – размышлениях, напоминающих диалоги, когда герой словно бы разговаривает с самим собой, со своим вторым «я». Эти сплетения и монологи касались основополагающих тем, составлявших сущность конфликта: «…Выбиваясь из сил, он бежал посреди лунной мостовой, мимо зияющих подъездов, разбитых фонарей, поваленных заборов. Он видел: чёрные, лохматые, как пауки, самолёты с хищно вытянутыми лапами беззвучно кружили над ним, широкими тенями проплывали меж заводских труб, снижаясь над ущельем улицы. Он ясно видел, что это были не самолёты, а угрюмые гигантские пауки, но в то же время это были самолёты, и они сверху выследили его, одного среди развалин погибшего города» [2, т. 3, с. 7].

Читатель не сразу поймёт, что Сергей Вохминцев видит именно сон. Многократно дробя абзацную структуру, автор намеренно увеличивает темп повествования. Состояние героя мучительное. Эта мучительность – испуг. Он стремится во что бы то ни стало убежать, скрыться, но не получается: самолёты-пауки преследуют его. Сергей мечется в каменных закоулках большого, разрушенного, города, несущего мучительное для бывшего фронтовика состояние отчуждения. «Задыхаясь, он выбежал на каменную площадь, и вдруг впереди, в освещённом луной пролёте улицы, возникли новые самолёты. Они вывернулись из-за угла, неслись навстречу ему в двух метрах над булыжником мостовой» [2, т. 3, с. 7]. И только лишь в девятом по счету абзаце он «вдруг» «облегчённо, хрипло» смеётся, поняв, что это только сон. Что характерно, (случайно ли?) Сергей, понимая свою счастливую ошибку, произносит именно: «Чёрт возьми!», словно бы опять-таки предваряя сложные, драматические события, которые произойдут в ходе повествования.

Итак, сон Вохминцева предвосхищает новые, «мирные» испытания. Он ощущает одиночество, отъединённость; среди огромного количества людей он – одинок. Автор намеренно, подчёркивая не только одиночество, но даже в какой-то мере и обезличенность, в первых строках романа, пока не называет его по имени, а даёт местоимение «он». Сергею ещё предстоит освободиться от многих кошмаров, которые принесёт зловещая, пока таинственная для него мирная жизнь, и этот процесс будет долгим и, по всей вероятности, мучительным, поскольку ему ещё предстоит не только адаптироваться к непривычным для него условиям жизни, но и повзрослеть.

Контрастное впечатление создаёт тёплая, мирная, уютная домашняя обстановка и, в противоположность мертвенно-лунному, в комнату врывается солнечный свет. Он, как и луна в страшном сне – всюду: «Было морозное декабрьское утро. На полу, на занавесках, на диване – везде солнечный снежный свет, везде отблеск ясного белого утра… На столе *мирно сиял* бок электрического чайника… Сергей увидел и солнечный свет, и Мурку, и новорождённых котят и с радостным приливом свободы *улыбнулся* оттого, что он в это декабрьское утро проснулся *у себя дома*, в Москве, что только что ощущаемая им опасность была сном, а действительность – это уютное солнце, мороз, запах потрескавшихся в голландке поленьев» (Выделено нами. – *Ц. Л.*) [2, т. 3, с. 8].

Пройдёт, однако, ещё немало не только романного времени, но и реального, оставшегося за пределами повествования, прежде чем Сергей обретёт самого себя, пройдёт через многие перипетии.

Следует подчеркнуть, что картины, воссозданные через приём «сон–явь», символично фиксируют как раз ключевые моменты, ставящие во главу угла основополагающие для всего произведения в целом конфликтные вопросы: как себя вести, если в

мирной жизни встречаешься с подлостью, предательством? Подходит ли бескомпромиссный и решительный стиль поведения как на войне для разрешения нравственных конфликтов в мирной ситуации? Многие из подобных вопросов составляют суть произведения и не всегда могут быть разрешены в ходе повествования. Вот ещё один из таких примеров беспокойного, крайне тревожного сна Сергея, словно бы предвосхищающего драматические события. На фоне «грохота подкованных сапог» немцев, преследующих его, он ощущает себя как бы на войне: «Отступая, он ещё напрасно рванул пустую кобуру на боку – и тут жёстокое, душное, цепкое навалилось на него, ломая тело, выкручивая руки. Вырываясь из тисков, он осознавал, что это последнее в его жизни, что он погибнет сейчас, и почему-то ясно успел заметить за спинами людей в чёрном чьё-то очень знакомое огромное лицо с усиками, – но кто это был – никак не мог вспомнить. И вдруг узнал это лицо по крутому подбородку, по улыбающимся губам и, узнав, крикнул, задохнувшись: «Уваров? Уваров!..» И от удара, падая под сапоги, уловил радостный знакомый рёв: «В сердце! Бейте его в сердце! В сердце… Он сейчас умрёт!» [2, т. 3, с. 208]. Одна важная деталь, на фоне которой происходит развитие событий сна, подаётся автором, как фон. События происходят на фоне «пустынно мертвенных улиц города». И.А. Богатко в своё время было сделано интересное наблюдение о том, что Ю.В. Бондаревым в этом романе было найдено необычное сравнение – сходство мещанства и фашизма [3]. Это едва ли не самое главное, что следует рефлексировать в «Тишине»: погружение в мещанство, обожествление комфорта вокруг себя не останавливает беспредел человеческой подлости, а, напротив, усугубляет, развивает его. И здесь зоркий писательский взгляд был обращён в будущее, в котором он предвидел серьёзную опасность для человека и вообще для человеческого существования такого стиля поведения. Развитие этой смысловой спирали обнаружится в более поздних романах, а также в публицистических работах.

По наблюдению И.А. Богатко, «подлость Быкова, на счету которого не одна погубленная человеческая жизнь, и его стремление к обывательскому уюту и благополучию, типичны также для Уварова, всеми способами завоевывающего себе место под солнцем. В тяжёлом сне Сергея Вохминцева, когда словно кто-то бьёт его в самое сердце, эти сегодняшние удары, метко, рассчитано наносимые ему Уваровым, объединяются в ощущениях Сергея в единое целое с фронтовыми ужасами, видятся единой опасностью. «Так только фашиствующие молодчики могли…» – скажет Сергей, в конце концов, в лицо Уварову. Тяжёлое, но необходимое знание социального между собой родства любой человеческой подлости и делает героев Ю.В. Бондарева людьми, осознающими личную ответственность за всё происходящее вокруг, понимающими жизнь не узкоэгоистически, а прежде всего как категорию общественного существования» [3, с. 13].

Для решения принципиальных вопросов, оформляющих основополагающий конфликт романа, писатель в «Тишине» развивает, усложняет поэтические особенности своего, самобытного художественного повествования. В частности, это, наряду со снами, развёрнутые внутренние монологи «достоевского» типа, которые он ввёл в «Тишину», затем ещё многообразнее будут использованы в «Родственниках», «Горячем снеге», «Береге» и «Выборе». Душевные муки Сергея автор оформляет в сложный монолог, который строится на мучительных вопросах самому себе: «Кому нужна его смелость? Или что-то произошло, изменилось – и нет доверия, никому не нужна откровенность. Не лучше ли молчать и терпеть – это выход? Но зачем тогда жить?» «Не будьте чересчур уж смелым, бывает это очень опасно». Если б в войну кто-нибудь сказал так, он набил бы морду. Что ж, мера человеческой ценности изменилась? Кто мог это сделать?»

«Что я должен делать? Что делать?»

«Измениться. Взять себя в руки. Надеть маску милого, доброго парня. Со всем соглашаться».

«Не могу! Не могу!»

«Тогда тебе сломают судьбу, дурак! Не будь чересчур смелым. Будешь искать истину? Она давно найдена».

«Не могу, не могу, не могу! Не могу быть камуфляжным. Есть вещи, понятые раз и навсегда. С детства. С войны» [2, т. 3, с. 194].

Мучительный внутренний «монолог-диалог», который переживает Вохминцев, относится к другой трагической ситуации, которая стала частью его жизни: отношение к отцу. Сюжетно-философская канва романа складывается таким образом, что Уваров и отец, – люди с принципиально разным прошлым, вызывают у Сергея в чём-то схожее чувство неприязни. Сергей не может простить отцу предательство. В отличие от Уварова, Николай Григорьевич на фронте воевал достойно, совершая геройские поступки: будучи комиссаром полка, вывел батальоны из окружения. Узнав о смерти жены, Вохминцев-старший «обмяк: и как бы опустился: лежал целыми днями на диване в своей комнате…» [2, т. 3, с. 52]. Тоска о жене серьёзно тяжело сказалась на его здоровье. Для него возвращение к мирной жизни оказалось также весьма непростым; он по-своему чувствовал и переживал контраст мирной и военной действительности, а главное – отчуждённость сына, который откровенно обнаруживал пренебрежительное и высокомерное отношение к нему.

Но ситуация с несправедливым арестом, в которой ключевую роль сыграл донос подлеца, соседа Быкова, заставила Сергея пересмотреть отношение к отцу и даже заступиться за него: «Болен… Он был уже болен, болен! – подумал он и даже замычал, стискивая зубы, – вспомнил долгие лежания отца на диване по вечерам, тишину, шуршание газеты, молчаливую возню с прозванивающими пузырьками за дверью и запах лекарств из другой комнаты. – У него всё время болело сердце! Что я сделал? Как помог? Раздражался, злился!..» [2, т. 3, с. 185-186]. Такого рода мучительные монологи, вопросы самому себе, остающиеся без ответа, последующие решительные поступки Сергея в защиту отца могут восприниматься, без всякого преувеличения, как покаяние и путь к нравственному самосовершенствованию, да, в принципе, и взрослению: ведь на фронт он ушёл почти совсем мальчишкой. Отец, в свою очередь, в прощальном письме к сыну также делает шаг к сближению, просит прощения и наказывает заботиться о сестре Асе. В свою очередь, трагедия с отцом сближает Сергея и Асю. Он осознаёт и вину перед сестрой, к которой раньше не был внимателен.

Появляется в «Тишине» и философско-психологический образ «надломленной ветки», которую автор «оставил» в повести «Батальоны просят огня». Возникает он в непростой ситуации (Константин Корабельников – Ася, которые стали мужем и женой), когда Константину пришлось защитить подростков от хулиганов. В драке он вынул оружие, которое, нарушив правила, когда-то не сдал. Свидетель произошедшего таксист Михеев поступил непорядочно, и у Константина появился страх за Асю, поскольку теперь они были вместе, она – его жена, и он должен был думать не только о себе, но и о ней. Мотив ответственности перед ближним перейдёт затем в романы «Берег» и «Выбор».

Как и Сергея, Константина не покидают размышления о том, как теперь жить, среди «мирной тишины», когда всё гораздо сложнее, чем на войне. Он вдруг понимает, что последнее время его одолевает какое-то странное и непонятное чувство, похожее на страх, и эти размышления, как по содержанию, так и по структуре, очень напоминают размышления его лучшего друга: «Что ж, когда-то и я жил так, не задумываясь ни над чем. Но тогда не было Аси, тогда ничего не было. Было только ожидание. Что же это со мной? Страх за себя? За Асю? Страх? Может быть, опыт рождает страх?» [2, т. 3, с. 329]. Он ощущает, что в последнее время живёт «точно ухватившись за надломленную ветку над трясиной, ему не даёт покоя, его мучает какая-то неуловимая, скользкая, надвигающаяся опасность…» [2, т. 3, с. 339].

Как уточняет Л.С. Шкурат, повесть «Родственники», написанная вслед за романом «Тишина», не слишком была удостоена внимания исследователей, которое, в свою очередь, было обращено, прежде всего, на роман «Горячий снег», появившийся параллельно с повестью. Ею справедливо отмечено, что на примере «взаимоотношений членов одной семьи в относительно спокойные, мирные 60-е гг. XX века Ю.В. Бондарев поднимает и художественно исследует одну из самых «насущных» для сегодняшнего дня – проблему распада семейных связей. В повести «Родственники» автор изображает трагические последствия духовного разобщения отцов и детей и размышляет о возможных путях его преодоления» [1, с. 70-71].

В нашем ракурсе исследования необходимо выделить несколько моментов.

Писатель, постепенно отходя от чисто военной проблематики, приучает читателей к осмыслению характеров, поступков героя на материале мирного бытия. Война в данном случае не уходит на второй план, она становится как бы «проверочным фоном» для осмысления специфических ситуаций мирного времени. И автор с горечью констатирует, что люди между собой, даже самые близкие родственники – часто вовсе не родственники, а недруги, если не враги. С горечью он подмечает эту разобщённую тенденцию в послевоенном пространстве мирной жизни, которая, с его точки зрения, к огромному сожалению, будет только прогрессировать.

Второй важный момент, который необходимо подчеркнуть в нашей системе координат – это то, что Ю.В. Бондарева настораживает предательство (разобщённость, отъединённость), возникающее между самыми близкими людьми, самыми близкими родственниками. Автора интересует проблема предательства, совести, ответственности, справедливости, отмщения, они возводятся в степень глубоких нравственно-философских, духовных категорий. Как и в «Тишине», он пользуется монологами нравственно-философского содержания, которые обращены героем к самому себе.

В «Тишине» и «Родственниках» много в чём-то схожих моментов. Никита Шапошников, приехав в столицу к своему дяде профессору-историку Грекову, чтоб передать ему предсмертное письмо своей матери, просыпается в квартире родственников в «чужой» комнате, чувствуя, что может «заплакать от пустоты и одиночества». Родственники, к которым приехал Никита, для него чужие. Он видит неестественные, совсем не родственные отношения между близкими людьми. Сам Никита ранее даже не подозревал о существовании дяди. В самой семье также отношения весьма проблематичные. Однако смертельно больная Вера Лаврентьевна, мать Никиты, не только прощает своему брату предательство, из-за которого она была невинно осуждена, но и беспокоится за Никиту: окажется ли он, оставшись один, без неё, способным прощать людей? Для самого автора ответ в христианской плоскости очевиден.

Философско-психологические детали «спирально» переходят от произведения к произведению, через темы, мотивы, образы, сюжетные вариативные фрагменты, «монологи – диалоги», внутренние монологи автора сложного полифонического содержания, из которых нередко достаточно трудно оценить мотив того или иного вывода, поступка. Так, Сергей «искал в себе прежней острой ненависти к Уварову – и не находил. Он не мог определить, понять точно, почему так произошло, почему это недавнее, жгучее незаметно перегорело в нём, как будто тогда, встретив Уварова впервые после фронта, он вылил и исчерпал всю ненависть, и постепенно её острота притуплялась, чудилось, против его желания… Он ещё сопротивлялся, не соглашался с этим, но замечал, как люди уже неохотно оглядывались назад, пытаясь жить только в настоящем» [2, т. 3, с. 105].

Нами приведены лишь некоторые аспекты достаточно объёмного, полифоничного, многослойного, с массой смысловых оттенков, внутреннего монолога Сергея Вохминцева. Их можно осмыслить в контексте различных сюжетных линий с акцентированием тех или иных деталей. В нашем аспекте рассуждений он содержит важный момент, принципиально отличающий, с одной стороны, Сергея от его антипода Уварова, а с другой – приближающую к ключевой мысли, очень важной для автора, высказанной им в повести «Родственники» о прощении матерью Никиты предавшего её родного брата. Дело не в том, что Сергей, как многие вокруг него, старался поскорее забыть страшные военные реалии, а в том, что острая ненависть даже к такому мерзавцу, как Уваров, не могла быть вечно разъедающе-острой и мстительной в таком человеке, как Вохминцев.

Таким образом, автор, воспроизводя непростые жизненные ситуации через специфические поэтико-философские приёмы, ведёт героев романа от отъединённости к сближению, пониманию, прочувствованию чужой боли. Это очень важный шаг к словно бы растворению себя в окружающих, к примирению с ближними, в дальнейшем будет развиваться и в более поздних произведениях писателя.

Список литературы

1. *Шкурат Л.С.* Ю.В. Бондарев: творческая эволюция писателя. 2-е изд., стереотип. М.: Инфра-М, 2020. 252 с.
2. *Бондарев Ю.В.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1984.
3. *Богатко И.А.* Истина – в человеке (О творчестве Юрия Бондарева) // Бондарев Ю.В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1.

References

1. Shkurat L.S. *Y.V. Bondarev: tvorcheskaya evolyutsiya pisatelya* [Y.V. Bondarev: The Creative Evolution of the Writer]. Moscow, Infra-M Publ., 2020, 252 p. (In Russian).
2. Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1984. (In Russian).
3. Bogatko I.A. Istina – v cheloveke (O tvorchestve Yuriya Bondareva) [Truth is in man (on the work of Yuri Bondarev)]. In: Bondarev Y.V. *Sobraniye sochineniy: v 6 t.* Vol. 1 [Collected Works: in 6 vols: vol. 1]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1984. (In Russian).

Информация об авторе

Цзинь Лили, аспирант, Биньхайский институт внешних дел, политологии и правоведения при Тяньцзиньском университете иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китайская Народная Республика; аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, журналистики, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, Jinlili8361450@126.com, https://orcid.org/0000-0001-6902-8907

Вклад в статью: Разработана и уточнена общая концепция статьи, которая синтезирована в заглавии; выявлена проблематика художественно-философского осмысления Ю.В. Бондарева как «автора-творца» (М.М. Бахтин) в диахронии от романа «Тишина» к повести «Родственники». Проделана работа с литературными источниками (указанные произведения, публицистические труды Ю.В. Бондарева 1960–1980-х гг.). Осуществлён анализ художественного текста романа «Тишина» и повести «Родственники». Разработана тема «мир–война», её духовно-нравственные истоки (культурно-аксиологическая парадигма). Осмыслено соотношение, сопребывание времён: прошлого, настоящего и будущего. Проанализированы поэтико-философские приёмы сон–явь, полифоничные монологи, монологи в диалоге и т. д. Написан, структурирован текст статьи.

Статья поступила в редакцию 12.01.2021
Одобрена после рецензирования 07.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Information about the author

Lili Jin, Post-Graduate Student, Binhai Institute of Foreign Affairs, Political Science and Law of Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, People's Republic of China; Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature, Journalism Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, Jinlili8361450@126.com, https://orcid.org/0000-0001-6902-8907

Contribution: We develop and refine the main study concept; which is synthesized in the title; we identify the problems of artistic and philosophical comprehension of Y.V. Bondarev as "author-creator" (M.M. Bakhtin) in diachrony from the novel "Silence" to the story "Relatives". We work with literary references (specified works, publicistic works of Y.V. Bondarev in the 1960s–1980s). We analyze the literary text of the novel "Silence" and the story "Relatives". We develop the theme "peace–war", its spiritual and moral origins (cultural and axiological paradigm). We comprehend the correlation, the coexistence of times: past, present and future. We analyze the poetic and philosophical techniques of dream–reality, polyphonic monologues, monologues in dialogue, etc. Manuscript text drafting and structuring.

The article was submitted 12.01.2021
Approved after reviewing 07.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 8.1751
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521

Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке

Марина Юрьевна ЕЛЕПОВА, Наталия Григорьевна КАБАНОВА ✉
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»
163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17
✉ nataliakabanova30@gmail.com

Аннотация. Оригинальные сказки Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке насыщены глубоким философским содержанием, которое находит выражение в интертекстуальных аллюзиях, трансформации мифологических образов и формул. Особое место в авторском дискурсе занимает пространственно-временной континуум, который можно определить как непрерывную совокупность категорий, воплощающих топологическую экспликацию сказочного мира через мифопоэтическую образность, религиозный подтекст, множественную аллюзионность. Темпоральность в качестве текстовой категории становится осью художественного времени, придающей всему пространственно-временному континууму произведения признаки перцепции. Темпоральность сказочного цикла обусловливается переключением от бытовой конкретики к масштабу безграничного универсума. Эффект остановившегося времени возникает в момент такого переключения. Вне времени герои оказываются и в стихии обуревающей их фантазии. Пространство имеет черты импрессионистичности, каждое мгновение в жизни сказочных героев открывает новый облик вешнего мира. Небесные светила в духе древнего сказочного эпоса приближены к земле и овеществлены. Астральные категории в образах луны, звёзд, неба раскрывают связь с космическим пространством. Населяющие волшебное пространство леса антропоморфные персонажи, сохраняя архетипические черты, обретают в сказках особые свойства, далеко выходящие за рамки фольклорных стереотипов. Это не имеющие границ воображение и фантазия, способность созерцания прекрасного, восхождения мысли к вечным философским проблемам. Ёжик как главный герой и носитель этих качеств часто даёт оценку конечности – бесконечности времени, цикличности его, неизменной смены смертей и рождений. Он, как и другие персонажи, преодолевает реальное пространство и время с помощью воображения. Поэтика мифа, архетипическая образность, художественные компоненты волшебно-фантастических сказок, трансформированные в авторском дискурсе Сергея Козлова, позволяют писателю через пространственно-временной континуум проникнуть в сокровенный мир детской души и поставить перед взрослым читателем важнейшие онтологические и гносеологические проблемы существования человека и божественного промысла в мире.

Ключевые слова: С. Козлов, отечественная проза второй половины XX века, сказка, мифопоэтика, пространственно-временной континуум, темпоральность, архетипическая образность, антропоморфные персонажи

Для цитирования: *Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г.* Мифопоэтика пространственно-временного континуума в сказках Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 512-521. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521

Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of thr Hedgehog and the Bear

Marina Y. ELEPOVA, Natalia G. KABANOVA ✉
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russian Federation
✉ nataliakabanova30@gmail.com

Abstract. The original tales of Sergei Kozlov about the Hedgehog and the Bear are full of deep philosophical content, which finds expression in intertextual allusions, the transformation of mythological images and formulas. A special place in the author's discourse is occupied by the space-time continuum, which can be defined as a continuous set of categories that embody the topological explication of the fairy world through mythopoetic imagery, religious subtext, and multiple allusions. Temporality as a text category becomes the axis of artistic time, imparting signs of perception to the entire space-time continuum of the work. The temporality of the fairytale cycle is determined by the switch from everyday specifics to the scale of an unlimited universe. The stopped time effect occurs at the moment of such switch. Out of time, the characters find themselves in the element of fantasy overwhelming them. The space has the features of impressionism, every moment in the life of fairytale heroes reveals a new look of the vernal world. The heavenly bodies in the spirit of the ancient fairy-tale epic are close to the earth and reified. Astral categories in the images of the moon, stars, sky reveal a connection with outer space. Anthropomorphic characters inhabiting the magical space of the forest, while retaining their archetypal features, acquire special properties in fairy tales that go far beyond the framework of folklore stereotypes. This is imagination and fantasy that have no boundaries, the ability to contemplate the beautiful, the ascent of thought to eternal philosophical problems. The Hedgehog, as the protagonist and the bearer of these qualities, often evaluates finiteness – the infinity of time, its cyclical nature, the constant change of death and birth. He, like other characters, overcomes real space and time with the help of imagination. The poetics of myth, archetypal imagery, artistic components of magical-fantastic tales, transformed in the author's discourse of Sergei Kozlov, allow the writer to penetrate the innermost world of the child's soul through the space-time continuum and present the most important ontological and epistemological problems of human existence and divine providence in the world to the adult reader.

Keywords: S. Kozlov, Russian prose of the second half of the 20th century, tale, mythopoetics, space-time continuum, temporality, archetypal imagery, anthropomorphic characters

For citation: Elepova M.Y., Kabanova N.G. Mifopoetika prostranstvenno-vremennogo kontinuuma v skazkakh Sergeya Kozlova o Ezhike i Medvezhonke [Mythopoetics of the space-time continuum in Sergei Kozlov's tales of the Hedgehog and the Bear]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 512-521. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-512-521 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Сказки Сергея Козлова о Ёжике и Медвежонке, написанные в период с 1967 по 1985 гг., – одни из самых оригинальных и многозначных произведений отечественной литературы в жанре литературной сказки. В указанном выше цикле сказок автор запечатлевает динамику семантических вариаций бытия мира и человека в нём в рамках сказочного топологического континуума, предполагающего и эмпирическое, и эстетическое, и религиозно-философское прочтение. Пространственно-временные особенности авторского сказочного дискурса в созвучии с различными жизненными, культурными, психологическими и философскими факторами можно рассматривать как способ синте-

зирования литературного материала, обусловливающего взаимопроникновение культурных и литературных кодов и авторского идиостиля, который отражает и стиль эпохи, и особую смысловую полисемию и художественную многогранность сказок.

Цель исследования – выявление и описание мифопоэтики пространственно-временного топологического континуума в сказке Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач, отражающих взаимосвязанные этапы исследования: обоснование мифопоэтичности сказочного пространственно-временного континуума в сказке Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка; установление способов художественной реализации сказочного времени и пространства в сказках Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка; анализ темпоральной сетки сказок о Ёжике и Медвежонке, выражающей содержание художественного концепта «время».

Некоторые аспекты творчества С.Г. Козлова исследовались в современном литературоведении и смежных гуманитарных науках. Так, А.В. Тихомирова в диссертации «Нарративная стратегия современной философской сказки» (2011) акцентирует внимание на особенностях проблематики, зооморфных персонажах и нравственном подтексте сказок этого автора. О.Н. Халуторных в своей диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук «Волшебная литературная сказка как феномен культуры» (1998) проводит социально-философский анализ образной системы сказок Козлова в числе прочих произведений разных авторов. Литературовед Л.Р. Бердышева рассматривает сказки С. Козлова в контексте творчества других писателей XX века в книге «Русские детские писатели XX века» (1997). Е. Красикова в книге «Мир без троллей и колдунов» (1981) исследует уникальный художественный стиль автора. Пространственно-временной континуум в исследованиях творчества Козлова до сего времени не рассматривался в науке о литературе.

Объектом настоящего исследования становятся пространственно-временные отношения в сказочной модели мира сказок Сергея Козлова про Ёжика и Медвежонка, эксплицированные на мифопоэтическом уровне.

В качестве основного метода исследования был использован семантический метод, представленный работами А.Ф. Лосева, Ю.И. Минералова, И.Г. Минераловой, А.А. Потебни, П.Н. Сакулина, Л.И. Тимофеева, а также метод целостного анализа литературного произведения. Кроме того, были применены приёмы компонентного и сопоставительного анализа, метод текстологического анализа первоисточников и текстовой реконструкции, историко-генетический метод, позволяющий выявить характерные для авторского дискурса «потенциальные тексты», связанные с мифопоэтическим мировосприятием.

В качестве гипотезы исследования следует выдвинуть следующее предположение: литературная сказка воплощает заданную реальность через мифопоэтическую сказочную модель мира, представляющую собой континуум, репрезентирующий сказочное пространство и время в качестве невербального кода коммуникации.

Ф.И. Буслаев, сторонник мифологической школы развития сказочных текстов, так определяет соотношение сказки и мифа: «Как обломок доисторической старины, сказка содержит в себе древнейшие мифы… В отношении сравнительного изучения индоевропейских народностей она предлагает материал для исследования того, как каждый из родственных народов усвоил себе общее мифологическое достояние» [1, с. 116]. М.К. Азадовский выявляет два вида литературных сказок в зависимости от их соотношения с фольклорным началом: «Литературная сказка – это авторское, художественное, прозаическое или поэтическое произведение, в основе которого находится либо фольклорный источник, либо оригинальное видение мира» [2, с. 13]. Сказки Сергея Козлова при всём их художественном своеобразии генетически связаны с мифологической первоосновой.

Термин «мифопоэтика» принадлежит англо-американской школе мифологической критики и рассматривался в качестве «обозначения всех жанров художественного творчества, тематически или структурно связанных с тем или другим древним мифом» [3, с. 31]. Мифопоэтика представляет собой совокупность способов художественного ос-

воения мифа в авторских дискурсах, принадлежащих разному временному периоду. Причём литературоведы разграничивают понятия «собственно мифа» и «литературного мифа». «Литературный миф как традиция – это запас устойчивых форм, актуальных и обеспечивающих единство культурного пространства» [3, с. 178]. Литературный миф, таким образом, стремится принять черты универсального образа, многократно повторяясь и варьируясь в новых контекстах, при этом сохраняя своё семантическое ядро. Предметом нашего исследования также будет являться именно литературный миф, отражённый в сказках Сергея Козлова как дыхание вечного, архитипического. Литературный миф, представляющий собой авторский дискурс, интерпретирует мифологические образы и характеры, наполняя произведения скрытыми мифопоэтическими смыслами, в этом соотносясь с «собственно мифом». Хотя литературная эволюция иногда заменяет одни мифологические мотивы на другие, но при этом сохраняет изначальные бытийные космологические основания, поскольку мифологическое начало является надтекстовой феноменальной категорией, выделяемой в произведении имплицитными или эксплицитными способами. Важен интерес к вечным прообразам мифа, которые заключают в себе общезначимые номинанты, являющиеся концентрированными источниками накопленного человеческого опыта. Следовательно, обращение к мифу символизирует стремление упорядочить действительность через определение ценностных знаменателей, представленных в мифах и реализуемых через литературный миф.

Понятие континуума, вошедшее в филологическую науку из физических и математических теорий Древней Греции (Архимед, Демокрит, Левкипп, Лукреций и др.), в силу своей философской направленности «объединяет проблемы прерывности пространства, времени и самого движения» [4]. Со времён античности понятие континуума истолковывается онтологически и соотносится с космологией. Континуум в литературе представляет собой повествовательный приём, позволяющий читателю определить связь и обусловленность событий и эпизодов в художественном тесте. Таким образом, пространственно-временной континуум сказок Козлова можно определить как непрерывную совокупность категорий, воплощающих топологическую экспликацию сказочного мира через мифопоэтическую образность, религиозный подтекст, множественную аллюзионность. При этом пространство и время сказок переплетаются с предшествующими сказочными фольклорными и авторскими текстами, культурными и литературными компонентами.

Темпоральность в качестве текстовой категории становится осью художественного времени, придающей всему пространственно-временному континууму произведения признаки перцепции. Темпоральное время замедляется или ускоряется, проявляется неоднозначно, дискретно. Под темпоральностью понимается «функционально-семантическая категория, выражающая сущность физического и философского аспектов времени, реализуемая различными языковыми средствами репрезентации времени: совокупностью грамматических, лексических и комбинированных средств, то есть категория темпоральности представляет собой целостную систему лексических, морфологических, синтаксических маркеров» [5].

Сергей Козлов – автор многих замечательных сказок, не похожих ни на чьи-либо другие и в то же время перекликающихся и с русскими народными сказками, и с авторскими сказочными произведениями, например, с приключениями медвежонка Винни-Пуха и его друзей английского писателя Алана Александра Милна. Сказки Сергея Козлова о Ёжике, Медвежонке и Зайце, сказки о Поющем Поросёнке, о Львёнке и Черепахе давно стали настоящей классикой точно так же, как и мультфильмы, снятые по сюжетам этих сказочных произведений.

Сведения об истории создания сказок весьма скупы. По словам Козлова, сначала появился самый главный персонаж – Ёжик, затем – Медвежонок, Заяц и все остальные. Как они появились – тайна творчества. Существует версия, что автор однажды во время похода за грибами нашёл маленького ёжика, подобрал его, принёс домой и написал сказку. Сам же писатель опровергал эту версию, утверждая, что он никогда не знал заранее, как и когда начнётся сказка: её соз-

дание начиналось всегда внезапно. Импульсом для неё могло стать любое событие.

Одна из самых известных сказок цикла «Ёжик в тумане» была написана в 1967 г. При этом известно, что образ Медвежонка возник позже, уже в сценарии мультфильма, в первоначальном варианте сказки его не было. Для съёмок мультипликационного фильма Сергей Козлов значительно дополнил уже написанную сказочную историю, добавил новых персонажей – Собаку, Филина и т. д. Результат превзошёл все ожидания: мультфильм собрал множество наград, а в 2003 г. его объявили в Японии лучшим мультфильмом всех времён и народов.

Важно, что «Ёжик в тумане» открывает цикл сказок о Ёжике и Медвежонке. Благодаря особой интонации и семантической глубине авторского дискурса возникает ощущение присутствия другого измерения, где не действуют законы нашей будничной повседневности, где герои живут в гармонии со стихиями природы, окрылённо, вдохновенно.

Неслучайно читатель вместе с главным персонажем в этой сказочной истории попадает в туманную атмосферу. Туман представлен как мифопоэтический образ таинственного пространства, в котором можно лишь угадать черты местности или присутствия кого-либо. Архитектоника образов луны, горы и реки добавляет картине ощущение созерцательности и таинственности. Мир природы одушевлён: луна обходит подвластные ей владения, снисходительно улыбаясь земной суете. Река вторит луне, поскольку в своих водах отражает её сияние. Горы же тянутся к вершине мироздания, к небу, к Богу, но при этом навечно связаны с земным бытием. Ёжик находится во власти небесного ночного светила и земных монументальных природных явлений, которые вкупе с туманом, поглощающим всё окружающее Ёжика, напоминают мифическую реку Лету, реку Забвения, способную поглотить в себе не только материальные предметы, но и ментальные, такие как память, чувства, ощущения. Так и Ёжик теряет чувство реальности, происходящее обретает черты сновидения: «Как красиво! Не снится ли это? Расскажу – не поверят» [6, с. 2]. Любознательность героя заставляет его двигаться в тумане: он ищет лошадь, которую поглотил белый мрак: «Интересно, а лошадь не захлебнётся туманом?» [6, с. 2]. Словно слепой, через тактильные ощущения Ёжик понимает, что попадает в реку: «Пускай река сама несёт меня!». Это побудительное высказывание приобретает сказочные интонации, поскольку река становится символом мудрости, знания, движения – ей виднее, что нужно Ёжику, она подобна персонажам-помощникам народных сказок.

В сказке Козлова «Ёжик в тумане» пространство огромно, но невидимо, время бесконечно, и в то же время определено заявленной в начале сказочного повествования Луной. Во время путешествия Ёжика по реке в тумане его касаются не видимые ему существа. Именно существа, поскольку герой не может их идентифицировать, но по номинативным включениям автора мы можем предположить, кто это. «Кто-то дотронулся до его задней лапы. «Извините, кто вы? – «Садитесь ко мне на спину, я отвезу вас на берег». – Ёжик сел на скользкую узкую спину» [6, с. 4]. Признаки рыбы, предложившей помощь Ёжику, очевидны, но в то же время в воде все предметы скользкие, поэтому другом Ёжика могло оказаться любое существо, ведомое нам или даже нет. Тайны остаются нераскрытыми, жизнь – вечная загадка. Установка на мистическую бездонность мира перекликается с бездонностью символики архетипических образов мифов и топики народных сказок.

В сказке-серии «Когда ты прячешь солнце, мне грустно» вновь фигурирует образ тумана, который приобретает черты сакральности и заставляет героев погружаться в мир бесконечно изменчивого прекрасного: «Было очень красиво, так красиво, что Ёжик с Медвежонком просто глядели и ничего не говорили друг другу. А гора всё время менялась: оранжевое переместилось влево, розовое – вправо, а голубое стало сизо-синим и осталось вверху. Ёжик с Медвежонком давно любили эту игру: закрывать глаза, а когда откроешь – всё по-другому. Туманная, очень красивая гора глядела на Ёжика с Медвежонком. И вдруг, или это Ёжику с Медвежонком показалось, кто-то заговорил: «Вам нравится на меня смотреть?» – «Да», – сказал Ёжик» [6, с. 7]. Можно предположить, что образ Ёжика соотносим с образом «природного жреца», который чутко понимает природные

явления и поддерживает их священный статус. Более того, Ёжик становится своеобразным проводником между героями сказки и собственно мифологическим сознанием, мифом. О.М. Фрейденберг даёт такое определение жреца: «Отделённый от понятий тотема и божества, древний жрец не оказывал на общину нравственного воздействия, не произносил проповедей, нравственно не воспитывал людей. Он был только высококвалифицированным специалистом по знанию всего ритуала, относившегося до божества, до религиозного культа во всём его объёме» [7, с. 45]. Так и Ёжик, наделённый особой чуткостью ко всему природному, «проводит» в мир природы своих друзей. При этом природное пространство имеет черты импрессионистичности, поскольку каждое мгновение в жизни сказочных героев открывает новый облик внешнего мира.

Ёжик приучает своих друзей почувствовать прелесть ежедневных восходов и заходов солнца, движения ветра, капель дождя, цветения растений, умирания природы осенью и снежного безмолвия зимой. Сама смерть для Ёжика не является категорией конца, завершённости жизни: подобно посвящённому, жрецу он воспринимает смерть (прежде всего, в природных явлениях) как понятие необходимое, но временное. Он учится сам и учит такому её пониманию своих друзей, героев сказки, выражая архаическое представление о смене времён года как категорий умирания и последующего возрождения. Ослик перенимает созерцательное восприятие мира от Ёжика и, например, в сказке «Правда, мы будем всегда?» много думает, размышляет: «Неужели все так быстро кончается? – <...> – Неужели кончится лето, умрёт Медвежонок и наступит зима? Почему это не может быть вечно: я, лето и Медвежонок?» [6, с. 23]. «Лето умрёт раньше всех, – горестно размышляет Ослик, – лето уже умирает. Лето во что-то верит, поэтому умирает так смело. Лету нисколько себя не жаль – оно что-то знает. Оно знает, что оно будет снова! Оно умрёт совсем ненадолго, а потом снова родится. И снова умрёт. Оно привыкло. Хорошо, если бы я привык умирать и рождаться. Как это грустно и как весело!..» [6, с. 23]. Но Ослик парирует: «Лету нисколько себя не жаль – оно что-то знает» [6, с. 24]. В этом фрагменте ярко представлен приём антропоморфизма, очеловечивающий лето и наделяющий его способностью ощущать пределы своей «жизни».

Этот характерный для древнего архетипического мировосприятия принцип направлен на передачу человеку онтологических знаний: о смерти как вратах, о последующем рождении. Архаическое сознание направлено на веру в то, что ничего безвозвратного нет. В работе «Поэтика сюжета и жанра» филолог-классик О.М. Фрейденберг утверждает: «Образ рождающей смерти вызывает образ круговорота, в котором то, что погибает, вновь нарождается; рождение, да и смерть, служат формами вечной жизни, бессмертия, возврата из нового состояния в старое и из старого в новое. Смерти, как чего-то безвозвратного, нет. «Умереть» значит на языке архаических метафор «родить» и «ожить», а «ожить» – умереть (умертвить) и родить (родиться)» [7, с. 67]. Образ лета, таким образом, становится символом круговорота жизни, не имеющего ни начала, ни конца, что, в свою очередь, определяет возможность преодоления «конечной» точки бытия и утверждения вечной жизни.

В сказке-зарисовке «Разрешите с вами посумерничать» (1968) представлена ещё одна форма мифомышления – космогония, направленная на принятие этого мира человеком в его синкретизме через отождествление микро- и макрокосм. В этой сказке Ёжик с Межвежонком откликнулись на просьбу Зайца проводить вечернее время вместе, но это не простое время, как и заранее предполагал Заяц, – оно называется «сумерничать вместе»: «Я как узнал, что вы сумерничаете, я стал прибегать к твоему, Ёжик, дому и глядеть во-он из-под того куста. Во, думаю, как красиво они сумерничают! Вот бы и мне! И побежал домой, и стащил с чердака старое кресло, сел и сижу…» [6, с. 11]. Время «сумерничания» приоткрывает завесу над сокровенным поэтическим началом космоса, но доступ этот становится возможным через определённый ритуал, во время которого в мире уравновешиваются законы Космоса и Хаоса.

Главным условием ритуала, сакральным ключом, позволяющим проникнуть в тайны Вселенной, становится молчание. Как мы видим, способностью молчать обладает да-

леко не каждый: «Я в первый раз сумерничаю, сказал Заяц, поэтому не знаю правил. Вы не сердитесь на меня, ладно? – Мы не сердимся, – сказал Ёжик» [6, с. 11]. Но в желанный момент тишины грусть героев развеялась, и наступило долгожданное соединение с миром и единение друг с другом: «Стало совсем темно, и над самыми верхушками ёлок показалась золотая долька луны. От этого Ёжику с Медвежонком вдруг стало на миг теплее. Они поглядели друг на друга, и каждый почувствовал в темноте, как они друг другу улыбнулись» [6, с. 12]. Умение слушать и слышать, молчать и думать становятся семантическими условиями понимания смысла жизни и связи с миром, способности за временным почувствовать дыхание вечности.

В главе «Лисичка» (1969) грусть Медвежонка аналогична детской грусти, появляющейся в момент осознания ребёнком конечности жизни, присутствия в ней смерти и потерь: «Не хочу! Не хочу, слышишь? – Чего ты не хочешь? – Чтобы всё уходило, улетало! – крикнул Медвежонок» [6, с. 18]. На примере сказочных героев ребёнок видит горе, наблюдает за печальной стороной жизни, но и понимает, что печаль – это не безысходность, а жизненная необходимость, реальность, и она, в конце концов, конечна: «Успокойся, что ты! – Ёжик погладил Медвежонка лапой. – Завтра снова будет солнце, и снова будут лететь листья, и улетать птицы. – Улетать, – всхлипнул Медвежонок. И разревелся ещё пуще. – Но они прилетят, сказал Ёжик. Они вернутся. Пройдёт зима, снег растает, и они вернутся. – Зима. Медвежонок горько плакал и весь вздрагивал. – Ну да, зима. Но она пройдёт, и всё будет снова» [6, с. 18].

В сказках Козлова астральные категории в образах луны, звёзд, неба раскрывают связь с бесконечным космическим пространством. В главе «Как Ёжик с Медвежонком протирали звёзды» небесно-земное пространство становится единым. Происходит мифологическое овеществление астрального мира. «Ведь если бы Ёжик не придумал чистить звёзды, их бы давно уже никто не видел. Вон какая пыльная!..» – И он дунул на звезду и потёр тряпочкой… Медвежонок очень старался, но у него не всегда получалось, как у Ёжика. И если с неба падала звезда, все в лесу знали, что это её нечаянно столкнул Медвежонок» [6, с. 76]. В этом фрагменте представлено символическое преодоление земной укорененности: реальные границы становятся условными, даже мнимыми, а главенствующая роль отводится уму и воображению – свойствам бессмертной души, для которой нет земных преград.

Лейтмотивом сказочного цикла является мотив красоты внешнего мира, мира природы, герои часто плачут от восторга перед прекрасным, которое также предстаёт как ипостась божественного начала. Неслучайно в тексте сказки «Лунная дорожка» возникает евангельская реминисценция. Сюжет сказки явно перекликается с сюжетом хождения апостола Петра по водам «яко по суху». Медвежонок, Ёжик и Заяц, привязав к ногам дощечки, идут по речной лунной дорожке также – «яко по суху». Это сверхъестественное действо оказалось возможно только по глубокой вере в возможность чуда. Маловерный Заяц, подобно усомнившемуся Петру, который начал утопать, утратил нерушимость веры и знает, что не сможет перейти реку вновь: «Медвежонок шёл прямо к середине реки, не проваливаясь, и Ёжик спрыгнул с берега, побежал следом и тоже не провалился, а Заяц не знал, как ему быть, но всё же спрыгнул, и тоже побежал, и догнал Ёжика с Медвежонком. Они шли по лунной дорожке к середине реки, и Заяц боялся смотреть на свои дощечки; он чувствовал, что не может так быть, что ещё шаг, и он обязательно провалится, и потому Заяц шёл, задрав голову и глядя на луну» [6, с. 23]. В подобном эпизоде проявляется приём трансцендирования – «это превосхождение индивидом самого себя, что требует от личности самоотдачи, напряжения всех сил. В обыденной же жизни индивиды называют счастьем покой и наименьшую затрату сил» [8]. Персоналистский универсум, проявленный в сказках Сергея Козлова через трансцендирование, позволяет продемонстрировать духовную силу сказочных персонажей, восходящую к первоисточнику всего бытия.

За дивными картинами природы, временными календарными ритмами притаились бесконечность и вечность. В сказке «Правда, мы будем всегда?» героев волнует вопрос о вечной жизни, о невозможности смерти как конца всего. Трансцендентный

подтекст особенно очевиден в главе «Кто всё это придумал?», в которой Ёжик настойчиво повторяет мысль о Творце всего сущего, как бы увлекая за собой читателя «Ой-ёй-ёй, как же красиво! – не отрывая взгляда от горы, думал Ёжик. – Кто же придумал эту всю красоту?», «Кто же это всё придумал? – доискивался он. – Кто? Как? Когда? Почему я гляжу и всё не могу наглядеться?», «– На санках? – сказал Ёжик, про себя думая: «Кто же этот невидимый, необыкновенный, кто так постарался, что вышла такая красота?» [6, с. 78].

Таким образом, сказки Сергея Козлова, представляющие собой авторский дискурс, воплощают представления о вселенской Любви, которая придаёт абсолютную ценность конкретной, пускай и конечной жизни человека и всех земных тварей. Сказочные сюжеты позволяют преодолеть прагматизм, личностный эгоизм, одиночество через установку «на подлинные ценности человеческого бытия: свободу, любовь, красоту, творчество, единство человека с природой, другим человеком и самим собой» [8].

Пространственно-временной континуум сказочного мира Сергея Козлова мифологически расширен до вечного и бесконечного. Населяющие чудесное пространство леса антропоморфные персонажи в литературном мифе писателя, сохраняя архетипические черты неуклюжей простоватости (Медвежонок), хищности (Волк), беззащитности (Заяц) и т. п., обретают в сказках о Ёжике и Медвежонке особые свойства, далеко выходящие за рамки фольклорных стереотипов. Это не имеющие границ воображение и фантазия, способность созерцания прекрасного, восхождения мысли к вечным философским проблемам жизни и смерти, высшего смысла бытия. И именно Ёжик как главный герой и носитель этих качеств часто даёт оценку конечности – бесконечности времени, цикличности его, неизменной смены смертей и рождений и выражает веру в переход каждого живого существа из относительного земного мира в непостижимый иной мир. Он, как и другие персонажи, преодолевает реальное пространство и время с помощью воображения. Темпоральность сказочного цикла обусловлена переключением от бытовой конкретики к масштабу безграничного универсума. Эффект остановившегося времени возникает как раз в момент такого переключения. Вне времени герои оказываются и в стихии фантазии, которая то и дело обуревает их.

Пространство леса, места обитания героев, часто конкретизировано, имеет реальные приметы (ручьи, пни и т. д.), и в то же время это волшебное пространство, которое преодолевается с помощью фантазии: мановением ума герои оказываются в Африке, Китае, Индии и в любом другом экзотическом пространстве. Традиционно лес враждебен герою, в авторском дискурсе Козлова лес – вместилище необыкновенной красоты, запечатленное таинственной печатью Творца. При этом в сочинениях Козлова просматриваются звенья волшебно-фантастической сказки: в главе «Снежный цветок» герой ищет заветный цветок всеобщего счастья, появляется примета волшебного мира – Незамерзающий Ключ, реальное пространство превращается в фантастическое. Однако в отличие, например, от героев «Аленького цветочка», персонажи Козлова не обретают этот цветок, счастье ускользает от них. В земном мире невозможно всеобщее счастье.

Пространство сказочного мира вмещает в себя и астральные образы солнца, луны, звёзд, которые мифологически приближены к земле и овеществлены. В то же время в главе «Весёлая сказка» небо как бы смешивается с землёй: луна спустилась совсем низко, а звёзды сначала звенят на ушах Ослика, потом стелются по земле и звенят под его копытцами. Расстояние между небом и землёй исчезает: всё в земном мире, в том числе и расстояния, оказывается условным, а следовательно, и конечным. Недаром Ослик настойчиво поёт песенку о своей смерти, когда его уши «прорастут из земли», поскольку условен и он в своей земной ипостаси.

Поэтика мифа, архетипическая образность, художественные компоненты волшебно-фантастических сказок, трансформированные в литературном мифе Сергея Козлова, позволяют писателю через пространственно-временной континуум проникнуть в сокровенный мир детской души и в то же время поставить перед взрослым читателем важнейшие религиозно-философские онтологические и гносеологические проблемы существования человека и божественного промысла в мире.

Список литературы

1. *Буслаев Ф.И.* Славянские сказки // Буслаев Ф.И. Русская народная поэзия. СПб., 1861. С. 110-116.
2. *Азадовский М.К.* История русской фольклористики: в 2 т. Т. 1. М., 1958. 479 с.
3. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
4. *Катасонов В.Н., Бернштейн В.С.* Континуум // Гуманитарный портал: Концепты / Центр гуманитарных технологий, 2002–2021 (последняя редакция: 03.01.2021). URL: https://gtmarket.ru/concepts/7044 (дата обращения: 08.01.2021).
5. *Огнева Е.А.* Темпоральная когнитивная сетка художественного текста: тенденции кроссрусской адаптации // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 3. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=9354 (дата обращения: 05.01.2021).
6. *Козлов С.Г.* Ёжик в тумане. М.: Малыш, 2019. 96 с.
7. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М.: Изд-во «Лабиринт», 1997. 445 с.
8. *Халуторных О.Н.* Волшебная литературная сказка как феномен культуры: Социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1998. 20 с.

References

1. Buslayev F.I. Slavyanskiye skazki [Slavic tales]. In: Buslayev F.I. *Russkaya narodnaya poeziya* [Russian Folk Poetry]. St. Petersburg, 1861, pp. 110-116. (In Russian).
2. Azadovskiy M.K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki: v 2 t. T. 1* [History of Russian Folklore: in 2 vols. Vol. 1]. Moscow, 1958, 479 p. (In Russian).
3. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Nauka Publ., 1976, 407 p. (In Russian).
4. Katasonov V.N., Bernshteyn V.S. Kontinuum [Continuum]. *Gumanitarnyy portal: Kontsepty* [Humanitarian Portal: Concepts]. Centre for Human Technologies Publ., 2002–2021 (last edit: 03.01.2021). (In Russian). Available at: https://gtmarket.ru/concepts/7044 (accessed 08.01.2021).
5. Ogneva E.A. Temporal'naya kognitivnaya setka khudozhestvennogo teksta: tendentsii krossrusskoy adaptatsii [The temporal cognitive matrix of fiction: tendencies of cross-cultural adaptation]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*, 2013, no. 3. (In Russian). Available at: http://science-education.ru/ru/article/view?id=9354 (accessed 05.01.2021).
6. Kozlov S.G. *Ezhik v tumane* [Hedgehog in the Fog]. Moscow, Malysh Publ., 2019, 96 p. (In Russian).
7. Freydenberg O.M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of Plot and Genre]. Moscow, Labirint Publ., 1997, 445 p. (In Russian).
8. Khalutornykh O.N. *Volshebnaya literaturnaya skazka kak fenomen kul'tury: Sotsial'no-filosofskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Magic Literary Tale as a Cultural Phenomenon: Socio-Philosophical Analysis. Cand. philos. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1998, 20 p. (In Russian).

Информация об авторах

Елепова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, m.elepova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7229-5851

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, научное консультирование, набор первичного материала, обработка и редактирование материала, написание части текста, редактирование текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

Information about the authors

Marina Y. Elepova, Doctor of Philology, Professor of Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, m.elepova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-7229-5851

Contribution: study idea and design, scientific consulting, source material acquisition, material processing and editing, part manuscript text drafting, manuscript text editing, final manuscript approval.

Кабанова Наталия Григорьевна, аспирант, кафедра литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, nataliakabanova30@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8624-3481

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, работа с литературными источниками, анализ художественного текста, написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки 16.04.2021
Принята к публикации 22.04.2021

Natalia G. Kabanova, Post-Graduate Student, Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, nataliakabanova30@gmail.com, https://orcid.org/0000-0001-8624-3481

Contribution: literature search and analysis, work with literature references, literary text analysis, manuscript text drafting.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 14.02.2021
Approved after reviewing and revision 16.04.2021
Accepted for publication 22.04.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 94 (470+571) «1840/1900»
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-522-535

Из Карай-Салтыково в Вяжли: письма Г.Ф. и Н.А. Петрово-Солово к Баратынским

Ксения Владимировна ДОНИК
ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»
197110, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7
✉ extale@mail.ru

Аннотация. Статья является комментарием к публикации нескольких писем, очевидно, составлявших регулярную переписку, существовавшую в 1840–1880-е гг. между владельцами двух усадеб в Кирсановском уезде Тамбовской губернии – Г.Ф. и Н.А. Петрово-Солово, имение которых находилось в селе Карай-Салтыково, и С.А. и С.М. Баратынскими, жившими в Маре (Вяжли). Несколько писем, сохранившихся в фонде Баратынских в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (ИРЛИ РАН), представляют собой дружескую переписку на русском и французском языке, охватывающую большое количество тем повседневности усадебной жизни. Факт этой переписки интересен в историко-литературном аспекте. В первую очередь, публикуемые письма являются двуязычными текстами, выбор языка в которых даёт повод к размышлению о характере взаимоотношений в дворянской соседской общности, сложившейся в одном из среднерусских уездов в середине XIX века. Это приобретает особую значимость в тех случаях, когда сохранившиеся документы не только обнаруживают факт существовавших социальных связей, но и на основании наблюдения за языком, стилем, эмоциональным режимом писем позволяют судить о сущности и длительности таких связей в сообществе. Являясь одним из основных исторических источников, материалы переписки дополняют свидетельства других документов о прошлом двух дворянских усадеб. В частности, это касается исторических сведений о владельцах имений. И если к Маре (Вяжли) всегда существовал устойчивый интерес в связи с масштабной фигурой Е.А. Баратынского, то история Карай-Салтыковской усадьбы и нескольких поколений её обитателей сегодня страдает от неполноты, противоречий в структуре краеведческого нарратива, крайней ограниченности архивного материала и отсутствием введения новых источников в исследовательское поле. Публикация писем первого поколения обитателей усадьбы в Карай-Салтыково отчасти восполняет этот пробел. Использованы текстологические методы, классические истоничниковедческие принципы внешней и внутренней критики источника.

Ключевые слова: Петрово-Солово, Баратынские (Боратынские), Чичерин, Тамбовская губерния, переписка, повседневность

Для цитирования: *Доник К.В.* Из Карай-Салтыково в Вяжли: письма Г.Ф. и Н.А. Петрово-Солово к Баратынским // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 522-535. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-522-535

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Доник К.В., 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-522-535

Karay-Saltykovo in Vyazhli: letters to G.F. and N.A. Petrovo-Solovovo to Baratynsky

Kseniia V. DONIK
Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
7 Petrozavodskaya St., St. Petersburg 197110, Russian Federation
✉ extale@mail.ru

Abstract. The work is a commentary on the publication of several letters, which obviously constituted the regular correspondence that existed in the 1840–1880s between the owners of two estates in the Kirsanovsky County of the Tambov Governorate – G.F. and N.A. Petrovo-Solovovo, whose estate was in the Karay-Saltykovo Village, and S.A. and S.M. Baratynsky, who lived in the Mara (Vyazhli). Several letters preserved in the Baratynsky Foundation at the Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences (IRLI RAS) represent friendly correspondence in Russian and French, covering a large number of topics of everyday life in a country estate. The fact of this correspondence is interesting in the historical and literary aspect. First of all, letters are bilingual texts, the choice of language in which gives rise to reflection on the nature of the relationship in the nobility of the neighboring community that developed in one of the central Russian counties in the middle of the 19th century. This acquires special significance in cases when documents not only reveal the fact of existing social connections in general, but also, based on observation of the language, style, and emotional mode of letters, make it possible to judge the nature and duration of such connections in the community. Being one of the main historical sources, correspondence materials supplement the evidence of other documents about the past of two noble estates. In particular, this applies to historical information about the estates' owners. And if there was always a steady interest in Mara (Vyazhli) in connection with the large-scale figure of E.A. Baratynsky, then the history of the Karay-Saltykovsky estate and several generations of its inhabitants today suffers from incompleteness, contradictions in the structure of local history narrative, extreme limited archival material and the absence of introducing new sources into the research field. The publication of letters from the first generation of the inhabitants of the estate in Karay-Saltykovo partly fills this gap. We use textual methods, classical historical study principles of external and internal criticism of the source.

Keywords: Petrovo-Solovovo, Baratynsky (Boratynsky), Chicherin, Tambov Governorate, correspondence, daily life

For citation: Donik K.V. Karay-Saltykovo v Vyazhli: pis'ma G.F. i N.A. Petrovo-Solovovo k Baratynskim [Karay-Saltykovo in Vyazhli: letters to G.F. and N.A. Petrovo-Solovovo to Baratynsky]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 26, pp. 522-535. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-26-522-535 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Эпистолярное наследие «кирсановской» ветви рода Петрово-Солововo[1], хранящееся в фондах государственных архивохранилищ, нельзя признать обширным. Однако в общем объёме документов, оставшихся от представителей этой ветви, письма занимают, пожалуй, самое большое место. В силу отсутствия личного архивного фонда «кирсановских» Соловых[2], их переписка обладает рядом об-

[1] Условное обозначение потомков Ф.Н. Петрово-Солововo от старшего сына – Г.Ф. Петрово-Солововo, обосновавшихся в имении в Кирсановском уезде Тамбовской губернии; потомки «младшей линии» М.Ф. Петрово-Солововo проживали в Тамбовском уезде этой же губернии. Обозначение введено нами во избежание путаницы с другими ветвями рода.

[2] В некоторых источниках позднего происхождения, косвенно относящихся к истории рода Соловых, существует упоминание об усадебном архиве, собрание

щих, характерных для такой ситуации черт. Она рассредоточена по фондам их корреспондентов, является односторонней, крайне неоднородна по хронологии, но за невозможностью обращения к цельному архивному комплексу является одним из главных источников по истории семьи, биографии её членов, прошлому тех мест, которые были связаны с их именем.

По свидетельству Б.Н. Чичерина, запечатлевшего уникальные подробности соседских взаимоотношений между помещиками Кирсановского и соседних уездов, в середине XIX столетия сформировались тесные дружеские связи между многими известными обитателями живописных окрестностей этого уездного города [1, с. 507-510]. Воспоминания изысканного и тонкого мемуариста сегодня являются единственным памятником этому прекрасному соседскому сообществу, в которое входили сами Чичерины, Соловые, Баратынские, Хвощинские, Кривцовы и многие другие. Семейства Петрово-Соловово[3] – Григорий Фёдорович и Наталья Андреевна (рожд. княгиня Гагарина) и Баратынских – Сергей Абрамович (старший брат поэта) и Софья Михайловна (в первом браке Дельвиг) в воспоминаниях Б.Н. Чичерина запечатлены в живых и подробных характеристиках. Сегодня кроме этих свидетельств мы практически ничего не знаем о том общении, которое являлось частью повседневности, быта, дружбы, совместного времяпрепровождения – целой жизни, о которой теперь напоминают остовы усадеб и разорённые некрополи. Осколки переписки вместе со свидетельствами Б.Н. Чичерина свойством, характерным только для эго-документов, позволяют немного приблизиться к миру своих авторов и их адресатов.

Авторы посланий из усадьбы в Салтыково – Григорий Фёдорович и Наталья Андреевна Петрово-Соловово принадлежали к древнему аристократическому роду, обосновавшемуся в Кирсановском уезде в первой четверти XIX века. Григорий Фёдорович был отставным кавалергардом, состоявшим на придворной службе в звании камергера[4]. Неоднократно избирался кирсановским уездным предводителем дворянства (первый раз в 1846 г., последний – в 1855 г.)[5], накануне крестьянской реформы 1861 г. принимал активное участие в дискуссиях об освобождении крестьян. Г.Ф. Петрово-Соловово был самым крупным помещиком Кирсановского уезда с площадью владений в 32 тысячи десятин и 2800 душами крепостных. Так или иначе, во всех окрестных с Карай-Салтыково деревнях (за исключением государственных) жили его владельческие крестьяне. Б.Н. Чичерин вспоминал, что «в своё имение он был так влюблён, что его приятели иногда над ним потешались» [2, с. 128]: С.А. Баратынский, адресат двух публикуемых писем, называл в шутку с дворовой ребятней его владения «*солововским царством*» [2, с. 128]. Усадебный комплекс Карай-Салтыково формировался с 1830-х гг., когда был завершён раздел имущества между Григорием Фёдоровичем и его младшим братом Михаилом Фёдоровичем Петрово-Соловово [3, с. 156]. Место усадьбы располагалось на возвышенности левого берега Вороны, на живописном изгибе песчаного откоса, поросшего высокими соснами с раскидистыми кронами.

Воспетая Е.А. Баратынским земля Мары располагалась на северо-востоке от Салтыково на реке Вяжле, левом притоке извилистой Вороны, и была очень непохожа на песчаное Салтыково: здесь были зелёные холмы с лиственными лесами, позволившими ещё первому хозяину имения устроить парк и готический грот в романтическом стиле [4, с. 148-151]. С владельцем Мары у Григория Фёдоровича, по всей видимости, были долгие дружеские отношения. Сергей Абрамович Баратынский – брат поэта – окончил Московское отделение императорской Медико-хирургической академии, вернувшись в родное имение, весной 1840 г., служил врачом в Салтыково у Григория Фёдоровича Петрово-

которого восходило к 1820-м гг. Первый и последний в роде граф М.М. Перовский-Петрово-Соловово, по всей видимости, смог сохранить и вывезти с собой в эмиграцию важные документы об истории семьи.

[3] В частной переписке (не в официальных документах) Григорий Фёдорович и Наталья Андреевна подписывались как «Соловые», о частом употреблении такого варианта фамилии среди дружеского круга писал и Б.Н. Чичерин. Мы следуем за этой традицией, используя в тексте такой вариант фамилии как эквивалент основному.

[4] РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1343. Оп. 27. Д. 2294. Л. 35об.

[5] Там же. Л. 36об.

Солововo[6]. По воспоминаниям К.Н. Бестужева-Рюмина, посещавшего имение Чичериных Караул, Баратынский был «живой, остроумный, хороший медик» [5, с. 36]. «Мудрец, степей беспечных давний житель» [6, с. 68], каким он предстаёт в поэтическом послании своего соседа и приятеля Н.Ф. Павлова, Сергей Абрамович прожил в Маре всю жизнь в окружении своего семейства; при нём Мара вступила в пору своего «второго расцвета» [4, с. 309], собирая вокруг себя всех тех, о ком годы спустя в конце жизни так тосковал Чичерин в своей мемуарной элегии рубежа веков. К этому прошлому относились Карай-Салтыково и Мара (часть «большой» Вяжли)[7]. Лучшим свидетелем доверительных отношений двух соседей и друзей может служить уцелевший образец писем Г.Ф. Петрово-Солововo к С.А. Баратынскому. Выбор русского языка вместе с обращением на «ты» (тогда как французский язык в большинстве случаев предполагал «Вы») [7, с. 89], а также эмоциональный ритм письма (I) – сбитый порядок слов в прощании и приветах родным вместе со стремлением поделиться самым личным – выражением любви к сыну – делают небольшое письмо замечательным образцом дружеского послания первой половины XIX столетия, маркирующим доверительные близкие отношения автора и адресата. Более сдержанны благодаря французскому языку, но не менее искренни письма Г.Ф. Петрово-Солововo к хозяйке Мары – Софье Михайловне Баратынской (в первом браке Дельвиг). Ей адресованы два кратких послания (II, III), в том числе о свадьбе сына – Михаила Григорьевича Петрово-Солововo на дочери графа Б.А. Перовского, «товарища по полку».

Однако основным корреспондентом С.М. Баратынской выступала Наталья Андреевна Петрово-Солововo, до замужества княгиня Гагарина. Она родилась в 1813 г. в семье, принадлежавшей двум известнейшим титулованным аристократическим фамилиям: князей Гагариных и Меншиковых. Её отец, князь А.П. Гагарин, являлся шталмейстером двора; по материнской линии Н.А. Петрово-Солововo была праправнучкой А.Д. Меншикова. Дядя – брат матери Екатерины Сергеевны Гагариной (Меншиковой) – светлейший князь генерал-адъютант, адмирал А.С. Меншиков почти тридцать лет возглавлял Морское ведомство, одновременно являясь генерал-губернатором Финляндии. Таким образом, представители семьи Н.А. Петрово-Солововo были не только частью того знаменитого петербургского «великосветского общества», восхищающего в провинции одних и избегаемого другими, но и входили в сановную элиту Российской империи. Появление Натальи Андреевны в 1830–1840-х гг. в Салтыково в соседской среде нескольких почтенных семейств вызывало смущение, лишь позднее сменившееся доверительными отношениями. Б.Н. Чичерин писал по этому поводу, что «привычки, понятия и интересы великосветской львицы мало приходились к нашей провинциальной среде. Поэтому в то время её здесь не жаловали. Сергей Абрамович [Баратынский] говорил даже, что между Марою и Караулом сделался опасный проезд, выросла гора» [2, с. 129]. В своих мемуарах Б.Н. Чичерин упоминал о хозяйке Салтыково, продолжая присущую его воспоминаниям тему противопоставления столичного «большого света» как апофеоза суеты и «провинциального общества», являющегося приютом истинных ценностей дворянина – беззаветной верности отечеству, не доискивающейся славы, положения, чинов и наград [1, с. 521]. После того, как Григорий Фёдорович в 1840-х гг., уволившись со службы, окончательно обосновался в Салтыково, Наталья Андреевна последовала за супругом, оставляя на лето Петербург ради «степного» имения. Однако практически все приводимые письма свидетельствуют о том, что она редко проводила зимы в столице, как правило, уезжая на несколько месяцев в Париж, а весной возвращаясь в деревню. В Карай-Салтыково одним из постоянных адресатов Н.А. Петрово-Солововo стала С.М. Баратынская – «хранительница преданий великой литературной эпохи, la veuve de la grande armée[8], как назы-

[6] ИРЛИ РАН (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук). Ф. 33. По данным материалов архивной описи фонда. См.: Л. IV.

[7] Подробнее о топонимах см. ниже.

[8] «Вдова великой армии», фр. Здесь, вероятно, отсылка к водевили Э. Теолона (1787–1841), французско-

вал её поэт Баратынский» [1, с. 510]. Наталья Андреевна, следившая за всеми новыми явлениями отечественной литературы, привозила также французские новинки, а обмен книгами между двумя незаурядными читательницами был поводом для очередного небольшого послания.

Переходя к археографической характеристике писем, отметим, что в основу публикации положен простой принцип определения количества публикуемого материала возможностями архивного фонда. Фонд ИРЛИ РАН № 33 (Баратынские) содержит 8 писем Соловых, которые мы публикуем полностью, не составляя выборки. Их адресат – Сергей Абрамович и Софья Михайловна Баратынские, во владении которых состояло главное имение Баратынских – Мара. Топонимические проблемы, связанные с соотношением Мары и села Вяжли, подробно освещались в литературе: в монографии М.А. Климковой обосновано положение о том, что до реформы 1861 г. все имение Баратынских носило наименование Вяжли (по названию реки), после реформы в документах стали появляться названия деревень, ранее числившихся при «большом» селе Вяжли[9] [4, с. 71]. В письмах Соловых к Баратынским в адресации мы не встречаем Мары: на всех уцелевших конвертах 1840–1860-х гг. неизменно присутствует наименование «Вяжли», что, возможно, отражало «старое представление о географии сел» [4, с. 71]. На Мару как один из топонимов в селе Вяжли указывают воспоминания Б.Н. Чичерина, писавшего, что Баратынские «поселились в той части Вяжли, которая носит название Мары» [2, с. 103].

Хронология публикуемых посланий к Баратынским охватывает немногим меньше полувека: первые письма датируются 1840-ми гг., последнее – 1881 г. Они написаны на небольших листках бумаги, на конвертах Григория Фёдоровича можно встретить вензель Натальи Андреевны «NS». Поскольку не все документы содержат датировку, в ряде случаев она установлена нами в результате наблюдения за почерком и исходя из контекста письма, содержащего вероятные временные маркеры. Также следует отметить структурную неоднородность публикуемых текстов, не все из которых могут считаться «полноценными» письмами: собственно, сама Н.А. Петрово-Соловово однажды называет свое послание *billet*, что можно перевести как «записка», небольшое «письмецо». Этот термин отражал постоянный обмен в том числе короткими письменными сообщениями с известиями о приезде (или отъезде из Салтыково, наоборот), сопровождении возвращаемой книги или даже с новостью о помолвке сына. Обстоятельных и длинных писем (характерных для Натальи Андреевны) мы в данном случае практически не встречаем (за исключением письма VI). Однако формальная и содержательная сторона этих кратких «записок», посылавшихся с курьером или попутчиком, отражает жанровую особенность феномена дружеской переписки – её диалогичность, и характеризуется всеми присущими такой переписке чертами: политематичностью, свернутостью информации, интертекстуальностью [8, с. 37]. При этом свободная сменяемость тем и сюжетов не нарушает смысла коммуникации, что опять же может свидетельствовать о большой вовлечённости сторон в текстовый и реальный диалог, тесных и постоянных контактах, когда-то существовавших между его участниками.

Разумеется, такой дружеский эпистолярий, о плотности которого можно только догадываться, между представителями ещё пушкинской эпохи в письме в полной мере содержал характерную двуязычность посланий. Письмо Г.Ф. Петрово-Солововo к С.А. Баратынскому было написано на русском, к С.М. Баратынской – на французском. Переписка с лицом женского пола в среде дворянской элиты требовала французского языка по определению в качестве проявления великосветского почтения перед той, которая являлась адресатом. Переписка же двух женщин Н.А. Петрово-Солововo и С.М. Баратынской велась исключительно на французском языке. Как замечено исследователем литературного языка пушкинской эпохи И.А. Паперно, «французский был языком

го поэта и драматурга «Une veuve de la grande armée: vaudeville en 4 actes», поставленной в одном из парижских театров в 1841 г.

[9] Топонимика окрестных деревень формировалась, по всей видимости, с раздела имения А.Ф. Баратынской в 1833 г. См.: [4, с. 221].

этикетного, ритуализованного общения, а русский – свободного, ненормированного. Именно французский был языком женских писем и писем к женщинам – в начале XIX века поведение женщины значительно строже нормировано, чем мужское» [9].

Приверженность нормам светского поведения на письме в семье Соловых была безоговорочной. Наталья Андреевна вела на французском языке всю переписку, не исключая близких друзей и членов семьи. И даже на исходе XIX столетия, когда письменный этикет уже затронула значительная либерализация, она не делала исключений. Примером здесь может выступать письмо к С.М. Баратынской в декабре 1881 г. с соболезнованиями о смерти сына М.С. Баратынского, написанное по-французски, хотя ситуация утраты создаёт предпосылки для дискурса сопереживающей интимности, частности, исключения из правил. Однако эмоциональности и искренности сопереживающих писем это не повредило. Вспоминая о Н.А. Петрово-Солововo, Б.Н. Чичерин приводил разговор с С.М. Баратынской: «…А в минуты горя никто не умел сказать такого задушевного, идущего к сердцу слова, как эта прежняя модная красавица. «Знаете ли, – говорил я однажды Софье Михайловне Баратынской, – кто после смерти моей дочери написал мне письмо, которое всего более меня тронуло? Наталья Андреевна!» – «Представьте, – отвечала мне Софья Михайловна, – что после смерти сына я испытала то же самое. Кто бы мог это ожидать от женщины, некогда всецело преданной свету?» [2, с. 130]. Вполне вероятно, что за соответствием непроницаемому «великосветскому» образу, который поддерживался ею в среде соседского окружения, остались неизвестными события семейной жизни, связанные со смертью первого ребёнка Н.А. Петрово-Солововo – дочери Екатерины, умершей в младенчестве [3, с. 158]. В публикации мы приводим письмо, которое было отправлено Н.А. Петрово-Солововo С.М. Баратынской после смерти М.С. Баратынского (VIII) – последнее из сохранившихся писем Соловых к Баратынским в личном фонде ИРЛИ РАН.

Публикуемые письма являются составляющими феномена повседневной переписки середины XIX века, и, помимо прочего, служат объективным свидетельством дружеских взаимных визитов, которые существовали между Марой и Карай-Салтыково. В письмах отразилась жизнь карай-салтыковской усадьбы со множеством мелких деталей будней и быта, которые ускользнули и от мемуаристов, и крестьянской устной традиции, смутно запечатлевшей лишь последних владельцев имения. Визиты и праздники, приезд гостей и родни (Перовских), обмен книгами и сватовство девушки-воспитанницы, и многие другие подробности семейной жизни Соловых отразились в небольших «billets» Натальи Андреевны и её супруга.

Подводя итог нашему историко-критическому комментарию, следует заметить, что публикация писем Соловых Баратынским расширяет представления об эпистолярном наследии двух известнейших дворянских родов Тамбовской губернии, актуализирует дальнейшие изыскания по истории жизни семьи Петрово-Солововo в широком историко-культурном контексте.

В публикации приводятся письма на французском языке и переводы, под условной нумерацией (I–VIII), отражающей их хронологическую последовательность; тексты приведены с сохранением орфографии и пунктуации источников, исправления внесены только в тех случаях, когда нарушения орфографии и пунктуации могут быть определены как описки (ошибки). Невозможность установления корректного чтения в силу почерковых особенностей отмечены пояснениями в квадратных скобках в оригинальных текстах. Упоминаемые в текстах имена и географические названия сопровождаются комментариями.

Список литературы

1. *Чичерин Б.Н.* Из моих воспоминаний. По поводу дневника Н.И. Кривцова // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 501-525.
2. *Чичерин Б.Н.* Воспоминания Б.Н. Чичерина / публ., [вступ. ст. и примеч.] А. Шаханова, Г. Щетининой // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия «Тритэ»: Рос. архив, 1999. Вып. 9. С. 89-175.

3. *Доник К.В.* История семьи Г.Ф. и Н.А. Петрово-Солововo и их родовые имения в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в первой половине XIX в. // Россия и мир в новое и новейшее время – из прошлого в будущее: материалы 25 юбилейной ежегодной Междунар. науч. конф.: в 4 т. СПб., 2019. Т. 1. С. 155-161.
4. *Климкова М.А.* «Край отеческий…». История усадьбы Боратынских. СПб.: Искусство СПб., 2006. 623 с.
5. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Воспоминания Бестужева-Рюмина К.Н. (до 1860 года) // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1900. Т. 67. № 4. 60 с.
6. Татевский сборник С.А. Рачинского / [сост. и авт. предисл. С.А. Рачинский]. Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 288 с.
7. *Дмитриева Н.Л.* О билингвизме в рукописях Пушкина // Языки рукописей. СПб., 2000. С. 85-93.
8. *Белунова Н.И.* Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования: Коммуникативный аспект: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2000. 45 с.
9. *Паперно И.А*. О двуязычной переписке пушкинской эпохи // Труды по русской и славянской филологии. XXIV: Литературоведение / отв. ред. Б.М. Гаспаров. Тарту, 1975. (Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 358). URL: https://ruthenia.ru/document/526333.html (дата обращения: 20.02.2020).

References

1. Chicherin B.N. Iz moikh vospominaniy. Po povodu dnevnika N.I. Krivtsova [From my memories. Regarding the diary of N.I. Krivtsov]. *Russkiy arkhiv* [Russian archive], 1890, bk 1, pp. 501-525. (In Russian).
2. Chicherin B.N. Vospominaniya B.N. Chicherina [Memories of B.N. Chicherina]. *Rossiyskiy arkhiv: Istoriya Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.: al'manakh* [Russian Archives: History of the Fatherland in Evidence and Documents of the 18th–20th Centuries: Almanac]. Moscow, Studio "Trite", Russian archive Publ., 1999, issue 9, pp. 89-175. (In Russian).
3. Donik K.V. Istoriya sem'i G.F. i N.A. Petrovo-Solovovo i ikh rodovyye imeniya v Kirsanovskom uyezde Tambovskoy gubernii v pervoy polovine XIX v. [Family history of G.F. and N.A. Petrovo-Solovovo and their family estates in the Kirsanovsky district of the Tambov province in the first half of the 19th century]. *Materialy 25 yubileynoy ezhegodnoy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Rossiya i mir v novoye i noveysheye vremya – iz proshlogo v budushcheye»: v 4 t.* [Proceedings of the 25th Anniversary Annual International Research Conference "Russia and the World in Modern and Contemporary Times – From The Past To The Future": in 4 vols]. St. Petersburg, 2019, vol. 1, pp. 155-161. (In Russian).
4. Klimkova M.A. *«Kray otecheskiy…». Istoriya usad'by Boratynskikh* ["The land of the fatherly ...". The history of the Boratynsky estate]. St. Petersburg, Iskusstvo SPb. Publ., 2006, 623 p. (In Russian).
5. Bestuzhev-Ryumin K.N. Vospominaniya Bestuzheva-Ryumina K.N. (do 1860 goda) [Memories of Bestuzhev-Ryumin K.N. (until 1860)]. *Sbornik otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoy Akademii nauk* [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences], 1900, vol. 67, no. 4, 60 p. (In Russian).
6. Rachinskiy S.A. (compiler and introduction author). *Tatevskiy sbornik S.A. Rachinskogo* [Tatev Collection of S.A. Rachinsky]. St. Petersburg, M.M. Stasyulevich Printing House, 1899, 288 p. (In Russian).
7. Dmitriyeva N.L. O bilingvizme v rukopisyakh Pushkina [About bilingualism in Pushkin's manuscripts]. *Yazyki rukopisey* [Languages of Manuscripts]. St. Petersburg, 2000, pp. 85-93. (In Russian).
8. Belunova N.I. *Tekst druzheskogo pis'ma tvorcheskoy intelligentsii kontsa XIX – pervoy chetverti XX v. kak ob"yekt lingvisticheskogo issledovaniya: Kommunikativnyy aspekt: avtoref. dis. … d-ra filol. nauk* [The Text of a Friendly Letter from the Creative Intelligentsia of the Late 19th – First Quarter of the 20th Century. As an Object of Linguistic Research: The Communicative Aspect. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2000, 45 p. (In Russian).
9. Paperno I.A. O dvuyazychnoy perepiske pushkinskoy epokhi [On the bilingual correspondence of the Pushkin era]. *Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. XXIV: Literaturovedeniye* [Works on Russian and Slavic Philology. XXIV: Literary Criticism]. Tartu, 1975. (Tartu State University Scholarly Notes. Issue 358). (In Russian). Available at: https://ruthenia.ru/document/526333.html (accessed 20.02.2020).

Приложение

I

Григорий Фёдорович Петрово-Солововo – Сергею Абрамовичу Баратынскому

Извещаю тебя, любезный друг, что я вчера приехал в Салтыково, не могу выразить, как рад был видеть сына[1], я не думал, что буду о нём так грустить, он для меня отрада, я так его люблю, что боюсь этой любовью грешить. Ежели бы не тебе это писать, было бы мне стыдно, но для тебя ни одним из моих чувств стыдиться не могу [и] не хочу. Ты сам такой отец и человек, который эту приятную слабость, которую можно назвать благоденственное чувство, поймёшь. Мне очень хочется тебя видеть, тебя обнять; когда будешь свободен, приезжай ко мне, постарайся быть, свободившись[2] скорее. Поцалуй[3] своих за меня чрез тебя, их этим не обижу, прежний поклон мне кажется сух, холоден. Прощай, не взыщи, прости, ежели что-нибудь не так написал.

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 17. Л. 2. Без даты, после 1840 г. Без конверта, штемпель.

II

Григорий Фёдорович Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

Voilà les projets de ma femme, sinon tombés dans l'eau du moins retard. D'abord le petit a été très malade, depuis deux jours il est mieux ; maintenant c'est ma femme, elle ne quitte pas son lit depuis six jours – c'est une vraie desolation !

<...> j'ai le временное отделение pour mon affaire du moulin avec Lubomirsky. Sans tout cela je serai venu depuis longtemps Vous voir, ainsi que Votre beau frère et Votre belle soeure, dont j'ai appris arrivée ; dites leurs biens des choses, Madame, de ma part.

Ma femme desire editement du *клюквенный морс*, je ne sais où m'en procurer. Si par hasard Vous en avez, Vous me ferez un bien grand plaisir de m'en donner.

Veuillez bien agrée, Madame, l'assurance de mon parfait dévouement.

Vendredi

G. Solovoy

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 140. Л. 1-1об. Без даты, 1840-е гг. Без конверта.

Вот и планы моей супруги, если не провалившиеся совсем, то по крайней мере, теперь отложенные. Сначала наш маленький[4] был очень болен, и в течение двух дней ему стало лучше, а теперь сама моя супруга не встаёт с постели на протяжении шести дней – настоящее горе!

[Неразб.] мне нужно присутствовать во *временном отделении* по делам мельницы с Любомирским[5]. Если бы не всё это я бы давно приехал Вас навестить, а также Ваших замечательных брата и сестру, которые, как я узнал, прибыли; передайте им, madame, наилучшие пожелания от меня.

Моя супруга в категорической форме требует клюквенного морса, но я не знаю, где его достать. Если случаем он у Вас есть, Вы меня поистине сильно обрадуете, поделившись со мною.

Примите, пожалуйста уверение в моей совершенной преданности, Madame.

Пятница.

Г. Соловой.

III

Григорий Фёдорович Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

Sachant, Madame, l'amitié que Vous avez toujours eu pour moi, je tiens à Vous annoncer que mon fils se marie. Il épouse la fille du comte Perovsky, un ancient camarade de régiment. Je suis tant à faire content de ce mariage. Mon fils est encore à Pétersbourg, je l'attends bientôt. Ainsi Vous au revoir.

Votre tant devoué,

G. Solovoy

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 140. Л. 3-3 об. Без даты, не позднее 1869 г. Розовый конверт с монограммой Н.А. Петрово-Солововo «NS». Л. 5.

[1] Михаил Григорьевич Петрово-Солововo (1840–1905).

[2] Так. – *К. Д.*

[3] Так. – *К. Д.*

[4] Речь идёт о сыне, М.Г. Петрово-Солововo.

[5] Константин Ксаверьевич Любомирский (1786–1870), генерал-майор, супруге которого, Екатерине Николаевне Любомирской (Толстой) принадлежало соседнее с Карай-Салтыково село Балыклей с крепостными крестьянами.

Зная, Madame, о Вашей постоянной привязанности ко мне, я стремлюсь сообщить Вам, что мой сын женится. Он берёт в жёны дочь графа Перовского, одного старого товарища по службе в полку[6]. Я так доволен этим браком! Мой сын ещё в Петербурге, я ожидаю его вскоре. Итак, до встречи.

Всецело Ваш

Г. Соловой

IV

Наталья Андреевна Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

Voici, Madame, un livre que Votre mari m'a prête et que je lui restitue avec bien de remerciement. Ce billet Vous sera remis après notre départ que nous avons un peu presser grace au mauvais temps qui promit de s'établir. Cela me prive du plaisir de passer quelques moments chez Vous, le jour de Votre fête et je Vous prie de croire que je le regrette. Si rien ne s'oppose à mon retour ici le printemps prochain, j'espère Vous voir plus souvent. Monsieur Boulgakoff a écrit à mon mari pour prier de l'excuser sur ce qu'il ne peut venir chez Vous le 17, car il doit aller à Lebediane, où il se rendre de chez Ivanoff. Nous avons eu chasses aux [неразб.] et aux loups, mais peu de bêtes se sont laissés prendre. L'amusant était la societé qui a passé trois jours chez nous – ce n'est que hier que nous avons definitivement pris congé de tout le monde et nous voila aujourd'hui dans toutes les horreurs de l'emballage. Je verrai à Moscou Votre fils sans faute. Je présume qu'il sera arrivé aujourd'hui, le temps favorise leur voyage.

Adieu, Madame, croyez, je vous prie, mes sentiments affectueuses.

Nathalie Solovoy

À 15 septembre 1849

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 1-1об. Без конверта, с надписью «Ее высокоблагородию Софье Михайловне Баратынской в село Вяжли».

Вот книга, Madame, которую мне одолжил Ваш муж и которую я ему с благодарностью возвращаю. Это небольшое письмо Вам вручат уже после нашего отъезда, который мы вынуждены немного торопить из-за плохой погоды, которая грозит установиться. Это лишает меня удовольствия провести некоторое время у Вас в день Вашего празднества[7], и я прошу Вас поверить, я сожалею об этом. Если ничто не воспрепятствует моему возвращению сюда будущей весной, я надеюсь Вас видеть более часто. Господин Булгаков[8] написал моему мужу с извинениями за то, что он не сможет быть у Вас 17-го, так как он должен ехать в Лебедянь, куда он направится от Ивановых. У нас была охота на [неразб.] и на волков, но зверей поймали немного. Весёлым было общество, которое провело у нас три дня – только вчера мы со всеми окончательно простились, а сегодня уже и сами во всех ужасах сборов. В Москве, без сомнения, я увижу Вашего сына[9]. Я полагаю, что он прибудет уже сегодня, погода этому благоприятствует.

Прощайте, Madame, примите уверение в моих самых искренних чувствах.

Наталья Соловая

15 сентября 1849 г.

V

Наталья Андреевна Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

Chère Madame Baratinsky!

Milles graces pour Votre livre que je restitue exactement pour ne pas perdre l'habitude de rendre au prochain à qui lui appartient de fait et de droit. Me voilà sur mon départ si ma santé ne met pas l'obstacle à mes projets, car malhereusement j'ai pris froid à la tête en allant dimanche dernier à la messe et depuis je souffre d'une malaise qui me fait craindre de me lancer seule, dans l'esseule[10].

[6] Мария Борисовна Перовская (1845–1890) вышла замуж за М.Г. Петрово-Солововo в 1869 г. Дочь генерал-адъютанта графа Алексея Борисовича Перовского (1815–1881). Г.Ф. Петрово-Солововo и А.Б. Перовский служили в Кавалергардском полку. (*Панчулидзев С.А.* Сборник биографий кавалергардов. По случаю столетнего юбилея Кавалергардского Её Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка. 1826–1908. С. 34, 72).

[7] Вероятно, речь идёт об именинах С.М. Баратынской.

[8] Пётр Алексеевич Булгаков (1808–1883) – тамбовский губернатор в 1843–1854 гг., тайный советник. В 1847 г. по отношению помещиков Тамбовской и ряда других губерний ходатайствовал об открытии Лебедянского общества сельского хозяйства, став впоследствии его членом и почётным президентом. См.: Записки Лебедянского общества сельского хозяйства. 1847 год. М., 1848. С. IV, 8. С.А. Баратынский с 1846 г. некоторое время служил чиновником для особых поручений при П.А. Булгакове (ИРЛИ. Ф. 33. Материалы архивных описей фонда. Л. IV). О взаимоотношениях Г.Ф. Петрово-Солововo и П.А. Булгакова также: *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. С. 129.

[9] Речь идёт о Михаиле Сергеевиче Баратынском (1833–1881).

[10] Так. – *К. Д.*

Блан де Лабарт, Нюма Проспер. Портрет Наталии Соловой. Франция. Около 1846 г. Веленевая бумага плотная; карандаш, тушь, акварель 33,5×24,5 см. Инв. № ОР-18601. Публикуется впервые.

© Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург.

Je passerai un mois à P[éters]bourg et j'irai avec mon mari à Paris aussitôt qu'il aura terminées ici ses innomrables affaires. Tous les miens se portent bien et mon petit fils continue à me garder le plus tendre souvenir – ce qui me promet tout un séjour plein de charme.

Je Vous envoie un ouvrage dont on a beaucoup parle, l'année dernière il attire par le naturel et simplicité du style. [On] comprend en le lisant que Ampère ne destinait pas sa correspondance à la publicité et inscrivait naivement toutes ses impressions de la journée comme lecture en famille, c'est agreable à lire et à commenter.

Si Dieu me prêrete vie j'irai, chère Madame Baratinsky, Vous raconter à mon retour ce que Paris est devenu depuis 1840. Milles bonnes journèes !

Nathalie Solovoy

Le Dimanche

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 9-10. Без даты, прим. 1840-е гг. Конверт треугольный. «Её превосходительству Софье Михайловне Баратынской, с. Вяжли». Л. 10а.

Дорогая madam Баратынская!

Премного Вам благодарна за книгу, которую пунктуально возвращаю, дабы не потерять привычки возвращать тому, кому она принадлежит на деле и по праву. Вот и я готова отправиться в путь, если моё здоровье не причинит мне препятствий, потому что, к сожалению, по дороге на службу прошлым воскресеньем я простыла и с тех пор страдаю от недомогания, что вынуждает меня бояться быть покинутой всеми, в одиночестве.

Я проведу месяц в Петербурге и поеду с супругом в Париж, как только он завершит здесь свои бесчисленные дела. У моих всё хорошо, и мой маленький сын продолжает сохранять самые тёплые воспоминания обо мне – что обещает мне всё пребывание [в Париже] преисполненным радости.

Посылаю Вам произведение, о котором последний год много говорили, оно привлекает естественностью и простотой стиля. Читая Ампера[11], понимаешь, что его переписка не предназначалась для публикации, и он искренне записывал все свои дневные впечатления как книгу для семейного чтения, это приятно и читать, и комментировать.

Буду жива, дорогая madame Баратынская, по возвращении приеду к Вам рассказать, каким стал Париж с 1840 года.

Всего Вам самого доброго!

Наталья Соловая

Воскресенье

VI

Наталья Андреевна Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

Depuis mon arrivée à Saltykovo j'ai constamment eu desir de venir Vous voir, Madame, et malhereusement pour moi le sorti à jusqu'ici entraves mes desseins. La maladie de mon petit fils d'abord et plus tard mon voyage à Moscou m'a tenu eloignée de la maison. Maintenant on attend d'heure en heure la délivrance de ma belle-fille et nous avons ici les Perovsky et la sage-femme arrivée de P[éters]bourg. Le moment serait mal choisi pour s'absenter du logis et neanmoins j'aurais desiré Vous voir pour Vous parler d'un sujet que m'intéresse.

Il y a 16 ans pendant mon sejour si long à Odessa, j'ai adopté une petite juive dont le pére s'occupait à peine, dont la mére était folle et qui restait confiée à la concierge de la campagne qui nous habitions. Une vieille ivrogne qu'on trouvait sans cesse, dans les fosses environnant l'enfant accroché à ses jupons. L'enfant elevée chez un ancien serviteur de la famille Solovoy, nous a suivi partout et fait les fonctions de sous femme du chambre auprès de ma belle-fille depuis trois ans qu'elle est mariée. Mary en est très contente et tient à la marier convenablement et avec sinserité pour l'avenir. Hors le prétendant qui se présente en ce moment est un ouvrier peintre en bâtiments, dont le pére a été cuisinier dans Votre famille, la mére a encore aujourd'hui une pension payée par Vous et un logement assuré <...> ce reste de ces jours. Le jeune homme porte la famille de Molodenkoff et a l'air très bien, mais nous avons appris qu'ils vivent lui et son frère qui est le maitre en titre, de l'assosiation au jour le jour, n'ayant ni chaumière à eux, ni bétail, ni établissement stable; ils vivent en jeu partout suivant qu'ils travaillent chez les uns ou chez les autres et comme ma profite à été gatée et ce les goûts qui sont exclusivement la partage de la classe de serviteur à laquelle elle appartient, nous ne voulons donner notre consentement à ce mariage que si Vous en qui nous avons confiance, Vous voulez bien nous donner sur les Molodenkoff de renseignement à leur avantage. Admettant que le type juif ait ravi la coeur du jeune homme je sense neanmoins que le calcul [неразб.] beaucoup dans cette flatteuse recherche. Nos deux maisons garantissement le present et même l'avenir de la petite fille mais nous ne tenons pas à la doter pour voir disparaitre en quelques mois l'argent qu'on

[11] По всей видимости, речь идёт о Жане Жаке Ампере (1800–1864), французском историке, писателе и путешественнике, сыне знаменитого физика А.М. Ампера.

lui donnera. Et de plus le prétendant a signifie qu'il fallait la montrer en polisse[12], manteau, paletot de beau drap et lui donner 50 r[oubles] pour dépenses de la noce. Excusez-moi, Madame, de Vous importuner de mes questions qui Vous intéresse si jeu, mais ayant vieilli 16 ans, sur cette jeune fille, je ne voudrai pas me hâter de la marier sans avoir pris sur son futur renseignements les plus precis. Mon mari se propose tous les jours d'aller passer quelques bonnes heures chez Vouz.

Milles bonnes pensées.

Nathalie Solovoy

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 11-14об. Без даты, не раньше мая 1870 г. Без конверта.

С момента моего возвращения в Салтыково я постоянно хочу приехать Вас навестить, Madame, и к несчастью для меня мой отъезд нарушает мои планы. Болезнь маленького сына сначала и моя поездка в Москву позднее удерживали меня в отдалении от дома. Теперь с часу на час мы ждём родов у моей снохи, у нас сейчас здесь Перовские и повитуха из Петербурга. Этот момент бы плохо подошёл для отсутствия дома и, тем не менее, я бы хотела Вас видеть, чтоб поговорить об одном деле, которое меня волнует.

Во время своего долгого шестнадцатилетнего пребывания в Одессе я взяла на воспитание маленькую еврейскую девочку, о которой едва заботился отец, а мать была сумасшедшей, и которая была доверена одной служанке в деревне, в которой мы живём. Старая пьяница, которую мы находили постоянно в канавах с ребёнком, цеплявшимся за её юбки. Девочка, воспитанная старой слугой семьи Соловых, повсюду следовала за нами и исполняла обязанности горничной у моей снохи на протяжении трёх лет с момента её замужества три года назад. Мэри[13] ею очень довольна и хочет выдать её замуж достойным образом и честностью относительно будущего. И не за претендента, имеющегося сегодня, рабочего-маляра, отец которого был поваром у Вашей семьи, а мать до сих пор имеет оплачиваемый Вами пансион и гарантированное жилье [неразб.] до сего дня. У молодого человека фамилия Молоденков, и он хорош собой, но мы узнали, что он живёт со своим братом учителем, перебиваясь со дня на день, не имея избы, домашнего скота и постоянного места жительства; они живут где придётся, в зависимости от того, где они работают – то у одних, то у других; и поскольку моя подопечная избалована и её манеры отличаются от сословия слуг, к которому она принадлежит, мы можем дать согласие на этот брак только в том случае, если Вы, как лицо, которому мы доверяем, благоизволите составить рекомендацию в пользу Молоденковых. Понимая, что еврейка уже пленила сердце молодого человека, я тем не менее считаю, что в этом лестном соискательстве (согласия девушки. – *К. Д.*) [присутствует] и большой расчёт. Наши два дома гарантируют настоящее и даже будущее девушки, но мы не намерены одаривать её приданым, чтобы через несколько месяцев увидеть, как исчез весь капитал, которым мы её обеспечим. Более того, претендент заявил, что ему следует показать невесту в лакированной обуви[14], плаще, пальто из красивого сукна и дать ему 50 рублей на свадебные расходы. Простите меня, Madame, за то, что докучаю Вам вопросами, которые Вам не совсем интересны, но на месте этой юной шестнадцатилетней девочки я не спешила бы выйти замуж без самых надёжных гарантий на будущее.

Мой супруг постоянно просится поехать к Вам на некоторое время.

Постоянно с мыслями о Вас,

Наталья Соловая

VII

Наталья Андреевна Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

Je profite du départ pour chez Vouz du docteur G[all], chère Madame, pour Vous féliciter et Vous exprimer les regrets de mon mari qu'un accident de voiture prive de plaisir d'aller Vous serrer la main moi-même, je suis en compote et [неразб.] au logis jusqu'au départ de miens qui se mettront en route le 25 ou plus tard. Si rien ne me retient longtemps aprés eux à Saltykovo je viendrai en partant pour Paris passer quelques heures dans gracieuse societé et causer amicalement avec Vous comme vieilles connaissances que nous sommes.

Adieu, chère et bonne Madame, mille voeux sincères et affectueux.

Nathalie Solovoy

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 139. Л.15-16. Без даты, прим. 1850-е гг. На конверте «Madame Sophie Baratinsky». Л. 15а.

[12] Так. – *К. Д.*

[13] Мария Борисовна Петрово-Солововo (Перовская), сноха Натальи Андреевны Петрово-Солововo.

[14] Вероятно. – *К. Д.*

Я пользуюсь отъездом к Вам доктора Г[алла], дорогая Madame, чтобы поздравить Вас и передать сожаления моего супруга, который из-за происшествия с коляской не может приехать и лично пожать Вашу руку. Сама я сильно ушиблась и [вероятно, *пробуду. – К. Д.*] дома до отъезда моих, которые отправятся в путь 25-го или позднее. Если ничто меня надолго не задержит в Салтыково после их отъезда, то я, уезжая в Париж, загляну, чтобы провести несколько часов подле Вас и поболтать с Вами по-дружески как старые знакомые, которыми мы и являемся.

Прощайте, моя дорогая и добрая Madame, шлю Вам тысячу искренних и ласковых объятий.

Наталья Соловая

VIII

Наталья Андреевна Петрово-Солововo – Софье Михайловне Баратынской

C'est avec mon coeur que je Vous écris, chère Madame, étant plus bouleversée de plus émue que je ne serai Vous exprimer ici par l'affreux malheur qui viens de Vous frapper et auquel j'étais loin de m'atteindre, [ignorant] que le pic la maladie de Votre fils ait pris une tornure dangeureux. La part que je prends à tout ce que Vous touche est bien sincère et bien vive : je n'ai pas fermé d'oeil de la nuit, tant j'ai eu de pense en songeant à ce que Vous dans éprouver pendant ces longes heures de solitude et d'insomnier. Le fils que Vous pleurez, était digne de Votre amour et Votre dévouement : il Vous adorait, il était [toujours] Vous [toujours] ses enfant qu <...> a su si bien aimer qu'ils le lui rendaient avec cela touchant adoration. Je ne crois pas qu'il y ait son [être] au monde qui puisse rester insensible devant cette mort navrant qui frappe dans les plus chères affections, une famille estimée et aimée de [неразб.]. Vous consoler est impossible, chère Madame, et je n'essayerai même pas . Vous avez une grande âme, une religion profonde et Dieu saura faire ce que les hommes ne peuvent pas atteindre même pas l'affection la plus sincère. Je me serais empresser, chère Madame, de venir joindre mes prières aux Votre [неразб.] mais j'ai craint de Vous parâitre importune, indiscrète et je me borne en ce moment [i]ci Vous passer mes senses aimées en Vous priant de me croire.

À Vous de toutes mes pensées.

Nathalie Solovoy

25 décembre 1881

Ф. 33 (Баратынские). Оп. 2. Ед. хр. 139. Л. 3об.-4. Конверт «Её высокородию Софье Михайловне Баратынской, с. Вяжли». Л. 1а.

От всего сердца пишу Вам, дорогая Madame, будучи настолько потрясённой и взволнованной, что не стану пояснять здесь свои мысли об ужасном несчастье, которое только что Вас ранило и которое я даже представить себе не могла, не предполагая, что пик болезни у Вашего сына приобрёл опасный поворот. Я сочувствую всему, что Вы переживаете самым горячим и искренним образом: всю ночь я не сомкнула глаз, размышляя о Вашем тяжёлом испытании в течение этих длинных часов одиночества и бессонницы. Сын, которого Вы оплакиваете, был достоин Вашей любви и Вашей преданности: он обожал Вас, он всегда принадлежал Вам и всегда своим детям, которых он так умел любить и которые возвращали ему эту любовь своим трогательным обожанием. Я не верю, что есть хотя бы одна живая душа в мире, которая могла бы остаться равнодушной к этой горестной кончине, нанесшей удар по самым дорогим чувствам, по семье уважаемой и любимой… [неразб.]. Утешать Вас бесполезно, Madame, и я даже не буду пытаться это сделать. Вы человек большой души, глубокой веры, и Господь управит так, как не смогут люди даже самой глубокой привязанности. Я буду стараться усердно присовокуплять свои молитвы, Madame, к [неразб.], но я боюсь Вам показаться неуместной и бестактной сейчас и поэтому ограничиваю себя здесь, передавая вам свою любовь и заверяя Вас в этом.

Всегда с Вами в мыслях

Наталья Соловая

25 декабря 1881

Информация об авторе

Доник Ксения Владимировна, историк, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, extale@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7179-5897

Вклад в статью: изучение источника, работа с архивными документами и материалами, написание текста статьи.

Статья поступила в редакцию 08.01.2021
Одобрена после рецензирования 18.02.2021
Принята к публикации 25.02.2021

Information about the author

Kseniia V. Donik, Historian, Saint-Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation, extale@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-7179-5897

Contribution: source study, work with archival documents and materials, manuscript text drafting.

The article was submitted 08.01.2021
Approved after reviewing 18.02.2021
Accepted for publication 25.02.2021

Неофилология
ISSN 2587-6953

Neofilologiya = Neophilology
http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 811'161.1+81'373.613+82'1
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-536-544

Слово *жемчуг* в русской поэзии и его китайские корни

Цзятун ВЭН
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
400066, Российская Федерация, г. Волгоград, пр. Ленина, 27
✉ ong.valentine@yandex.ru

Аннотация. Объектом анализа явилось слово *жемчуг* в русском языке. Предмет статьи заключался в рассмотрении функционирования этой лексемы в русской поэзии. При анализе были использованы описательный, сопоставительные и стилистический методы. Слово *жемчуг* было заимствовано русским языком из китайского через тюркское посредничество в XII веке. Китайское слово **珍珠** [zhēnzhū] состоит из двух слогоморфем **珍** 'редкий, дорогой, ценнейший' и **珠** 'шарик, бисер'. Рассмотрена история появления этой лексемы в русском языке, выявлены первоначальное и переносные значения слова и его словообразовательная и сочетательная активность. Лексема *жемчуг* вошла в активный словарный запас русского языка, получила широкое распространение в речи русских людей, обросла большим количеством дериватов и устойчивых словосочетаний с ними. Проанализировано функционирование слова *жемчуг*, образованные от него лексемы и устойчивые словосочетания, содержащие эти единицы, в русской поэзии. Жемчуг у русских поэтов стал любимым средством выражения представлений о красоте, ценности, любви, переживаниях. Слово *жемчуг*, его дериваты и словосочетания с ним встречаются в произведениях большинства русских поэтов, они отмечены в стихах А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.И. Цветаевой, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и многих других. Обнаружено, что в произведениях поэтов XVIII–XIX веков слово *жемчуг* регулярно встречается в единственном числе с окситоническим ударением, а в XX веке акцентуация становится пенультимативной, переносится на один слог вперёд. Перспективой данного исследования является исследование использования лексемы жемчуг в переводах на русский язык произведений зарубежных авторов, в том числе китайских.

Ключевые слова: жемчуг, заимствование, дериват, семантика, функции, устойчивое словосочетание

Для цитирования: *Вэн Цзятун.* Слово *жемчуг* в русской поэзии и его китайские корни // Неофилология. 2021. Т. 7, № 27. С. 536-544. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-536-544

Материалы статьи доступны по лицензии Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0 Всемирная

© Вэн Цзятун, 2021

ORIGINAL ARTICLE
DOI 10.20310/2587-6953-2021-7-27-536-544

The word *pearl* in Russian poetry and its Chinese roots

Jiatong WENG
Volgograd State Social and Pedagogical University
27 Lenin Ave., Volgograd 400066, Russian Federation
✉ ong.valentine@yandex.ru

Abstract. The object of the analysis is the word *pearl* in the Russian language. The subject of the study is to consider the functioning of this lexeme in Russian poetry. The analysis uses descriptive, comparative, and stylistic methods. The word *pearl* was borrowed by the Russian language from Chinese through the Turkic mediation in the 12th century. The Chinese word 珍珠 [zhēnzhū] consists of two syllable morphemes 珍 'rare, expensive, valuable' and 珠 'glob, bead'. We examine the appearance history of this lexeme in the Russian language, reveal the original and figurative meanings of the word and its word-forming and combinative activity. Lexeme *pearl* is entered the active vocabulary of the Russian language, became widely used in the speech of Russian people, acquired a large number of derivatives and stable phrases with them. We analyze the functioning of the word *pearl*, the lexemes formed from it, and the stable phrases containing these units in Russian poetry. Pearls have become a favorite means of expressing ideas about beauty, value, love, and emotions among Russian poets. The word *pearl*, its derivatives and phrases with it are found in the works of most Russian poets, they are noted in the poems of A.S. Pushkin, M.Y. Lermontov, M.I. Tsvetaeva, V.Y. Bryusov, K.D. Balmont and many others. We found that in the works of poets of the 18–19th centuries, the word *pearl* is regularly found in the singular with an oxytonic accent, and in the twentieth century, the accentuation becomes penultimative, transferred one syllable forward. The perspective of this research is to study the use of the pearl token in translations into Russian of works by foreign authors, including Chinese ones.

Keywords: pearl, borrowing, derivative, semantics, functions, stable phrase

For citation: Weng Jiatong. Slovo *zhemchug* v russkoy poeziii ego kitayskiye korni [The word *pearl* in Russian poetry and its Chinese roots]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 27, pp. 536-544. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-536-544 (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

ВВЕДЕНИЕ

Слово *жемчуг* впервые зафиксировано в русском языке в форме *жьнчюгъ* в 1161 г. в надписи на кресте княгини Ефросинии (Предславы) Святославны Полоцкой (1104–1167). Оно встречается также в текстах православного писателя епископа Кирилла Туровского (1130 – около 1182) [1, с. 248]. Известный этимолог М. Фасмер считает, что эта лексема восходит к древнетюркскому jänčü, которое было заимствовано из китайского языка [2, т. 2, с. 46]. Китайское слово 珍珠 [zhēnzhū] состоит из двух слогоморфем 珍 'редкий, дорогой, ценнейший' и 珠 'шарик, бисер' [3, с. 1453].

Лексема *жемчуг* вошла в активный словарный запас русского языка, получила широкое распространение в речи русских людей, обросла большим количеством дериватов и устойчивых словосочетаний с ними. В современном русском языке *жемчуг* определяется в толковом словаре как 'драгоценное перламутровое вещество в форме зёрен белого, желтоватого, розоватого (реже чёрного) цвета, добываемое из раковин некоторых моллюсков', имеется оттенок (смысловое варьирование) значения – 'изделие, украшение из таких драгоценных зёрен', а также смысловой сдвиг (образное употребление) 'о белоснежных зубах', которое фиксируется в

устойчивом словосочетании *зубы как жемчуг* [4, с. 302].

АКЦЕНТУАЦИЯ СЛОВА *ЖЕМЧУГ*

Слово *жемчуг* широко используется русскими поэтами в своём первичном и переносных значениях. В произведениях поэтов XVIII–XIX веков оно регулярно встречается в единственном числе с окситоническим ударением. Поэт и драматург В.И. Майков (1728–1778) дважды употребляет эту словоформу в составе сравнительного оборота в своих одах:

Здесь гордость вида не имеет,
Смирение блистает вкруг,
Как злато, истина яснеет
И милость, как драгий жемчуг (Ода на всерадостный день восшествия на всероссийский престол её величества июня в 28 день 1768 года) [5].

Подобно как пространно море,
По буре укротяся вдруг,
На место волн, кипящих вскоре,
Являет струйки как жемчуг… (Ода государыне Екатерине Алексеевне на заключение вечного мира между Российскою империею и Оттоманскою Портою июля дня 1774 года) [5].

Подобную акцентуацию мы обнаруживаем у Г.Р. Державина в стихотворении «Любушке» (1802):

Иль, обнявши бѣлу шею,
Былъ жемчугъ ея драгой;
Ставъ хоть обувью твоею,
Жала бъ ты меня ногой.

В черновых вариантах поэт использует эту лексему в тем же ударением:

Иль, объявъ я бѣлу шею,
Былъ жемчугъ твой дорогой [6, с. 432].

А.С. Пушкин в поэме «Руслан и Людмила» (1817–1820) пишет:

К ногам красавицы надменной
Принёс я меч окровавленный,
Кораллы, злато и жемчуг [7].

Е.А. Баратынский (1800–1844) в поэме «Бал» (1828), названной автором повестью, также использует слово с окситоническим ударением:

Жемчуг чело её облег,
И, меж обильными косами
Рукой искусной пропущён,
То видим, то невидим он [8].

Такое же ударение встречается в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Тамара» (1841):

На мягкой пуховой постели
В парчу и жемчуг убрана,
Ждала она гостя... Шипели
Пред нею два кубка вина [9, с. 79].

Можно предположить, что у этой лексемы была первоначально, по крайней мере, неустойчивая акцентологическая норма, допускающая употребление ударения на обоих слогах. На окситоническое ударение в этом слове повлияла, возможно, акцентуация лексем *утюг, овсюг, битюг, биндюг, сычуг, учуг* [10, с. 234], а также *бунчук, барчук, барсук, урюк, бирюк, канюк, индюк* [10, с. 479], но затем произошла его смена на пенультимативное (парокситочническое), которое отмечается у германизмов *фартук* и *галстук* [10, с. 479].

О существовании парокситочнического ударения в XIX веке в этом слове свидетельствует дума К.Ф. Рылеева «Рогнеда», в которой лексема употреблена в составе сравнительного оборота:

От вздохов под фатой у ней
Младые перси трепетали,
И из потупленных очей,
Как жемчуг, слёзы упадали [11, с. 24].

В стихотворениях А.А. Дельвига встречаются оба варианта ударения:

Что жемчуг скорбящих глаз
По щекам засеребрился? (Разговор с гением);
Дорог жемчуг на груди, <…>
Крупный жемчуг потускнел (Русская песня)
[12, с. 31, 120].

Во множественном числе в современном русском языке слово имеет ударное окончание -á [4, с. 302] с сохранением этого ударения в косвенных падежах. А.С. Пушкин в «Сказке о рыбаке и рыбке» (1833) употреб-

ляет ударное окончание -и, как оно имеется в словах *утюги, бирюки, индюки* и др.:

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчовая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею [7].

В поэме А.С. Пушкина «Цыганы» окситоническое ударение сохраняется в родительном падеже множественного числа:

Что шум веселий городских?
Где нет любви, там нет веселий.
А девы... Как ты лучше их
И без нарядов дорогих,
Без жемчугов, без ожерелий! [7].

Лексема встречается также в повести «Дубровский» (1833) в форме предложного падежа множественного числа; можно предположить, что и здесь оно имеет ударение на последнем слоге:

«Барыни сели чинным полукругом, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах, мужчины толпились около икры и водки, с шумным разногласием разговаривая между собою» [7].

Подобное ударение эта словоформа имеет в стихотворении А.А. Дельвига «К Темире» (1815):

Но знай, что счастие на свете
Не в жемчугах, не в кружевах
И не в богатом туалете,
А в искренних сердцах [12, с. 96].

В XX веке пенультимативное ударение в формах единственного числа лексемы *жемчуг* осталось единственно возможным, оно зафиксировано во многих стихотворениях русских поэтов. Певцом жемчуга можно назвать В.Я. Брюсова (1873–1924). В его произведениях эта лексема встречается более 50 раз. В стихотворении «Ожерелье», написанном 10 января 1912 г., она употреблена 7 раз и ещё один раз прилагательное *жемчужный*:

Руки, вечно молодые,
Миг не смея пропустить,
Бусы нижут золотые
На серебряную нить.
Жемчуг крупный, жемчуг малый
Нижут с утра до утра,
Жемчуг жёлтый, жемчуг алый
Белой нитью серебра.
Кто вы, радостные парки,
Вы, работницы судеб?
Нити пёстры, нити ярки,
В белом блеске я ослеп.
Не моя ли жизнь – те нити?
Жемчуг – женские сердца?
Парки вещие, нижите
Яркий жемчуг до конца!
Выбирайте, подбирайте
Жемчуг крупный и простой,
Круг жемчужный завершайте
Быстро-нижущей иглой!
Нить почти полна! Немножко
Остаётся бус, – и вот
Золочёная застёжка
Ожерелье – Смерть – замкнёт! [13].

Сложный образ героини через уподобление её характера с чёрным жемчугом изобразил в своём стихотворении «Одно из двух» (1913) поэт Серебряного века Игорь Северянин (И.В. Лотарёв):

Ты в жизнь вошла в колье жемчужном
Горда, сверкательна, строга.
Глаза, проникнутые южным,
Омра́ченные жемчуга.
И встреченному незнакомцу,
Который так безбрежно жил,
Ты поклонилась, точно солнцу,
И встречный близок стал и мил.
Сердца улыбно укачали
И утомились до зерна.
Но жемчугов твоей печали,
Как прежде, матовость черна.
Твой чёрный жемчуг целомудрен,
Невинна тёмная душа,
И девственный твой лик окудрен.
Ты отрицаньем хороша.
Ты ждёшь со страстностью упорной
Иного встречного, когда
Зарозовеет жемчуг чёрный,
А нет – погаснет навсегда!

Имя *Маргарита* образовано от латинского слова margarita ‘жемчужина’ [14, с. 551]. Обыгрывает эту этимологию антропонима К.Д. Бальмонт в стихотворении «Жемчуг»:

Нежный жемчуг, Маргарита, –
Как поют в испанских песнях, –
Пели ангелы на Небе
В день рожденья твоего [15].

Слово *жемчуг* с пенультимативным ударением отмечено у многих русских поэтов XX века:

Жемчуг в стакане
Плавят – и миром
Правят – не плачут. <…>
Слёзам твоим видным
Сквозь дождь – в два рубца!
Как жемчуг постыдным
На бронзе бойца (М. Цветаева. Поэма конца, 1924) [16];

Быть может, стану я похоже
На жемчуг, потерявший цвет,
И полюбить меня не сможет
Эпохи нашей человек (К.К. Вагинов. Звукоподобие проснулось…, около 1934 г.) [17];

Жемчуг-слово, чудо-песни
Сыпал вещий с языка.
Ныли струны на бандуре
Под рукою старика (К. Случевский. Бандурист) [18];

Был нежен и щедр последний,
как зелень после потопа,
он сам становился песней,
когда по ночной реке
пускал сиявший кораблик
и, в воду входя ночную,
выныривал из захлёба
с жемчугом на языке (А. Найман. Я знал четырёх поэтов, 1996) [19, с. 10].

В именительном падеже множественного числа регулярно фиксируется пришедшая из исчезнувшего двойственного числа форма *жемчуга* с ударной флексией:

Жемчуга навстречу сыплются.
А вода уже по щиколку… (М.И. Цветаева. Крысолов, 1925) [16];

Какие камни сбросить мне? Не вас ли,
Рубины алые, где тлеет страсть?
Беру их в руку… Но давно погасли,
Как жемчуга, они. За что ж их клясть! (В. Брюсов. Ожерелье дней, 1916) [13];

Шёлк, и узор***о***чья, и атлас
в русских позолоченных котлах,
блюда, кольца, золото,
жемчуга (В.А. Соснора. Коршуны, 1962) [20];

Ударное окончание сохраняется в косвенных падежах:

Жемчугов
И медуз
Уж готов
Полный груз (Н. Гумилёв. Искатели жемчуга) [21].

ДЕРИВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ ЛЕКСЕМЫ *ЖЕМЧУГ*

В русском языке появилось много дериватов, связанных со словом *жемчуг*. Первым из них является прилагательное *жемчужный*, которое образуется с помощью суффикса *-ьн-* с закономерной первой палатализацией заднеязычного *г>ж* и исчезнувшим *ь* в результате падения редуцированных. У этого прилагательного имеется значение ‘сделанный из жемчуга, с жемчугом’ и его переносный оттенок ‘напоминающий жемчуг своим видом, блеском, оттенком’ [22, с. 477]. Оно встречается во многих поэтических текстах, чаще всего с метафорическим переносом семантики:

Капли жемчужные, капли прекрасные,
Как хороши вы в лучах золотых (С. Есенин. Капли, 1912) [23];

Ты приходил ко мне, холодный,
С жемчужным инеем в усах (В. Брюсов. По торжищам. Романс, 1910) [13];

Та из моря Че́рмного,
Акульих мест,
Та из моря верного –
Жемчужный всплеск (М.И. Цветаева. Царь-Девица, 1920) [16];

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор (А. Блок. Вербная суббота, 1903) [24].

Основа этого прилагательного входит в состав многих сложных адъективных дериватов: *жемчужно-серый, жемчужно-розовый, жемчужно-белый, жемчужно-серебряный, жемчужно-серебристый, жемчужно-золотой, жемчужно-зелёный, жемчужно-зеленоватый, жемчужно-изумрудный, жемчужно-голубой, жемчужно-синеватый, жемчужно-сиреневый, жемчужно-сизый, жемчужно-фиолетовый, жемчужно-чёрный, жемчужно-матовый, жемчужно-пале-*

вый, жемчужно-восковой и др.[1], *жемчужно-яхонтный убор* (В. Брюсов), *жемчужно-красных млений череда* (К. Бальмонт), *жемчужно-витиеватой берёзы* (А. Вознесенский). Слово *жемчужный* входит в состав сложных прилагательных, первая часть которых образована от адъективной основы: *безмятежно-жемчужная гладь* (Ю.Н. Верховский). От прилагательного образовано наречие *жемчужно* [4, с. 302].

Не вошедшее в русский литературный язык прилагательное *жемчуговый*, образованное по модели *еловый, стручковый, столовый, шатровый* и др., употребляется в художественных текстах, включая поэтическую речь:

Невозможную сладость приемли,
О, изменник! Люблю и зову
Голубые приветствовать земли,
Жемчуговые сны наяву (А. Блок. Облака небывалой услады…, 1903) [24];

И на тверди, огромной и синей,
Жемчуговая зыбь облаков (Б. Нарциссов. Сириус) [25];

и всего только видел,
что под трефовой листвой
жемчуговые подковы,
обронённые луной (В. Набоков. Пьяный рыцарь, 1917–1922) [26].

Авторским неологизмом является прилагательное *жемчужинный* в поэме-сказке М.И. Цветаевой «Царь-Девица»:

Горошин тут жемчужинных –
Из горлышка – смех судорожный! [16].

Слово образовано от существительного *жемчужина* с помощью суффикса -н- по продуктивной модели: *оскоминный, платинный, брюшинный, вершинный, руинный, былинный* и мн. др. [10, с. 385-386].

Лексема *жемчужина* для обозначения одного зерна жемчуга образована с помощью суффикса *-ин*(*а*), использующегося для выражения единичности, с закономерной палатализацией заднеязычного перед гласным переднего ряда. Слово имеет основное значение ‘отдельное зерно жемчуга’ с двумя смысловыми сдвигами ‘о белоснежных ровных зубах’ и ‘о слёзах’, а также переносное значение ‘о ком-, чём-либо, выделяющемся своими достоинствами среди других, являющемся украшением, сокровищем чего-либо’ [4, с. 302].

Слово *жемчужина* регулярно отмечено во многих поэтических текстах:

Из раковин я вынул сто жемчужин,
Тринадцать выбрал лучших жемчугов (К. Бальмонт. Волшебство) [15];

Светом бывает тьма разбужена
В непрекращающемся поединке.
Тысячелетья растёт жемчужина
В мякоти раковины – от песчинки» (Вс.А. Рождественский. Светом бывает тьма разбужена..., 1966) [27, с. 530];

Благодарю за сказочный словарь
не Оксфорда, не Массачусетса –
когда при лунном ужасе главарь
на танцы шёл со вшитою жемчужиной (А. Вознесенский. Щипок, 1977) [28].

Дериват *жемчужиться* в русской поэзии получил значение ‘напоминать жемчуг своим видом, блеском, оттенком’ (ср. с переносным значением прилагательного *жемчужный*):

Дразнил и рассказывал так, что даже маленькая лужица
Уже застывшая пропищала: – Ну вот, –
У меня слеза на реснице жемчужится,
А он тащит в какой-то звёздный хоровод (К.А. Большаков. Зима, 1915) [29].

В народной речи у глагола произошла более сложная метафоризация, он приобрёл значение ‘о девице: спесиво красоваться, непомерно дорожа собой’ [30, с. 532].

Слово *жемчуг* входит в состав многих устойчивых словосочетаний: *бурмитский жемчуг, кафимский* (*кафский*) *жемчуг, русский жемчуг, новгородский жемчуг, римский жемчуг, бургиньонский жемчуг, пальмовый жемчуг, кокосовый жемчуг, окатистый жемчуг, скатный жемчуг.* Бóльшая часть из них встречается в профессиональной речи торговцев жемчугом и обозначает его разновидности и подделки под него. Некоторые из этих словосочетаний встречаются в поэтических текстах.

[1] Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/new/search-main.html (дата обращения: 02.03.2021).

Он [праотец Адам] под ноги не стлал ковров персидских,
Ни жемчугов не нашивал бурмитских (И.А. Крылов. Послание о пользе страстей) [31, с. 307];

Скатный жемчуг скромный инок
Красным девушкам собрал –
По родителям поминок –
Да дорогой растерял (С. Клычков. Осень, 1919) [32, с. 28];

Прослезился князь,
преподносит – на! –
скатный жемчуг в бисерной сумочке (В. Соснора. Рогнеда) [20].

И поят, дробясь, как жемчуг скатный,
Семь ключей с крутой стремнины розу (Вяч.И. Иванов. Роза Царского Сына) [33].

К.Д. Бальмонт в стихотворении «Гадание» преобразовал это словосочетание в сложное слово с усечением (апокопой) прилагательного:

Лишь измененьем в смыслах очертанья.
И вдруг ко мне безбрежное рыданье
С луны излило в сердце жемчуг-скат [15].

Русский писатель XIX века А.Ф. Вельтман (1800–1870) в «былине старого времени» «Кощей бессмертный» (1833) упоминает, что «на шее у неё [боярыни Мирианы] скатный жемчуг» [34].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, лексема *жемчуг*, имеющая китайское происхождение, пришла в русский язык, вероятно, из одного из тюркских языков. Уже в XII веке она употребляется русскими. Жемчужины стали любимым украшением на Руси, из них делали ожерелья, их нашивали на одежду и головные уборы, ими украшали иконы и другие церковные предметы, бытовые вещи. Слово *жемчуг* вошло в активный словарный запас русских, получило коннотативные созначения, употреблялось в устойчивых сравнениях и метафорах, вошло в состав многих словосочетаний терминологического характера, от него было образовано большое количество дериватов. В процессе своего использования в речи лексема сменила в единственном числе окситоническое ударение на пенультимативное, во множественном числе окончание -и было вытеснено пришедшей из двойственного числа ударной флексией -á.

Жемчуг у русских поэтов стал любимым средством выражения представлений о красоте, ценности, любви, переживаниях. Слово *жемчуг*, его дериваты и словосочетания с ним встречаются в произведениях большинства русских поэтов, они отмечены в стихах А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, М.И. Цветаевой, В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта и многих других. Перспективой данного исследования является изучение использования лексемы *жемчуг* в переводах на русский язык произведений зарубежных авторов, в том числе китайских.

Список литературы

1. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3 / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1990. 512 с.
2. *Фасмер М.*Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986–1987.
3. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. 北京. 1978. 1566页.
4. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
5. *Майков В.И.* Избранные произведения. Москва; Ленинград: Сов. писатель, 1966.
6. *Державин Г.* Сочинения: в 9 т. / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. Т. 2: Стихотворения, ч. 2: 1797–1808 гг. Спб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1865.
7. *Пушкин А.С.* Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1959.
8. *Баратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 2: Поэмы. Л.: Сов.писатель, 1936.
9. *Лермонтов М.Ю.* Полное собрание стихотворений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и драмы. 1828–1836. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд., 1989.
10. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. Изд. 2-е, стер. М.: Рус. яз., 1980. 880 с.
11. *Рылеев К.Ф.* Думы. М.: Наука, 1975. 255 с.

12. *Дельвиг А.А.* Сочинения: Стихотворения; Статьи; Письма / сост., вступ. ст., коммент. В.Э. Вацуро. Л.: Худ. лит., 1986. 472 с.
13. *Брюсов В.Я.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Худ. лит., 1973.
14. *Тихонов А.Н., Бояринова Л.З., Рыжкова А.Г.* Словарь русских личных имён. М.: Школа-пресс, 1995. 733 с.
15. *Бальмонт К.Д.* Собрание сочинений: в 7 т. М.: Книговек, 2010.
16. *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Кн. 1: Поэмы. Поэмы-сказки. М.: Терра; Книжная лавка – РТР, 1997.
17. *Вагинов К.К.* Стихотворения и поэмы / подгот. текстов, сост., вступ. ст., примеч. А. Герасимовой. Томск: Водолей, 1998.
18. *Случевский К.К.* Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1962. 468 с.
19. *Найман А.* [Стихотворения] // Арион: журнал поэзии. 1996. № 1. С. 9-13.
20. *Соснора В.А.* Всадники / [Предисловие Д. Лихачёва]. Л.: Лениздат, 1969. 111 с.
21. *Гумилёв Н.С.* Сочинения: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. М.: Худ. лит, 1991.
22. Словарь русского языка: в 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 698 с.
23. *Есенин С.А.* Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 2002.
24. *Блок А.А.* Собрание сочинений: в 9 т. М.: Гослитиздат, 1962.
25. *Нарциссов Б.* Письмо самому себе. М.: Водолей, 2009.
26. *Набоков В.* Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2002.
27. *Рождественский В.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1985.
28. *Вознесенский А.* Собрание сочинений: в 3 т. М.: Худ. лит, 1983.Т. 1.
29. *Большаков К.А.* Солнце на излёте. М.: Центрифуга, 1916.
30. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ГИИНС, 1955–1956. Т. 1.
31. *Крылов И.А.* Полное собрание сочинений: в 3 т. М.: ГИХЛ, 1946. Т.3. 615 с.
32. *Клычков С.* Стихотворения / сост. М. Никё. Paris: YMCA-PRESS, 1985. 183 с.
33. *Иванов В.И.* Собрание сочинений: в 4 т. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971–1987.
34. *Вельтман А.Ф.* Романы / сост., вступ. статья В.И. Калугина; послесл. и коммент. А.П. Богданова. М.: Современник, 1985. 524 с.

References

1. Avanesov R.I. (ed.-in-chief). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.). T. 3* [Dictionary of the Old Russian Language (11–14th centuries). Vol. 3]. Moscow, Russian Language Publ., 1990, 512 p. (In Russian).
2. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1986–1987. (In Russian).
3. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室. 现代汉语词典. 商务印书馆. [Chinese Academy of Social Sciences. Institute of Language, Dictionary Editing Room. Modern Chinese Dictionary]. 北京, 1978, 1566页. (In Chinese).
4. Kuznetsov S.A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [The Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1536 p. (In Russian).
5. Maykov V.I. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow, Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., 1966. (In Russian).
6. Derzhavin G. *Sochineniya: v 9 t. T. 2: Stikhotvoreniya, ch. 2: 1797–1808 gg.* [Works: in 9 vols. Vol. 2: Poems, pt 2: 1797–1808]. St. Petersburg, The Imperial Academy of Sciences Typography, 1865. (In Russian).
7. Pushkin A.S. *Sobraniye sochineniy: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.]. Moscow, State Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1959. (In Russian).
8. Baratynskiy E.A. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy: v 2 t. T. 2: Poemy*. [Complete Collection of Poems: in 2 vols. Vol. 2: Poems]. Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., 1936. (In Russian).
9. Lermontov M.Y. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy: v 2 t. T. 1: Stikhotvoreniya i dramy. 1828–1836* [Complete Collection of Poems: in 2 vols. Vol. 1: Poems and Dramas. 1828–1836]. Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., Leningradskoye otdeleniye Publ., 1989. (In Russian).
10. Zaliznyak A.A. *Grammaticheskiy slovar' russkogo yazyka* [Russian Grammar Dictionary]. Moscow, Russian Language Publ., 1980, 880 p. (In Russian).
11. Ryleyev K.F. *Dumy* [Thoughts]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 255 p. (In Russian).
12. Delvig A.A. *Sochineniya: Stikhotvoreniya; Stat'i; Pis'ma* [Writings: Poems; Articles; Letters]. Leningrad, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1986, 472 p. (In Russian).

13. Bryusov V.Y. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1973. (In Russian).
14. Tikhonov A.N., Boyarinova L.Z., Ryzhkova A.G. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian Personal Names]. Moscow, School-press Publ., 1995, 733 p. (In Russian).
15. Balmont K.D. *Sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Knigovek Publ., 2010. (In Russian).
16. Tsvetayeva M.I. *Sobraniye sochineniy: v 7 t. T. 3. Kn. 1: Poemy. Poemy-skazki* [Collected Works: in 7 vols. Vol. 3. Bk 1: Poems. Poems-Tales]. Moscow, Terra Publ., Knizhnaya lavka – RTR Publ., 1997. (In Russian).
17. Vaginov K.K. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. Tomsk, Vodoley Publ., 1998. (In Russian).
18. Sluchevskiy K.K. *Stikhotvoreniya i poemy* [Verses and Poems]. Moscow, Sovetsky Pisatel Publ., 1962, 468 p. (In Russian).
19. Nayman A. [Stikhotvoreniya] [Poems]. *Arion: zhurnal poezii* [Arion: a Poetry Journal], 1996, no. 1, pp. 9-13. (In Russian).
20. Sosnora V.A. *Vsadniki* [Riders]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1969, 111 p. (In Russian).
21. Gumilev N.S. *Sochineniya: v 3 t. T. 1: Stikhotvoreniya* [Works: in 3 vols. Vol. 1: Poems]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1991. (In Russian).
22. Evgenyeva A.P. (ed.-in-chief). Slovar' russkogoyazyka: v 4 t. [Dictionary of Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Russian Language Publ., 1981, vol. 1, 698 p. (In Russian).
23. Esenin S.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: in 7 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2002. (In Russian).
24. Blok A.A. *Sobraniye sochineniy: v 9 t.* [Collected Works: in 9 vols.]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1962. (In Russian).
25. Nartsissov B. *Pis'mo samomu sebe* [A Letter to Myself]. Moscow, Vodoley Publ., 2009. (In Russian).
26. Nabokov V. *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg, Academic Project Publ., 2002. (In Russian).
27. RozhdestvenskiyV. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetsky Pisatel Publ., 1985.(In Russian).
28. Voznesenskiy A. *Sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Collected Works: in 3 vols.]. Moscow, Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1983, vol. 1. (In Russian).
29. Bolshakov K.A. *Solntse na izlete* [The Sun is on the Wane]. Moscow, Tsentrifuga Publ., 1916. (In Russian).
30. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1955–1956, vol. 1. (In Russian).
31. Krylov I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy: v 3 t.* [Complete Works: in 3 vols.]. Moscow, State Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1946, vol. 3, 615 p. (In Russian).
32. Klychkov S. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Paris, YMCA-PRESS, 1985, 183 p. (In Russian).
33. Ivanov V.I. *Sobraniye sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. City of Brussels, Foyer Oriental Chretien Publ., 1971–1987. (In Russian).
34. Veltman A.F. *Romany* [Novels]. Moscow, Sovremennik Publ., 1985, 524 p. (In Russian).

Информация об авторе

Вэн Цзятун, аспирант, кафедра русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация, ong.valentine@yandex.ru, https:// orcid.org/0000-0002-3152-5120

Вклад в статью: общая концепция статьи, поиск и анализ художественной и научной литературы, написание и оформление статьи.

Статья поступила в редакцию 03.04.2021
Одобрена после рецензирования 12.05.2021
Принята к публикации 17.05.2021

Information about the author

Jiatong Weng, Post-Graduate Student, Russian Language and Its Teaching Methods Department, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation ong.valentine@yandex.ru, https:// orcid.org/0000-0002-3152-5120

Contribution: main study conception, literary and scientific literature search and analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 03.04.2021
Approved after reviewing 12.05.2021
Accepted for publication 17.05.2021

В конце 2020 года в издательстве Российского университета дружбы народов вышла в свет монография Г.Н. Трофимовой и В.В. Барабаша «Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации)»[1]. Этот труд – по сути продолжение дважды переизданной монографии Г.Н. Трофимовой «Языковой вкус интернет-эпохи в России: функционально-сущностные доминанты».

Авторы монографии – известные учёные. Галина Николаевна Трофимова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, Заслуженный работник культуры РФ, почётный профессор Хеньанского университета (КНР), член редколлегий журналов “Cuadernos de rusística española”, «Неофилология», заместитель председателя Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, член Союза журналистов России. Виктор Владимирович Барабаш – доктор филологических наук, профессор, декан и заведующий кафедрой массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов, почётный профессор Хеньанского университета (КНР), член Союза журналистов России.

В монографии, с одной стороны, продолжается обзор тех языковых и речевых процессов, которые – под влиянием развития компьютерных и новых информационных технологий – начали формироваться ещё в 2000-е гг. Но в то же время разговор идёт уже о нарастающих последствиях интернет-эпохи в России, которая переросла в эпоху цифровизации, медиатизации и роботизации. Неслучайно своё введение авторы посвящают России в вихре информационных потоков и ситуации, которую они обозначают как «цифра против информации».

Анализируя современную ситуацию, авторы указывают на нарастающую радикализацию в обществе, ведущую к нарушениям информационной безопасности, – прежде всего в лингвистическом аспекте, – информационным войнам, а также проявлениям речевой агрессии и лингвистического экстремизма.

Монография предназначена для учёных и практиков в сфере филологии, лингвистики, массовой коммуникации и журналистики, а также может быть полезна для студентов и слушателей различных обучающих курсов.

В поле зрения авторов находится широкий спектр вопросов не только лингвистического характера, но и связанные с цифровой коммуникацией, информационной и лингвистической безопасностью, а также особенности создания учебного курса по русскому языку в Интернете для иностранцев.

Заключение монографии посвящено так называемым афтершокам цифрового взрыва, к которым авторы относят усиление нарушений информационного права в лингвистическом аспекте, обострение проблем в обеспечении этого права. К опасным ситуациям нарушения информационного права авторы относят проблемы языковой и стилистической грамотности, речевой агрессии и лингвистического экстремизма, – всё, что является последствием намеренного или спонтанного искажения смысла вербальных сообщений, в которых содержится информация.

Авторы подчёркивают, что интернет-технологии открыли перед недобросовестными производителями информации возможность создания лживых информационных сообщений, получивших название фейкньюс и ставших популярным инструментом информационных противостояний и даже войн в медийном интернет-пространстве.

Рассматривая информационное сообщение в качестве бумеранга, брошенного в гущу многомиллионной интернет-аудитории и организующего сетевое медиапространство, авторы отмечают, что, в отличие от его реального прототипа, сетевой информацион-

[1] *Трофимова Г.Н., Барабаш В.В.* Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации): монография. М.: РУДН, 2020. 270 с. ISBN 978-5-209-10161-1

ный бумеранг собирает на своём пути массу попутных реакций и возвращается, обременённый синергетическим откликом Интернета, под которым в данном случае мы подразумеваем коллективную, наделённую разумом ноосферу.

Авторы приходят к выводу о том, что послевкусие интернет-эпохи в России оборачивается обострённым стремлением к сохранению, сбережению, репрезентации ценностей, личности, общества и государства в цифровой среде, значение языка и стиля выходит на другой уровень, когда от речевых интенций и языковых потенций зависит безопасность и эффективность личности, общества, коммуникации и культуры в Интернете.

Таким образом, утверждают авторы, кривизна зеркала медиакоммуникаций, в которых отражаются современные отношения, оказалась обусловлена переходом информационных технологий к сугубо цифровым решениям, что сопровождается усилением искажающих тенденций, а интернет-эпоха в России постепенно переходит в цифровую эпоху, которая даст новые импульсы функционированию русского языка.

Актуальность исследования подтверждается также неослабевающим интересом к ежегодной конференции «Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура», которая проводится Г.Н. Трофимовой и В.В. Барабашом в качестве соруководителей организационного и программного комитетов конференции. В апреле 2021 г. 5-я Международная научно-практическая конференция собрала рекордное количество участников: 227 представителей из 13 стран, 20 зарубежных и 195 российских вузов.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛ «НЕОФИЛОЛОГИЯ»

Отправка статей

Рукопись может быть послана в Объединенную редакцию научных журналов по электронной почте ilina@tsutmb.ru или главному редактору А.С. Щербак ant_scherbak@mail.ru

Требования к оформлению основного текста. Объем статьи от 0,5 до 1,0 п.л. (20–40 тыс. знаков с пробелами).

1) Статья должна быть набрана в программе Microsoft Word, формат А4, поля по 2 см с каждой стороны. Шрифт Times New Roman. Размер шрифта 14. Выравнивание по ширине. Межстрочный интервал полуторный (1,5). Абзацный отступ – 0,7. Переносы включены. Все страницы рукописи с вложенными таблицами, рисунками, подписями к рисункам, списком литературы должны быть пронумерованы. Шрифтовые выделения в самом тексте статьи допускаются в виде *курсива* или **полужирным** шрифтом.

2) Обязательно предоставление PDF формата статьи с подписями всех авторов.

3) Отдельным файлом прилагаются **сведения обо всех авторах статьи** (Имя, Отчество, ФАМИЛИЯ полностью), с указанием его (их) ученого звания, ученой степени, должности, места работы (полное название организаций, к которым приписан автор, а не аббревиатура, почтовый адрес организации, адреса электронной почты всех авторов, ORCID каждого автора), номеров контактных телефонов (с кодом города) и контактного адреса электронной почты.

Для аспирантов и докторантов – наименование специальности, почтового адреса (с индексом для доставки номеров журналов согласно подписке). Аспиранты, докторанты, соискатели вправе представить рекомендацию научного руководителя.

Сведения об авторах указываются на русском и английском языках.

4) Необходимо также ознакомиться с Авторским договором (публичной офертой), подписать и выслать в адрес редакции Согласие на обработку персональных данных (см. на сайте журнала http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Dogovor_Neofilologiya_rus.pdf, http://journals.tsutmb.ru/upload/vest/Soglasie-rus.pdf).

Рукописи на иностранных языках (английском, немецком, французском, китайском, казахском, узбекском, македонском, польском) и на русском языке (для иностранцев) должны быть в обязательном порядке отредактированы носителем языка с указанием его ФИО и адреса электронной почты. Ссылки внутри статьи на иностранном языке должны быть даны на том языке, на котором опубликована работа. Список литературы также должен быть дан с источниками на языке, на котором работа издана.

При подаче в редакцию статьи на языке, отличном от русского, необходимо убедиться, что были использованы векторные шрифты для иноязычного текста, конвертируемые в формат pdf/A при размещении журнала в системы приема обязательного электронного экземпляра Российской книжной палаты и Российской государственной библиотеки.

Структура статьи

В верхнем левом углу листа проставляется код **УДК** (http://teacode.com/online/udc/), который должен достаточно подробно отражать тематику статьи.

Далее по центру жирным шрифтом печатается **Название статьи** (прописная буква только первая), оно должно быть точным и кратким (не более 107 знаков с пробелами), с учетом того, что триада: название, ключевые слова, аннотация представляют собой единую структуру, термины в которой не должны дублировать друг друга.

Ниже обычным шрифтом – **Имя и Отчество** (сначала! полностью), **ФАМИЛИЯ автора**(ов).

Строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). В отношении организаций необходимо, чтобы был указан официально принятый английский вариант наименования.

ORCID (https://orcid.org/register).

E-mail каждого автора.

Ниже через строку помещается текст аннотации на русском и английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в соответствии с ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация» в обязательном порядке должна включать предмет, актуальность и цель исследования; метод или методологию проведения работы; результаты; область применения результатов работы; выводы (например, Обосновано…, доказано…, проанализировано…, сформировано… Сделан вывод…).

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (5–6 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Благодарности и ссылки на номера грантов. Информация об источниках финансирования, лица, внесшие вклад в выполнение работы, недостаточный для признания авторства (не принимающие на себя ответственность за содержание работы, но оказавшие техническую, финансовую, интеллектуальную помощь), должны быть перечислены (с их письменного согласия) в разделе «Благодарности» (Acknowledgements).

Ещё через строку помещают основной текст статьи.

Рекомендуемая структура научной статьи (рубрикация желательна):

введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);

постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;

результаты исследования: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

список литературы (обязательно). Список литературы должен включать 10 и более источников, ссылка на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список литературы в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические источники, опубликованные за последние 5 лет (не менее 50 %), желательны иностранные источники;

References (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо указать фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания соавторов согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языке.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подпись автора (авторов).

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации и ключевых слов ответственность несет автор (авторы) статьи.

Пристатейные библиографические списки цитируемой литературы

Ссылки на литературу являются **ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ** атрибутом любой научной статьи. Указание в списке всех цитируемых работ обязательно.

Библиографические ссылки в списках литературы оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и даются в порядке очередности цитированных источников, например [1, с. 25], или [3; 4], или [5–12].

В **Список литературы *не включаются*** неопубликованные работы, учебники, учебные пособия, диссертации, нормативно-правовые акты, архивные материалы, статистические сборники, интернет-ресурсы, содержащие банки данных курсовых, ненаучных и научно-популярных источников (википедии), рефератов и т. п. Примечания и пояснения автора(ов), которые оформляются в виде подстрочных библиографических ссылок. *Примеры* в тексте статьи даются курсивом без кавычек. Названия источников примеров, фамилии авторов примеров (с указанием инициалов) заключаются в круглые скобки, страницы не указываются.

Редколлегия обращается с просьбой к авторам: если Вам известно, что статья или монография, на которую Вы ссылаетесь, изданная на русском языке, имеет англоязычный вариант (например, журнал переводится на английский или монография была переведена с английского языка), пожалуйста, укажите после ссылки на русском языке ссылку на английском языке с тем же номером.

Контакты

Юридический адрес редакции журнала: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Фактический адрес редакции журнала: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 190г
Телефон редакции: 8 (4752) 72-34-34 доб. 0440
Сайт: http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html (на русском языке)
http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng.html (на английском языке)
Электронная почта: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru
Журнал предоставляет открытый доступ к своему контенту в НЭБ eLIBRARY.RU (https://elibrary.ru/title_about.asp?id=64820), «КиберЛенинке» (https://cyberleninka.ru/journal/n/neofilologiya)